ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

16+

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Научный журнал

www.online-science.ru

№ 7
2025

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 7 от 25.07.2025

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

**Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.**

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

**Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО
«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, доктор юридических наук, профессор, руководитель программ магистрской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета им И.Т Трубилина;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir D. Zelensky, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Doctor of Law, Professor, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of the Kuban Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета, г. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Ображиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot';

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западносибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., **Понеделков А.В.**, **Вакула И.М.**
Значение национальных проектов «Продолжительная и активная жизнь»
и «Молодежь и дети» для достижения национальных целей развития России 13

Вологина Е.В., **Плотников В.В.**
Литературное премирование как институт легитимизации детективного жанра 19

Гасайниева У.Б.
Социокультурные паттерны цифровой компетентности:
как медицинские инженеры воспринимают искусственный интеллект? 28

Касьянов В.В., **Самыгин П.С.**, **Самыгин С.И.**
Региональная молодежная политика в современной России:
основные проблемы и перспективы реализации 32

Кумыков А.М., **Атласкиров А.Р.**
Региональные особенности формирования межнациональных отношений
в Кабардино-Балкарской Республике 39

Лукичев П.Н., **Жуни Ханин**
Спойлерное управление конфликтом этноконфессиональных группировок:
сирийский цивилизационный разлом 47

Передерий В.А., **Плотников В.В.**, **Стригуненко И.К.**
Социокультурные модели времени как фактор социализации личности 55

Плотников Н.В., **Передерий В.А.**, **Стригуненко Ю.В.**
Институт образования в парадигме структурного функционализма 61

Плотников В.В., **Денисова Г.С.**
Габитус студентов-юристов и восприятие правовых ценностей
и допустимости нарушения закона 67

Русакова М.М.
Саморегуляция групп девиантного поведения на примере проституции 73

Сабанов З.М.
Социально-экономические аспекты социального обслуживания инвалидов в РФ 79

Тамбиянц Ю.Г., **Дулунц Г.А.**, **Халакоев М.М.**
Идеология маскулинности в контексте социальной динамики: российский опыт (статья 2) 85

Тужба Э.Н., **Пупкова Ю.В.**
Глобализация как мировой процесс: теоретический анализ 97

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Белкин С.Я., **Бунёв М.Ю.**
Правовое регулирование участия Российской Федерации в договорных отношениях 107

Бируля А.С.
Консервативная государственно-правовая идеология России:
генезис, периодизация, течения 114

Глоба Э.Ю.
Отдельные аспекты деятельности следователя по делам
о возмещении ущерба, причиненного государству 120

Лозинский О.И.
Криминалистические характеристики и свойства микробиома человека:
здорового; страдающего заболеваниями и патологиями;
в зависимости от вариативных факторов влияния 125

Лозовский Д.Н.
Зарубежный опыт использования биометрических технологий
в процессе расследования преступлений 131

Матвеева Е.Ю.
О кодификации гражданского права в странах Европы 137

Милица А.В., **Лозовский Д.Н.**
К вопросу о понятии «ложные показания» 142

Наседкин Ю.В.
Ситуационный подход в преодолении противодействия
государственному обвинению 148

Наумова Н.В., **Евтюхова А.В.**
Особенности системы местного самоуправления в Российской Федерации
в условиях реформирования 154

Нехай А.Ю.
Проблемы и перспективы конституционно-правового регулирования
межнациональных отношений в Российской Федерации 160

Финкель М.В.
Перспективы обеспечения криминологической безопасности
цифрового предпринимательства 165

Чимаров С.Ю.
Зарубежная научная и юридическая мысль
о теоретико-правовых основах патриотизма 169

Ястребова А.А.
Теоретико-правовой анализ проблемы имплементации современных технологий
в Арбитражных судах России 175

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Калашникова И.В., **Акимов Д.В.**, **Сигитова М.А.**, **Козырская И.Е.**
Социально-демографические вызовы рынка труда Дальнего Востока России 183

Лаврова А.П.
Обеспечение продовольственной безопасности на региональном уровне 193

Сигитова М.А.
Проблемы адаптации работников: поколенческий аспект 200

Федосеев И.В., **Тан Шаофан**
Исследование путей развития сельского хозяйства Китая
в рамках стратегии возрождения сельских районов: опыт первых лет 206

Фейгин Г.Ф., **Бобровникова Е.А.**, **Афанасьева К.В.**
Перспективы региональной интеграции стран БРИКС+:
сравнительный анализ БРИКС+ и Андского сообщества наций 216

Цыкин Г.С.
Методы осуществления экспертно-аналитических мероприятий внешнего
и внутреннего государственного финансового контроля, перспективы их развития 224

Червова Н.В.
Формирование благоприятного имиджа приграничного города
на примере г. Хабаровска 233

Чжан Вэнь, **Ярцева К.М.**
Инновационная система Китая: возможности для адаптации в России? 239

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, **Alexander V. Ponedelkov**, **Ivan M. Vakula**
The Importance of the national projects «Long and active life» and «Youth and children»
for the achievement of Russia's national development goals 13

Ekaterina V. Vologina, **Vladimir V. Plotnikov**
Literary prizes as an institution for legitimizing the detective genre 19

Ubaydat B. Gasaynieva
Sociocultural patterns of digital competence:
how do medical engineers perceive artificial intelligence? 28

Valery V. Kasyanov, **Peter S. Samygin**, **Sergy I. Samygin**
Regional youth policy in modern Russia:
main problems and prospects for implementation 32

Aues M. Kumykov, **Albert R. Atlaskirov**
Regional peculiarities of the formation of interethnic relations
in the Kabardino-Balkarian Republic 39

Pavel N. Lukichev, **Zhuni Khanin**
Spoiler management of the conflict of ethnic and religious groups:
the syrian civilizational rift 47

Veronika A. Perederiy, **Valery V. Plotnikov**, **Ivan K. Strigunenko**
Sociocultural models of time as a factor of personality socialization 55

Napoleon V. Plotnikov, **Veronika A. Perederiy**, **Yulia V. Strigunenko**
Institute of education in the paradigm of structural functionalism 61

Vladimir V. Plotnikov, **Galina S. Denisova**
Habitus of law students and perception of legal values and the admissibility of violating the law 67

Maya M. Rusakova
Self-regulation of groups of deviant behavior on the example of prostitution 73

Zaurbek M. Sabanov
Socio-economic aspects of social services for the disabled in the Russian Federation 79

Julian G. Tambiyants, **Hrachik A. Dulunts**, **Murat M. Khalakoev**
Ideology of masculinity in the context of social dynamics:
russian experience (Article 2) 85

Emir N. Tuzhba, **Yulia V. Pupkova**
Globalization as a global process: a theoretical analysis 97

JURISPRUDENCE

Simeon Ya. Belkin, **Maxim Yu. Bunyov**
Regulation of participation of the Russian Federation in contractual relations 107

Alexander S. Birulya
Conservative state-legal ideology of Russia: genesis, periodization, currents 114

Eduard Yu. Globa
Selected aspects of the investigator's activities
in cases of reimbursement of damages caused to the state 120

Oleg I. Lozinsky
Forensic characteristics and properties of the human microbiome:
healthy; suffering from diseases and pathologies;
depending on variable factors of influence 125

Denis N. Lozovsky
Foreign experience in using biometric technologiesin the process of investigating crimes 131

Elena Yu. Matveeva
On the codification of civil law in European countries 137

Anna V. Militza, **Denis N. Lozovsky**
On the issue of the concept of «false testimony» 142

Yuriy V. Nasedkin
Situational approach in overcoming opposition to state prosecution 148

Natalya V. Naumova, **Anna V. Evtyukhova**
Features of the local government system in the Russian Federation
under the conditions of reform 154

Asiet Yu. Nekhay
Problems and prospects of constitutional and legal regulation
of interethnic relations in the Russian Federation 160

Marina V. Finkel
Prospects for ensuring criminological security of digital entrepreneurship 165

Sergey Yu. Chimarov
Foreign scientific and legal thought on the theoretical and legal basis of patriotism 169

Anna A. Yastrebova
Theoretical and legal analysis of the problem of implementation
of modern technologies in arbitration courts of Russia 175

ECONOMIC SCIENCES

Irina V. Kalashnikova, **Denis V. Akimov**,
Marina A. Sigitova, **Irina E. Kozyrskaya**
Social and Demographic challenges of the Russian Far East labor market 183

Alevtina P. Lavrova
Ensuring food security at the regional level 193

Marina A. Sigitova
Problems of adaptation of workers: generational aspect 200

Igor V. Fedoseev, **Tan Shaofan**
Exploring china's agricultural development in a rural revitalization strategy:
early years experience 206

Grigory F. Feygin, **Elizaveta A. Bobrovnikova**, **Kseniya V. Afanasyeva**
Prospects for regional integration of BRICS countries:
comparative analysis of BRICS+ and the andes community 216

Gleb S. Tsykin
Methods of implementation of expert and analytical measures of external
and internal state financial control, prospects for their development 224

Natalya V. Chervova
Formation of a favorable image of a border city using the example of Khabarovsk 233

Zhang Wen, **Kristina M. Yartseva**
China's Innovation system: opportunities for adaptation in Russia 239

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

:

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-1
УДК 314; 37; 61

Attribution
cc by

ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ «ПРОДОЛЖИТЕЛЬНАЯ И АКТИВНАЯ ЖИЗНЬ» И «МОЛОДЕЖЬ И ДЕТИ» ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аверин А.Н.[1], Понеделков А.В.[2], Вакула И.М.[3]
[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
[2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
[3]Ростовский юридический институт МВД России

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется национальными целями развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» направлен на достижение национальной цели развития – сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи. Национальный проект «Молодежь и дети» направлен на достижение национальных целей развития – реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; устойчивая и динамичная экономика. Цель статьи состоит в рассмотрении национальных проектов – «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь и дети» на 2025 – 2030 годы. Объектом исследования являются данные национальные проекты, методами исследования – статистический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция.

К полученным результатам относится использование паспортов национальных проектов – «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь и дети». Рассмотрены цели и положительная динамика показателей национальных проектов, их финансовое обеспечение. Основным выводом является признание значения национальных проектов для сохранения населения, укрепления здоровья и повышения благополучия людей, поддержки семьи, реализация потенциала каждого человека, развития его талантов, воспитания патриотичной и социально ответственной личности; обеспечения комфортной и безопасной среды для жизни, устойчивой и динамичной экономики.

В обзоре литературы следует отметить, что после начала реализации национальных проектов с 2025 года прошло немного времени, поэтому появились статьи, в основном, в печатных средствах массовой информации. В процессе реализации национальных проектов до 2030 года, несомненно, появятся статьи, в которых будет анализироваться их результаты.

Ключевые слова: дети, динамика, заболевание, здоровье, мероприятие, молодежь, образование, национальная цель, национальный проект, показатель, продолжительная и активная жизнь, федеральный проект, финансовое обеспечение, цель.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE IMPORTANCE OF THE NATIONAL PROJECTS «LONG AND ACTIVE LIFE» AND «YOUTH AND CHILDREN» FOR THE ACHIEVEMENT OF RUSSIA'S NATIONAL DEVELOPMENT GOALS

Alexander N. Averin[1], Alexander V. Ponedelkov[2], Ivan M. Vakula[3]
[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
[2]South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
[3]Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036. The national project

© Аверин А.Н., Понедеков А.В., Вакула И.М.

«Long and Active Life» is aimed at achieving the national development goal – preserving the population, improving health and well-being of people, supporting the family. The national project «Youth and Children» is aimed at achieving national development goals – realizing the potential of each person, developing his talents, educating a patriotic and socially responsible personality; comfortable and safe living environment; A sustainable and dynamic economy. The purpose of the article is to consider the national projects – Long and Active Life, Youth and Children for 2025–2030. The object of the research is these national projects research methods – statistical method, analysis and synthesis, deduction and induction.

The results obtained include the use of passports of national projects – Long and Active Life, Youth and Children. The goals and positive dynamics of indicators of national projects, their financial support are considered. The main conclusion is the recognition of the importance of national projects for preserving the population, strengthening health and improving the well-being of people, supporting the family, realizing the potential of each person, developing his talents, educating a patriotic and socially responsible personality; ensuring a comfortable and safe living environment, a sustainable and dynamic economy.

In the literature review, it should be noted that little time has passed since the start of the implementation of national projects in 2025, so articles have appeared mainly in the print media. In the process of implementing national projects until 2030, articles will undoubtedly appear in which their results will be analyzed.

Keywords: children, dynamics, disease, health, event, youth, education, national goal, national project, indicator, long and active life, federal project, financial support, goal.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Целью национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» является увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и до 81 года к 2036 году, в том числе опережающий рост показателей ожидаемой продолжительности здоровой жизни [1].

Цель национального проекта «Молодежь и дети» заключается в становлении и развитии поколения российских граждан патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного, способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее развитие России [3].

Обсуждение. Результаты.

В рамках национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» предусмотрена реализация 11 федеральных проектов:

– «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации»;

– «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями»;

– «Борьба с онкологическими заболеваниями»;

– «Борьба с сахарным диабетом»;

– «Борьба с гепатитом С и минимизация рисков распространения данного заболевания»;

– «Совершенствование экстренной медицинской помощи»;

– «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация»;

– «Национальная цифровая платформа «Здоровье»;

– «Развитие федеральных государственных учреждений и сети национальных медицинских исследовательских центров»;

– «Здоровье для каждого»;

– «Медицинские кадры».

Рассмотрим мероприятия и динамику показателей национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» в 2025–2030 годы [2].

К 2030 году доступность диагностики и лечения онкологических заболеваний позволит увеличить на 7 % количество пациентов со злокачественными новообразованиями, живущих более пяти лет – доля людей, живущих пять и более лет с момента установления диагноза злокачественного новообразования, – 63,9 % и 67 %.

К 2030 году доступность диагностики, профилактики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний позволит в 2,5 раза увеличить число людей с болезнями системы кровообращения, проживших предыдущий год без острых сердечно-сосудистых событий, – увеличение числа людей с болезнями системы кровообращения, проживших предыдущий год без острых сердечно-сосудистых событий, – 5 % и 10 %.

Повышение качества и доступности медицинской помощи для профилактики, диагностики и лечения сахарного диабета, увеличение продолжительности жизни больных сахарным диабетом к 2030 году – доля больных с сахарным диабетом 1 и 2 типов, находящихся под диспансерным наблюдением в созданных и оснащенных в ходе

© Аверин А.Н., Понедеков А.В., Вакула И.М.

федерального проекта региональных медицинских подразделениях от числа людей, подлежащих такому наблюдению, – 18 % и 85 %.

К концу 2030 года не менее 55 % населения должны быть удовлетворены оказанием медицинской помощи – доля людей, принятых с целью оказания первичной медико-санитарной помощи одним передвижным подразделением в год, от расчетной пропускной способности одного передвижного подразделения – 76 % и 100 %, доля пациентов, состоящих под проактивным наблюдением за состоянием здоровья, использующих оборудование с дистанционной передачей данных составит 5 % и 20 %, доля населения, которой доступна первичная медико-санитарная помощь в модернизированных медицинских подразделениях, – 75 % и 100 %, доля пациентов, состоящих под проактивным наблюдением за состоянием здоровья, использующих оборудование с дистанционной передачей данных, – 5 % и 20 %, доля людей с хроническими неинфекционными заболеваниями, состоящих на диспансерном наблюдении на участке врача-терапевта, получивших в отчетном периоде медицинские услуги в рамках диспансерного наблюдения, от всех пациентов с хроническими неинфекционными заболеваниями, состоящих на диспансерном наблюдении на участке врача – терапевта, – 50 % и 70 %, доля населения, которой доступна первичная медико-санитарная помощь в модернизированных медицинских подразделениях, – 75 % и 100 %, доля людей, принятых с целью оказания первичной медико-санитарной помощи одним передвижным подразделением в год, от расчетной пропускной способности одного передвижного подразделения – 76 % и 100 %, удовлетворенность населения медицинской помощью по результатам оценки общественного мнения – 53 % и 55,2 %.

Увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, к 2030 году в 1,5 раза – доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, – 10,5 % и 13,6 %, ожидаемая продолжительность жизни при рождении сельского населения – 73,26 и 76,9 лет, ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 74,5 и 78 лет, ожидаемая продолжительность здоровой жизни – 63,08 и 68 лет.

Утверждены показатели по хроническому вирусному гепатиту С. К концу 2030 года будет обеспечено снижение заболеваемости хроническим вирусным гепатитом С не менее, чем на 15 %, смертности не менее, чем на 20 %, что обеспечит сохранение не менее чем 98000 жизней – доля пациентов с хроническим вирусным гепатитом С, данные о которых внесены в Федеральный регистр вирусных гепатитов, из числа зарегистрированных пациентов с хроническим вирусным гепатитом С – 90 % и 95 %, доля пациентов с хроническим вирусным гепатитом С, данные о которых внесены в Федеральный регистр вирусных гепатитов, обеспеченных лекарственными препаратами в амбулаторных условиях, от общего числа пациентов с хроническим вирусным гепатитом С, состоящих под диспансерным наблюдением, – 3,82 % и 10 %, охват скринингом на наличие антител к вирусному гепатиту С людей из групп повышенного риска – 7,52 % и 7,52 %, доля пациентов с хроническим вирусным гепатитом С, данные о которых внесены в Федеральный регистр вирусных гепатитов, обеспеченных лекарственными препаратами, в условиях дневного стационара в рамках обязательного медицинского страхования, от общего числа пациентов с хроническим вирусным гепатитом С, состоящих под диспансерным наблюдением, – 5,1 % и 15 %, доля пациентов, излечившихся от хронического вирусного гепатита С, от обеспеченных лекарственными препаратами – 42,07 % и 43,46 %.

К 2030 году будет увеличена обеспеченность системы здравоохранения медицинскими кадрами – обеспеченность населения врачами, работающими в медицинских организациях, участвующих в реализации программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, на 10 тыс. населения – 42,07 % и 43,46 %. 100% пациентам доступна медицинская помощь, оказываемая в экстренной форме – увеличение доли пациентов, поступивших на койку суточного пребывания приемных отделений медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь в условиях круглосуточного стационара, от общего числа пациентов, поступивших в круглосуточный стационар, – 0,68 % и 1,24 %. Будет обеспечена доступность для граждан вне зависимости от места проживания медицинской помощи с применением передовых технологий диагностики и лечения - доля пациентов, которым оказана высокотехнологичная медицинская помощь в модернизированных федеральных медицинских, научных и образовательных (при наличии клиник) организациях, от общего количества пациентов, которым оказана высокотехнологичная медицинская помощь в федеральных медицинских, научных и образовательных (при наличии клиник) организациях – 27 % и 57 %, дифференциация ожидаемой продолжительности жизни при рождении между городским и сельским населением – 1,67 и 1,48 лет.

К 2030 году должна будет увеличиться на 26,5 % возможность восстановления здоровья после перенесенных заболеваний и травм путем проведения мероприятий по медицинской реабилитации – увеличено число людей, получивших медицинскую помощь по медицинской реабилитации, – 4 % и 26,5 %.

Национальная цифровая платформа «Здоровье» обеспечивает персонализированный (индивидуальный) подход к лечению пациентов, сокращение сроков постановки диагноза, повышение приверженности пациентов назначенному лечению – доля пациентов с социально-значимыми хроническими неинфекционными заболеваниями, которым доступен проактивный мониторинг состояния здоровья с использованием цифровых сервисов – 5 % и 100 %.

© Аверин А.Н., Понедеков А.В., Вакула И.М.

Финансовое обеспечение национального проекта составляет 2 трлн 053 млрд 226 млн 990,21 тыс. рублей, в том числе федеральный бюджет – 1 трлн 808 млрд 445 млн 486,30 тыс. руб., бюджеты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации – 1 трлн 016 млрд 920 млн 076,06 тыс. руб., консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации – 935 млрд 875 млн 019,65 тыс. руб.

Цель национального проекта «Молодежь и дети» заключается в становлении и развитии поколения российских граждан патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного, способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее развитие России [3]. Структура национального проекта включает 9 федеральных проектов:

– Россия страна возможностей;

– Мы вместе (Воспитание гармонично развитой личности);

– Россия в мире;

– Все лучшее детям;

– Ведущие школы;

– Педагоги и наставники;

– Создание сети современных кампусов;

– Университеты для поколения лидеров;

– Профессионалитет.

Ключевые мероприятия национального проекта:

– реализовать 6942 мероприятия, направленные на воспитание подрастающего поколения формирования личности в рамках самого масштабного детского движения страны – Движение первых;

– обеспечить участие в программе «Больше, чем путешествие» к 2030 году 390 тыс. человек;

– привлечь 20 тыс. человек для проведения Всемирного фестиваля молодежи;

– создать единый цифровой профиль иностранного студента на базе суперсервиса «Поступление в вуз онлайн»;

– организовать преподавание русского языка и предметов на русском языке за рубежом;

– во всех федеральных округах сформировать сеть из 12 передовых школ;

– построить 150 школ;

– создать образовательно-производственные центры (кластеры) и образовательные кластеры среднего профессионального образования;

– создать сети кампусов мирового уровня в вузах;

– реализовать самую масштабную государственную программу поддержки университетов «Приоритет-2030»;

– активизировать подготовку высококвалифицированных инженерных кадров, для чего будут созданы передовые инженерные школы;

– провести единовременные компенсационные выплаты учителям в рамках реализации программы «Земский учитель» для 7,5 тыс. человек;

– ежегодно обеспечить более 800 тыс. выплат денежного вознаграждения за классное руководство.

Рассмотрим мероприятия и динамику показателей национального проекта в 2025 – 2030 годы [4].

Мероприятиями по профессиональной самореализации к 2030 году будут охвачены не менее 75 % молодежи – доля молодых людей, верящих в возможность самореализации в России, – 83 % и 85 %; участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание, – 38,2 % и 75,1 %.

Планируется снизить кадровый дефицит учителей в общеобразовательных организациях – доля педагогических работников для всех уровней образования, прошедших обучение по программам дополнительного профессионального образования на основе актуализированных профессиональных стандартов на базе ведущих образовательных организаций высшего образования и научных организаций должна составить 1,25 % и 10 %.

К 2030 году доля молодых людей, вовлеченных в добровольческую и общественную деятельность должна достигнуть 31,7 % и 45,8 %. С этой целью к 2030 году будут созданы условия для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а индекс создания условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно нравственных и культурно-исторических ценностей должен составить 75 % и 95 %. Доля проектов в сфере культуры, искусства и народного творчества, финансируемых государственными институтами развития, в рамках которых должно быть обеспечено продвижение и защита традиционных российских духовно нравственных ценностей на уровне 64 % и 80 %.

Должно быть обеспечено расширение международного сотрудничества в сфере образования за счет увеличения численности иностранных граждан, в том числе студентов, охваченных образовательными проектами и программами, а численность иностранных студентов, обучающихся по образовательным программам высше-

© Аверин А.Н., Понедеков А.В., Вакула И.М.

го образования в российских образовательных организациях высшего образования и научных организациях должна составить 410 тыс. и 500 тыс. человек.

Будет создано единое образовательное и воспитательное пространство, направленное на выявление, поддержку и развитие способностей и талантов, самоопределение и профессиональную ориентацию детей и молодежи на основе принципов ответственности, справедливости, всеобщности, обеспечивающий 100-процентный охват обучающихся системой мер по выявлению, поддержке и развитию их способностей и талантов, основанной на принципах ответственности, справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию.

Заключение.

Национальные проекты «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь и дети» являются важными инструментами реализации национальных целей развития Российской Федерации, на достижение которых они направлены.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь». – URL : http://government.ru
2. Паспорт. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь». – URL : https://dzhmao.admhmao.ru
3. Национальный проект «Молодежь и дети». – URL : http://government.ru
4. Паспорт национального проекта «Молодежь и дети». – URL : https://minobrnauki.gov.ru

References:

1. The National Project «Long and Active Life». – URL : http://government.ru
2. Passport. The National Project «Long and Active Life». – URL : https://dzhmao.admhmao.ru
3. The National Project «Youth and Children».– URL : http://government.ru
4. Passport of the national project «Youth and children».– URL : https://minobrnauki.gov.ru

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич
доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Понеделков Александр Васильевич
доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Вакула Иван Михайлович
доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт МВД России
ORSID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Alexander N. Averin
Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow

Alexander V. Ponedelkov
Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Ivan M. Vakula
Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department of humanitarian
and Socio-Economic Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORSID: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

© Аверин А.Н., Понедеков А.В., Вакула И.М.

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Аверин А.Н., Понедеков А.В., Вакула И.М.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-3
УДК 316.4

Attribution
cc by

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРЕМИРОВАНИЕ КАК ИНСТИТУТ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

Вологина Е.В.[1], Плотников В.В.[2]
[1]Кубанский государственный университет,
[2]Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация. В статье исследуется роль литературных премий как социального института, способствующего легитимации детективного жанра. Детективная литература, долго считавшаяся «низовой» и сугубо массовой, в течение XX–XXI вв. постепенно получила признание как полноправная часть литературного канона. Прослеживается мировая эволюция премирования детективных произведений – от первых наград, присужденных детективам в середине XX века, до современного множества специализированных и общелитературных премий. Опираясь на сравнительно-исторический и социологический анализ, авторы выявляют, как механизм премирования одновременно отражает существующие вкусы читательской публики и критиков и формирует новые, повышая статус жанра и его создателей. В результате показано, что литературные премии институционализируют детектив как уважаемый жанр: они интегрируют «низовую» литературу в культурный мейнстрим, влияют на символический статус авторов и произведений, и тем самым перестраивают иерархию литературного поля.

Ключевые слова: литературные премии, детективный жанр, легитимация, литературный канон, социология литературы, массовая литература, институционализация жанра, символический капитал.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LITERARY PRIZES AS AN INSTITUTION FOR LEGITIMIZING THE DETECTIVE GENRE

Ekaterina V. Vologina[1], Vladimir V. Plotnikov[2]
[1]Kuban State University,
[2]Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. The article examines the role of literary prizes as a social institution that contributes to the legitimization of the detective genre. Detective literature, long considered «grassroots» and purely mass, gradually gained recognition as a full-fledged part of the literary canon during the 20th–21st centuries. The article traces the global evolution of detective prizes – from the first awards given to detectives in the mid-20th century to the modern multitude of specialized and general literary prizes. Based on comparative historical and sociological analysis, the authors reveal how the prize mechanism simultaneously reflects the existing tastes of the reading public and critics and forms new ones, raising the status of the genre and its creators. As a result, it is shown that literary prizes institutionalize detective fiction as a respected genre: they integrate «grassroots» literature into the cultural mainstream, influence the symbolic status of authors and works, and thus restructure the hierarchy of the literary field.

Keywords: literary prizes; detective genre, legitimation, literary canon, sociology of literature, popular literature, institutionalization of genre, symbolic capital.

Funding: independent work.

Введение.

Детективный жанр, зародившийся в середине XIX века (с рассказов Эдгара По и романов Артура Конан Дойля), на протяжении долгого времени относился к сфере популярной «низовой» литературы. Его воспринимали, главным образом, как развлекательное чтиво, противопоставленное «высокой» литературе. Вплоть до середины XX века критики и академическое сообще-

© Вологина Е.В., Плотников В.В.

ство почти не включали детективы в канон серьезной литературы. Так, вплоть до недавних десятилетий книги этого жанра выделялись отдельными отделами магазинов, словно их необходимо держать отдельно от «настоящей» литературы [5]. Тем не менее, массовая популярность детектива росла, стирая границы между «низким» и «высоким» в культуре. Возник вопрос: Как жанр, изначально считавшийся маргинальным, смог получить признание и статус, сопоставимый с традиционной «высокой» литературой?

С точки зрения социологии литературы, включение детективной прозы в литературный канон можно рассматривать через призму концепции легитимации. Легитимация жанра – это процесс приобретения им культурного признания и символического статуса.

Французский социолог Пьер Бурдье отмечал, что признание в литературном поле связано с наличием институтов и механизмов, накапливающих и распределяющих символический капитал – престиж, авторитет, «право считаться литературой» [2]. К числу таких механизмов относятся литературная критика, академические исследования, включение в учебные программы – и, важнейшим образом, литературные премии. Получение известной премии значительно повышает статус автора и произведения в культурной иерархии, превращая успех у читателей в признание со стороны элиты.

Таким образом, литературное премирование выступает мощным институтом легитимации.

Цель исследования – показать, как механизм литературных премий способствовал превращению детективного жанра из маргинального явления массовой культуры в признанную часть литературного канона. Мы рассматриваем этот процесс в глобальной перспективе, анализируя историю премий, вручавшихся за детективные произведения – от момента учреждения первых наград середины XX века до сегодняшнего дня. В центре внимания – социологические аспекты премирования: как премии одновременно отражают вкусы общества и формируют их; как они функционируют в институциональном контексте литературного поля; и какое влияние оказывают на статус жанра и его авторов.

Материалы и методы. Исследование выполнено в формате теоретико-прикладного анализа с опорой на междисциплинарный подход (социология литературы, история культуры). Применен компаративно-исторический метод для прослеживания эволюции отношения к детективному жанру через призму литературных наград в разных странах. Для сбора фактов использованы достоверные источники: хроники литературных премий (их уставы, списки лауреатов, исторические обзоры), мемуары и высказывания писателей, критические статьи. В рамках социологического подхода применялся метод кейс-стади: детально рассмотрены ключевые примеры премий (кейсы), сыгравших заметную роль в легитимации детектива. Отобраны примеры первых премий (США, Франция, Великобритания, Япония), а также последующие вехи – случаи, когда детективные романы получали высокие награды или признавались критиками. Проводится контент-анализ сопутствующего дискурса: официальных формулировок целей премий, отзывов критики, интервью лауреатов. Это позволяет выявить, какие ценности и критерии качества ассоциировались с детективным жанром на разных этапах. Теоретической основой интерпретации результатов служат положения социологии культуры о поле литературы (П. Бурдье) и концепции консекрации (освящения) художественных произведений через институты признания. Также учитываются работы по истории детективного жанра и его рецепции (например, исследования Б. Дубина о массовом признании детектива в культуре. Подобное сочетание методов позволило увязать конкретные исторические данные (факты о премиях и лауреатах) с общими социологическими механизмами функционирования литературного поля.

Результаты.

Переломным моментом в истории легитимации детектива стало учреждение первых специализированных литературных премий, посвященных этому жанру, в середине XX века. Эти премии возникли в англоязычном мире вскоре после Второй мировой войны, когда рос спрос на качественную жанровую литературу и сформировалось сообщество писателей, стремившихся повысить престиж своего труда.

Показательно, что уже при создании первых премий декларировалась цель «дополнить достоинством» детективный жанр. Так, в 1945 году в США Ассоциация детективных писателей Америки (Mystery Writers of America, MWA) учредила ежегодную премию имени Эдгара Аллана По (Edgar Award), справедливо решив увековечить имя «отца детектива» Эдгара По. По словам писательницы Дороти Хьюз, вспоминавшей зарождение этой премии, это был сознательный шаг «к возвышению статуса автора детективов, к повышению значимости его труда» [6]. Иными словами, внутри профессионального сообщества возникло понимание, что институциональное признание (в виде награды) способно трансформировать внешний имидж жанра. Уже на первом вручении премии Эдгара По в 1946 году лауреатом в категории «лучший первый роман» стал Джулиан Фаст за детектив «Watchful at Night» [6]. Факт проведения торжественного банкета и внимания прессы к лауреату сигнализировал о вступлении детектива в поле «литературных событий».

Практически одновременно аналогичные процессы происходили в других странах. Во Франции в 1948 году писатель и критик Морис-Бернар Эндреб инициировал Grand Prix de Littérature Policière – первую во Франции премию за лучший

© Вологина Е.В., Плотников В.В.

криминальный роман года. Уже первое присуждение этой награды (роману «Le Cinquième procédé» Лео Мале, 1948) обозначило, что даже в стране с сильными традициями «высокой» литературы признана необходимость отдельно чествовать детективный жанр.

В Великобритании к началу 1950-х детективы также завоевали огромную популярность (назревал послевоенный «бум» чтения), но до поры воспринимались снобистски [7]. В 1953 г. английские авторы во главе с Джоном Кризом создали Ассоциацию писателей-криминалистов (Crime Writers' Association, CWA) по образцу американской, а уже в 1955 г. провели первое вручение собственной жанровой награды – так называемой премии «Crossed Red Herring» (переименованной затем в «Золотой кинжал» CWA). Этой первой британской премии был удостоен роман «The Little Walls» писателя Уинстона Грэма.

Таким образом, к середине 1950-х в США, Франции и Великобритании – ключевых центрах развития детективной литературы – сформировалась система ежегодных премий, выделенных специально для жанра.

Премии способствовали институционализации детективной литературы: появление жюри, церемоний награждения, пресс-релизов и освещения в СМИ создавало вокруг жанра ореол серьезности. Детективные романы начали восприниматься как произведения, достойные критического разбора и сравнения на уровне качества. Например, в 1955 г. лауреатами первых премий становились такие произведения, которые отвечали определенным художественным критериям – новизне сюжета, психологической глубине, стилю, – тем самым задавая стандарты качества внутри жанра.

Следующим этапом стало расширение географии и тематических категорий премирования. В Японии уже в послевоенные годы возникло мощное детективное движение: в 1947 г. там образована Ассоциация писателей детективного жанра Японии, которая с конца 1940-х начала присуждать собственную премию (Mystery Writers of Japan Award). Примечателен случай 1957 года: престижную премию этой ассоциации получил молодой автор Сэйте Мацумото за рассказ «Лицо» («Kao»). Награда Мацумото имела далекоидущие последствия для японской литературы: отмеченное жюри произведение ознаменовало рождение т.н. «социальной школы» детектива, в которой преступление рассматривалось как симптом социальных проблем.

Таким образом, через механизм премирования японское литературное сообщество фактически санкционировало новый, более «серьезный» поджанр – социальный детектив, расширив эстетические рамки жанра.

К 1960-м годам детективный жанр уже обладал собственной инфраструктурой премий и сообществ, что позволило лучшим произведениям выходить на международный уровень признания.

Показательна история романа Джона ле Карре «Шпион, который пришел с холода» (1963) – шпионского детектива, совмещающего жанровую интригу с глубоким психологизмом и социальной критикой. Этот роман стал первым, который одновременно завоевал две высшие награды: Gold Dagger в Великобритании и Edgar Award в США. Фактически, ле Карре своим успехом доказал, что детективное произведение способно удостоиться высоких похвал по обе стороны Атлантики, тем самым преодолевая прежние предубеждения. В дальнейшем, все больше подобных примеров: в 1970-е скандинавские авторы Май Шевалль и Пэр Вале получили американскую премию Эдгара По за роман «Смеющийся полицейский», открыв миру скандинавский полицейский роман; в 1980-е британская писательница П.Д. Джеймс, пишущая детективы, стала общепризнанной фигурой и получила от королевы титул баронессы (хотя это и не литературная премия, а государственная награда, она отражает рост статуса детективных авторов).

В постсоветской России также происходила постепенная легитимация жанра через премирование. Советский Союз не знал литературных премий за детективы (официозные награды присуждались преимущественно идеологически выверенной «большой» прозе), однако, в 1990-е с коммерциализацией книжного рынка детективы стали лидировать по тиражам.

Современный этап характеризуется интеграцией детективного жанра в общий литературный процесс.

С одной стороны, продолжают существовать и множиться специализированные награды: помимо упомянутых Edgar, Dagger и др., появились премии «Agatha Award» (США, с 1988, за традиционный детектив в духе Агаты Кристи), «Anthony Award» (международная, с 1986, в рамках конвента Bouchercon), «Glass Key Award» (Скандинавия, с 1992) и десятки других национальных призов (в Германии, Италии, Австралии, Китае и т.д.).

С другой стороны, детективы начинают проникать в шорт-листы крупных общелитературных премий. Пример – включение в лонг-лист Букеровской премии 2018 г. остросюжетного романа-триллера «Snap» Белинды Бауэр (Великобритания). Хотя до сих пор жанровые романы редко выигрывают «Букера» или «Гонкуровскую премию», сам факт их номинирования свидетельствует об изменении отношения. Кроме того, нередко, экранизации и международные бестселлеры, изначально детективные, получают премии в смежных областях (кинематографические «Оскары», телевизионные «Эмми» для сериальных экранизаций), что косвенно повышает и литературный престиж первоисточников.

Ниже, в таблице 1, приведены примеры ключевых премий и наградных случаев, сыгравших заметную роль в процессе легитимации детективного жанра.

© Вологина Е.В., Плотников В.В.

Таблица 1

Примеры премий и наград, способствовавших росту престижа детективного жанра

Год	Страна	Премия (награда)	Лауреат (произведение)	Влияние на жанр
1946	США	Премия Эдгара Аллана По (Edgar Award) – учреждена MWA	Джулиан Фаст, «Watchful at Night» (Лучший дебютный детектив)	Первая жанровая премия: профессиональное сообщество США «освятило» детектив, заявив о его достоинствах. Повысила статус авторов-дебютантов в жанре
1948	Франция	Grand Prix de Littérature Policière (Гран-при детективной литературы)	Лео Мале, «Le Cinquième procédé»	Первая премия за криминальный роман во Франции: институционализировала детектив во французской литературе, сблизила «полицейский роман» с литературным мейнстримом
1955	Великобритания	Премия CWA «Золотой кинжал» (Gold Dagger, ранее Crossed Red Herring)	Уинстон Грэм, «The Little Walls»	Первый британский приз за детектив: закрепил присутствие жанра в официальной литературной жизни. Задавал жанровой канон качества на национальном уровне
1957	Япония	Премия Mystery Writers of Japan Award	Сэйте Мацумото, рассказ «Лицо» («Као»)	Признание нового типа детектива (социально-критического). Премия подтвердила художественный потенциал детектива для отражения социальных проблем, расширив границы жанра
1963	Великобритания, США	«Золотой кинжал» CWA и Edgar Award (лучший роман)	Джон ле Карре, «Шпион, который пришел с холода»	Первый случай одновременного триумфа на двух крупнейших англоязычных премиях. Международное признание подтвердило, что детективный роман может обладать высокой литературной ценностью и глобальным резонансом
1971	Швеция, США	Edgar Award (лучший роман) – переводное произведение	Май Шевалль и Пэр Вале, «Смеющийся полицейский» (пер. с шведского)	Один из первых переводных детективов, получивших высшую американскую награду. Ознаменовал открытость англо-американского рынка к чужим традициям, поднял авторитет скандинавского детектива
2000	Россия	Премия «Антибукер» (номинация «Братья Карамазовы»)	Борис Акунин, «Коронация, или Последний из Романов»	Первое награждение детективного романа отечественной общелитературной премией. Свидетельство признания жанра интеллектуальной критикой РФ; детектив вошел в широкий литературный контекст
2018	Великобритания	Длинный список премии Ман Букер (Man Booker Prize Longlist)	Белинда Бауэр, «Snap» (триллер)	Попадание детектива/триллера в шорт-лист ведущей литературной премии. Сигнал стирания границ между «жанровой» и «нежанровой» литературой, показатель изменения вкусов жюри в сторону признания остросюжетных форм

Анализ эволюции литературных премий, связанных с детективным жанром, демонстрирует несколько ключевых тенденций:

– во-первых, количественный рост самих наград и география их распространения;

– во-вторых, качественное изменение характера отмечаемых произведений;

– в-третьих, сближение жанрового и общего литературного поля.

Если в середине XX века можно было говорить лишь о нескольких специализированных премиях (в основном в США и Европе), то к началу XXI века их насчитываются десятки и даже сотни по всему миру. Практически каждая страна с развитой литературой учредила собственную награду для детективной или криминальной прозы. Например, в странах Северной Европы с 1992 г. вручается скандинавская премия «Стеклянный ключ» (Glasnyckeln) лучшему детективу региона; в Германии с 1985 г. присуждается «Deutscher Krimipreis»; в Испании существуют премии «RBA» и «Planeta», часто достающиеся авторам детективов; в Латинской Америке появились премии имени Борхеса и др. за криминальные романы. Это свидетельствует о институциональном закреплении жанра: наличие специализиро-

© Вологина Е.В., Плотников В.В.

ванной награды стало нормой литературного процесса, что, само по себе, подтверждает легитимность детектива как неотъемлемой части национальных литератур.

Одновременно, некоторые изначально жанровые премии приобрели столь высокий авторитет, что их влияние выходит за рамки жанра. Например, американская Edgar Award или британский Gold Dagger регулярно упоминаются в широкой прессе наряду с Пулитцеровской и Букеровской премиями; их лауреаты (в особенности иностранные) сразу переводятся на другие языки.

Таким образом, жанровые премии стали еще и каналом интернационализации детективной литературы.

Первые детективные премии 1940–50-х годов в основном отмечали произведения, соответствующие классическим канонам жанра – интеллектуальным головоломкам или крепко скроенным триллерам. Однако по мере повышения статуса премий и самого жанра, жюри становилось смелее в выборе. Уже в 1960–70-е начинаются награждения детективов, отступающих от формульных схем – с серьезной психологической проработкой, социальной тематикой, экспериментальным стилем. К примеру, роман «Черный и синий» (1997) шотландского писателя Иэна Рэнкина, представляющий жесткий социальный нуар, получил Gold Dagger, хотя далек от классического «детектива-загадки». Тем самым, премии поощряли эволюцию жанра, стимулируя авторов выходить за шаблоны.

Более того, со временем детективные награды стали включать дополнительные номинации, отражающие диверсификацию жанра: лучший исторический детектив, лучший шпионский триллер, лучший «крутой» роман и пр., например, британская CWA ныне вручает отдельные «кинжалы» за исторический детектив, за нехудожественное исследование о преступлении, за дебют, за переводной роман и т.д. Такое дробление – признак зрелости жанра, внутри которого возникли свои подканоны. С одной стороны, это позволяет признанию охватить более широкий спектр текстов. С другой – показывает, что границы детектива раздвинулись настолько, что требуют специальной классификации. В этом смысле, премии выполняют и роль навигатора вкуса для читателей: отметка «лауреат такой-то номинации» информирует, чего ожидать (классической загадки, или триллера, или экспериментального жанра).

Самая важная тенденция – постепенное размывание барьеров между детективным жанром и высоколитературным каноном. Здесь премии сыграли двоякую роль. С одной стороны, наличие обособленных жанровых наград долгое время сохраняло дистанцию: критики могли считать, что раз у детектива есть свои премии, то на «общие» он не посягает. Действительно, долгое время ни один детективный роман не получал, к примеру, Национальную книжную премию в США или Гонкуровскую премию во Франции. Но, с другой стороны, постепенное накопление престижных наград самим жанром создало ситуацию, когда некоторые детективы начали восприниматься как общепризнанные шедевры, стоящие в одном ряду с лучшими образцами литературы вообще. Произошла своего рода канонизация жанра через параллельный канон премий. Например, по опросам международного жюри, в число лучших романов XX века нередко включаются «Десять негритят» Агаты Кристи или «Долгое прощание» Рэймонда Чандлера – книги, которые, хотя и не получали «академических» наград, но увенчаны славой и премиями в своей области и теперь признаются классикой мировой литературы.

Показательно также высказывание известного писателя Иэна Рэнкина, который отметил, что «лучшие детективы ничуть не уступают остальным произведениям из литературного канона», указывая на то, что сегодня авторы криминального жанра поднимают глубочайшие проблемы общества наравне или даже успешнее, чем так называемые «литературные» романисты [5]. В университетских программах Запада с 2000-х гг. появляются курсы по детективной литературе, где изучаются лауреаты жанровых премий, – еще один индикатор легитимации.

Таким образом, сформировался двунаправленный процесс: с одной стороны, детективы проникают в элитарный канон, с другой – сам канон расширяется, включая новые жанры.

Обсуждение.

Результаты исторического обзора премирования детективного жанра подтверждают, что литературные премии выступают эффективным механизмом изменения статуса жанра в обществе. Развернем обсуждение вокруг трех аспектов, заявленных в цели исследования: отражение и формирование вкусов, институциональный контекст функционирования премий, влияние на статус жанра и авторов. Литературные награды одновременно реагируют на существующий запрос аудитории и направляют этот запрос. С одной стороны, жюри премий не могут полностью игнорировать читательские симпатии: как правило, в число номинантов попадают успешные в продаже или обсуждаемые книги.

Таким образом, премии отражают вкусы эпохи. Например, массовая популярность классических загадочных детективов в середине XX века обусловила победы именно таких романов (Агата Кристи, Джон Диксон Карр и др. получали награды читательских симпатий). С другой стороны, наделяя лауреатов особым статусом, премии сами формируют вкусы, направляя внимание публики на новые имена и тенденции. Так, присуждение премии роману с нестандартной тематикой может расширить читательский интерес. Вспомним случай с японским «социальным детективом» Мацумото: после получения им пре-

© Вологина Е.В., Плотников В.В.

мии 1957 г. увеличился спрос на детективы, затрагивающие социальные проблемы [1]. Подобным образом, каждое награждение жанровой премией нетипичного детектива (например, исторического, постмодернистского и т.п.) вводит новый вкус.

Кроме того, повестка дня, транслируемая премиями, влияет на общественное восприятие жанра. Если критики публично отмечают, что детективный роман – лауреат, например, освещает «глубины человеческой психологии» или «ставит социальный диагноз эпохе», то у широкой публики и медиа складывается мнение, что детектив – это не только разгадка тайны, но и нечто большее. Тем самым, премии изменяют дискурс о жанре: из разговоров о «детективах-убийцах времени» он смещается к обсуждению художественных достоинств, тематики, актуальности лауреатов. В итоге, общественный вкус утончается: читатели начинают ценить в детективе не только интригу, но и стиль, характеры, правдивое изображение действительности – те параметры, на которые указывают премиальные рецензии.

Премирование детективной литературы стало возможным лишь тогда, когда сложились соответствующие институты: писательские ассоциации, экспертные сообщества, спонсоры и организаторы. Создание Mystery Writers of America или Crime Writers' Association – это создание подполя внутри литературного поля (в терминологии Бурдье), со своими правилами игры. Эти институты аккумулировали символический капитал жанра и начали его инвестировать через премии в публичное пространство. Например, MWA осознанно придала своей премии статусную форму: ежегодный банкет в Нью-Йорке, именитые ведущие, привлечение внимания прессы [3]. За счет этого, сама церемония стала актом легитимации – детективные писатели получили публичную платформу, сравнимую с «академиками литературы».

Институциональный аспект важен и потому, что премии часто связывают разные уровни культурного поля. Так, в жюри жанровых премий постепенно начали входить не только сами писатели, но и литературные критики, издатели, ученые, тем самым мост между миром «детектива» и «большой» литературы становился прочнее. Некоторые премии учреждались при поддержке крупных издательств или фондов (например, во Франции – серия детективных премий при крупных газетах), что обеспечило финансовую устойчивость и медийный охват.

К началу XXI века премии в детективном жанре стали частью индустрии наград (то, что Дж. Инглиш назвал «экономикой престижа» литературы): вручение наград транслируется, обсуждается, спонсируется коммерческими партнерами (вплоть до телевидения). С одной стороны, это свидетельство полной институционализации – детективные премии ничем не уступают по размаху и организации премиям за литературную прозу в целом. С другой стороны, возможно и влияние рынка: крупные издатели склонны продвигать своих авторов, что порой вызывало споры о объективности наград. Тем не менее, в целом институциональная поддержка привела к тому, что качество отбора лауреатов жанровых премий стало достаточно высоким и заслужило доверие. Сегодня фраза «лауреат премии Эдгара По» служит знаком качества для читателей во всем мире.

Рассмотренные исторические примеры показывают, что премирование наделяет как жанр в целом, так и отдельных его представителей новым статусом. В первую очередь, премии помогли преодолеть стигму низкого жанра. Когда произведение получает премию, особенно если церемония привлекает известных литераторов, оно автоматически приобретает легитимность – его уже сложнее назвать «бульварным чтивом». Неслучайно даже советские писатели-детективщики в 1970-е гг. неофициально гордились переводными наградами (например, братья Вайнеры получили приз на конкурсе в Италии в 1978 г.), видя в этом признание своего труда.

Для авторов премии служат мощным стимулом и ресурсом карьеры. Лауреаты жанровых премий получают дополнительные возможности: рост продаж (книги часто переиздаются с пометкой о награде), новые контракты, приглашения выступать на фестивалях. Многие впоследствии переходят и к общелитературным наградам. Например, ирландский писатель Джон Бэнвилл, начавший как автор детективов под псевдонимом Бенджамин Блэк (лауреат премий в жанре), позднее получил Букеровскую премию за «литературный» роман. В обеих ипостасях его признание взаимодействовало – детективная работа добавила ему популярности, а «высокая» премия укрепила статус, который ретроспективно распространился и на его жанровые книги.

Более общим эффектом стало появление канона авторов детектива – т.е. списка «классиков жанра», воспринимаемых с уважением. Этот канон во многом формировался именно через премирование (формально – через присуждение почетных премий «За заслуги»). Так, MWA ежегодно присуждает звание Grand Master («Великий мастер детектива») выдающимся авторам, и к настоящему времени в этом списке более 70 имен – своего рода «академия» детективной литературы (включая Агату Кристи, Джона ле Карре, Стивена Кинга и др.). Наличие таких институционально закрепленных классиков окончательно узаконивает детектив: он обладает собственной историей, традицией, пантеоном. Эту практику переняли и другие страны: в Британии учреждены особые награды памяти Агаты Кристи, в России – премии «Русский детектив» (с 2019 г.), нацеленные прямо на «повышение статуса жанра в литературном сообществе» [8]. К

© Вологина Е.В., Плотников В.В.

настоящему времени в России ежегодно вручается несколько премий за детектив и остросюжетную литературу, а имена популярных авторов (Донцова, Маринина и др.) прочно входят в публичное культурное пространство [4].

Важно отметить, что, хотя достижения в премировании существенно подняли статус детектива, полная паритетность с «большой» литературой еще не достигнута. Некоторые престижные общие премии по-прежнему обходят вниманием жанровые произведения. В интервью в 2005 г. Иэн Рэнкин заметил, что определенная «жанровая сегрегация» сохраняется и, например, детективному роману до сих пор трудно выиграть Букеровскую премию [3]. Он назвал это следствием снобизма, уходящего корнями в академическое образование, но выразил надежду, что ситуация меняется, поскольку детективы уже появились в университетских программах. Действительно, академическая легитимация – следующий этап: защиту диссертаций по детективному жанру, включение его в школьные хрестоматии можно считать признаками окончательного вхождения в канон. Отчасти этому тоже помогают премии: появление авторов-лауреатов (например, Умберто Эко с его детективным романом «Имя розы», получившим Премию «Strega» в Италии) в перечнях лауреатов национальных премий позволяет педагогам и профессорам смелее включать их в изучаемую литературу.

Обобщая, можно утверждать, что литературные премии выполнили функцию социального лифта для детективного жанра. Они не только отметили лучшие образцы, но и постепенно изменили общественное мнение о детективах. Жанр обрел двойной статус: сохранив популярность у массового читателя, получил и знаки признания элиты. В этом и состоит уникальная социокультурная роль института премирования – связать воедино разные слои культурного потребления, выступить посредником между «народным» и «элитарным». Применительно к детективу, эта роль оказалась особенно заметной, поскольку стартовые условия жанра находились на противоположном конце от канона.

Заключение.

Проведенное исследование подтверждает, что механизм литературного премирования сыграл ключевую роль в легитимации детективного жанра в культуре.

В исторической перспективе, премии сначала создали для детектива собственное пространство признания, где жанр мог развиваться и самосовершенствоваться под присмотром экспертного сообщества. Затем, накопив достаточно престижа, детективные награды начали влиять и на общее литературное поле, постепенно стирая жесткое разграничение между «жанровой» и «нежанровой» литературой.

К началу XXI века детективные романы прочно обосновались в литературном каноне многих стран: они изучаются, экранизуются, переводятся, включаются в списки величайших книг. Этого положения жанр достиг, во многом благодаря институциональной поддержке – деятельности ассоциаций авторов и вручению премий, которые узаконили ценность детектива в глазах скептиков.

Важно отметить, что легитимация – процесс двусторонний. Литературные премии не просто навязали жанру признание извне; они также стимулировали внутренний рост качества. Стремление авторов получить награду мотивировало создание более сложных, новаторских детективных произведений, выходящих за рамки штампов.

Таким образом, премирование способствовало и эволюции жанра. Социологически выражаясь, детективный жанр сумел преобразовать свой обширный экономический капитал популярности (миллионные тиражи) в символический капитал культурного признания – и литературные награды стали главным инструментом этой конверсии. Тем не менее, результаты показывают и сохранение некоторых элементов иерархии: полное равенство с «высокой» литературой достигается постепенно и требует дальнейшего развития диалога. Вероятно, в будущем граница между жанрами продолжит размываться – уже сейчас многие гибридные формы (детектив плюс исторический роман, философский детектив и др.) получают высокие награды. Опыт детективного жанра может служить моделью и для других некогда маргинальных жанров (фантастика, комикс-графический роман и т.п.), которые идут по схожему пути легитимации через собственные премии и фестивали.

Подводя итог, можно заключить: литературное премирование проявило себя как действенный социальный институт, интегрирующий разные уровни культурного поля. В случае детективного жанра этот институт выполнил функцию «социального лифта» в литературе – поднял жанр с низовых позиций к вершинам канона, одновременно сохранив его связь с широкой аудиторией.

Детектив перестал быть стигматизированным «низким» чтивом и занял достойное место в литературной системе, оставаясь при этом верным своему предназначению – отражать и исследовать те проблемы общества, которые волнуют массового читателя [1].

Тем самым, процесс легитимации детективного жанра иллюстрирует более общий принцип: популярная литература при благоприятных институциональных условиях может преобразоваться и получить признание, не утрачивая своей самобытности. Литературные премии выступают катализатором этого процесса, соединяя воедино вкусы публики, критиков и институций.

© Вологина Е.В., Плотников В.В.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Bennetto J. Crime writers are denied prizes by literary snobs, says Rankin // The Independent. 2005. 19 Dec. URL : https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/news/crime-writers-are-denied-prizes-by-literary-snobs-says-rankin-520011.html (дата обращения 17.04.2025).
2. Bourdieu P. The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford, CA : Stanford University Press, 1996. 432 p.
3. Crime Writers' Association (CWA). The CWA's history // Official website: Crime Writers' Association. 2020. URL : https://thecwa.co.uk/about-the-cwa/the-cwas-history (date of application 17.04.2025).
4. English J.F. The Economy of Prestige: Prizes, Awards, and the Circulation of Cultural Value. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. 416 p.
5. Franks R. A Taste for Murder: The Curious Case of Crime Fiction // M/C Journal. 2014. № 17(1). URL : https://journal.media-culture.org.au/index.php/mcjournal/article/view/770 (date of application 12.04.2025).
6. Mystery Writers of America (MWA). MWA History (Edgar Award History) // MysteryWriters.org. URL : https://mysterywriters.org/about-mwa/mwa-history (date of application 17.04.2025).
7. Symons J. Bloody Murder: From the Detective Story to the Crime Novel. London : Penguin Books, 1992. 286 p.
8. Дубин Б.В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 352 с. С. 76–83.

References:

1. Bennetto J. Crime writers are denied prizes by literary snobs, says Rankin // The Independent. 2005. 19 Dec. URL : https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/news/crime-writers-are-denied-prizes-by-literary-snobs-says-rankin-520011.html (date of application 17.04.2025).
2. Bourdieu P. The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford, CA : Stanford University Press, 1996. 432 p.
3. Crime Writers' Association (CWA). The CWA's history // Official website: Crime Writers' Association. 2020. URL : https://thecwa.co.uk/about-the-cwa/the-cwas-history (date of application 17.04.2025).
4. English J.F. The Economy of Prestige: Prizes, Awards, and the Circulation of Cultural Value. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. 416 p.
5. Franks R. A Taste for Murder: The Curious Case of Crime Fiction // M/C Journal. 2014. № 17(1). URL : https://journal.media-culture.org.au/index.php/mcjournal/article/view/770 (date of application 12.04.2025).
6. Mystery Writers of America (MWA). MWA History (Edgar Award History) // MysteryWriters.org. URL : https://mysterywriters.org/about-mwa/mwa-history (date of application 17.04.2025).
7. Symons J. Bloody Murder: From the Detective Story to the Crime Novel. London : Penguin Books, 1992. 286 p.
8. Dubin B. V. Classics, after and next to: Sociological essays on literature and culture. M. : New Literary Review, 2010. 352 p. P. 76–83.

Информация об авторах

Вологина Екатерина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент,
заведующая кафедрой электронных СМИ
и новых медиа,
Кубанский государственный университет
vokal@list.ru

Плотников Владимир Валериевич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры философии,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Ekaterina V. Vologina
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Electronic Media
and New Media,
Kuban State University
vokal@list.ru

Vladimir V. Plotnikov
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor Professor
of the Philosophy Department,
Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;

© Вологина Е.В., Плотников В.В.

профессор кафедры ГМУ,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
kal@list.ru

Professor of the Department
of State and Municipal Management,
Plekhanov Russian University of Economics
kal@list.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Вологина Е.В., Плотников В.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-29
УДК 316

Attribution
cc by

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАТТЕРНЫ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ: КАК МЕДИЦИНСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ ВОСПРИНИМАЮТ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ?

Гасайниева У.Б.
Волгоградский государственный медицинский университет

Аннотация. Актуальность. Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в сферу здравоохранения обуславливает расширение надпрофессиональных компетенций специалистов, что позволяет прогнозировать изменение культурного кода профессиональных групп.

Цель – прогноз формирования социокультурных паттернов цифровой компетентности медицинских инженеров на модели их отношения к интеграции ИИ в медицинскую отрасль.

Методы исследования. Работа выполнена с применением количественных социологических методов. Проведен социологический опрос медицинских инженеров в условиях образовательной среды вуза (N = 53).

Результаты. Выявлено неоднозначное отношение респондентов к интеграции ИИ в медицину: 32,4 % выражают однозначную поддержку; 35,2 % – позицию сдержанного оптимизма, и в 18,3 % – сдержанного скепсиса, основанного на опасениях по поводу повышения вероятности нештатных ситуаций. В то же время каждый третий респондент ожидает повышение эффективности работы и сокращение доли рутинных операций благодаря ИИ.

Выводы. Внедрение новых технологий требует сопроводительных мероприятий по формированию культуры восприятия инноваций и подготовке инженерного состава к работе в новых условиях, где наряду с техническими навыками востребованы гибкость мышления, этическая ответственность и постоянное профессиональное развитие.

Ключевые слова: медицинские инженеры, социокультурные паттерны, искусственный интеллект, цифровая трансформация здравоохранения.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SOCIOCULTURAL PATTERNS OF DIGITAL COMPETENCE: HOW DO MEDICAL ENGINEERS PERCEIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE?

Ubaydat B. Gasaynieva
Volgograd State Medical University

Abstract. Relevance. The integration of artificial intelligence (AI) into various branches of healthcare causes the expansion of the supra-professional competencies of specialists, which allows us to predict changes in the cultural code of the professional groups.

The Object of the study is to analyze the formation of socio-cultural patterns of digital competence of medical engineers based on the model of their attitude to the integration of AI into the medical industry.

Methods. The work was carried out using quantitative sociological methods. A sociological survey of medical engineers was conducted in the educational environment of the university (N = 53).

Findings. The analysis of the obtained data demonstrates an ambiguous attitude of respondents to the integration of artificial intelligence into the medical industry: only 32.4 % express unequivocal support; in 35.2 % – the position of cautious optimism dominates, in 18.3 % – cautious skepticism, based on concerns about the increase in the number of diagnostic errors and the increased likelihood of emergency situations. The every third respondent expects an increase in work efficiency and a reduction in the share of routine operations thanks to AI.

Conclusions. The introduction of new technologies requires systematic measures to form a culture of perception of innovations and to prepare engineering staff to work in new conditions, where, along with technical skills, flexibility of thinking, ethical responsibility and continuous professional development are in demand.

© Гасайниева У.Б.

Keywords: medical engineers, socio-cultural patterns, artificial intelligence, digital transformation of healthcare.

Funding: Independent work.

Введение.

За последние годы в медицинской практике наблюдается бурное внедрение инновационных технологий, что закономерно связано с развитием цифровых решений. Одной из ключевых тенденций становится интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в различные направления медицинской деятельности, несмотря на то, что теоретические основы ИИ были заложены еще во второй половине XX века [1, с. 572].

Расширяя возможности медицинских специалистов, ИИ выполняет функцию интеллектуального помощника – ускоряет анализ, минимизирует фактор случайности и повышает качество скрининговых исследований. При этом внедрение ИИ не ограничивается лишь распознаванием образов: алгоритмы задействуются в прогнозировании течения заболеваний, отслеживании динамики состояния пациента, автоматизации рутинных процессов [2, с. 16]. Такой переход приводит к новым профессиональным вызовам для медицинских инженеров, на которых теперь возлагается ответственность не только за надёжное функционирование техники, но и за интеграцию комплексных интеллектуальных систем в инфраструктуру лечебных учреждений. Примером может служить обеспечение совместимости программного обеспечения на оборудовании разных производителей или поддержка обновлений ИИ-модулей в условиях клиники [3, с. 270].

Таким образом, появление и развитие ИИ в медицине становится не только технологическим, но и социокультурным вызовом для отрасли, требующем внимания как к вопросам безопасности и эффективности, так и к адаптации профессиональных стандартов медицинских инженеров и персонала в целом к непрерывно обновляющимся требованиям.

Цель исследования – анализ формирования социокультурных паттернов цифровой компетентности медицинских инженеров на модели их отношения к интеграции ИИ в медицинскую отрасль.

Методы исследования. Работа выполнена в проблемном поле социологии культуры с применением количественных социологических методов исследования. Проведен социологический опрос медицинских инженеров в условиях образовательной среды вуза (N = 53). Математическая обработка данных проведена и использованием методов вариационной статистики.

Обсуждение. Результаты.

Оценка отношения медицинских инженеров к применению искусственного интеллекта в диагностических системах выявляет разнонаправленность суждений в профессиональной среде.

Согласно результатам проведённого опроса, лишь треть специалистов демонстрирует безусловный энтузиазм по отношению к ИИ, рассматривая его как значительный прогресс в медицине.

Большинство (35,2 %) занимает сдержанную, осторожную позицию, что указывает на наличие ряда опасений, зачастую связанных с непредсказуемыми последствиями внедрения инновационных решений.

Примерно каждый пятый (18,3 %) отмечает скепсис в отношении ИИ из-за риска диагностических ошибок; 14,1 % – еще не определились с позицией, что может отражать либо недостаточную информированность в данной области, либо реакцию ожидания при столкновении с новыми технологиями.

Анализ восприятия ключевых эффектов ИИ для профессиональной деятельности выявил несколько значимых трендов. Выявляется рост производительности труда за счёт ускорения процессов (26,3 %), что особенно актуально для организаций с высокой нагрузкой на инженерный персонал.

Немного меньше внимания удостоились такие аспекты, как автоматизация настройки медицинской аппаратуры и удалённый доступ к системе (по 23,4 % соответственно), что указывает на стремление к оптимизации рабочих процедур через современные цифровые инструменты.

Снижение рабочей нагрузки воспринято как преимущество 19,2 % респондентов, тогда как устранение неисправностей и высокая точность диагностики с помощью ИИ пока не получили широкого признания среди специалистов (рис. 1).

Вопросы этики и безопасности использования ИИ становятся предметом особого анализа. Главным риском участники опроса считают вероятность утечки персональной информации (23,3 %), за которым следуют опасения по поводу распределения ответственности за возможные ошибки при автоматизированной диагностике (22,2 %). Почти пятая часть респондентов фиксирует проблему сохранения конфиденциальности медицинских данных, а также высокую зависимость врачей и персонала от технологий (18,9 % и 17,8 % соответственно).

Примечательно, что экономические угрозы и тревога по поводу массовой автоматизации вызывают существенно меньший отклик, что иллюстрирует более выраженное беспокойство медицинских инженеров по поводу этико-правовых и организационных последствий внедрения ИИ.

© Гасайниева У.Б.

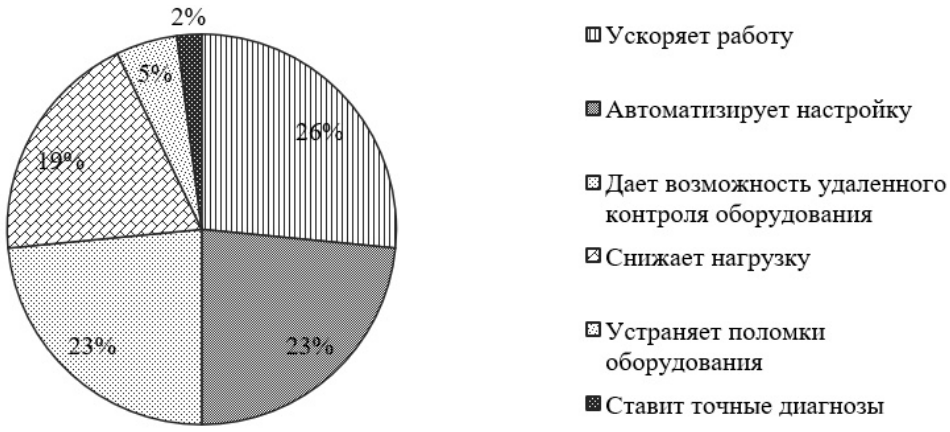

Рисунок 1 – Влияние ИИ на работу медицинских инженеров

Рассматривая риски внедрения ИИ, инженеры, прежде всего, акцентируют внимание на вероятности технических сбоев (29,9 %) – показатель, логично вытекающий из сложности и технологической насыщенности современного медицинского оборудования. Почти столько же опасений вызывает возможность получения ложных диагностических результатов (27,4 %), а также проблемы, связанные с качеством исходных данных для работы алгоритмов (25,5 %). Снижение доверия пациентов к автоматизированным решениям отмечается реже (17,2 %), однако, подобные опасения также нельзя игнорировать в долгосрочной перспективе. Такое распределение рисков подчёркивает актуальность работы над методологией тестирования и прозрачностью функционирования ИИ-систем (рис. 2).

Рисунок 2 – Риски использования ИИ в медицине

Существенные изменения ожидаются в структуре профессиональных ролей медицинских инженеров. Значительная часть респондентов прогнозирует либо оптимизацию части деятельности за счёт автоматизации (29,4 %), либо рост спроса на специалистов, обладающих компетенциями в области работы с ИИ (ещё 29,4 %). Практически равное число участников (28,6 %) подчёркивает важность формирования новых навыков и навыков адаптации. Меньшая часть прогнозирует сокращение необходимости в ручной настройке оборудования (11,1 %), и только единицы (1,6 %) допускают отсутствие каких-либо изменений в профессиональной роли. Такой разброс ответов демонстрирует готовность инженеров к трансформации профессии и необходимости регулярного повышения квалификации.

Отвечая на вопросы о перспективах развития ИИ в медицине, респонденты выделяют превалирование идеи «цифровых больниц» (32,1 %), что говорит о восприятии цифровизации как общего вектора развития отрасли. Интеграцию ИИ в процессы диагностики поддерживают 25,7 % опрошенных, а представление о индивидуальных ИИ – «врачах» для пациентов – 24,8 %. Полная автоматизация (диагностика и лечение без участия врача) рассматривается, скорее, как долгосрочная и менее вероятная перспектива (17,4 %). Эти данные отражают пока ещё осторожное отношение к радикальным изменениям роли человеческого фактора в медицине.

Среди основных социокультурных барьеров внедрения ИИ респонденты, чаще всего, отмечают опасения по поводу потери контроля над процессами (18,3 %), а также недоверие и скеп-

© Гасайниева У.Б.

тицизм как самих сотрудников (15,5 %), так и со стороны пациентов (15,1 %). Не последнюю роль играет и консерватизм административного аппарата медицинских организаций, а также страх старшего поколения специалистов перед инновациями (14,3 % и 11,5 % соответственно). Лишь незначительная часть респондентов видит преграды в недостатке желания учиться, давлении профессиональных сообществ или сложности освоения новых технологий, что указывает на возможность минимизации этих барьеров при грамотной организации образовательных программ.

Наконец, при анализе проблем, возникающих в ходе обучения персонала, основное место занимает сопротивление осваивать новые технологии (20 %) и опасение потерять рабочее место из-за автоматизации процессов (19,5 %).

Скептическое отношение к инновациям и несовместимость ИИ с устаревшими техническими средствами получили по 16,5 % голосов, а нехватка знаний и опыта явилась помехой для 10,5 % респондентов.

Заключение.

Таким образом, появление и развитие ИИ в медицине становится не только технологическим, но и социокультурным вызовом для отрасли, требующим внимания как к вопросам безопасности и эффективности, так и к адаптации профессиональных стандартов медицинских инженеров и персонала в целом к непрерывно обновляющимся требованиям.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости не только комплексных образовательных инициатив, но и создания мотивационного и адаптационного пространства, способствующего принятию технологических изменений в профессиональной среде.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алубин С.В. Роль искусственного интеллекта в современной медицине // Вестник науки. 2025. Т. 1. № 2(83). С. 571–578.
2. Жариков О.Г. Реалии и перспективы развития искусственного интеллекта в медицине / О.Г. Жариков, А.А. Литвин, А.В. Жарикова // Медико-биологические проблемы жизнедеятельности. 2025. № 1(33). С. 15–21.
3. Овсянникова А.В. Перспективы развития применения искусственного интеллекта в медицине / А.В. Овсянникова, Д.С. Буйлов // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2025. № 1. С. 267–271.

References:

1. Alubin S.V. The role of artificial intelligence in modern medicine // Bulletin of science. 2025. T. 1. № 2(83). P. 571–578.
2. Zharikov O.G. Realities and prospects for the development of artificial intelligence in medicine / O.G. Zharikov, A.A. Litvin, A.V. Zharikova // Medical and biological problems of life. 2025. № 1(33). P. 15–21.
3. Ovsyannikova A.V. Prospects for the development of the use of artificial intelligence in medicine / A.V. Ovsyannikova, D.S. Buylov // RISK: Resources, Information, Supply, Competition. 2025. № 1. P. 267–271.

Информация об авторе

Гасайниева Убайдат Буньяминовна
аспирантка кафедры философии, биоэтики и права,
заместитель начальника отдела сопровождения
научно-исследовательских работ,
Волгоградский государственный
медицинский университет
ORCID: 0009-0005-3844-4605
ubayydat@mail.ru

Ubaydat B. Gasaynieva
Postgraduate Student of the Department
of Philosophy, Bioethics and Law,
Deputy Head of the Department for Support
of Scientific Research work,
Volgograd State Medical University
ORCID: 0009-0005-3844-4605
ubayydat@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Гасайниева У.Б.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-28
УДК 316

Attribution
cc by

РЕГИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Касьянов В.В.[1], Самыгин П.С.[2], Самыгин С.И.[3]
[1]Кубанский государственный университет,
[2, 3]Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы и перспективы реализации региональной молодежной политики в современной России, призванной содействовать созданию благоприятных условий для личностного и профессионального развития представителей молодежи, их самореализации в различных сферах общественной жизни. Подчеркивается, что региональная молодежная политика направлена на практическое осуществление в рамках конкретных субъектов РФ комплекса мероприятий и разработку действенных механизмов реализации жизненных устремлений и интересов молодых граждан, удовлетворение разнообразных потребностей представителей молодежи. Авторы отмечают, что российская молодежь в настоящее время объективно нуждается в поддержке со стороны государства и соучастии в решении ряда проблем, затрагивающих наиболее актуальные для молодых людей области их жизнедеятельности, включающие образование и профессиональное становление, трудовую деятельность и построение карьеры, создание семьи и репродуктивную деятельность, а также досуговую активность. Государственная молодежная политика должна быть направлена на становление социально ответственного поколения молодых россиян, характеризующегося патриотическими установками, ориентациями на традиционные духовно-нравственные ценности, и способного к обеспечению национальной безопасности и суверенитета страны, ее конкурентоспособности и эффективного социально-экономического развития.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, региональная молодежная политика, общество, социализация, инфраструктура молодежной политики, самореализация молодежи, молодая семья.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

REGIONAL YOUTH POLICY IN MODERN RUSSIA: MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION

Valery V. Kasyanov[1], Peter S. Samygin[2], Sergy I. Samygin[3]
[1]Kuban State University,
[2, 3]Rostov State University of Economics

Abstract. The article analyzes the main problems and prospects for the implementation of regional youth policy in modern Russia, designed to promote the creation of favorable conditions for the personal and professional development of youth representatives, their self-realization in various spheres of public life. It is emphasized that the regional youth policy is aimed at the practical implementation of a set of measures within the framework of specific subjects of the Russian Federation and the development of effective mechanisms for realizing the life aspirations and interests of young citizens, meeting the diverse needs of youth representatives. The authors note that Russian youth currently objectively need government support and participation in solving a number of problems affecting the most relevant areas of their lives for young people, including education and professional development, work and career development, family creation and reproductive activities, as well as leisure activities. State youth policy should be aimed at the formation of a socially responsible generation of young Russians, characterized by patriotic attitudes, orientations towards traditional spiritual and moral values, and capable of ensuring the national security and sovereignty of the country, its competitiveness and effective socio-economic development.

Keywords: youth, youth policy, regional youth policy, society, socialization, youth policy infrastructure, youth self-realization, young family.

***Funding**:* Independent work.

© Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И.

Введение. Актуальность научного исследования проблем реализации молодежной политики обусловлена тем обстоятельством, что молодежь как особая социально-демографическая группа представляет собой важнейший ресурс для устойчивого и поступательного социально-экономического развития страны.

Будущее России, как и любого другого государства, зависит от того, насколько эффективно в нем будет реализована молодежная политика. При этом современные тенденции в развитии молодежи, связанные, в первую очередь, с возрастанием доступа молодых людей к информации и ростом их социальной активности, предъявляют новые требования к структуре и содержанию политики органов государственной власти различных уровней, направленной на молодежь и призванной содействовать созданию благоприятных условий для личностного и профессионального развития представителей молодежи, самореализации последней в различных сферах жизнедеятельности общества. С точки зрения Президента Российской Федерации В.В. Путина, молодежная политика, по объективным причинам, представляет стратегически значимое для государства направление деятельности: его важность, по мнению главы российского государства, связана с тем, что современная молодежь в ближайшем будущем будет принимать активное участие в реализации основополагающих целей развития страны, которые закрепляются в текстах официальных документах в настоящее время [1].

Молодежь нуждается во всесторонней помощи и поддержке со стороны государства, что будет способствовать реализации потенциала представителей данной группы на благо общества: речь в данном случае идет о построении действенной системы поддержки молодых людей во всей стране, что объясняет интерес к анализу региональной молодежной политики, определению основных проблем и перспектив ее реализации.

Обсуждение. Результаты.

Молодежная политика в целом рассматривается в контексте соответствующей стратегии в качестве неотъемлемой составляющей политики государства, связанной непосредственно с реализацией основополагающих прав, свобод и законных интересов молодежи в различных областях жизнедеятельности общества, обеспечением возможностей для молодых людей успешно социализироваться в социуме и реализовать себя в различных видах социальной активности [2].

Как отмечается в специальных исследованиях, региональная молодежная политика направлена на практическое осуществление в рамках конкретных субъектов РФ комплекса мероприятий и разработку действенных механизмов реализации жизненных устремлений и интересов молодых граждан, удовлетворение разнообразных потребностей представителей молодежи [3]. Иными словами, региональная молодежная политика представляет собой целенаправленную деятельность, осуществляемую органами государственной власти и преследующую цель, связанную со становлением и самореализацией молодежи в тех разновидностях деятельности, которые имеют общественно значимый характер, а также призванную максимально эффективно оптимизировать и координировать имеющиеся в данном регионе ресурсы для оказания действенной поддержки молодежи.

Необходимо отметить, что ст. 72 Конституция РФ относит молодежную политику к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [4].

С точки зрения М.Ф. Глуховой, региональный компонент молодежной политики российского государства представляет особую значимость, поскольку органы законодательной и исполнительной власти отдельных российских регионов поставлены перед объективной необходимостью решать различные проблемы функционирования молодежи, к числу которых данной исследовательницей были отнесены образование и профессиональная подготовка представителей молодого поколения российского общества, обеспечение конкурентоспособности молодых людей на рынке труда, приобретение жилья молодыми российскими семьями, профилактика антиобщественного и противоправного поведения в молодежной среде, формирование ценностей и установок здорового образа жизни и т.д. [5, с. 24–25].

Анализ результатов эмпирических исследований, проведенных крупнейшими всероссийскими социологическими центрами, показывает, что в сознании большинства представителей российской молодежи присутствует ориентация на сильное государство, функционирующее как в федеральном центре, так и на уровне регионов, и осуществляющее активную социальную поддержку молодых граждан. При этом не менее половины представителей молодежи отмечают низкую эффективность мер государственной социальной помощи молодому поколению, констатируют недостаточность участия органов власти в жизнедеятельности молодежи [6, с. 21–22].

Молодежь, в большинстве своем, представляет себе Россию как сильное государство, осуществляющее комплексную заботу о своих гражданах, к числу которых относятся и представители молодежи. Последние ожидают от государства помощи в получении качественного образования, позволяющего добиться успеха в профессиональной деятельности и достичь высокого уровня конкурентоспособности на рынке труда, а также поддержки собственно в трудоустройстве и организации так называемой длинной линии карьерного развития.

Наряду со сферой труда, одной из важных для молодежи областей жизнедеятельности, в кото-

© Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И.

рой они особенно стремятся опереться на поддержку со стороны государства, являются семейная и жилищная сферы. Молодые люди заинтересованы в улучшении жилищных условий, связывая это с собственным семейным и репродуктивным поведением, а государство, с их точки зрения, должно оказать им помощь в приобретении жилья. Иными словами, молодежь ставит свои репродуктивные планы в зависимость от степени успешности своей профессиональной карьеры и личной жизни, а также жилищно-бытовых условий, улучшение которых во многом зависит от соответствующей государственной политики [6, с. 22–23].

Помимо этого, молодежь ожидает от органов государственной власти федерального и регионального уровней помощи в сохранении здоровья, физическом развитии, что предусматривает необходимость создания государством условий для занятий физической культурой и спортом (рассматриваемая сфера также, в соответствии с Конституцией РФ, относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов).

При этом молодежь объективно является наиболее уязвимой группой населения в плане вовлечения в активность экстремистского и противоправного характера, что во многом является следствием несформированного мировоззрения молодых людей, неустойчивого характера их ценностных ориентаций. В молодежную среду посредством Интернета и социальных сетей в настоящее время активно проникают идеологические установки террористической и экстремистской направленности; в условиях роста геополитической напряженности и усиления деструктивного идеологического воздействия на нашу страну со стороны ряда недружественных государств возникают реальные вызовы и угрозы культурной и духовной безопасности как неотъемлемых составляющих национальной безопасности. В этой ситуации органы государственной власти различных уровней призваны осуществлять комплекс мероприятий, направленных на противодействие деструктивному идеологическому влиянию на молодежь, трансляцию в молодежную среду традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Необходимо отметить, что молодежная политика в целом, если опираться на положения официальных документов, рассматривается в качестве одного из базовых и приоритетных направлений политики современного российского государства как на федеральном, так и на региональном уровне [7]. Так, в структуре органов исполнительной власти, функционирующих на уровне субъектов Российской Федерации, существуют органы, занимающиеся делами молодежи: в подавляющем большинстве регионов созданы соответствующие государственные инстанции, являющиеся ответственными за проведение молодежной политики и наделенные полномочиями исключительно в этой области. Во всех субъектах РФ в настоящее время созданы координационные советы, осуществляющие взаимодействие с детской и молодежной организацией «Движение первых» (рассматриваемые органы действуют в качестве региональных штабов, реализующих воспитательную работу и координирующих деятельность различных государственных и общественных организаций, работающих с детьми и молодежью в рамках конкретного региона). Региональная молодежная политика имеет развитую информационную инфраструктуру, в том числе, информационные автоматизированные и цифровые системы, которые обеспечивают реализацию данной политики, эффективное информирование молодежи о ее проведении и взаимодействие представителей данной категории населения с органами государственной власти.

Несмотря на ряд объективных достижений, характеризующих государственную молодежную политику на региональном уровне, последняя не является свободной и от ряда недостатков. Как отмечает М.А. Немец, политика в отношении молодежи в нашей стране в целом отличается отсутствием системного подхода: с точки зрения рассматриваемого исследователя, большое количество мер, реализуемых органами государственной власти в рамках указанного направления, являются формальными и не применяются на практике («остаются на бумаге») [8, с. 14–15]. Несмотря на то что в текстах профильных нормативно-правовых актов молодежная политика рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений политики российского государства, в реальности она таковой не является, что проявляется, в первую очередь, в финансировании соответствующих мероприятий, которое осуществляется в большинстве российских регионов по остаточному принципу.

В Стратегии реализации молодежной политики в РФ, рассчитанной на период до 2030 года, отмечаются такие ее недостатки, как:

– противоречивый характер нормативно-правовой базы реализации данной политики на федеральном и региональном уровнях;

– незавершенный процесс создания органов, ответственных за осуществление молодежной политики в субъектах Российской Федерации;

– неотрегулированный правовой статус тех учреждений, которые производят работу с молодежью;

– дефицит доступных и бесплатных общественных пространств для молодежи в ряде отечественных регионов;

– недостаточный уровень профессионального престижа тех специалистов, которые работают с молодежью;

– отсутствие системы научного обеспечения молодежной политики, недостаточность проводимых исследований в данной сфере, эксперт-

© Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И.

ного и учебно-методического сопровождения подготовки специалистов по работе с молодежью [2].

Эффективной реализации государственной молодежной политики также препятствуют кадровые проблемы: многие лица, ответственные за практическую реализацию данной политики и работающие в соответствующих учреждениях, взаимодействующих с молодежью, не имеют профильного образования, несмотря на то в российских высших учебных заведениях в настоящее время имеются специализированные факультеты и отделения, осуществляющие подготовку специалистов по работе с молодежью, а также большое количество курсов переподготовки и повышения квалификации.

В специализированных исследованиях также нередко обращается внимание на то обстоятельство, что государственная молодежная политика ориентирована на определенные группы молодежи, причем значительная часть соответствующих программ рассчитана на молодых людей, имеющих проблемный социально-экономический статус или на тех, чье поведение имеет ярко выраженную асоциальную или антисоциальную направленность [9].

Следует отметить, что эффективность региональной молодежной политики находится в зависимости от степени ее соответствия потребностям и интересам представителей отечественной молодежи [10, с. 4–5]. В данной ситуации целесообразно обратиться к результатам исследований, иллюстрирующих отношение молодых россиян к региональной молодежной политике и раскрывающих проблемы ее практической реализации.

Материалы социологического опроса, проведенного среди молодежи Северо-Кавказского федерального округа и посвященного проблемам реализации государственной молодежной политики на региональном уровне и способам их решения, показывают некоторое несоответствие представлений молодежи о сущности и содержании рассматриваемой политики и данных, закрепленных в текстах официальных государственных документов. Так, в правительственных распоряжениях, посвященных политике органов исполнительной власти, направленной на представителей молодежи, подчеркивается высокий уровень информированности последней о проводимых государством мероприятиях, однако значительная часть молодежи, как свидетельствуют эмпирические данные, оценивают качество реализации указанной политики как среднее (хорошим его считают лишь 38 % опрошенных молодых людей) [11, с. 127–128].

Больше половины молодых россиян, если судить по результатам рассматриваемого социологического опроса, не проявляют интереса к участию в общественно-политической жизнедеятельности страны; при этом в качестве основной проблемы функционирования современной молодежи респонденты, относящиеся к рассматриваемой социально-демографической группе, выделяют отсутствие возможностей для самореализации, вовлечения в престижные виды деятельности, построения успешной карьеры и т.д.

Особенностью современной России является ярко выраженная дифференциация в условиях жизнедеятельности людей, проживающих в различных регионах страны, неравномерное социально-экономическое развитие разных ее территорий. Такое неравенство отражается на положении молодежи, представители которой испытывают объективные трудности в реализации своих потребностей и интересов в сферах учебной, профессиональной и иной деятельности. В результате, многие молодые люди стремятся переехать из неблагополучных в социально-экономическом и природно-климатическом отношении регионов в те, где условия жизнедеятельности выглядят более предпочтительными [11, с. 129–130].

Указанная диспропорция, характеризующая социально-экономическое развитие российских регионов, имеет закономерным следствием переезд молодых россиян в другой субъект РФ: в соответствии с результатами всероссийского социологического опроса, проведенного ВЦИОМ, подобные намерения характерны для 42 % школьников и 62 % студентов вузов, которые ориентированы на переезд в другой регион в целях более эффективного трудоустройства [12]. Так, в частности, статистическими органами фиксируется значительный отток молодых россиян из северных, восточных и приграничных российских регионов, что имеет закономерным следствием сокращение их численности на этих территориях. В настоящее время наблюдается высокая концентрация молодёжи в крупных городах Центрального федерального округа при одновременном дефиците молодежи в Сибирском, Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах, а также в российской Арктической зоне [2]. Отсюда проистекает необходимость создания максимально благоприятных условий для самореализации молодежи в рассматриваемых регионах с целью сокращения оттока молодых людей как наиболее перспективной категории населения, от которой зависят перспективы эффективного социально-экономического развития данных территорий.

Необходимо отметить, что в течение последних лет федеральными органами власти предпринимались усилия с целью оптимизации региональной молодежной политики, улучшения условий жизнедеятельности молодых людей в российских регионах. Так, с 2021 г. эффективность деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и исполнительных органов власти в целом оценивается с учетом таких показателей, как эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, доля молодых граждан, занимающихся добровольческой деятельностью,

© Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И.

условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности [13].

В настоящее время система региональной молодежной политики находится далеко не в оптимальном состоянии, что следует из результатов социологических опросов молодых людей в регионах. Более четверти респондентов, в частности, выделяют такие недостатки данной политики, как недостаточно развитая инфраструктура ее реализации, невысокий уровень кадровой обеспеченности молодежной политики, неэффективная система подготовки и переподготовки кадров, призванных осуществлять эту политику на практике. Каждый пятый молодой респондент отмечает отсутствие понимания сущности, целей и стратегических приоритетов государственной молодежной политики, реализуемой в стране в целом и в отдельных ее регионах в частности (при этом лишь около 15 % молодых людей считают, что молодежная политика в их регионах осуществляется с высокой степенью эффективности) [11, с. 130–131].

Что касается представлений молодых людей о перспективных путях и способах повышения результативности реализации рассматриваемой политики, то представители указанной группы респондентов видят способ решения выявленных проблем функционирования системы региональной молодежной политики в выработке инновационных форм и методов работы с молодежью, разработке системы мер по вовлечению разных категорий молодежи в сферу практической реализации данной политики, активизации ее участия в решении актуальных проблем жизнедеятельности молодежи.

Заинтересовать молодых россиян, повысить уровень их вовлеченности в реализацию молодежной политики в регионах можно, с точки зрения респондентов, посредством дальнейшего развития объектов инфраструктуры для рассматриваемой политики на местах. Наряду с этим, необходимо повышать эффективность реализации государственной молодежной политики на региональном уровне, в том числе, посредством улучшения кадрового обеспечения молодежной политики, совершенствования системы оплаты труда работников, ответственных за реализацию данной политики.

В соответствии с новейшим распоряжением высшего органа исполнительной власти Российской Федерации, в нашей стране должен быть реализован план мероприятий по достижению целей Стратегии реализации молодёжной политики России на период до 2030 года. Рассматриваемые мероприятия направлены на создание благоприятных условий для развития, самореализации научной и творческой деятельности молодых людей, формирование у них здорового и активного образа жизни.

Указанный план содержит более восьмидесяти мероприятий, которые сгруппированы по семи приоритетным направлениям:

– трансляция в молодежную среду ценностей патриотизма, гражданственности и других традиционных ценностей духовно-нравственного характера;

– создание для молодых семей наиболее благоприятных условий функционирования, способствующих росту рождаемости;

– формирование устойчивых ориентаций на здоровый образ жизни, создание системы социальных гарантий для молодых людей, содействие ее образовательной, научной и творческой деятельности;

– поддержка предпринимательской активности молодых россиян, их профессионального развития и повышение уровня финансовой грамотности;

– просветительская деятельность в области права и информационная защита молодежи;

– создание благоприятных условий для осуществления молодыми людьми волонтерской деятельности, развития соответствующих добровольческих объединений;

– совершенствование системы управления и инфраструктуры в области молодежной политики на федеральном и региональном уровнях [14].

Заключение.

В целом российская молодежь в настоящее время объективно нуждается в поддержке со стороны государства и соучастии в решении ряда проблем, затрагивающих наиболее актуальные для молодых людей области их жизнедеятельности, включающие образование и профессиональное становление, трудовую деятельность и построение карьеры, создание семьи и репродуктивную деятельность, а также досуговую активность.

Система региональной государственной молодежной политики в идеале должна включать комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий и возможностей для эффективной социализации молодежи, ее успешной самореализации в различных сферах общественной жизни. Политика, реализуемая органами государственной власти в отношении молодежи и являющаяся неотъемлемым компонентом государственной политики в целом касается непосредственно представителей молодежи как особой социально-демографической группы, реализации прав, свобод и законных интересов молодых людей. При этом результатам такой политики должно выступать становление социально ответственного поколения молодых россиян, характеризующегося патриотическими установками, ориентациями на традиционные духовно-нравственные ценности, и способного к обеспечению национальной безопасности и суверенитета страны, ее конкурентоспособности и эффективного социально-экономического развития.

© Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Заседание Государственного Совета, посвященное вопросам реализации молодёжной политики в современных условиях. URL : http://kremlin.ru›events/president/news/70169 (дата обращения 27.05.2025).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года». URL : http://static.government.ru›media/files/pdf (дата обращения 27.05.2025).
3. Липушина С.А. Региональная молодежная политика: институциональные характеристики // Организация работы с молодежью. 2015. № 2.
4. Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года // Российская газета. Федеральный выпуск от 04 июля 2020 года.
5. Глухова М.Ф. Инфраструктура региональной молодежной политики: основные признаки и типологии // Регионология. 2011. № 2. С. 22–31.
6. Доклад Государственного Совета Российской Федерации о реализации молодежной политики в современных условиях. – М., 2022. – 83 с.
7. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета от 11 января 2021 года.
8. Немец М.А. Механизмы и проблемы реализации молодежной политики в РФ //Современное общество и личность: проблемы взаимодействия, вызовы и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции г. Белгород, 31 октября 2024 г. Белгород, 2024. С. 14–17.
9. Касьянов В.В. Государственная молодёжная политика Российской Федерации конца XX – начала XXI в.: исторический опыт разработки и реализации. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2022. 446 с.
10. Касьянов В.В. Государственная молодежная политика: региональный аспект // Традиции и инновации в массовой коммуникации: материалы первой международной научно-практической конференции. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2019. С. 3–7.
11. Новикова И.В. Проблемы реализации государственной молодежной политики на региональном уровне и пути их эффективного решения / И.В. Новикова, С.Б. Рудич, А.Р. Макаева // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2018. № 6(69). С. 126–135.
12. Почему молодежь переезжает – и хорошо ли это для страны? // Аналитический обзор ВЦИОМ от 28 марта 2024 г. URL : wciom.ru›expertise/pochemu-molodezh-pereezzhaet (дата обращения 29.05.2025).
13. Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL : http://kremlin.ru›acts/bank/46402 (дата обращения 29.05.2025).
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 июня 2025 г. № 1620-р «План мероприятий по реализации Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года». URL : http://kremlin.ru›acts/bank/46402 (дата обращения 30.05.2025).

References:

1. A meeting of the State Council dedicated to the implementation of youth policy in modern conditions. URL : http://kremlin.ru.events/president/news/70169 (date of application 05/27/2025).
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 17, 2024 № 2233-r «Strategy for the implementation of youth Policy in the Russian Federation for the period up to 2030». URL : http://static.government.ru.media/files/pdf (date of application 05/27/2025).
3. Lipushina S.A. Regional youth policy: institutional characteristics // Organization of work with youth. 2015. № 2.
4. The Constitution of the Russian Federation with amendments approved during the nationwide vote on July 01, 2020 // Rossiyskaya gazeta. Federal issue dated July 04, 2020.
5. Glukhova M.F. Infrastructure of regional youth policy: main features and typologies // Regionology. 2011. № 2. P. 22–31.
6. Report of the State Council of the Russian Federation on the implementation of youth policy in modern conditions. M., 2022. 83 p.
7. Federal Law № 489-FZ of December 30, 2020 «On Youth Policy in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta dated January 11, 2021.

© Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И.

8. Nemets M.A. Mechanisms and problems of youth policy implementation in the Russian Federation // Modern society and personality: problems of interaction, challenges and development prospects: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference Belgorod, October 31, 2024. Belgorod, 2024. P. 14–17.
9. Kasyanov V.V. State youth policy of the Russian Federation in the late XX – early XXI century: historical experience of development and implementation. Krasnodar : Kuban State University, 2022. 446 p.
10. Kasyanov V.V. State youth policy: the regional aspect // Traditions and innovations in mass communication: proceedings of the first international scientific and practical conference. Krasnodar : Kuban State University, 2019. P. 3–7.
11. Novikova I.V. Problems of implementation of the state youth policy at the regional level and ways of their effective solution / I.V. Novikova, S.B. Rudich, A.R. Makaeva // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2018. № 6(69). P. 126–135.
12. Why do young people move – and is it good for the country? // Analytical review of VTsIOM dated March 28, 2024. URL : wciom.ru.expertise/pochemu-moldezh-perezzhaet (date of application 05/29/2025).
13. Decree of the President of the Russian Federation № 68 dated 02/04/2021 «On Evaluating the effectiveness of the Activities of Senior Officials (Heads of Supreme Executive bodies of State Power) of the Subjects of the Russian Federation and the activities of executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation». URL : http://kremlin.ru.acts/bank/46402 (date of application 05/29/2025).
14. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 23, 2025 № 1620-r «Action Plan for the implementation of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation for the period up to 2030». URL : http://kremlin.ruacts/bank/46402 (date of application 05/30/2025).

Информация об авторах

Касьянов Валерий Васильевич
доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Valery V. Kasyanov
Doctor of Sociology,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History
Faculty of History, Sociology and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Самыгин Петр Сергеевич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Peter S. Samygin
Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры финансового
и HR менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
milena.555@mail.ru

Sergey I. Samygin
Doctor of Sociology,
Professor,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
milena.555@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-5
УДК 316.4

Attribution
cc by

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Кумыков А.М., Атласкиров А.Р.
Северо-Кавказский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Аннотация. В условиях современных геополитических потрясений, вопросы поддержания гармоничных межнациональных отношений в российском обществе приобретают особую актуальность. Межнациональные отношения на Северном Кавказе имеют сложную историю, на содержание которой оказывают влияние различные факторы, связанные с исторической памятью, земельными спорами, властными отношениями и распределением экономических ресурсов. Целью представленной работы является исследование межнациональных отношений в Кабардино-Балкарской Республике. В ходе исследования выявлено, что, по мнению большинства респондентов, межнациональные отношения в Кабардино-Балкарии стабильны. Большая часть респондентов не сталкиваются с ущемлением своих прав из-за национальной принадлежности. Однако необходимо отметить, что в ряде районов республики, по оценкам респондентов, межнациональные отношения не столь стабильны и носят проблемный характер. По мнению респондентов, россиян в единую социокультурную общность объединяет, в большей степени, закон, язык и история.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика, межнациональные отношения, конфликты, Северный Кавказ, этнос, социальные риски, идентичность, традиции.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

REGIONAL PECULIARITIES OF THE FORMATION OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC

Aues M. Kumykov, Albert R. Atlaskirov
North Caucasus Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract. In the context of modern geopolitical upheavals, the issues of maintaining harmonious interethnic relations in Russian society are becoming particularly relevant. Interethnic relations in the North Caucasus have a complex history, the content of which is influenced by various factors related to historical memory, land disputes, power relations and the distribution of economic resources. The purpose of this work is to study interethnic relations in the Kabardino-Balkarian Republic. The study revealed that, in the opinion of the majority of respondents, interethnic relations in Kabardino-Balkaria are stable. Most of the respondents do not face infringement of their rights because of their nationality. However, it should be noted that in a number of regions of the republic, according to respondents, interethnic relations are not so stable and problematic. According to the respondents, Russians are united into a single socio-cultural community, to a greater extent, by law, language and history.

Keywords: Kabardino-Balkarian Republic, interethnic relations, conflicts, North Caucasus, ethnicity, social risks, identity, traditions.

Funding: Independent work.

Введение.

Кабардино-Балкарская Республика расположена на Северном Кавказе, макрорегионе, который играет ключевую роль в обеспечении стабильности и безопасности на южных рубежах России. Для большинства регионов Северо-Кавказского федерального округа характерно наличие ком-

© Кумыков А.М., Атласкиров А.Р.

плекса проблем, связанных с невысоким уровнем экономического развития, миграционными процессами, необходимостью укрепления межнационального и межконфессионального согласия, а также – с историческими травмами.

Кабардино-Балкария не является исключением и сталкивается со всеми вышеперечисленными социальными рисками, что, на наш взгляд, предопределяет необходимость проведения регулярных социологических исследований для выявления существующих тенденций в общественно-политическом и социально-экономическом пространстве региона.

Обсуждение.

Общественно-политические и социально-экономические процессы в Кабардино-Балкарии обусловлены историческими, культурными и географическими особенностями региона. Гармоничное развитие межнациональных отношений играет одну из ключевых ролей в стабилизации общественно-политической жизни, в силу многонационального состава населения республики. Несмотря на то, что в последние годы в Кабардино-Балкарии наблюдается относительная стабильность в общественно-политической сфере, опыт предыдущих лет показывает, что конфликты, находящиеся в латентном состоянии, могут в краткие сроки перерасти в полномасштабное противостояние, чему свидетельствуют события около села Кёнделен в 2008, 2018 гг. [12; 13].

Отмеченные обстоятельства обуславливают необходимость системного подхода в деле снижения социальных рисков в сфере межнациональных отношений, что находит отражение в государственной национальной политике. Так, в Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [14] обозначены задачи, направленные на преодоление проблем в сфере межнациональных отношений.

Межнациональные отношения в Кабардино-Балкарии характеризуются своей сложностью и динамичностью, что предопределяет интерес различных научных коллективов и отдельных исследователей к всестороннему анализу данной сферы жизни общества.

А.Х. Боров отмечает, что в условиях кризиса советского общества на рубеже 1980–1990-х гг. в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии актуализировались проблемы взаимодействия различных этнических групп региона. Автор утверждает, что будущее республики может быть построено только на основе утверждения единой гражданской идентичности населения [1].

По мнению Е.Ю. Щегольковой, чаша весов межэтнического баланса может качнуться в сторону напряженности в том случае, когда общероссийские проблемы в Кабардино-Балкарии манифестируются как межэтнические [2]. Большое влияние на динамику межэтнических отношений оказывают проблемы, связанные с земельными вопросами [3] и исторической памятью этносов республики [4].

Подробный анализ деятельности кабардинского национального движения в период развала СССР проводит А.В. Кушхабиев, отмечая значительное влияние национальных общественно-политических движений на социально-политическую ситуацию в регионе [5].

Деятельность балкарских национальных организаций в отмеченный период анализируется в работе И.А. Табаксоева [6]. Он отмечает, что, несмотря на движение в сторону суверенизации Балкарии со стороны балкарских общественных организаций, система власти, возглавляемая Верховным Советом, устояла, что позволило сохранить единую Кабардино-Балкарию.

Также исследованиям различных аспектов межнациональных отношений посвящены работы Б.Б. Хубиева, З.А. Атабиевой Г.К. Азаматовой [7], А.М, Кумыкова, Х.В. Машукова [8], С.С. Апажевой, Х.Б. Мамсирова [9], С.И. Аккиевой [10], Н.А. Шаожевой [11] и многие другие.

Эмпирическая часть исследования.

Эмпирической основой представленной работы выступает исследование, проведенное Северо-Кавказским филиалом ФНИСЦ РАН в марте-апреле 2025 года. Объем выборки составил 1000 респондентов. Исследование проводилось во всех муниципальных образованиях Кабардино-Балкарии. Использована квотно-пропорциональная выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: возраст, пол, место жительства, национальность.

Результаты.

Этническое многообразие по-разному проявляется в различных субъектах Российской Федерации. В национальных республиках этничность закреплена институционально, что актуализирует необходимость изучения региональных особенностей межнациональных отношений.

В Кабардино-Балкарии межнациональные отношения находятся под постоянным воздействием сложного комплекса исторических, социально-политических, экономических, культурных факторов и характеризуются как позитивными тенденциями, так и определёнными вызовами. Республика является многонациональным регионом, где проживают представители более 100 национальностей, но основными этническими группами являются кабардинцы (около 55,5 % населения) и балкарцы (около 13,3 %). Также, значительную долю населения составляют русские (около 19,3 %) и представители других национальностей региона (осетины, грузины, армяне, украинцы и др.) [15].

© Кумыков А.М., Атласкиров А.Р.

По мнению большинства респондентов (58,4 %), межнациональные отношения в Кабардино-Балкарии стабильны. Отметили наличие межнациональной напряженности 17,1 %. Сильную межнациональную напряженность заметили 4,4 % (рис. 1).

Рисунок 1 – Ответ на вопрос: Как Вы оцениваете состояние межнациональные отношений в республике?

Большая часть респондентов не сталкивались в течение года со случаями ущемления своих прав из-за национальной принадлежности – 73,5 %. Однако 12 % отметили, что все же сталкивались со случаями ущемления их прав из-за национальной принадлежности (рис. 2).

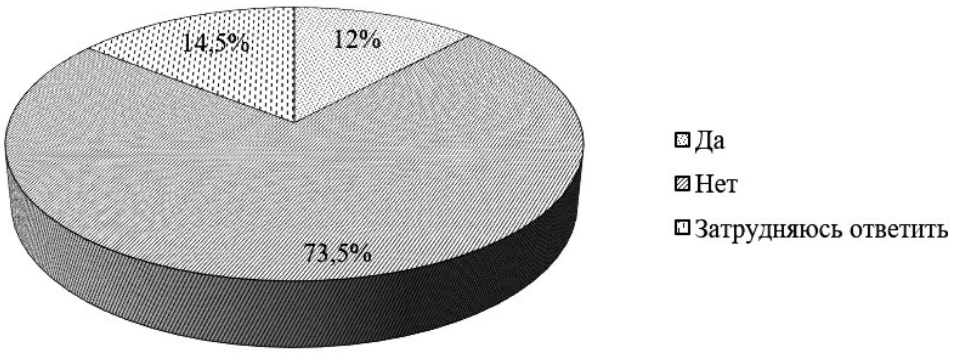

Рисунок 2 – Ответ на вопрос: Сталкивались ли Вы в течение года со случаями ущемления Ваших прав из-за Вашей национальности?

Результаты исследования показывают, что население республики проявляет доверие к представителям другой национальности. Так полностью доверяют 30,2 %, скорее доверяют 52,2 %. Однако по муниципальным образованиям региона наблюдаются различия. Самый высокий уровень полного недоверия наблюдается в Лескенском районе – 36,1 %, а также в городе Баксан – 16,9 %. Полностью доверяют представителям другой национальности, в большей степени, в Чегемском районе – 78,8 % и Урванском районе – 53,7 %. В Нальчике, столице региона, отмечается, в целом, высокий уровень доверия к представителям другой национальности: полностью доверяют – 23 %, скорее доверяют – 63 % (табл. 1).

Таблица 1

Ответ на вопрос: Ваш уровень доверия/недоверия к представителям другой национальности (%)?

Города/районы	Доверяю полностью	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Совсем не доверяю
1	2	3	4	5
КБР	30,2	52,2	12	5,6
г. Нальчик	23	63	9,3	4,7
г. Прохладный	12,3	75,4	12,3	–
г. Баксан	23,1	38,5	21,5	16,9
Баксанский район	31,5	34,2	27,4	6,8
Зольский район	32,7	40	18,2	9,1
Лескенский район	36,1	11,1	16,7	36,1
Майский район	23,8	47,6	23,8	4,8
Прохладненский район	14,3	73,2	12,5	–

© Кумыков А.М., Атласкиров А.Р.

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
Терский район	18,3	71,7	6,7	3,3
Урванский район	53,7	36,6	4,9	4,9
Чегемский район	78,8	17,6	3,5	–
Черекский район	28,6	68,6	2,9	–
Эльбрусский район	30,2	52,2	12	5,6

Для большинства населения национальная принадлежность собеседника не имеет значения – 54,9 %. Большее значение национальность человека в повседневном общении имеет для людей старшего поколения. Среди тех, кому 50 лет и более 11,3 % отметили, что национальность имеет большое значение. Наименьшее значение национальная принадлежность собеседника имеет среди молодежи до 30 лет, что свидетельствует о большей открытости и коммуникабельности молодого поколения. Представители средней возрастной группы (30–49 лет) также, в большинстве своем, отмечают, что национальная принадлежность собеседника не имеет для них значения – 54 % (рис. 3).

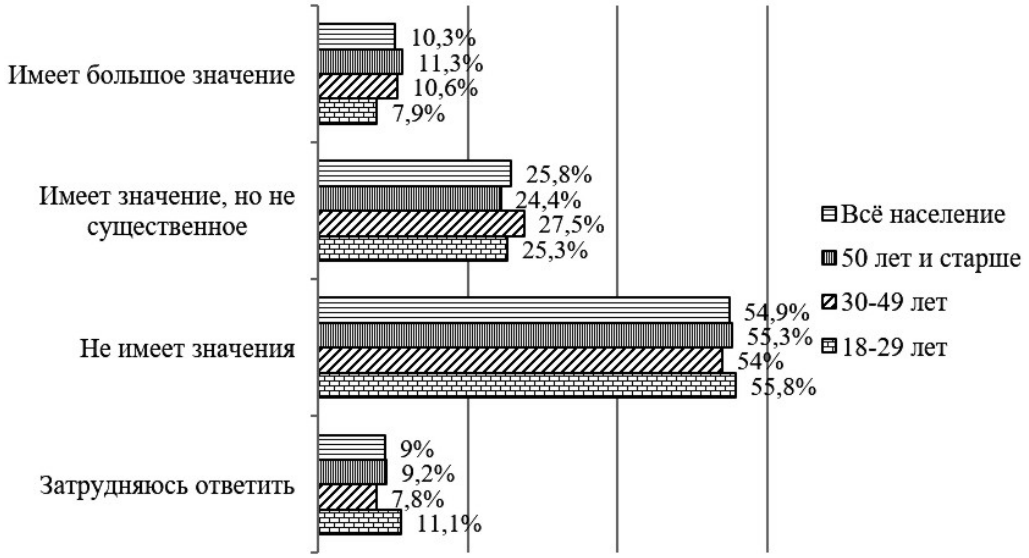

Рисунок 3 – Ответ на вопрос: Имеет ли для Вас значение национальность человека, с которым Вы общаетесь?

Большинство респондентов отмечают, что вероятность возникновения межнациональных столкновений в их районе проживания достаточно низкая. Однако из общего массива данных выделяются три района, где, по мнению населения, относительно высокая вероятность возникновения межнационального конфликта. В Урванском районе 40,2 % респондентов отметили, что вероятность возникновения межнациональных столкновений высокая, еще 14,6 % отметили, что вероятность средняя.

Таким образом, почти половина опрошенных в Урванском районе достаточно высоко оценивают вероятность возникновения межнациональных столкновений, что не может не вызывать тревогу и особое внимание профильных министерств и ведомств. Также высокий потенциал возникновения межнациональных конфликтов отмечается в Лескенском и Зольском районах Кабардино-Балкарской Республики. В Лескенском районе 30,6 % респондентов считают, что вероятность конфликта высокая, 8,3 % – что вероятность конфликта средняя. В Зольском районе 25,5 % респондентов также отметили высокую вероятность возникновения конфликта, еще 14,5 % отметили, что вероятность конфликта средняя (табл. 2).

Таблица 2

Ответ на вопрос: На Ваш взгляд, возможны ли межнациональные столкновения в Вашем районе в ближайшем будущем (%)?

Города/районы	Вероятность конфликта высокая	Вероятность конфликта средняя	Вероятность конфликта низкая	Конфликт совершенно невозможен	Затрудняюсь ответить
1	2	3	4	5	6
г. Нальчик	1,7	20,3	43,3	14	20,7
г. Прохладный	4,6	18,5	40	3,1	33,8
г. Баксан	7,7	12,3	44,6	21,5	13,8
Баксанский район	4,1	19,2	47,9	4,1	24,7
Зольский район	25,5	14,5	25,5	10,9	23,6

© Кумыков А.М., Атласкиров А.Р.

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6
Лескенский район	30,6	8,3	16,7	11,1	33,3
Майский район	11,9	23,8	28,6	9,5	26,2
Прохладненский район	3,6	25	41,1	3,6	26,8
Терский район	1,7	1,7	38,3	18,3	40
Урванский район	40,2	14,6	22	9,8	13,4
Чегемский район	–	–	17,6	71,8	10,6
Черекский район	–	11,4	54,3	34,3	–
Эльбрусский район	–	8,7	63	15,2	13

В многонациональных регионах, таких как Кабардино-Балкария, традиции и обычаи играют ключевую роль в сохранении культурной идентичности. Для многих народов они являются способом передачи исторического опыта, ценностей и норм поведения от поколения к поколению. Традиции и обычаи часто тесно связаны с национальным языком, фольклором, музыкой, танцами и другими элементами культуры. В многонациональных регионах, где существует риск ассимиляции или утраты культурного наследия, соблюдение традиций становится способом защиты своей уникальности. Традиции и обычаи часто содержат нормы, которые регулируют поведение людей и помогают избегать конфликтов.

Проведенное исследование показывает, что почти половина (46,2 %) респондентов хорошо знают и соблюдают обычай своего народа. Еще 30,9 % отмечают, что недостаточно хорошо их знают и соблюдают по мере возможности (рис. 4). Также, в открытой форме вопроса респонденты писали, что они «знают, но в повседневной жизни не соблюдаю, только на мероприятиях».

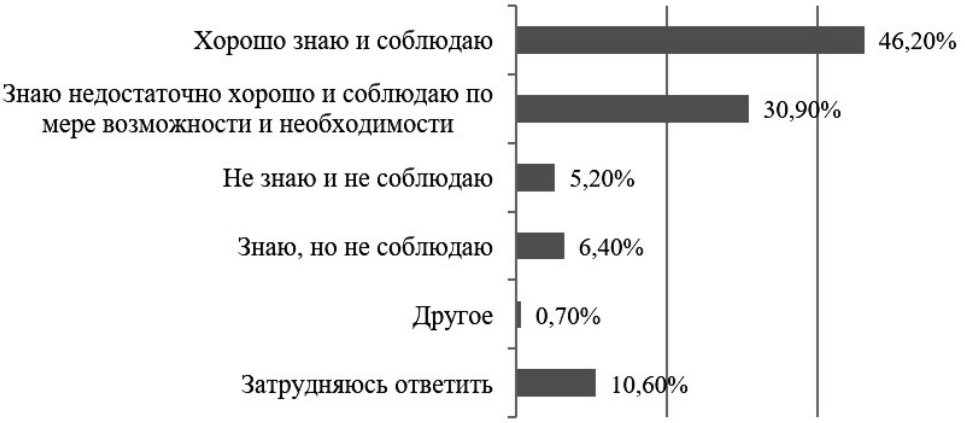

Рисунок 4 – Ответ на вопрос: Знаете ли Вы обычаи и традиции своего народа и соблюдаете ли их?

Для того, чтобы выявить приоритеты самоидентификации населения на общероссийском, республиканском, этническом и религиозном уровнях, респондентам было предложено оценить свою идентичность по шкале от 1 до 5, где 1 это наибольшая значимость, а 5 наименьшая. Результаты исследования показывают, что, из предложенных параметров идентичности, уровень общероссийской идентичности наиболее высок – 69,7 %. Среди общероссийской, республиканской, этнической и религиозной идентичности, наименьшую значимость демонстрирует религиозная идентичность. Ее как наиболее важную (№ 1) оценили 54,7 % респондентов (табл. 3).

Респондентам было предложено определить, что объединяет россиян в единую социокультурную общность. В ходе опроса можно было выбрать до 3-х вариантов ответа. Так, по мнению 46,7 % респондентов, россиян в единую социокультурную общность объединяют: закон – 46,3 %, язык – 43 %, история – 37,2 % (табл. 4).

Таблица 3

**Ответ на вопрос: На каком месте для Вас находятся следующие определения (%):
(1-е место наиболее важное, 5-е – наименее важное)**

№	Я – гражданин России	Я – житель республики	Я – представитель своей национальности	Я – представитель своей религии
1	69,7	57,3	59,5	54,7
2	11,7	19,5	13,1	12,2
3	10,3	13,3	16,1	14,9
4	5,2	6,7	5,1	10,8
5	3,1	3,2	6,2	7,4

© Кумыков А.М., Атласкиров А.Р.

Таблица 4

Ответ на вопрос: Что из перечисленного является объединяющим для всех россиян (можно выбрать до 3-х вариантов ответа)?

№	Варианты ответа	%
1	Закон	46,3
2	Язык	43
3	История	37,2
4	Территория	36,2
5	Культура	28,7
6	Ценности	27,6
7	Традиции	16,7
8	Праздники	8,3
9	Затрудняюсь ответить	6,7

Заключение.

Подводя итоги, следует отметить, что межнациональные отношения в Кабардино-Балкарии в целом можно охарактеризовать как стабильные, но требующие постоянного внимания со стороны властей и общества. Большинство респондентов, не сталкивалось с ущемлением своих прав из-за национальной принадлежности. Однако выделяется ряд районов, где высок потенциал межнациональных конфликтов, что требует особого внимания профильных министерств и ведомств. По мнению жителей республики, россиян в единую социокультурную общность объединяет, в большей степени, закон, язык и история.

Высокое значение национальных традиций и обычаев в многонациональных регионах, таких как Кабардино-Балкария, является естественным и важным явлением. Традиции помогают сохранить культурную идентичность, укрепить социальную сплочённость и способствуют межэтническому диалогу. Исторические, экономические и социальные факторы создают определённые вызовы, но благодаря усилиям по укреплению диалога и сотрудничества между народами республика сохраняет потенциал для дальнейшего развития в условиях многонационального согласия.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Боров А.Х. Этнополитика современной Кабардино-Балкарии: генезис и специфика // Электронный журнал «Кавказология». 2024. № 3. С. 16–40.
2. Щеголькова Е.Ю. Особенности межнациональных отношений в представлениях жителей полиэтничного региона (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 4. С. 178–203.
3. Тетуев А.И. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Нальчик : Принт Центр, 2020. 224 с.
4. Атласкиров А.Р. Фактор исторической памяти в общественно-политической жизни современной Кабардино-Балкарии (по материалам экспертного опроса) // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 1. С. 202–218.
5. Кушхабиев А.В. Становление Кабардинского национального движения (1985–1991) // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 1. С. 163–201.
6. Табаксоев И.А. Балкарское национальное движение в процессе государственно-политического переустройства Кабардино-Балкарии в 1991 – начале 1992 г. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6(98). С. 232–241.
7. Хубиев Б.Б. Этносоциальные процессы в северокавказском социуме в постсоветский период: концептуальные аспекты / Б.Б. Хубиев, З.А. Атабиева, Г.К. Азаматова // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 3. С. 386–402.
8. Кумыков А.М. Общие вопросы изучения и разрешения межэтнических проблем и утверждения этноконфессиональной толерантности А.М./ Кумыков, Х.В. Машуков // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 37–41.

© Кумыков А.М., Атласкиров А.Р.

9. Апажева С.С. Межнациональные отношения в молодежной среде Кабардино-Балкарской Республики / С.С. Апажева, Х.Б. Мамсиров // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 2. С. 135–153.
10. Аккиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). М. : ИЭА РАН, 2002. 448 с.
11. Шаожева Н.А. Русское население и терское казачество в общественно-политических процессах современной Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик : Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, 2020. 200 с.
12. Владимир Шумаков. Массовые беспорядки на Кавказе. В Кабардино-Балкарии вспыхнул национальный конфликт из-за битвы XVIII века. URL : https://lenta.ru/brief/2018/09/19/kbkonflikt (дата обращения 05.03.2025).
13. Артур Аваков. Названо количество пострадавших при беспорядках в Кабардино-Балкарии. URL : https://www.mk.ru/politics/2018/09/20/nazvano-kolichestvo-postradavshikh-pri-besporyadkakh-v-kabardinobalkarii.html (дата обращения 02.03.2025).
14. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL : http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512 (дата обращения 27.02.2025).
15. Статистический ежегодник. Кабардино-Балкарская Республика. URL : https://26.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Кабардино-Балкарская%20Республика,%202023.pdf (дата обращения 05.03.2025).

References:

1. Borov A.Kh. Ethnopolitics of Modern Kabardino-Balkaria: Genesis and Specificity // Electronic journal «Kavkazologiya». 2024. № 3. P. 16–40.
2. Shchegolkova E.Yu. Features of Interethnic Relations in the Views of Residents of a Multi-Ethnic Region (on the Example of the Kabardino-Balkarian Republic) // Sociological Science and Social Practice. 2023. Vol. 11. № 4. P. 178–203.
3. Tetuev, A.I. Ethnopolitical Processes in the North Caucasus in the Post-Soviet Period. Nalchik : Print Center, 2020. 224 p.
4. Atlaskirov A.R. The Factor of Historical Memory in the Socio-Political Life of Modern Kabardino-Balkaria (Based on an Expert Survey) // Electronic Journal «Caucasology». 2020. № 1. P. 202–218.
5. Kushkhabiev, A.V. The Emergence of the Kabardian National Movement (1985–1991) // Electronic Journal «Caucasology». 2020. № 1. P. 163–201.
6. Tabaksoev I.A. The Balkar national movement in the process of state and political reconstruction of Kabardino-Balkaria in 1991 – early 1992 // Izvestiya Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2020. № 6(98). P. 232–241.
7. Khubiev B.B. Ethnosocial processes in North Caucasian society in the post-Soviet period: conceptual aspects / B.B. Khubiev, Z.A. Atabieva, G.K. Azamatova // Electronic Journal «Caucasology». 2023. № 3. P. 386–402.
8. Kumykov A.M. General issues of studying and resolving interethnic problems and promoting ethno-religious tolerance / A.M. Kumykov, Kh.V. Mashukov // Social and Humanitarian Knowledge. 2014. № 11. P. 37–41.
9. Apazheva S.S. Interethnic Relations in the Youth Environment of the Kabardino-Balkarian Republic / S.S. Apazheva, Kh.B. Mamsirov // Electronic Journal «Caucasology». 2021. № 2. P. 135–153.
10. Akkieva S.I. Development of the Ethnopolitical Situation in the Kabardino-Balkarian Republic (Post-Soviet Period). M. : IEA RAS, 2002. 448 p.
11. Shaozheva N.A. The Russian Population and the Terek Cossacks in the Socio-Political Processes of the Modern Kabardino-Balkarian Republic. Nalchik : Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2020. 200 p.
12. Vladimir Shumakov. Mass Riots in the Caucasus. A National Conflict Breaks Out in Kabardino-Balkaria Over an 18th-Century Battle. URL : https://lenta.ru/brief/2018/09/19/kbkonflikt (date of application 05.03.2025).
13. Artur Avakov. The Number of Victims in the Kabardino-Balkaria Riots Has Been Revealed. URL : https://www.mk.ru/politics/2018/09/20/nazvano-kolichestvo-postradavshikh-pri-besporyadkakh-v-kabardinobalkarii.html (date of application 02.03.2025).
14. Decree of the President of the Russian Federation № 1666 dated December 19, 2012, «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025». URL : http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512 (date of application 27.02.2025). 15. Statistical Yearbook. Kabardino-Balkarian Republic. URL : https://26.rosstat.gov.ru/storage/ mediabank/Kabardino-Balkarian%20Republic,%202023.pdf (date of application05.03.2025).

Информация об авторах

Кумыков Ауес Мухамедович
доктор философский наук,
профессор,
директор Северо-Кавказского филиала ФНИСЦ РАН
auyes.kumykov@mail.ru

Aues M. Kumykov
Doctor of Philosophy,
Professor,
Director of the North Caucasus branch
of the Federal State Budgetary Institution of Science,
Federal Research Sociological Center
auyes.kumykov@mail.ru

© Кумыков А.М., Атласкиров А.Р.

Атласкиров Альберт Русланович
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Северо-Кавказский филиал ФНИСЦ РАН
ORCID: 0000-0002-4032-2106
atlaskirov.albert@yandex.ru

Albert R. Atlaskirov
Candidate of Sociology,
Senior Researcher,
North Caucasus branch
of the Federal State Budgetary Institution of Science,
Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0002-4032-2106
atlaskirov.albert@yandex.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Кумыков А.М., Атласкиров А.Р.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-8
УДК 316.34; 316.33:327

Attribution
cc by

СПОЙЛЕРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТОМ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППИРОВОК: СИРИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗЛОМ

Лукичев П.Н., Жуни Ханин
Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета

Аннотация. Введение. За фасадом любой войны всегда скрываются экономические интересы противоборствующих сторон, но эти враждующие стороны представлены вовлеченными в конфликт людьми, вообще чуждыми данных интересов или имеющими к ним самое отдаленное отношение. Чтобы побудить их взять в руки оружие и идти воевать друг с другом, необходима объединяющая их идентичность и разъединяющее их представление «мы – они». Гражданская война является самым ожесточенным столкновением между социальными группами, населяющими государство, в котором их идентичность задана идеологическими формулами, обеспечивающими синхронизацию ментальных процессов.

Методология. В качестве методологической базы работы выступают концепции базовых потребностей А. Маслоу, депривации их удовлетворения как причине социальных конфликтов Дж. Бертона, идеи интеракционизма, бихевиоризма и необихевиоризма.

Результаты и их обсуждение. Сложившаяся за последнее время ситуация в Сирии привлекла пристальное внимание исследователей социально-политических процессов, однако, как и в период гражданской войны в Сирии – в основном в политологическом ключе. При этом из виду упускается социальный контекст сирийского цивилизационного разлома, связанного с конфликтом идентичностей социальных групп и вооруженных группировок, а равным образом внутриличностный конфликт социальных идентичностей – этнической, конфессиональной, региональной и пр. Причиной выступает незавершенный, а по сути, несостоявшийся процесс формирования гражданской национальной идентичности. Барьеры к ее возникновению были созданы внешними акторами, интересы которых провоцировали обостренное столкновение религиозных ориентаций, имеющих ценностный характер, что как раз и делает затруднительным их согласование и примирение враждующих сторон. Прогнозирование развития ситуации в Сирии носит неутешительный характер, наибольшей вероятностью обладает вариант усиленного вмешательства сторонних акторов в виде частичного раздела территории государства и ужесточение внутренней борьбы между этноконфессиональными группировками.

Ключевые слова: гражданская национальная идентичность, этническая идентичность, конфессиональная идентичность, внешние акторы гражданской войны, цивилизационный разлом, иерархия и кризис социальных идентичностей.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SPOILER MANAGEMENT OF THE CONFLICT OF ETHNIC AND RELIGIOUS GROUPS: THE SYRIAN CIVILIZATIONAL RIFT

Pavel N. Lukichev, Zhuni Khanin
Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University

Abstract. Introduction. The economic interests of the warring parties are always hidden behind the facade of any war, but these warring parties are represented by people involved in the conflict who are generally alien to these interests or have the most distant relation to them. To encourage them to take up arms and go to war with each other, it is necessary to unite them by identity and separate them by idea of «we are not them». The civil war is the fiercest clash between the social groups inhabiting the state, in which their identity is set by ideological formulas that ensure the synchronization of mental processes.

Methodology. The methodological basis of the work is the concepts of A. Maslow's basic needs, deprivation of their satisfaction as a cause of social conflicts by J. Burton, the ideas of interactionism, behaviourism and neo-behaviourism.

© Лукичев П.Н., Жуни Ханин

Results and their discussion. The recent situation in Syria has attracted the close attention of researchers of socio-political processes, however, as during the Syrian civil war – mainly in a political way. At the same time, the social context of the Syrian civilizational rift associated with the conflict of identities of social groups and armed groups is overlooked, as well as the intrapersonal conflict of social identities – ethnic, confessional, regional, etc. The reason is the incomplete, and in fact, the failed process of forming a civil national identity. Barriers to its emergence were created by external actors, whose interests provoked an aggravated clash of religious orientations having a value character, which makes it difficult to concordance and reconcile the warring parties. Forecasting the development of the situation in Syria is disappointing, the most likely option is increased intervention by external actors in the form of a partial division of the territory of the state and the intensification of internal struggle between ethnic and religious groups.

Keywords: civil national identity, ethnic identity, confessional identity, external actors of the civil war, civilizational rift, hierarchy and crisis of social identities.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Принадлежность к какой-либо социальной группе, идентификация себя с нею является одной из базовых потребностей личности, поскольку только в социальном окружении человек ощущает себя именно как личность. Каждая такая группа стремится к превращению в замкнутую систему посредством использования для воспроизводства социальных связей отличающейся семиотики. Однако ни одна социальная группа не может достичь абсолютной закрытости, оставаясь открыто-замкнутой системой, а значит – находится в связи с другими такими же системами через общие для них знаковые способы коммуникации. При этом в отношениях между ними принципиально важным является то, на что конкретно делается акцент – на наличие различий или на существование того общего, что их объединяет [1, с.147–164].

Поскольку речь идет о семиотике, т.е. об используемых в общении между людьми знаках и понимании ими их значения, то неизбежно мы касаемся темы человеческого сознания и той совокупности идей, которые либо способствуют возникновению ощущения общности, либо провоцируют чувство нонкоплементарности.

Совокупность господствующих в обществе идей, все, что имеет идеологическую окраску, посредством используемой знаковой системы (в том числе, а может быть и в первую очередь, через все виды искусства), обеспечивает синхронизацию ментальной активности, создавая эффект социальной идентичности. Если материальную сторону единства политической организации создает наличие экономических связей [8], единство внутреннего рынка страны, то прочность этой целостности задана цементирующей общностью идеологической системы [2]. Это особенно важно, когда в рамках одного государства находятся этносы, имеющие различное происхождение, далекие друг от друга языки, разные культурные традиции и религиозные обряды и представления. Правда, моноэтнические государства вообще вряд ли существуют, но зато политически объединенные социальные образования имеют общую историческую судьбу, по сути, совместное противодействие внешней угрозе, и – государствообразующий этнос, язык и культура которого всеми принимаются в качестве совместной семиотической основы для осуществления коммуникации. Однако если оба эти фактора отсутствуют, политическую целостность общества сохранить становится чрезвычайно трудно, потому что обеспечить ее может только сильная государственная власть, граничащая с тоталитарным режимом [18].

Методология.

Исходной методологической концепцией исследования выступает теоретический конструкт А. Маслоу, рассматривающий базовые потребности личности, среди которых значимое место занимает потребность в социальном окружении и социальной идентичности [13]. Использованы методологические идеи Дж. Бертона о депривации базисных человеческих потребностей как причине социальных конфликтов [6, с. 56]. Поскольку рассматривается конфликт этноконфессиональных группировок, воспроизводство которых осуществляется в процессе межличностной коммуникации, используются методологические установки интеракционизма [3], бихевиоризма и необихевиоризма [15].

Обсуждение.

Сирийская арабская республика в отношении конфигурации этноконфессиональных групп не уникальна, но специфична [7]. Подавляющее большинство населения составляют местные арабы (80 %), но некоторая часть арабского населения по причине сложной политической ситуации на Ближнем Востоке представлена палестинскими беженцами (почти полмиллиона человек). Значительное по численности этническое меньшинство – это курды (10 %). Еще порядка десяти процентов – это прочие этнические группы: под общим наименованием «черкесы» проживают в Сирии потомки мухаджиров – разных племенных групп черноморского побережья Северного Кавказа, которые покинули его в XIX веке в процессе Кавказских войн; сирийские туркоманы; армяне и ассирийцы (айсоры).

© Лукичев П.Н., Жуни Ханин

Не менее пестрая картина наблюдается в конфессиональном плане.

Государствообразующий этнос – сирийские арабы – являются мусульманами (93 %), которые разделены на два непримиримых в догматике направления – суннизм (74 %) и шиизм (13 %). Однако и эти направления имеют внутреннее дробление. Суннизм представлен различными мазхабами, среди которых преобладающим по влиянию выступает ханафитский мазхаб, а на втором месте находится мазхаб шафиитский. Различия между ними, как, впрочем, и между прочими мазхабами сводится к трактовке правовых норм с поставленной во главу угла иерархией юридических авторитетов ислама, вследствие чего светское законодательство, ориентированное на нормы, принятые в мировой практике, в среде суннитов вообще не являются чем-то, с чем следует считаться.

С другой стороны, шиитское направление ислама также разделяется на алавитов, исмаилитов и двунадесятников. Алавиты – название довольно-таки условное, поскольку представлены они рядом сект, каждая из которых значительно отдалилось от ислама вообще, и шиизма, в частности, и даже друг от друга, осуществляя в религиозных воззрениях причудливую смесь положений ислама, христианства, гностицизма и языческих представлений доисламского Востока. Исмаилиты – это также совокупность религиозных течений, которые объединяет представление о наличии «скрытых имамов», в свое время начавших распространение вероучения именно с территории Сирии. Наиболее важную роль в исмаилизме играют его ответвления низаритов и мусталитов [9]. Наконец, шииты двунадесятники – это преобладающее направление в шиизме, его последователи верят в праведность двенадцати первых имамов, причем последний из них исчез в малолетнем возрасте после смерти своего отца. Возвращения этого «скрытого имама» в качестве Спасителя двунадесятники ждут по сей день.

В Сирии также действуют суфийские ордена, самыми влиятельными из которых являются Накшбандия, Кадирия и Шадхилия [5].

Второй по численности религией в стране является христианство (примерно 10 % населения), представленное православными, католиками (мелькитами, сиро-католиками, маронитами, армяно-католиками и халдо-католиками), монофизитами (последователями Армянской апостольской церкви), Ассирийской церковью востока, баптистами, англиканами, перфекционистами, реформатами, пятидесятниками и другими сектантскими организациями [11]. Наличествуют также езиды, бахаи, зороастрийцы и иудеи. Наконец, порядка 3 % населения Сирии составляют друзы, религиозные воззрения которых откололись от исмаилизма, представляя собой весьма причудливую смесь философско-религиозных идей в сочетании с эзотерикой и этнокультурной изоляцией от других социальных групп.

Внутреннюю политическую ситуацию усугубляет вмешательство внешних акторов. Так, в ходе Шестидневной войны (1967 г.) войска Израиля захватили Голанские высоты на юге Сирии и продолжают удерживать их, несмотря на попытку в 1973 году сирийских вооруженных сил вернуть их военным путем и даже введение воинского контингента ООН для разъединения враждующих сторон. На этой территории, так получилось исторически, в основном сконцентрированы друзы, которые сохраняют сирийское гражданство и отказываются получать израильское, имея (до свержения Асада) некоторые преференции от правительства Сирии, в частности – право бесплатного получения высшего образования [4].

Оккупация Израилем Южного Ливана (1982 г.) вызвала к жизни шиитское движение сопротивления в лице возникшей в 1982–1983 гг. военно-политической организации под названием Хезболла (араб. حزب الله – Ḥизбу ’ллāх, т.е. «партия Аллаха). Справедливости ради следует заметить, что Хезболла далеко не всегда действовала (и действует) «чистыми руками», совершив ряд террористических актов (взрывы посольства Израиля в 1992 г. и еврейского общинного центра в 1994 г. в Аргентине и пр.) и попав в список террористических организаций в некоторых странах Европы и в США. Хотя первоначально заявленной целью движения была борьба с израильской агрессией, но начавшаяся в Сирии «пятничная революция» 2011 г., переросшая в гражданскую войну, притянула к участию в ней ливанскую Хезболлу.

Дело в том, что, в своем большинстве, деятелями «революции» были лица, исповедующие суннизм. Соответственно их проповеди были в первую очередь обращены к суннитам, а требования были самые различные – от отставки правительства, борьбы с коррупцией и социальной несправедливостью до свержения президента Башара Асада, которого они объявляли (не без оснований) выбранным с нарушениями демократических процедур. Во время похорон умершего насильственной смертью юноши, в чем, возможно, огульно обвинили полицию, произошли атаки на правительственные учреждения и соответственно столкновениями с полицией. Надо полагать, по аналогии с прочими «цветными революциями», все это было спланировано и осуществлено политическими противниками Башара Асада, правительства и правящей партии Баас. Наиболее вероятно, что за всем этим стояла Турция, стремящаяся к усилению своего влияния среди этнической группы туркоманов и арабов-суннитов на нефтеносном северо-востоке Сирии [16]. Зародившееся, а по сути, возродившаяся (поскольку с момента победы партии Баас в 1963 году она никогда и не исчезала) оппозиция декларировала себя ориентированной на демократию [10]. Правда, понимала ее только как

© Лукичев П.Н., Жуни Ханин

власть суннитского (поскольку в среде арабов преобладает не этническая и не гражданская, а религиозная идентичность) большинства в ущерб интересам других этноконфессиональных групп населения. Сформированная оппозицией Сирийская национальная коалиция однозначно стала на путь достижения своих целей посредством вооруженной борьбы с обвинением всех прочих мусульман в такфире – вероотступничестве, наказанием за которое может быть только смерть. Это в свою очередь привело не-арабов и арабов-шиитов на сторону сирийского правительства. С другой стороны, сунниты северо-запада (туркоманы и арабы ханафитского мазхаба) получили финансовую и военную (оружие и непосредственное участие) помощь со стороны правительства Турции и ее вооруженных сил, так что часть территории Сирии оказалась, по сути, оккупированной турецкими войсками.

Появление еще одной политической силы в лице шиитской Хезболлы, которую поддерживал и финансировал Иран, не только усилило правительственную армию, но и сделало Иран гибридным участником гражданской войны в Сирии, впрочем, не только гибридным, так как на территории Сирии оказались в качестве инструкторов и воинских формирований «стражи исламской революции» Ирана. Поскольку же территориальной базой организации Хезболла являлся и является Ливан, автоматически он также становится стороной конфликта, и его политическое руководство усилило в результате свои связи с правительствами Сирии, и Ирана.

Между тем, в пограничном с Сирией Ираке, в районе суннитского треугольника (Багдад, Тикрит, Эр-Рамади), где еще с 2003 года силы международной коалиции во главе с США пытались вести борьбу с местными партизанами, стали концентрироваться боевики Аль-Каиды, а после разгрома на Северном Кавказе – и банд-формирования, носители радикального ислама, а также подобные им представители восточно-азиатских республик бывшего СССР. «Обеспокоенный жестокими притеснениями суннитов» в Сирии, «правитель правоверных» Абу Бакр аль-Багдади направляет воинские соединения под названием «Джебхат ан-Нусра», открывая таким образом второй фронт против официального Дамаска. 29 июня 2014 г. было объявлено о создании «Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)». Захваченный сирийский город Эр-Ракка становится штаб-квартирой этой террористической группировки.

Однако на северо-востоке страны войска ИГИЛ были остановлены курдскими силами самообороны, которые были поддержаны международной коалицией. Причем эта поддержка продолжается и посегодня, хотя борьба курдов за создание национального государства противоречит политике Турции, осуществляющей на своей территории и на территории Сирии подавление национально-освободительного движения курдов.

Осуществляя противодействие ИГИЛ, воинские контингенты США заняли нефтеносные районы на севере и востоке Сирии. Несколько раз через госсекретаря делались заявления о выводе американских войск с этих территорий, однако в 2020 году повстанческая администрация Северной и Восточной Сирии заключила соглашение с американской нефтяной компанией Delta Crescent Energy LLC о разработке нефтяных месторождений в регионе, и с тех пор ситуация не изменилась, несмотря на протесты тогдашнего официального сирийского правительства.

Борьба на северо-западе с воинскими формированиями Сирийской национальной оппозиции (Свободной сирийской армией – Сирийской национальной армией) и с ИГИЛ на востоке оказалась не под силу государственным воинским формированиям, что объясняется в достаточной мере просто – большинство военнослужащих сирийских вооруженных сил являются мусульманами-суннитами, которые не остаются равнодушными к проповеди социального равенства и справедливости, каковыми они были когда-то в мифические времена первых халифов и как они представляются возрожденными в теократическом государстве.

Столкновение этих иллюзий с реальными социальными отношениями в среде повстанцев Сирийской национальной армии и боевиков ИГИЛ привело к росту внутренних противоречий. Уже в 2014 году между двумя армиями начались столкновения. Тогда же руководство Аль-Каиды объявило о разрыве отношений с ИГИЛ и отказало в поддержке Фронту ан-Нусра. В свою очередь ИГИЛ отбросило географическую привязку в названии и стало просто Исламским государством (ИГ).

Крупные поражения и потеря значительной части территории побудило Башара Асада вспомнить о договоре с СССР, правопреемницей которого является Российская Федерация. С первых чисел октября 2015 года российские вооруженные силы начинают осуществлять военную поддержку правительственным сирийским войскам. В результате уже 06 декабря 2017 года президент России В.В. Путин объявил о полном разгроме Исламского государства (ИГ). Однако его разрозненные вооруженные группы отступили за Евфрат, где все еще продолжают существование на территории Ирака.

Между тем, отношения с вооруженной сирийской оппозицией в значительной мере изменились. Наступление сирийской армии официального правительства привело к существенному сокращению территории, контролируемой оппозицией. По сути, за ней оставалась только провинция Идлиб, однако по «настоятельному» предложению Турции боевые действия были остановлены, и в Астане (Казахстан, 2017 г.) начаты переговоры с оппозицией о проведении демократических реформ в стране. В переговорах также принимали участие делегации России, Ирана, ООН и

© Лукичев П.Н., Жуни Ханин

посол США в Казахстане. В январе 2018 года по инициативе России в Сочи был проведен Конгресс сирийского национального диалога. В нем участвовали почти 1,5 тысячи представителей разных политических сил Сирии, старейшины племен и религиозные деятели. Казалось бы, принятое решение о выработке новой конституции прокладывало путь к мирному урегулированию внутри-сирийского конфликта. Однако в нем не приняли участия влиятельные и агрессивно настроенные оппозиционные силы.

Для успешно продвигающейся армии прекращение огня и установление перемирия, какими бы гуманитарными и гуманистическими соображениями это ни диктовалось, является катастрофой. «За что воевали? За что проливали кровь и теряли боевых товарищей?» – это вопросы, которые производят деморализацию вдруг остановленной армии. Происходит утрата цели и смысла всей проведенной кампании, боевой дух снижается, и начинается моральное разложение бездействующей армии.

С другой стороны, перемирие было использовано агрессивной оппозицией для укрепления своего положения. Турецкая помощь не ограничивалась только поставкой оружия. Была организована боевая подготовка рядовых и офицеров Свободной сирийской армии (Сирийской национальной армии). Переброшены на территорию Сирии, контролируемую оппозицией, инструкторы и боевики. Есть свидетельства того, что сирийской оппозиции перепродавалось западное вооружение, приобретенное Украиной, а ее инструкторы принимали участие в формировании отрядов в Идлибе.

Перемирие было использовано также и для переформатирования самой оппозиции. Уже в 2017 году произошло слияние вооруженных формирований Джабхат Фатх аш-Шам (прежнее название Фронт ан-Нусра), Фронта Ансар ад-Дин, Джейш ас-Сунна, Лива аль-Хакк и Нур ад-Дин аз-Зенки и др. (всего 28 группировок). Надо полагать по убедительному совету турецких инструкторов, было снято взаимное обвинение в такфире. Новая организация получила название Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ; араб. هيئة تحرير الشام – организация за освобождение Леванта). Большинство организаций, вошедших в ХТШ, были салафитскими [12]. В результате во главе ее оказались лидеры Джабхат Фатх аш-Шам и Ахрар аш-Шам, с чем не согласилось руководство Фронта Ансар ад-Дин и Нур ад-Дин аз-Зенки, которые вышли из объединения.

На тот момент времени задачи, решаемые Хайят Тахрир аш-Шам, состояли в налаживании гражданского управления провинцией (Идлиб) и организации судебного производства, которое осуществлялось на основе шафиитской мысли в направлении согласования и уважительного отношения ко всем четырем суннитским мадхахибам – юридическим школам исламской юриспруденции. Одновременно с этим, ХТШ сосредоточилась на достижении поддержки населением своей деятельности, активно проводя пропаганду целей и переговоры со старейшинами различных племенных группировок. Несмотря на признание ХТШ со стороны Турции (а также США, России и ООН) террористической организацией, турецкие власти на практике продолжали сотрудничество с ней как с союзником против курдов, остатков Исламского государства и прочих джихадистов.

27 ноября 2024 года Хайят Тахрир аш-Шам открыл новый сезон военных действий. Этому предшествовали серьезные события. Израильский ЦАХАЛ обстрелял и ввел воинский контингент на юг Ливана, где были базы Хезбаллы, соответственно отряды Хезбаллы покинули территорию Сирии и прекратили поддержку официальной сирийской армии, сместившись в Ливан, где большинство их боевиков погибло. С другой стороны, Российская Федерация не могла оказать правительству Сирии масштабную военную помощь – во-первых, ввиду осуществления Специальной военной операции, во-вторых, введение ограниченного воинского контингента на территорию Сирии было связано с выполнением условий договора, т.е. при наличии внешней угрозы, каковой было Исламское государство Ирака и Леванта, а не по причине гражданской войны.

Оставшаяся без поддержки Хезболлы, а соответственно и Ирана, ослабленная и деморализованная сирийская армия оказалась бессильной перед Сирийской национальной армией и боевиками Хайят Тахрир аш-Шам. В отличие от последней она ведь была лишена идеи, ради которой имеет смысл сражаться, умирать и побеждать. Единственной идеей остается страх неизбежной смерти, а по сути, этно-религиозного геноцида в отношении шиитов и курдов, которые только и могут оказать сопротивление и в какой-то мере противостоять Сирийской национальной армии и боевикам Хайят Тахрир аш-Шам.

Результаты.

Бенефициаром эскалации гражданской войны не является какая-либо часть населения Сирии. Благоприобретателями выступают США и Турция. США – потому что в общем случае любой вооруженный конфликт в мире приводит к укреплению американского доллара в качестве мировой валюты, поскольку хотя бы одна из враждующих сторон напрямую или через посредников вынуждена обращаться за финансовой и военной помощью. Причем финансовая поддержка может быть оказана только в валюте, общепринятой в качестве мировой, к тому же в долг, а военная помощь обеспечивает военно-промышленный комплекс США долгосрочными заказами. В частном же случае, именно под контролем компаний США оказались нефтедобывающие районы северо-востока Сирии. Турция – по тем же самым причинам в отношении западного берега Евфрата, где не только имеются

© Лукичев П.Н., Жуни Ханин

месторождения газа и нефти, но идут пути их поставки к портовым городам. Здесь же по западному берегу в обход территории Курдской сирийской автономии возможно строительство газопровода через территорию Сирии в Турцию и к Средиземному морю. К тому же, Турция использует джихадистские настроения арабов для борьбы с курдским Демократическим Союзом, доминирующим в Курдской сирийской автономии, который считает связанным с Курдской Рабочей Партией, которая ведет борьбу за национальную независимость турецкого Курдистана. Кроме того, в результате Турция осуществляет удовлетворение имперских амбиций, поскольку все это – территории, которые до Первой мировой войны входили в состав Османской империи.

Следует заметить, что победа сирийской оппозиции хоть на севере, хоть на юге, где также наличествуют повстанцы, ведшие борьбу с Асадом, не в интересах Израиля, поскольку и те, и другие равным образом имеют антисионистские настроения. Впрочем, они вообще не могут считаться контролируемыми каким-либо внешним актором, выступая за ликвидацию любого иностранного присутствия на территории Сирии. Это подразумевает в определенном смысле необходимость для ЦАХАЛ произвести оккупацию юго-западных районов Сирии, неизбежно вступив в столкновения с повстанческой армией[1]. Как бы ни рассматривалось такое вторжение в качестве оккупации, но присутствие армии Израиля объективно предотвращает геноцид (на религиозной почве) проживающих здесь друзов, христиан и алавитов, но не исключает сопротивление части их израильскому вторжению.

Можно прогнозировать, что и американо-турецкое присутствие на севере Сирии приведет к обострению отношений Хайят Тахрир аш-Шам и Сирийской национальной армии с Курдской автономией. Сложен вопрос также и о присутствии российских военных и военно-морских баз. С другой стороны, в любой момент отношения внутри оппозиции могут прийти к обострению. До настоящего времени единственной идеей, объединявшей вооруженную оппозицию, являлась борьба с «тиранией Асада». Победа оппозиции неизбежно приведет к ее распаду и столкновению между группировками.

Заключение.

Любая идентичность формируется за счет противопоставления «мы – они». Пока Асад был у власти, идентичность оппозиционно настроенных к официальному правительству сил строилась на противопоставлении «мы – и все прочие, кто поддерживает Асада». Его исчезновение с политической сцены сразу приводит к тому, что оказывается много «мы» и много «они».

Проблема Сирии не столько в привычной бедности ее населения [17], сколько в отсутствии национального самосознания, т.е. отсутствии национальной идентичности, которая объединяла бы народ Сирии, независимо от этнической и религиозной принадлежности. Однако для ее формирования необходимо существование сплоченного «мы», а это достигается синхронизацией ментальной активности, которая, в свою очередь, возникает через общность разнообразных форм искусства, как отмечалось нами выше. В первую очередь – через наличие национальной литературы, особенно поэзии. И если этого нет, то нет и нации. Нет национального самосознания, национальной идентичности.

Нормальная конфигурация идентичностей выглядит следующим образом: верхний слой составляет идентичность гражданской нации; следующий уровень, лежащий, образно говоря, ниже – этническая идентичность; еще ниже – конфессиональная идентичность; далее может идти региональная идентичность, гендерная идентичность, семейная и пр. В арабском мире эта многослойность идентичностей выглядит в перевернутом и перемешанном виде. На первом плане находится конфессиональная идентичность. На втором – этническая или даже племенная идентичность, и это при том, что существуют значительные различия арабского языка, и арабский сирийский, и арабский, скажем, марокканский – это настолько разные диалекты, что их носители с трудом понимают друг друга. Хотя существующая литература (проза и поэзия) имеют общеарабское значение и должны были бы способствовать арабской этнической идентичности, но время ее возникновения – Средние века, и к современным национальным государствам имеет отдаленное отношение. Справедливости ради все же следует заметить, что в сирийском арабском бытует достаточно специфичная устная культура всевозможных рассказов в стиле moralité, прибауток, поговорок и пословиц[2]. Тем не менее существуют сложности и с арабской этнической идентичностью вообще [14, с. 9], да и существование национальной гражданской идентичности, по крайне мере в Сирийской Арабской Республике, весьма и весьма сомнительно.

Сказанное позволяет констатировать существование опасности вступления Сирии в еще более жестокую фазу гражданской войны и раздробления страны на феодальные владения отдельных вооруженных формирований даже в том случае, если им удастся достичь согласия и сформировать (по внешним параметрам общегосударственное) правительство.

[1] Эти строки были написаны 07 декабря 2024 г., а на следующий день Израиль ввел войска на «пограничные» территории и осуществил бомбардировку городов Сирии под предлогом необходимости уничтожения предприятий, якобы производящих химическое оружие, а также складов с вооружением армии Асада, дабы они не достались Сирийской национальной армии и прочим джихадистам.

[2] Например, Syria Untold опубликовала серию статей об устной культуре в Сирии. URL : https://syriauntold.com/category/in-depth/oral-culture

© Лукичев П.Н., Жуни Ханин

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Лукичев П.Н. Общая теория социальной динамики: Основания и начала анализа. Изд. 2-е. М. : РУСАЙНС, 2017. 324 с.
2. Лукичев П.Н. Трансформация когнитивно-идеологических матриц // Стратегии развития общества и социальная работа: Пятая Всероссийская научно-практическая конференция с Международным участием (10–13 окт. 2022 г.): Материалы докладов и сообщений в виде научных статей. ЮФУ. Ростов-на-Дону; Таганрог : ЮФУ, 2023. С. 78–85.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2000. 880 с.
4. Сирийский рубеж / М.С. Барабанов [и др.]; Ред. М.Ю. Шеповаленко; С предисл. С.К. Шойгу и послесловием С.В. Лаврова. М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2016. 184 с.
5. Шагавиев Д.А. Исламские течения и группы. Казань : КФУ, 2015. 336 с.
6. Burton J.W. Conflict Resolution as a Political Philosophy. Theory and Practice: Integration and Application / J.W. Burton; Ed. D.J.D. Sandole and Hugo van der Merwe. Manchester and New-York : Manchester University Press, 1993. P. 55–64.
7. Carpenter T.G. Tangled Web: The Syrian Civil War and Its Implications. Mediterranean Quarterly. 2013. № 24 (1). P. 1–11.
8. Collier P. Doing Well out of War in Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars. Boulder : Lynne Rienner, 2000. 251 p.
9. Daftary Farhad. Short History of the Ismailis: Traditions of a Muslim Community. Edinburg : Edinburgh University Press, 2020. 256 c.
10. Humphreys M. Who fights? The Determinants of Participation in Civil War M. / Humphreys, J.M. Weinstein // American Journal of Political Science. 2008. № 52(2). P. 436–455.
11. Jason Mandryk Operation World: The Definitive Prayer Guide to Every Nation. 7th ed., InterVarsity Press. 2010. 978 p.
12. Makdisi S. The Aftermath of the Arab Uprisings: Towards Reconstruction, Democracy and Peace S./ Makdisi, R. Soto. London : Routledge, 2023. 286.
13. Maslow A.H. Motivation and Personality. New-York : Harper & Row, 1954. 399 p.
14. Salamandra Christa A. A New Old Damascus: Authenticity and Distinction in Urban Syria. Bloomington : Indiana UP, 2004. 216 p.
15. Skinner B.F. About Behaviorism. New-York : Vintage Book, a Division of Random House, Knopf Doubleday Publishing Group, 2011. 303 p.
16. Starr St. Revolt in Syria: Eyewitness to the Uprising. New-York : Columbia UP, 2012. 226 p.
17. Abu-Ismail K., Abdel-Gadir A., El-Laithy H. Poverty and inequality in Syria (1997–2007). UNDP. Arab Development Challenges Report. 2011. № 15. URL : https://www.undp.org/arab-states/publications/poverty-and-inequality-syria-1997-2007
18. Sambanis N. Power-sharing and Peace-Building. Unpublished Manuscript. Economic Research Forum project on «Conflict, Post-conflict transition and peacebuilding in the Arab Region». Giza, Egypt; Working Paper № 1396. June 2020. 33 p. URL : https://erf.org.eg/app/uploads/2020/08/1598532147_921_579348_1396.pdf

References:

1. Lukichev P.N. General Theory of Social Dynamics: Foundations and Beginnings of Analysis. 2nd Edition. M. : RU-SAINS, 2017. 324 p.
2. Lukichev P.N. Transformation of Cognitive and Ideological Matrices // Strategies for the Development of Society and Social Work: Fifth All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (October 10–13, 2022): Proceedings of Reports and Presentations in the Form of Scientific Articles. SFU. Rostov-on/D.; Taganrog : SFU, 2023. P. 78–85.
3. Parsons T. On the Structure of Social Action. M. : Academic Project, 2000. 880 p.
4. Syrian Frontier / M.S. Barabanov [et al.]; Editor M.Yu. Shepovalenko; With the foreword by S.K. Shoigu and the afterword by S.V. Lavrov. M. : Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2016. 184 p.
5. Shagaviev D.A. Islamic trends and groups. Kazan : KFU, 2015. 336 p.
6. Burton J.W. Conflict Resolution as a Political Philosophy. Theory and Practice: Integration and Application / J.W. Burton; Ed. D.J.D. Sandole and Hugo van der Merwe. Manchester and New-York : Manchester University Press, 1993. P. 55–64.

© Лукичев П.Н., Жуни Ханин

7. Carpenter T.G. Tangled Web: The Syrian Civil War and Its Implications. Mediterranean Quarterly. 2013. № 24 (1). P. 1–11.
8. Collier P. Doing Well out of War in Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars. Boulder : Lynne Rienner, 2000. 251 p.
9. Daftary Farhad. Short History of the Ismailis: Traditions of a Muslim Community. Edinburg : Edinburgh University Press, 2020. 256 c.
10. Humphreys M. Who fights? The Determinants of Participation in Civil War M. / Humphreys, J.M. Weinstein // American Journal of Political Science. 2008. № 52(2). P. 436–455.
11. Jason Mandryk Operation World: The Definitive Prayer Guide to Every Nation. 7th ed., InterVarsity Press. 2010. 978 p.
12. Makdisi S. The Aftermath of the Arab Uprisings: Towards Reconstruction, Democracy and Peace S./ Makdisi, R. Soto. London : Routledge, 2023. 286.
13. Maslow A.H. Motivation and Personality. New-York : Harper & Row, 1954. 399 p.
14. Salamandra Christa A. A New Old Damascus: Authenticity and Distinction in Urban Syria. Bloomington : Indiana UP, 2004. 216 p.
15. Skinner B.F. About Behaviorism. New-York : Vintage Book, a Division of Random House, Knopf Doubleday Publishing Group, 2011. 303 p.
16. Starr St. Revolt in Syria: Eyewitness to the Uprising. New-York : Columbia UP, 2012. 226 p.
17. Abu-Ismail K., Abdel-Gadir A., El-Laithy H. Poverty and inequality in Syria (1997–2007). UNDP. Arab Development Challenges Report. 2011. № 15. URL : https://www.undp.org/arab-states/publications/poverty-and-inequality-syria-1997-2007
18. Sambanis N. Power-sharing and Peace-Building. Unpublished Manuscript. Economic Research Forum project on «Conflict, Post-conflict transition and peacebuilding in the Arab Region». Giza, Egypt; Working Paper № 1396. June 2020. 33 p. URL : https://erf.org.eg/app/uploads/2020/08/1598532147_921_579348_1396.pdf

Информация об авторах

Лукичев Павел Николаевич
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры конфликтологии
и национальной безопасности,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
milena.555@mail.ru

Жуни Ханин
аспирант кафедры конфликтологии
и национальной безопасности,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
milena@mail.ru

Pavel N. Lukichev
Doctor of Sociology,
Professor,
Professor of the Department of Conflictology
and National Security,
Institute of Sociology and Regional Studies
of the Southern Federal University
milena.555@mail.ru

Zhuni Khanin
Postgraduate Student of the Department
of Conflictology and National Security,
Institute of Sociology and Regional Studies
of the Southern Federal University
milena@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Лукичев П.Н., Жуни Ханин

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-11
УДК 316

Attribution
cc by

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Передерий В.А.[1], Плотников В.В.[2], Стригуненко И.К.[3]
[1, 3]Краснодарский университет МВД России,
[2]Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. В статье рассматривается влияние, укорененных в культуре моделей времени, на процесс социализации личности. Проводится теоретический анализ зарубежных исследований, посвященных восприятию и использованию времени в различных культурах, а также механизмам усвоения временных норм в ходе социализации. Показано, что представления о времени (монохроничное и полихроничное, «часовое» и «событийное», линейное и циклическое) задают культурные временные рамки, которые люди усваивают через семейные ритуалы, обучение и институциональные расписания. Эти временные нормы формируют в личности такие черты, как ответственность и самодисциплина, и влияют на ценности (планирование будущего или ориентирование на настоящее). Разрабатывается интегративная модель, связывающая культурно-исторические предписания времени и процессы передачи временных представлений в социуме.

Ключевые слова: время, социальная модель времени, социализация, культура, личность.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SOCIOCULTURAL MODELS OF TIME AS A FACTOR OF PERSONALITY SOCIALIZATION

Veronika A. Perederiy[1], Valery V. Plotnikov[2], Ivan K. Strigunenko[3]
[1, 3]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
[2]Kuban State Agrarian University named After I.T. Trubilin

Abstract. The article examines the influence of culturally rooted time models on the process of personality socialization. A theoretical analysis of foreign studies devoted to the perception and use of time in various cultures, as well as the mechanisms of assimilation of time norms in the course of socialization is carried out. It is shown that ideas about time (monochronic and polychronic, «hourly» and «eventful», linear and cyclical) set cultural time frames that people learn through family rituals, training and institutional schedules. These time norms form such personality traits as responsibility and self-discipline and influence values (planning for the future or focusing on the present). An integrative model is developed that links cultural and historical prescriptions of time and the processes of transmitting time ideas in society.

Keywords: time, social model of time, socialization, culture, personality.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Время в социологическом и психологическом понимании – это не только объективная физическая категория, но и социальный конструкт, формируемый в культурном контексте и отражающий общественные установки и ценности.

Время, само по себе – социальная конструкция, результат взаимодействия людей и процессов социализации.

Действительно, различные общества обладают собственными культурными моделями времени – например, четко регламентированное линейное время в западных обществах или более гибкое событийное время в ряде тропических и традиционных культур. Эти модели определяют, в какое время запускаются определенные ритуалы, какое значение придают планированию будущего или соблюдению расписаний. Так, Э. Холл выдвинул различие между монохроничностью

© Передерий В.А., Плотников В.В., Стригуненко И.К.

(последовательное выполнение задач) и полихроничностью (параллельное выполнение нескольких задач), различающие, например, культуру США и культуру Латинской Америки.

Подобные временные ориентации оказывают глубокое влияние на образ жизни и идентичность людей, задавая «ритмы» общественного процесса и определяя границы «своих» и «чужих» в социальной группе.

В то же время, роль этих социокультурных моделей времени в процессе социализации личности остается мало изученной.

Кэттан указывает на «пробелы в исследовании времени и общества»: большинство работ по социологии и антропологии времени не фокусировались на том, как дети усваивают практики учета времени [2], а классические концепции социализации практически не рассматривают время как усваиваемое знание.

Процесс социализации личности включает внутреннее усвоение норм и ценностей общества, и представления о времени, безусловно, являются одной из таких норм. Поэтому целью данной статьи является анализ теоретических подходов к тому, как социокультурные модели времени влияют на становление личности – какие временные представления и ценности передаются в ходе социализации, и какие последствия это имеет для поведения индивида.

Методологически исследование основано на синтезе академических публикаций в области социальной антропологии, социологии и психологии, посвященных культурным представлениям времени и семейной/школьной социализации.

Материалы и методы. Данная работа носит теоретико-аналитический характер и представляет собой обзор литературы. В качестве источников использованы статьи и монографии зарубежных авторов, анализирующих культурные аспекты восприятия времени и его социализации. Основные методы – концептуальный анализ и синтез существующих теорий.

Мы рассмотрели публикации, касающиеся и описания культурно обусловленных моделей времени (как, например, работы Холла, Левина, Зерувабеля и др.), и исследований социализации, в которых упоминается время (например, работы по языковой социализации, семейным ритуалам, образовательным расписаниям).

Отдельно проанализированы эмпирические и теоретические материалы, освещающие влияние временных норм на формирование черт личности и социальных ценностей.

Результаты описательного анализа литературы сгруппированы по темам:

1) определение и классификация социокультурных моделей времени;

2) механизмы передачи временных представлений в ходе социализации;

3) влияние усвоенных временных норм на личностные качества и социальные роли.

Обсуждение.

Разные культуры имеют собственные временные парадигмы, которые устанавливают рамки организации повседневной жизни. Характерная особенность любой парадигмы, вне зависимости от ее вида – это ее тотальность и скрытость. Она относится к базовому слою реальности и не может быть полностью осознана без выхода за ее пределы. Возможность исследования временной парадигмы опирается на достижения в области теории и методологии анализа парадигмы как таковой (Т. Кун), на накопленные культурологические знания, позволяющие проводить сравнительный анализ различных культур, в аспекте отражения и организации повседневной реальности, на накопленные исторические знания, позволяющие делать выводы относительно ускорения социальных и экономических процессов. Благодаря этому, становится возможной концептуализация времени, превращение его в самостоятельный объект исследования [7].

Особенностью времени, как созданной человеком (культурой) модели упорядочивания действительности, является то, что оно опосредует субъективную и объективную реальность. С одной стороны, время связано с переживанием длительности на уровне сознания, а с другой стороны, время неразрывно связано с физическими процессами и событиями. Способность к планированию и организации времени – это особенность человека, как разумного существа.

Социальная модель времени выступает как, своего рода, надстройка над первичными структурами времени, которые обнаруживаются на уровне сознания и физической реальности. На уровне формирования социальной модели времени уже есть некоторая вариативность, позволяющая.

Таким образом, можно говорить о различных видах времени, с точки зрения социокультурного способа упорядочивания действительности, для разных культур в различные эпохи.

Одно важное различие существует между «часовым» и «событийным» временем. В культурах, ориентированных на часовое время (как правило, современная западная индустриальная традиция), ход времени измеряется объективными единицами: часы диктуют начало и конец активностей. В культурах событийного времени расписание подчиняется естественным или социальным ритмам: события начинаются и заканчиваются «когда придет время» по обстоятельствам или взаимному согласию участников [1]. В первом случае точное соблюдение расписания и пунктуальность считаются нормой, во втором – большую роль играют гибкость и ощущение вре-

© Передерий В.А., Плотников В.В., Стригуненко И.К.

мени. Например, как описывается в психологическом учебнике, в одних культурах локальный срок собрания начинается строго по звону колокола, тогда как в других – «время ждать» может растянуться, пока участники не будут готовы начать.

В рамках часового времени возникает понятие «монохроничность»: последовательное выполнение задач, четкие приоритеты, логичное разделение задач, и стремление «сохранить» или «рационально потратить» время.

В полихроничных культурах (преимущественно коллективистских) люди склонны одновременно заниматься несколькими делами, переключаться между решением задач на ходу, уделять больше внимания взаимодействию с людьми, нежели точному графику. Эти модели времени отражают иерархию ценностей: например, в полихроничных обществах (Латинская Америка, Африка, Ближний Восток) часто важнее сохранить динамику группового общения, чем строгое соответствие договоренному времени встречи [2]. Впрочем, и внутри одной страны могут сосуществовать разные стили: некоторые профессии требуют точного расписания (финансисты, врачи), а в творческих сферах поощряется спонтанность.

Кроме того, важно различать линейное (линейно-временное) и циклическое видение времени. Во многих традиционных культурах распространено понимание времени как повторения ритмов природы (сезонные циклы, праздники, обряды). В современном индустриальном сознании преобладает линейная модель, где время представляется как неуклонно движущаяся «стрелка» к будущему [8]. Эти различия влияют на социокультурные нормы, связанные с возрастом, жизненным циклом и долгосрочными планами.

Временные модели культуры передаются новым поколениям, главным образом, через семью, образование и общественные институты.

Исследования показывают, что уже в раннем детстве через повседневные ритуалы дети учатся «читать» время и соблюдать распорядок [4]. В семейном контексте элементарной единицей усвоения становится ежедневное расписание (время пробуждения, приема пищи, игр и сна). Родители, в том числе через язык, сообщают ребенку, «который сейчас час», и ожидают, что ребенок начнет или закончится активность по сигналу времени.

Кэттан описывает, как в ходе обычных семейных взаимодействий возникают так называемые предложения о переходе (activity-transition-point-proposals), сообщающие, что «время переходить к следующему занятию» [2]. Такие сигналы (например, «ужин через пять минут» или «пора ложиться спать») приучают ребенка к представлению о том, что деятельность ограничена по времени и вписана в последовательность событий.

Через подобные практики дети усваивают несколько ключевых аспектов:

1) умение ориентироваться по часам – научиться отслеживать длительность активностей и определять время с помощью часов;

2) представления о порядке и структуре времени – например, что после игры идет обед, а после ужина – сон;

3) социальные нормы поведения во времени – например, послушание родительским распоряжениям об окончании игры в установленное время [2].

Таким образом, по мере роста ребенка от воспитывающих ожидается не только подчинение требованиям взрослого, но и согласование своего «времени» с групповыми ритмами. Важным примером является определение будних и выходных дней: по словам Кэттана, границы недели, обозначенные учебой или работой в будни и свободой в выходные, становятся для ребенка частью его социальной принадлежности.

Школьное и профессиональное обучение усиливают это влияние: учебное расписание, домашние задания, экзамены – все это приучает молодежь к аккуратному планированию и к тому, что временем необходимо управлять стратегически. Так, антрополог Э. Зерувабель отмечал, что календари и расписания в современном обществе превращаются в стандартизированный регулятор, «принудительный» даже к тем, кто не хотел бы следовать жесткому графику [5]. Семьи в целом вынуждены подстраиваться под социально закрепленное время: например, школьный график диктует родителям, когда водить ребенка в школу, а работа – когда ложиться спать и когда вставать.

Исследования семейных ритмов показывают, что «темпоральности образования и профессиональной деятельности формируют социовременные рамки», налагающие на всех членов семьи необходимость построения согласованного календаря и готовности к будущему [4]. При этом уровень адаптации к таким требованиям зависит от социального контекста и пола: женщины традиционно играют ключевую роль в организации семейного времени и передаче детям этих временных навыков.

Важным фактором является межпоколенческая преемственность: старшие передают молодым культурно значимые «временные истины». К примеру, рассказы старшего поколения об «доиндустриальном» ритме жизни могут формировать у молодежи уважение к более медленной жизненной скорости (ностальгия по «дедовскому» времени), тогда как родители из глобализованного города приучают детей к ускоренному темпу современной жизни [1]. Это показывает, что культурная модель времени меняется по историческим эпохам и наследует черты предыдущих поколений, одновременно предлагая новое видение будущего.

© Передерий В.А., Плотников В.В., Стригуненко И.К.

Социально-психологический аспект состоит в том, что развитие личности и её социализация предполагает последовательное прохождение основных жизненных этапов и кризисов. Существует ряд психологических концепций, описывающих «возраст» и кризисы (Фрейд, Юнг, Эриксон, Выготский, Петровский и другие), при том, что они дополняют друг друга, временные рамки кризисов и возрастов не всегда совпадают. Возраст определяется не только биологическими, но и социальными и культурными факторами.

Из этого следует, что применение возрастной модели развития личности и социализации должно учитывать общий социальный и культурный контекст восприятия времени.

Усвоение временных норм оказывает существенное влияние на формирование индивидуальных характеристик личности.

Во-первых, разделение времени на структурированные единицы способствует развитию ответственности и самодисциплины: человек, приученный отвечать за выполненные задания в отведенный срок, чаще проявляет организованность. Кэттан подчеркивает, что социализация «учета времени» неизбежно связана с обучением другим социальным нормам – например, честности и ответственности [2]. Так, ребенок, у которого регулярно просят «по окончании игры честно сказать, сколько времени прошло», одновременно учится правдиво отчитываться о своих действиях. Расписания и дедлайны формируют представление о том, что время – это ресурс, который нельзя тратить зря.

Во-вторых, временная ориентация (фокус на прошлом, настоящем или будущем) определяется культурной средой и влияет на ценностные установки. В культурах с длинным временным горизонтом (например, где ценятся будущие результаты) у людей формируются черты трудолюбия и дальновидности, они склонны откладывать удовлетворение в пользу будущей выгоды. В культурах, акцентированных на настоящем или цикличном времени, может преобладать ценность моментальной радости и социального взаимодействия в настоящем моменте. Этот сдвиг отображается в мировых опросах, где жители некоторых стран демонстрируют более оптимистичное отношение к будущему, в то время как другие предпочитают сиюминутные удовольствия.

В-третьих, культурные представления о времени задают социальные роли и идентичность. Знание расписания и участие в коллективных временных ритуалах закрепляет принадлежность к группе: как писал Зерувабель, «календарь и график являются маркерами идентичности; они отделяют «наших» от «чужих»» [5]. Например, праздники (Новый год, религиозные дни) сигнализируют о коллективной истории и передаются детям как часть культурной памяти.

Таким образом, усвоение «культурного времени» не только обучает ребенка считаться с часами и днями недели, но и встраивает его в социальную ткань группы с ее ритуалами и ожиданиями.

Наконец, усвоенные временные нормы влияют на динамику жизни личности: человек привыкает к определенной «скорости» жизни, что может отражаться на стрессоустойчивости, ритме работы и досуга. К примеру, исследования темпа жизни различных стран показывают, что жители быстрого ритма («монохроничных» западных стран) чаще ощущают нехватку времени и стрессы, в то время как в более медленных культурах субъективное ощущение времени отличается [1].

Переход к цифровой эпохе (смартфоны, Интернет) также меняет модель времени – время стало более фрагментированным и управляемым технологиями, что добавляет новый пласт в социокультурную модель времени современного общества.

Результаты.

Проанализированные теоретические подходы позволяют сделать вывод о том, что социокультурная модель времени является значимым контекстуальным фактором социализации личности. Время выступает не просто фоном жизни, а активным регулятором социальных практик: оно определяет ритм общения в семье, структуру образовательного процесса, форму трудовой активности и даже оформление статусов в обществе (возрастные рубежи, жизненные этапы).

Усвоение временных норм в раннем возрасте становится частью «хронотопа» личности, то есть интеграцией ценностей и ролевых ожиданий, связанных с временем.

Результаты нашего анализа показывает, что семья и школа играют ключевую роль в социализации временных моделей: через постоянные распорядки и правила дети учатся понимать требования общества во времени. При этом культурные различия (в том числе региональные или национальные) обуславливают вариативность этих требований – например, в одних обществах подростка с детства приучают к жесткому соблюдению расписания и ответственности за свои планы, а в других на первое место ставят гибкость и взаимную помощь. Это отражается и на стратегии социализации личности: модели, где доминирует будущее время, скорее будут культивировать планирование, долгосрочное мышление и терпение; где ценится настоящее – выработка коммуникативности и умения импровизировать. При этом время выступает, своего рода, «социальным кодом», который культурно детерминирован. Изменения в этой модели (например, из-за глобализации или технологического прогресса) способны влиять на всю систему социализации.

Глобализация приводит к тому, что монохроничные и полихроничные подходы сталкиваются и иногда смешиваются (например, жесткие рабочие часы соседствуют с мобильностью удаленной работы). Цифровые технологии сделали «наблюдение за временем» непрерывным и повсеместным, что меняет традиционные роли родителей: ребенок уже с дошкольного возраста

© Передерий В.А., Плотников В.В., Стригуненко И.К.

осваивает гаджеты и учится пользоваться расписаниями из приложений. Это может смягчить поколенческие различия, но также создает новые формы «социализации по времени», когда нормы задают не только люди, но алгоритмы и устройства.

Наш обзор литературы, по большей части, основывается на качественных и концептуальных исследованиях; количественных эмпирических данных о прямиковом влиянии временных моделей на конкретные личностные характеристики мало. Это ограничивает возможность делать строго доказательные выводы о том, насколько сильно тот или иной культурный режим времени «закодирован» в личности. Однако концептуальные выводы однозначно указывают на то, что время – это не нейтральный фон, а активный социальный фактор.

Перспективы дальнейших исследований включают межкультурные сравнения (например, как подростки в различных культурах воспринимают долгосрочные планы), продольные исследования (как меняются отношения к времени в течение жизни), а также изучение «смешанных» моделей времени в мультикультурной среде (например, мигранты с разными временными традициями).

Как отмечают современные исследователи, «восприятие последовательности – одно из базовых свойств нашего сознания, на котором и основана возможность связывания двух события между собой. Полученные эксперименты доказывают, что восприятие последовательности имеет полностью нейрофизиологический механизм. Последовательность задает контекст нашего восприятия, являясь необходимым элементом восприятия окружающего мира.

Ритм, длительность, одновременность и последовательность являются фундаментальными аспектами нашего восприятия, редуцируемыми к нейрофизиологическим свойствам мозга» [6]. При этом «даже если восприятие времени не более, чем иллюзия, именно эта иллюзия как тип ментального состояния является необходимым условием существования человеческого сознания» [6].

Заключение.

Таким образом, социализацию личности невозможно полно рассматривать вне временной плоскости. Установки относительно времени формируют у человека важные черты характера и поведения: планирование, дисциплина, ценность труда, уважение традиций или гибкость и креативность – все это частично предопределяется тем, какую модель времени индивид впитал с детства. Признание этого факта имеет практическое значение: педагогам и воспитателям следует учитывать культурно-исторический фон ученика, включая его временную ориентацию, при организации образовательного процесса.

Аналогично, в межкультурной коммуникации стоит быть осведомленным о разных «культах времени» для успешного взаимодействия и формирования социально-гуманистической среды.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Hachet B. Working with Time in Contemporary Families. Enfances, Familles, Générations. 2018. ; 29. P. 72–81. (Translated into English: Working with time in contemporary families).
2. Kattan S. Time and Identity: Socializing Schedules and the Implications for Community. Issues in Applied Linguistics. 2008. Vol. 16. № 1. P. 3–30.
3. Keating J. Why Time Is a Social Construct. Smithsonian Magazine. 2013.
4. Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. Social reality in the perspective of temporalism: In search of methodology. RUDN Journal of Sociology. 2023. Vol. 23. № 1. P. 112–121.
5. Zerubavel E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. University of California Press. 1981.
6. Зайкова А.С. Фундаментальные свойства восприятия времени // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2(34). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-svoystva-vospriyatiya-vremeni-1 (дата обращения 17.06.2025).
7. Плотников В.В. Концептуальный анализ как методологическое основание «философии процесса» / В.В. Плотников; Под общей ред. М.И. Даниловой // Философия и наука в условиях глобальных изменений: Сборник научных статей, посвященный 55-летию со дня образования кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета, Краснодар, 17–18 декабря 2018 года. Краснодар : Новация, 2018. С. 40–53.
8. Плотников В.В. Онтология времени как фактор межкультурной коммуникации / В.В. Плотников; Отв. ред. О.Е. Павловская // Современные СМИ как отражение аксиологических ориентиров общества: Ма-

© Передерий В.А., Плотников В.В., Стригуненко И.К.

териалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 24–25 мая 2018 года. Краснодар : ООО «Издательский Дом – Юг», 2018. С. 280–284.

References:

1. Hachet B. Working with Time in Contemporary Families. Enfances, Familles, Générations. 2018. ; 29. P. 72–81. (Translated into English: Working with time in contemporary families).
2. Kattan S. Time and Identity: Socializing Schedules and the Implications for Community. Issues in Applied Linguistics. 2008. Vol. 16. № 1. P. 3–30.
3. Keating J. Why Time Is a Social Construct. Smithsonian Magazine. 2013.
4. Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. Social reality in the perspective of temporalism: In search of methodology. RUDN Journal of Sociology. 2023. Vol. 23. № 1. P. 112–121.
5. Zerubavel E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. University of California Press. 1981.
6. Zaykova A.S. Fundamental Properties of Time Perception // Vestn. Tomsk. state University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2016. № 2(34). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-svoystva-vospriyatiya-vremeni-1 (date of application17.06.2025).
7. Plotnikov V.V. Conceptual analysis as a methodological basis for the «philosophy of the process» / V.V. Plotnikov; Under the general editorship of M.I. Danilova // Philosophy and science in the context of global changes: Collection of scientific articles dedicated to the 55th anniversary of the formation of the Department of Philosophy of the Kuban State Agrarian University, Krasnodar, December 17–18, 2018. Krasnodar : Novation, 2018. P. 40–53.
8. Plotnikov V.V. Ontology of time as a factor in intercultural communication / V.V. Plotnikov; Ed. O.E. Pavlovskaya // Modern media as a reflection of the axiological guidelines of society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, May 24–25, 2018. Krasnodar : Limited Liability Company «Publishing House – Yug», 2018. P. 280–284.

Информация об авторах

Передерий Вероника Анатольевна
кандидат социологических наук,
доцент,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
milena.555@mail.ru

Плотников Валерий Валерьевич
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
milena.55@mail.ru

Стригуненко Иван Константинович
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
milena@mail.ru

Veronika A. Perederiy
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

Valery V. Plotnikov
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
milena.55@mail.ru

Ivan K. Strigunenko
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.55@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Передерий В.А., Плотников В.В., Стригуненко И.К.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-12
УДК 316

Attribution
cc by

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ В ПАРАДИГМЕ СТРУКТУРНОГО ФУНКЦИОНАЛИЗМА

Плотников Н.В.[1], Передерий В.А.[2], Стригуненко Ю.В.[3]
[1]Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
[2, 3]Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Статья посвящена анализу института образования в рамках структурно-функционалистской парадигмы социологии. Рассматривается, как с точки зрения этой концепции образование выполняет важнейшие социальные функции – социализации, интеграции, распределения ролей и легитимации статусов – и как эти функции обеспечивают стабильность и воспроизводство общества. Проводится сопоставительный анализ с конфликтной и символико-интеракционистской перспективами, отмечаются критические замечания (необходимость учёта неравенства и микроуровневых взаимодействий). Результаты демонстрируют, что хотя функционализм подчёркивает консенсус ценностей через образование, реальные социальные условия (например, различия в уровне образования между регионами) указывают на ограничения этой модели. Статья опирается на современные международные исследования и классические труды (Дюркгейм, Парсонс и др.).

Ключевые слова: структурный функционализм, институт образования, социализация, социальная интеграция, распределение ролей, конфликтная теория.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

INSTITUTE OF EDUCATION IN THE PARADIGM OF STRUCTURAL FUNCTIONALISM

Napoleon V. Plotnikov[1], Veronika A. Perederiy[2], Yulia V. Strigunenko[3]
[1]Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
[2, 3]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the institution of education within the framework of the structural-functionalist paradigm of sociology. It is considered how, from the point of view of this paradigm, education performs the most important social functions - socialization, integration, distribution of roles and legitimization of statuses – and how these functions ensure the stability and reproduction of society. A comparative analysis is carried out with conflict and symbolic-interactionist perspectives, critical remarks are noted (the need to take into account inequality and micro-level interactions). The results demonstrate that although functionalism emphasizes cohesion and consensus of values through education, real social conditions (for example, differences in the level of education between regions) indicate the limitations of this model. The article relies on modern international studies and classical works (Durkheim, Parsons, etc.) for a comprehensive consideration of the issue.

Keywords: structural functionalism, institution of education, socialization, social integration, role distribution, conflict theory.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Структурный функционализм рассматривает общество как целостную систему взаимосвязанных элементов (социальных институтов), каждый из которых выполняет определённые функции для поддержания её стабильности и целостности. В этой парадигме институт образования воспринимается как критически важная подсистема, обеспечивающая воспроизводство культуры, консенсус ценностей и подготовку кадров для экономики.

Согласно классической формулировке, «каждый из институтов, отношений, ролей и норм, составляющих общество, служит определённой цели и

© Плотников Н.В., Передерий В.А., Стригуненко Ю.В.

необходим для продолжения существования общества в целом». То есть, отказ от выполнения функции любой подсистемы (например, школьного образования) может привести к нарушению социальной устойчивости: «Если часть (например, образовательный институт) не выполняет свою функцию адекватно, то система в целом ослабевает и, в худшем случае, может разрушиться» [1, с. 109].

Важность института образования подчёркивалась ещё Э. Дюркгеймом и Т. Парсонсом.

Дюркгейм считал школы «агентствами социализации», которые приучают детей к общественным правилам и готовят их к взрослым экономическим ролям.

Парсонс расширил эти идеи, выделив вторичную социализацию – переход из семейного окружения в нормы индустриального общества, а также функции «распределения ролей» и «меритократии». Он отмечал, что через школу общество внедряет универсалистские ценности (дисциплину, ответственность, стремление к достижению результатов) вместо семейных партикуляристских стандартов. Таким образом, институт образования играет ключевую роль в сохранении общественного порядка и согласия [4].

Настоящее исследование ставит целью обобщить эти идеи с учётом актуальных источников, а также сопоставить функционалистскую перспективу с альтернативными парадигмами (конфликтной, символико-интеракционистской и другими).

Методология. В работе применён метод теоретического анализа и сравнительного обзора литературы. Систематически были проанализированы статьи и монографии ведущих социологов (включая классиков), а также обзоры и учебные пособия (в частности, современные англоязычные источники) по функционализму и социологии образования.

Основной акцент сделан на авторитетных зарубежных работах и систематических обзорах. При этом для эмпирической иллюстрации были использованы официальные статистические данные (приведены показатели ЮНЕСКО) о глобальном уровне образования и существующих диспропорциях. Такой подход позволил объединить теоретический обзор с кратким актуальным примером и выявить связи между парадигмами.

Обсуждение. Результаты.

Согласно структурно-функционалистской теории, институт образования выполняет несколько функций (осознанных, явных) и латентных функций (скрытых, непреднамеренных) для общества.

К основным функциям образования относят следующие. Школы и вузы приобщают индивидов к нормам, ценностям и правилам общества. Уже Дюркгейм подчёркивал, что «школы – это агенты социализации, которые учат детей уживаться друг с другом и готовят их к взрослым экономическим ролям».

Структурные функционалисты видят в образовании механизм «вторичной социализации», через который ребёнок переходит от семейных партикуляристских ценностей к универсалистским нормам современного общества [5].

Таким образом, образование поддерживает культурное единство и последовательное усвоение социальных ролей.

Как отмечается в одном из современных исследований, «образование используется для социализации молодых людей, чтобы они могли получать знания, менять поведение и приобретать ценности, которые принесут им пользу как части общества» [5]. Эта функция образования позволяет обществу формировать у подрастающего поколения согласие относительно базовых целей (ценностей достижения, законности и т.п.).

Образование способствует укреплению общественной целостности и социальной интеграции. Школьные уроки (например, по истории, гражданственности) формируют представления о «национальном наследии» и гражданской ответственности, объединяя разнородные группы. Формируется общее культурное поле – «скрытая учебная программа» транслирует важнейшие социальные ценности и способствует созданию общественного согласия.

Парсонс отмечал, что школа как институт инкорпорирует индивидов в структуру общества, воспитывая у них «важность достижений» и «равенство возможностей», что обеспечивает гармонию в социальной системе. Некоторые авторы указывают, что через образование общество «наказывает» и «поощряет» учеников (системы оценок, экзаменов) для достижения социального порядка, тем самым закрепляя социальную стабильность.

Школы выполняют сортировочную функцию, определяя «квалификационные входы» в социальные позиции. По Парсонсу, именно образование обеспечивает механизм распределения ролей: способствуют тому, что наиболее талантливые и прилежные индивиды получают лучшие возможности – учёные степени, престижные профессии – а тем самым общество получает компетентных специалистов.

Образование функционирует по принципу меритократии, где люди вознаграждаются на основе усилий и способностей, а не унаследованного статуса. Из системы образования выходит готовая «рабочая сила» со сформированными навыками, что поддерживает социально-экономическую функцию общества. На макроуровне этот процесс легитимизирует социальную стратификацию: люди воспринимают своё положение как результат собственных заслуг.

© Плотников Н.В., Передерий В.А., Стригуненко Ю.В.

Образование выполняет функции социального контроля. Поступая в школу, дети учатся подчиняться правилам, уважать авторитет учителей и системы в целом. Эти навыки переносятся во взрослую жизнь (социальные нормы в трудовой деятельности и пр.).

Таким образом, школа является инструментом стабилизации поведения – концепция, наиболее четко сформулированная в классическом тезисе о «социальной контроле через образование».

Кроме того, выделяются и латентные функции образования, которые косвенно влияют на общество. Среди них – установление социальных связей, формирование брачного пула (школьные знакомства) и т.п.

Крупные промышленные общества, как отмечают учёные, нуждаются в системах образования, которые также подспудно влияют на социальную мобильность и открытость системы. Все эти функции взаимосвязаны. Каждое обществу имеет различные подсистемы (включая образование), каждая из которых со своей структурой и функциональным значением для сообщества [1].

Таким образом, институт образования рассматривается как часть интегрированного социального организма: его неуспех или дисфункция может ослабить общественную систему.

Для полноты картины необходимо отметить, что конфликтный подход (включая марксизм) предлагает иную интерпретацию роли образования. Конфликтологи видят в школах механизм воспроизводства социального неравенства и доминирования одних групп над другими. Так, по их мнению, образовательная система консервирует статус-кво, обеспечивая рутинные кадровые потоки, но устраняя шансы у менее привилегированных.

Различные обзорные источники подчёркивают, что конфликты пронизывают все общественные институты, включая политику, экономику и образование, а образовательные практики больше выгодны правящему классу, чем обществу в целом. Критики функционализма указывают, что идея меритократии иллюзорна: реальная образовательная мобильность во многом определяется социальным происхождением. В этой связи, важно упомянуть, что глобальная статистика отражает глубокие неравенства: например, по данным ЮНЕСКО, в странах Субсахарской Африки менее 50 % взрослых завершили начальное образование, в то время как в Восточной Азии, Северной Африке и Латинской Америке таких более 75 %. С этой точки зрения, можно рассматривать низкий охват образованием как «дисфункцию» с точки зрения консенсусных теорий и как показатель структурного неравенства с точки зрения конфликта.

Символико-интеракционистский подход концентрируется на микросоциологических аспектах: взаимодействиях «учитель–ученик», влиянии меток и ожиданий в классе и т.д. Этот подход даёт важные дополнения, он выявляет, как на деле формируется поведение ученика через повседневную практику (например, влияние «подгрупп», школьной культуры, процесса оценки и пр.), но в целом выходит за рамки макросистемных представлений функционализма. Феминистские и культурные теории также подчеркивают, что школы могут отражать гендерные и культурные предубеждения, что функциональная модель не всегда учитывает.

Таким образом, структурный функционализм демонстрирует сильный акцент на социальном порядке и положительных ролях образования, но сравнительный анализ с другими парадигмами выявляет ограничения его модели. Конфликтный и интерпретативные подходы подчёркивают те аспекты образовательной реальности, которые «устойчивое единое целое» не описывает (неравенство, сопротивление, скрытые механизмы влияния).

Результаты проведенного нами анализа показывают, что, с точки зрения структурного функционализма, институт образования рассматривается как необходимый компонент социальной системы, обеспечивающий её воспроизводство и стабильность. Образование удовлетворяет важнейшие функциональные требования общества: формирует социальную интеграцию, воспроизводит культурный капитал и распределяет кадры по социальным ролям.

В современных условиях широкого охвата систем образования (например, по данным ЮНЕСКО почти 70 % детей получают дошкольное обучение) можно говорить об общепринятой функции образования как фактора общественного прогресса и модернизации. Однако иерархическая срезка данных также подчёркивает, что образование не всегда служит равномерным эгалитарным механизмом: отчёт ЮНЕСКО выявляет значимые региональные различия и гендерные или имущественные разрывы. Эти «дисфункции» можно интерпретировать двояко: с одной стороны, они представляют собой проблемы для равновесия «организма общества» (например, низкий уровень обучения препятствует экономическому развитию и социальной сплочённости в бедных странах). С другой стороны, конфликты, обнаруженные другими подходами, показывают, что структурная модель не в полной мере отражает процессы формирования неравенства и борьбы интересов в образовательной сфере.

В целом рассмотрение института образования в парадигме структурного функционализма выявляет его двоякий характер: с одной стороны – как стабилизирующий фактор, с другой – как механизм, в котором скрыты потенциальные напряжения.

Для современной социологии важно учитывать обе стороны. Структурный функционализм остаётся полезной рамкой для понимания социально-позитивных функций образования (социали-

© Плотников Н.В., Передерий В.А., Стригуненко Ю.В.

зация, интеграция, легитимация), но к ней необходимо добавлять критический анализ, подчёркиваемый конфликтной теорией (вопросы равенства, власти) и интерпретативными подходами (например, микродинамика школы).

Проведённый анализ, опираясь на современные данные и классические идеи, показывает, что подход структурного функционализма к институту образования даёт обширную основу для объяснения его роли в обществе. При этом дальнейшие исследования могут быть направлены на количественную оценку представленных функций (например, измерение влияния уровня образования на социальную мобильность) и на интеграцию альтернативных теоретических представлений для более полного объяснения сложных явлений в сфере образования.

С позиций структурного функционализма общество предстает как система взаимосвязанных элементов, каждый из которых служит определённой цели. Как подчёркивают исследователи, структурный функционализм – это широко направленная перспектива, рассматривающая общество как структуру с взаимосвязанными частями. В этом контексте, образование выполняет социальные функции социализации и интеграции, передавая нормы и ценности младшему поколению и прививая «универсалистские» стандарты поведения. Функционалисты подчёркивают и скрытые роли школ – например, формирование сетей общения или брачный пул – через латентные функции образования. При широком охвате обучением (по данным ЮНЕСКО почти 70 % детей вовлечены в дошкольное образование) такие функции действительно способствуют общекультурному единству и общественному порядку.

Тем не менее, функционалистская модель идеализирует образовательную систему и зачастую не учитывает её тёмную сторону. Конфликтная перспектива подчёркивает, что образование выступает средством расширения разрыва в социальном неравенстве [4].

С точки зрения конфликта, школы воспроизводят социальную стратификацию: система оценок и «скрытая учебная программа» фактически передают доминирующую культуру и готовят детей из разных слоёв к разным ролям. Учителя передают не только знания, но и ожидания, из за чего у учеников складываются разные образовательные траектории.

Важнейшая критика функционализма – иллюзия меритократии: на практике, успех во многом предопределён социальным происхождением. Так, Бурдье и Пассерон показали, что «культурный капитал» передаётся неравномерно, и дети из привилегированных семей получают непропорциональные преимущества [2]). Эмпирически это отражается в глобальных дисбалансах. По данным ЮНЕСКО, многие страны Африки к югу от Сахары характеризуются крайне низким уровнем образования: менее трети взрослых имеют полное начальное образование, тогда как в Западной Европе эти цифры близки к 100 %. Около 60 % подростков 15–17 лет в регионе вообще не обучаются, что приводит к острым дисфункциям: низкий образовательный уровень замедляет экономическое развитие и усиливает социальное неравенство.

С функционалистской точки зрения такие «неравномерные» данные – это дисфункции, ослабляющие целостность «социального организма». С точки зрения конфликта – закономерный итог борьбы классов и недостатков политик равных возможностей.

Символико-интеракционистский подход даёт важные дополнения к этой картине, выводя анализ на микроуровень. Он акцентирует внимание на повседневных взаимодействиях «учитель – ученик», процессах этикетирования и эффектах Пигмалиона, а также на феномене скрытой учебной программы [3].

Школа не только передаёт формальные знания, но и формирует у учеников послушание, готовность конкурировать и воспринимать собственное место в иерархии. Именно через такие механизмы даже равные по виду учебные практики могут обуславливать разный личностный и социальный опыт учащихся.

Феминистские и культурологические теории также указывают на то, что образовательное содержание иногда отражает гендерные или этнокультурные предубеждения, которые не вписываются в «гомогенную» картину функционализма.

Таким образом, в результате проведенного нами анализа выявлено, что структурный функционализм правильно указывает на положительные социальные эффекты образования (социализацию, интеграцию, легитимацию ролей), однако, этот подход нуждается в учёте обнаруженных противоречий.

Конфликтная критика и микроанализ подчёркивают, что вместе с кохезионными функциями школа может непреднамеренно закреплять системные неравенства.

В целом образование предстает как двоякое явление: с одной стороны – стабилизатор общества, создающий консенсус вокруг базовых ценностей, а с другой – механизм, где скрыты напряжения (стратификация, сопротивление «воспроизводству»).

Для полного понимания роли образования необходимо сочетать макросоциальный анализ (институты и функции) с микросоциальными наблюдениями. Практически это означает, что модели образовательной политики должны учитывать, как потребность в широком просвещении ради общего блага, так и борьбу за равный доступ к качественному образованию. Учитывая современный контекст пандемии и цифрового разры-

© Плотников Н.В., Передерий В.А., Стригуненко Ю.В.

ва, дальнейшие исследования могут быть направлены на количественную оценку влияния образовательного уровня на мобильность и на проверку эффективности смешанных (функционалистско-конфликтных) стратегий реформирования системы образования.

Заключение.

В сумме, рассмотрение института образования в парадигме структурного функционализма позволило выявить, что оно - ключевой элемент социальной системы, призванный обеспечивать её воспроизводство и порядок.

Образование обеспечивает интеграцию индивидов в общество, передавая им знания, ценности, нормы и инструменты для исполнения социальных ролей. Оно играет роль «социализатора» и «распределителя», формируя у обучающихся принятие общих целей и понимание социальной иерархии.

В современных условиях глобального расширения школ (70 % детей вовлечены в дошкольное обучение) функционализм находит подтверждение в том, что общество ценит образование как фактор прогресса и модернизации.

Однако выявленные ограничения подхода очевидны: неравные условия доступа и механизмы, приводящие к воспроизводству статусов, остаются за рамками исходной модели.

Эмпирические данные показывают, что образование не всегда выступает сплочающим и поднимающим всех инструментом – в ряде стран и групп доступ к нему ограничен по классовым, гендерным или региональным признакам. Эти «дисфункции» образования актуализируют конфликтное понимание института – как системы, легитимизирующей существующие привилегии.

Таким образом, структурный функционализм даёт ценную отправную точку для объяснения общественных функций образования, но сам по себе не исчерпывает всей сложности явления.

Современная социология образования выигрывает от объединения подходов: функционализм фокусируется на социальных благах образования (солидарности, интеграции, легитимации), а конфликтные и интерпретативные теории освещают процессы борьбы за ресурсы и влияние внутри школы.

Интеграция этих парадигм позволяет более полно учесть двойственную природу образования – как стабилизатора и как потенциального источника неравенства.

Перспективными представляются дальнейшие исследования, количественно оценивающие влияние уровня и качества образования на социальную мобильность и неравенство, а также разработки политических мер, учитывающих как позитивные, так и негативные последствия образовательных институтов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Amoah S.K. The theoretical approaches of Durkheim, Parsons and Luhmann: Intra-traditional differences, interdependencies and contradictions / S.K. Amoah, A. Ayim // Journal of Advocacy, Research and Education. 2018. Vol. 5. № 3. P. 107–114.
2. Bourdieu P. Reproduction in Education, Society and Culture. 2nd ed. / P. Bourdieu, J.-C. Passeron. London : Sage, 1990. 363 p.
3. Bowles S. Schooling in Capitalist America: Educational Reform and the Contradictions of Economic Life / S. Bowles, H. Gintis. N.Y. : Basic Books, 1976. 340 p.
4. Brown-Weinstock L. Theoretical perspectives on education / L. Brown-Weinstock, J. Cameron, J. Hall // Introduction to Sociology – Theoretical Perspectives on Education. SUNY OpenStax, 2017.
5. Wasilah S. Education in a Functional Structural Perspective and Conflict Regarding Social Relations in Society // JUPE Jurnal Pendidikan Mandala. 2023. Vol. 8. № 3. P. 902–909.
6. Константиновский Д.Л. Институт образования и социальное неравенство // Россия реформирующаяся. 2001. № 1. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/institut-obrazovaniya-i-sotsialnoe-neravenstvo (дата обращения 02.07.2025).

References:

1. Amoah S.K. The theoretical approaches of Durkheim, Parsons and Luhmann: Intra-traditional differences, interdependencies and contradictions / S.K. Amoah, A. Ayim // Journal of Advocacy, Research and Education. 2018. Vol. 5. № 3. P. 107–114.

© Плотников Н.В., Передерий В.А., Стригуненко Ю.В.

2. Bourdieu P. Reproduction in Education, Society and Culture. 2nd ed. / P. Bourdieu, J.-C. Passeron. London : Sage, 1990. 363 p.
3. Bowles S. Schooling in Capitalist America: Educational Reform and the Contradictions of Economic Life / S. Bowles, H. Gintis. N.Y. : Basic Books, 1976. 340 p.
4. Brown-Weinstock L. Theoretical perspectives on education / L. Brown-Weinstock, J. Cameron, J. Hall // Introduction to Sociology – Theoretical Perspectives on Education. SUNY OpenStax, 2017.
5. Wasilah S. Education in a Functional Structural Perspective and Conflict Regarding Social Relations in Society // JUPE Jurnal Pendidikan Mandala. 2023. Vol. 8. № 3. P. 902–909.
6. Konstantinovsky D.L. Institute of Education and Social Inequality // Russia Reforming. 2001. № 1. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/institut-obrazovaniya-i-sotsialnoe-neravenstvo (date of application 02.07.2025).

Информация об авторах

Плотников Наполеон Валерьевич
кандидат философских наук,
преподаватель кафедры философии,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
dartana@bk.ru

Передерий Вероника Анатольевна
кандидат социологических наук,
доцент,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
milena.555@mail.ru

Стригуненко Юлия Владимировна
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
milena.@mail.ru

Napoleon V. Plotnikov
Candidate of Philosophical Sciences,
Lecturer in the Department of Philosophy,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
dartana@bk.ru

Veronika A. Perederiy
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

Yulia V. Strigunenko
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.55@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.07.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Плотников Н.В., Передерий В.А., Стригуненко Ю.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-26
УДК 316

Attribution
cc by

ГАБИТУС СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ И ВОСПРИЯТИЕ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ДОПУСТИМОСТИ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА

Плотников В.В.[1], Денисова Г.С.[2]
[1]Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя;
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
[2]Институт истории и международных отношений Южного Федерального университета

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу того, как будущие юристы воспринимают ценности права и допустимость нарушения закона. В качестве теоретической рамки используется концепция габитуса Пьера Бурдье, отражающая формирование у студентов-юристов устойчивых профессионально-ценностных установок. Проведен обзор зарубежных и отечественных исследований по социологии права и правосознания, включая работы о профессиональной социализации в юридических вузах и данные опросов студентов-юристов. Анализ показывает, что обучающиеся на юридических факультетах, как правило, демонстрируют высокое уважение к закону и идеалам справедливости, что связано с освоением ими ценностей правовой культуры. Вместе с тем, профессиональная социализация «настраивает» учащихся на формально-аналитическое мышление, способное приводить к нормативному цинизму в случаях, когда закон противоречит усваиваемым ценностям. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию роли юридического образования в воспроизводстве правовых ценностей и профилактике правового нигилизма.

Ключевые слова: габитус, студенты-юристы, правовые ценности, правосознание, правовая культура, правовой нигилизм, соблюдение закона.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

HABITUS OF LAW STUDENTS AND PERCEPTION OF LEGAL VALUES AND THE ADMISSIBILITY OF VIOLATING THE LAW

Vladimir V. Plotnikov[1], Galina S. Denisova[2]
[1]V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Plekhanov Russian University of Economics,
[2]Institute of History and International Relations of the Southern Federal University

Abstract. The article is devoted to the sociological analysis of how future lawyers perceive the values of law and the admissibility of violating the law. Pierre Bourdieu's concept of habitus is used as a theoretical framework, reflecting the formation of stable professional value attitudes in law students. A review of foreign and domestic studies on the sociology of law and legal consciousness is conducted, including works on professional socialization in law schools and survey data of law students. The analysis shows that law students, as a rule, demonstrate high respect for the law and the ideals of justice, which is associated with their assimilation of the values of legal culture. At the same time, professional socialization «tunes» them to formal-analytical thinking, which can lead to normative cynicism in cases where the law contradicts the assimilated values. The results obtained contribute to a deeper understanding of the role of legal education in the reproduction of legal values and the prevention of legal nihilism.

Keywords: habitus, law students, legal values, legal consciousness, legal culture, legal nihilism, compliance with the law.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Уровень правовой культуры общества во многом зависит от отношения граждан к закону и усвоения ими базовых ценностей права – таких как справедливость, равенство, порядок. Особенно важна роль правосознания будущих юристов, поскольку именно они со временем становятся носителями и проводниками правовых норм.

© Плотников В.В., Денисова Г.С.

Понимание того, какие ценности права разделяют студенты-юристы и как они относятся к соблюдению либо нарушению правовых норм, имеет не только академический, но и практический интерес. С одной стороны, юридическое образование должно прививать уважение к закону и его ценностям. С другой стороны, известно, что в обществе может быть распространен правовой нигилизм – скептическое или негативное отношение к праву как к социальной ценности. В этой связи актуален вопрос: в какой мере профессиональное обучение праву формирует у студентов особый «габитус» – систему устойчивых диспозиций восприятия и действия, – повышающий их приверженность законности или, напротив, оправдывающий в их глазах отдельные нарушения закона?

Материалы и методы. Теоретической основой исследования является концепция габитуса П. Бурдье. Под габитусом понимается «субъективная, но не индивидуальная система внутренних структур – схем восприятия, мышления и действия, общих для всех членов одной группы» [2]. Габитус формируется под воздействием социальных институтов – прежде всего семьи, образования, профессии [2] – и обеспечивает воспроизводство господствующих ценностей и моделей поведения. Применительно к сфере права. Бурдье отмечал, что юридическое поле обладает собственной системой практик и «кодами», которые неявно усваиваются его участниками и начинают оказывать детерминирующее влияние на их мысли и поступки [3]. Иначе говоря, в процессе профессиональной социализации у юристов вырабатывается характерный «профессиональный габитус», отличающийся от привычек и установок непосвященных.

Обсуждение. Результаты.

Уже на ранних этапах обучения будущие юристы усваивают особый язык, стиль мышления и ценностные ориентиры правовой сферы. Например, этнографическое исследование С. Тернер и Д. Мандерсона, проведенное в одном из канадских юридических факультетов, показало, что даже неформальные студенческие мероприятия способны незаметно, но глубоко изменять идентичность и устремления учащихся [6]. Раз в неделю на факультете проводилось собрание «Coffee House» при спонсорской поддержке юридических фирм; авторы выяснили, что регулярное участие в этом мероприятии служит пространством «перформанса», где студенты накапливают символический капитал (заводят полезные знакомства, привыкают к атрибутам профессии) и постепенно начинают воспринимать определенную карьерную траекторию (например, работу в крупных фирмах) как естественную и предопределенную [6]. Интересно, что сами участники «Coffee House» полагали, что это всего лишь отдых «без подтекста», однако, внешнее наблюдение выявило скрытый процесс профессиональной инкультурации [6].

В более широком плане, социализация в стенах юридического вуза приводит к трансформации ценностей и установок студентов. Приходя на учебу, многие из них декларируют приверженность идеалам социального правосудия, желают «служить обществу». Однако исследования фиксируют феномен постепенного «дрейфа» от изначального идеализма к прагматичному карьеризму [1]. Так, по данным Дж. Блисса, значительная часть студентов американских правовых школ, сначала нацеленных на работу в некоммерческом секторе или государственной сфере, к выпускному курсу меняют планы в пользу высокооплачиваемых позиций в коммерческих фирмах [1]. При этом размер потенциальной зарплаты или долги за обучение не всегда играют решающую роль – на выбор влияют ценностные сдвиги под влиянием самого процесса обучения. Некоторые исследователи объясняют это воздействием профессиональной культуры: студенты усваивают «безоценочный» стиль правового мышления, концентрирующийся на формально-логических аспектах и отодвигающий на задний план их изначальные этические мотивы [1].

Лингво-культурный антрополог Э. Мерц в своей книге о первом годе обучения в американской юридической школе также отмечает, что ключевой целью образовательного процесса является приучение студентов «думать как юристы». Это достигается через определенную перестройку сознания: от студентов требуют абстрагироваться от личных моральных чувств и эмпатии, взамен осваивая сугубо аналитический, рационально-правовой подход к любым ситуациям [4]. По наблюдению Мерц, юридическая педагогика сознательно или неявно «сменяет ценности» учащегося [4] – его привычные представления о справедливости и сочувствии – на ценности профессионального юриста, способного хладнокровно оперировать нормами без оглядки на «личные пристрастия». В результате, хотя юридический габитус и повышает компетентность будущих специалистов, он может приводить к некоторой отчужденности их от собственных нравственных интуиций.

Одним из показателей профессионального правосознания является убежденность в фундаментальных ценностях, лежащих в основе права. К таким ценностям обычно относят идеи справедливости, равенства всех перед законом, уважения к правам человека, верховенства права и т.д. Исследования показывают, что студенты-юристы, как правило, характеризуются более высоким уровнем правовой идеализации по сравнению с неюристами.

Так, социологический опрос, проведенный А.Н. Станкиным, выявил, что среди молодых специалистов с юридическим образованием и студентов старших курсов доля респондентов с уважительным отношением к закону достигает

© Плотников В.В., Денисова Г.С.

68 %, тогда как среди опрошенных без юридического образования этот показатель составил лишь 42 % [8]. Примечательно, что ни один из опрошенных профессиональных юристов или студентов-юристов не охарактеризовал свое отношение к закону как «неуважительное» [8] – в той же выборке неюристов подобную правонегативную позицию заняли 24 %.

Таким образом, будущие и начинающие юристы практически единогласно декларируют базовое уважение к правовым нормам как необходимую социальную ценность.

Кроме того, «юридический» сегмент респондентов более оптимистично воспринимает соответствие действующего законодательства морально-этическим идеалам. На вопрос о том, отражают ли современные законы критерии социальной справедливости, утвердительно («скорее да») ответили 58 % опрошенных юристов, тогда как среди неюристов согласных было лишь 16 % [8]. Большинство «неюристов» напротив склонны считать законы в целом несправедливыми либо признавать справедливыми лишь отдельные нормы [8]. Это демонстрирует, что профессиональное правовое сознание, в среднем, более доверяет правовой системе и видит в праве выражение важных ценностей, тогда как массовое сознание нередко подозревает разрыв между законностью и справедливостью.

Высокая ценность права для студентов-юристов во многом объясняется содержанием их обучения: они изучают конституционные принципы, учатся воспринимать право, как основу общественного порядка. У них формируется, своего рода, «правовой идеализм»: убежденность в необходимости закона для поддержания справедливости и порядка. Однако парадокс заключается в том, что одновременно с этим у них может развиваться профессиональный цинизм в оценке конкретных жизненных ситуаций. Столкнувшись с несовершенством законодательства на практике, будущий юрист может начать разделять абстрактный принцип «право должно быть ценно» и свое отношение к отдельным нормам, которые кажутся ему неэффективными или несправедливыми. Тем самым, профессиональная подготовка создает критический взгляд на право даже при общей лояльности к идее законности.

Вопрос о том, при каких обстоятельствах нарушать закон допустимо, является мерилом реального усвоения правовых ценностей. В идеале, правовое воспитание предполагает убежденность в неукоснительном соблюдении закона.

Классическая теория легитимности указывает на то, что люди склонны подчиняться правовым нормам, прежде всего, тогда, когда считают их легитимными и справедливыми [7]. Если же в глазах индивида закон утрачивает моральное оправдание, возрастает риск правового нигилизма – установки, при которой нарушение формально действующих норм воспринимается допустимым или даже естественным.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для большинства студентов-юристов базовая установка – это законопослушание. Как отмечалось, подавляющее большинство (более 2/3) будущих юристов выражают уважение к закону как таковому [8], и почти никто из них открыто не оправдывает его нарушение. Тем не менее, в реальных условиях даже носители юридического образования могут находить оправдания несоблюдению конкретных требований закона. Упомянутый выше опрос показал, что респонденты, признавшиеся в «неуважительном» отношении к закону, мотивировали свою позицию ощущением несправедливости и несогласия с содержанием отдельных нормативных актов – в числе причин назывались законы, противоречащие интересам большинства населения, неравное применение закона к разным группам, репрессивные нормы и т.п. [8]. Проще говоря, даже те, кто критически относится к правопорядку, апеллируют к альтернативным ценностям (народным интересам, социальной справедливости), во имя которых, по их мнению, можно нарушить текущий закон. Данный аргументологический прием созвучен механизмам, которые в криминологии описаны как «техники нейтрализации» – когда человек, совершая правонарушение, убеждает себя в его оправданности высшими соображениями (например, «цель оправдывает средство») или отсутствием вреда [8].

Вместе с тем, в обычной жизни готовность молодых юристов нарушать нормы зачастую зависит от вероятности наказания и неформальных факторов, а не только от личных принципов.

Собственное разведывательное исследование «Допустимость правонарушения в сознании студентов», проведенное в 2024 г. трех университетах страны (КубГАУ, КубГУ и РЭУ имени Г.В. Плеханова, N = 319 человек) показало интересные результаты. При общем высоком уровне отношения к ценности закона, ответы на вопрос: «Представьте, что Вы едете за рулем автомобиля и видите знак, ограничивающий скорость не выше 40 километров в час – с какой скоростью можно продолжить движение?» оказались следующими: «59 километров в час» – 41,2 % и «Исходя из собственной оценки ситуации» – 27,9 %.

Показателен, также, пример соблюдения ограничительных мер во время пандемии COVID-19 («масочного режима»): среди опрошенных юристов 60 % признали, что надевают маску главным образом потому, что за нарушение предусмотрена ответственность (штраф), и лишь 40 % – потому что «так требует закон» [4].

Аналогичные тенденции и у других групп населения, но у юристов даже несколько сильнее выражена ориентация на страх перед санкцией.

© Плотников В.В., Денисова Г.С.

Это свидетельствует о рациональном, инструментальном подходе: будущие юристы знают механизмы неотвратимости наказания и склонны руководствоваться расчетом правовых последствий. При этом внутреннее согласие с конкретным правилом (например, полезность масочного режима) может отходить на второй план.

Следует учитывать и широкий социокультурный контекст. Если в обществе в целом распространено недоверие к институтам и праву – то даже юридическое образование не полностью уберегает индивида от влияния этой среды.

Под правовым нигилизмом понимается культурная установка, при которой закон и его представители воспринимаются как нелегитимные, неспособные обеспечить справедливость [5]. Социологические исследования связывают такой цинизм с ростом готовности нарушать нормы: люди не чувствуют моральной обязательности следовать несправедливому, на их взгляд, закону. Для молодых юристов подобная позиция опасна тем, что может оправдываться «изнутри» знанием реальных недостатков правовой системы. Другими словами, видя несоответствие буквы закона идеалам права, студент-юрист потенциально способен утратить уважение к системе и присоединиться к общему нигилизму.

Результаты.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о сложном переплетении между усвоенными ценностями права и реальными поведенческими установками студентов-юристов. Сформированный в период обучения габитус, с одной стороны, прививает уважение к закону на концептуальном уровне – будущие юристы искренне разделяют идею, что без права невозможны ни справедливость, ни устойчивый порядок [8]. Они осознают себя частью юридического сообщества, призванного защищать эти высшие ценности. С другой стороны, профессиональная социализация делает их восприятие права более тонким и критичным. Юрист учится разделять право, как систему (которую он уважает) и конкретные юридические предписания, которые могут оцениваться критически. Такое разведение позволяет одновременно сохранять верность принципу законности и признавать необходимость изменений или даже гражданского неповиновения в особых случаях.

Концепция габитуса помогает понять, почему даже при критичном отношении к отдельным законам молодые юристы в целом остаются проводниками правовых ценностей. Габитус юридического поля исторически складывается таким образом, чтобы поддерживать авторитет права как социального института [3]. Тех, кто его усваивает (через учебу и последующую практику), отличает внутренняя легитимация существующего правопорядка – вера в процедуру, правила игры, юридическую логику. Поэтому выпускники юридических факультетов редко становятся открытыми бунтарями против системы; скорее, они стремятся менять систему изнутри правовыми средствами, если видят в этом необходимость. Тем не менее, без целенаправленного акцента на этическую составляющую правовой подготовки существует риск, что формально-рациональный подход превратится в нравственный релятивизм.

Когда студента приучили «отключать» личные эмоции и ценности при анализе ситуаций [4], он может перенести эту модель и на реальные поступки, оправдывая любые действия буквой закона или профессиональной целесообразностью.

Тем самым, успешная правовая социализация – это не только выработка у студентов знаний и навыков, но и глубокая интеграция в их сознание духа закона, уважения к его справедливому началу.

Если габитус будущих юристов будет включать в себя лишь техническую правовую компетентность без ценностного ядра, система воспроизведет специалистов, для которых нарушение закона станет вопросом выгоды и расчета.

Напротив, если профессиональный габитус обогащен прочной этической позицией, то даже сталкиваясь с несправедливостью или соблазнами, такие юристы с меньшей вероятностью пойдут на нарушение правовых принципов – скорее, они постараются реформировать неидеальный закон, чем преступить его.

Заключение.

В заключение следует отметить ключевую роль профессионального габитуса юристов как гаранта их законопослушности и специфической правовой ментальности.

Выявлено, что успешная правовая социализация формирует у студентов устойчивые ценностные установки, обеспечивающие уважение к правопорядку и осознанное следование духу и букве закона. Такой этически обогащённый габитус делает нарушение закона практически немыслимым, так как внутренние убеждения дополняют внешние санкции, превращая законность из внешнего требования в личностный принцип.

Таким образом, в широком смысле, ценностно ориентированное юридическое образование обеспечивает воспроизводство специалистов, для которых соблюдение закона становится осознанным жизненным принципом, тогда как на индивидуальном уровне остается констатировать наличие индивидуальных психологических и социокультурных факторов.

© Плотников В.В., Денисова Г.С.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Bliss J. From Idealists to Hired Guns? An Empirical Analysis of «Public Interest Drift» in Law School // UC Davis Law Review. 2018. Vol. 51. № 5. P. 1973–2036.
2. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 248 p.
3. Bourdieu P. The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field // Hastings Law Journal. 1987. Vol. 38. № 5. P. 805–853.
4. Mertz E. The Language of Law School: Learning to «Think Like a Lawyer». Oxford: Oxford University Press, 2007. 304 p.
5. Sampson R.J. Legal Cynicism and Tolerance of Deviance: The Neighborhood Context of Racial Differences / R.J. Sampson, D.J. Bartusch // American Sociological Review. 1998. Vol. 63. № 4. P. 777–798.
6. Turner S., Manderson D. Coffee House: Habitus and Performance Among Law Students // Law & Social Inquiry. 2006. Vol. 31. № 3. P. 649–676.
7. Tyler T. Why People Obey the Law. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. 320 p.
8. Станкин А.Н. Отражение и восприятие ценностей права и юридической ответственности в правосознании различных категорий субъектов юридической ответственности (на основе материалов социологического исследования) // Образование и право. 2020. № 8. С. 128–134.

References:

1. Bliss J. From Idealists to Hired Guns? An Empirical Analysis of «Public Interest Drift» in Law School // UC Davis Law Review. 2018. Vol. 51. № 5. P. 1973–2036.
2. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 248 p.
3. Bourdieu P. The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field // Hastings Law Journal. 1987. Vol. 38. № 5. P. 805–853.
4. Mertz E. The Language of Law School: Learning to «Think Like a Lawyer». Oxford: Oxford University Press, 2007. 304 p.
5. Sampson R.J. Legal Cynicism and Tolerance of Deviance: The Neighborhood Context of Racial Differences / R.J. Sampson, D.J. Bartusch // American Sociological Review. 1998. Vol. 63. № 4. P. 777–798.
6. Turner S., Manderson D. Coffee House: Habitus and Performance Among Law Students // Law & Social Inquiry. 2006. Vol. 31. № 3. P. 649–676.
7. Tyler T. Why People Obey the Law. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. 320 p.
8. Stankin A.N. Reflection and Perception of the Values of Law and Legal Responsibility in the Legal Awareness of Various Categories of Subjects of Legal Responsibility (Based on the Materials of a Sociological Study) // Education and Law. 2020. № 8. P. 128–134.

Информация об авторах

Плотников Владимир Валериевич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры философии,
Московскмй университет МВД России
имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
inkognito13@inbox.ru

Vladimir V. Plotnikov
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor of Philosophy Department,
V.Ya. Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Professor of the Department,
Plekhanov Russian University of Economics
inkognito13@inbox.ru

Денисова Галина Сергеевна
доктор социологических наук,
профессор,
профессор Института истории
и международных отношений
Южного федерального университета
inkognito@inbox.ru

Galina S. Denisova
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Institute of History
and International Relations
of the Southern Federal University
inkognito@inbox.ru

© Плотников В.В., Денисова Г.С.

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Плотников В.В., Денисова Г.С.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-13
УДК 316.014

Attribution
cc by

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ГРУПП ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОСТИТУЦИИ

Русакова М.М.
Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Аннотация. Концепция саморегуляции В. Чупрова и Ю. Зубок видится перспективной для анализа групп девиантного поведения и интерпретации сформированной в них внутренней системы социального контроля. Концепция саморегуляции предполагает сонастройку людьми собственного поведения в соответствии с ожиданиями окружения. Характер данных ожиданий связан с состоянием деятельной убежденности о намерениях другого человека – доверием или недоверием. Доверие – это убежденность в добросовестности другого человека, а недоверие – в злонамеренности его. Трудности в имплементации концепции доверия в анализ девиантных групп возникает из-за существующей школы мысли о присущности необходимых для доверия добродетелях исключительно законопослушным гражданам. Данный аргумент преодолевается через обращение к работам классиков Чикагской школы социологии: Л. Вирту, Х. Зорбо, Ф Трэшеру. Сопоставление концепции морали Трэшера с доверия Чупрова и Зубок позволяет продемонстрировать, что доверие среди членов преступного сообщества возможно, но оно будет ориентировано преимущественно на участников самого преступного сообщества, а также их семьи. Люди вне преступного сообщества, напротив, будут объектами недоверия. Рассмотрение в этом контексте работы К. Пребл демонстрирует, что женщины в проституции стремятся к расширению множества объектов недоверия, делая его конгруэнтным таковому для преступного сообщества. Эмпирическая проверка данного тезиса видится направлением для дальнейших исследований.

Ключевые слова: девиантное поведение, доверие, недоверие, социальный контроль, шайка, гетто, этикет, саморегуляция.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SELF-REGULATION OF GROUPS OF DEVIANT BEHAVIOR ON THE EXAMPLE OF PROSTITUTION

Maya M. Rusakova
Center for Applied Sociology at St. Petersburg State University

Abstract. The concept of self-regulation by V. Chuprov and Yu. Zubok seems promising for the analysis of deviant behavior groups and the interpretation of the internal system of social control formed in them. The concept of self-regulation assumes that people tune their own behavior in accordance with the expectations of the environment. The nature of these expectations is associated with the state of active conviction about the intentions of another person – trust or mistrust. Trust is a conviction in the good faith of another person, and mistrust is in his or her malicious intent. Difficulties in implementing the concept of trust in the analysis of deviant groups arise from the existing school of thought about the inherent virtues necessary for trust exclusively in law-abiding citizens. This argument is overcome by referring to the works of the classics of the Chicago school of sociology: L. Virtue, H. Zorbo, F. Thrasher. Comparison of Thrasher's concept of morality with Chuprov and Zubok's trust demonstrates that trust among members of a criminal community is possible, but it will be focused primarily on the members of the criminal community itself, as well as their families. People outside the criminal community, on the contrary, will be objects of mistrust. Consideration of K. Preble's work in this context demonstrates that women in prostitution strive to expand the set of objects of mistrust, making it congruent with that of the criminal community. Empirical verification of this thesis seems to be a direction for further research.

© Русакова М.М.

Keywords: deviant behavior, trust, mistrust, social control, gang, ghetto, etiquette, self-regulation.

Funding: Independent work.

Введение.

Саморегуляция – концепция, активно разрабатываемая рядом отечественных авторов. Она подразумевает координацию действий, смыслов, образов восприятия действительности и ожиданий людей относительно друг друга [1]. Саморегуляция – это инструмент конструирования и поддержания социального порядка. Когда человек решает совершить то или иное действие, он ориентируется, в том числе, на ожидания других людей относительно его действий. Данная сонастройка собственного действия является частью саморегуляции и позволяет в определённой мере исключить действия, которые могут кому-либо навредить. Другими словами, саморегуляция может выступать сродством социального контроля без внешнего вмешательства арбитра и угрозы применения им санкций, основываться на разделяемых ценностях участников [2]. Однако справедливым будет представить ситуацию, когда мы ожидаем каких-либо противоправных действий от человека. Например, встретив в безлюдном переулке ночью человека с ножом, мы ожидаем, что он будет нам этим ножом угрожать. Для разграничения таких ситуаций от обеспечивающих социальный контроль В. Чупров и Ю. Зубок вводят концепты доверия и недоверия в феноменологическом понимании. Доверие – деятельная убежденность в добросовестности намерений объекта доверия. А недоверие – это не отсутсвие доверия, а деятельная убежденность в злостности намерений объекта недоверия [3]. Соответственно, для обеспечения социального контроля посредством саморегуляции люди не только должны координировать собственные действия в соответствии с ожиданиями других, но и доверять друг другу.

Несложно обнаружить синонимичность такой модели обеспечения доверия ранним концепциям о доброй природе человека Ж.-Ж. Руссо [4] или П. Кропоткина [5], в которых социальный порядок обеспечивался жизненной интенцией человека жить в мире с окружающими его людьми. Долгое время эссенциалистские основания философии сторонников доброй природы человека полагали девиацию или преступность следствием врожденного уродства людей групп девиантного поведения.

Согласно положениям данных теорий, люди девиантных групп лишены необходимых добродетельных качеств для того, чтобы поддерживать добросовестные отношения с окружающими. Примером такого рода объяснения являются работы Ч. Ламброзо [6]. То же справедливо и для женщин в проституции, поскольку они наравне с убийцами и мошенниками относились к группам девиантного поведения [7].

Чикагская школа социологии позволила представить иные основания для понимания саморегуляции среди девиантных групп.

Цель данной статьи – продемонстрировать основные положения ряда ключевых работ Чикагской школы социологии для имплементации их в концепцию саморегуляции и доверия Чупрова и Зубок в отношении девиантной группы женщин в проституции.

Обсуждение. Результаты.

Саморегуляция девиантных групп в Чикагской школе.

Чикагская школа городской социологии формируется преимущественно в ответ на запросы властей города относительно необходимости в выработке актуальных решений для организации правоохранительной политики. За менее чем полвека Чикаго превращается из небольшого города в многомиллионный мегаполис. За стремительным ростом миграционных потоков приходит формирование национальных, а затем и экономических гетто – городских кварталов, заселенных гомогенными социально-демографическими группами [8]. Гетто стремительно утрачивают свою транспарентность для расследовательских инструментов органов охраны правопорядка. Примером буквальной утраты транспарентности может служить история развития города Коулун в Китае [9]. Гетто становятся эпицентрами роста преступности. Стремительный экономический рост приводит к финансовому расслоению и пауперизации значительных слоев населения [10]. В таких условиях привычные инструменты регулирования уровня преступности оказываются неэффективными, и со стороны властей Чикаго формируется запрос на социальные исследования, данные которых легли бы в основу стратегических документов реформирования системы правоохранительных органов.

Ряд исследователей Чикагской школы, среди Л. Вирт [11], Х. Зорбо [12], Ф Трэшер [13] и др., независимо обнаруживают среди преступных групп в Чикаго инструменты саморегуляции, которые позволяют сохранять устойчиво низкие уровни насильственных преступлений среди жителей гетто без активного вмешательства правоохранительных органов. Рассмотрим подробнее предложенные данными авторами модели регуляции.

Саморегуляция в работах Л. Вирта.

Вирт обращается к рассмотрению гетто в Чикаго в исторической перспективе. Гетто впервые возникают и развиваются в Европе как результат

© Русакова М.М.

множества независимых политик национальной сегрегации живших евреев. Он полагает, что сформировавшиеся институциональные формы регуляции общественных отношений и, соответственно, социальный контроль, реализованный в еврейских гетто, сходны с теми, которые можно обнаружить в Чикаго. Первые чикагские гетто также образовывались по национальному признаку. Поскольку «гетто – прежде всего культурное сообщество» [14, с. 137], основания для саморегуляции в гетто следует искать с сложившейся культуре. Основания для изначальных моральных норм проистекают, полагает Вирт, из религиозных максим, на которые опираются члены традиционного общества как в случае еврейских гетто, так и в случае других национальных гетто. Несмотря на то, что Вирт признает, что гетто становятся «социологическим явлением» [14, с. 158], то есть лишаются изначальной национальной гомогенности, он объясняет моральное устройство в гетто институциональным сохранением религиозных форм морали. Такая объяснительная стратегия оставляет без внимания гетто, которые образуются по признаку экономической гомогенности без доминирования какой-то одной национальности или религии среди проживающих. В особенности, справедливым такое замечание видится в российском контексте, где термин «гетто» используется преимущественно к двум социально-экономическим сюжетам: трансформации деиндустриализирующихся населенных пунктов в 90-е годы XX века и росту преступности в них [15]; стремительно растущим населенным пунктам-сателлитам современных мегаполисов, характеризующихся типовой высотной застройкой и низкими оценками качества социальной инфраструктуры [16].

Саморегуляция в работах Х. Зорбо.

Саморегуляция у Х. Зорбо рассмотрена с опорой на другое закрытое сообщество, глубоко интегрированное в преступные круги Чикаго. Зорбо рассматривает сообщество четырехсот наиболее обеспеченных семей города. «Четыреста семей – это те, кто «добились успеха». Они образуют группу, обладающую самосознанием. У них свои, особые нравы; «хороший тон» и разные мелочи жизни чрезвычайно для них важны. Нарушить социальный кодекс – грех несоизмеримо больший, чем нарушение Десяти Заповедей» [14, с. 167].

Зорбо полагает, что основанием для моральной саморегуляции выступает этикет. Здесь он близок к объяснительной модели, предложенной Н. Элиасом, который также старается объяснить систему саморегуляции придворного общества во Франции. Элиас задается вопросом, как возможна ситуация сосуществования большого числа людей, носящих оружие и умеющих с ним обращаться, в тесном пространстве королевского двора при условии, что они полагают друг друга соперниками в борьбе за благосклонность монарха.

Этикет, полагает Элиас, трансформирует изначальные интенции агрессии в формы, которые не предполагают прямого столкновения. Строго ограниченные этикетом ритуалы взаимодействия внутри двора делают крайне затруднительным внедрение прямых актов агрессии [17]. Зорбо дает очень похожее объяснение. Как показано в работе В. Козловского, такие этические правила могут возникать спорадически без какого-то явного события сотворения. Накапливаясь, они постепенно сдвигают ткань социальных норм, образуя устойчивые институты социального контроля [18]. Ограничение объяснительной модели Зорбо можно обнаружить, если рассмотреть данную модель в контексте драматургической теории И. Гофмана. Этикет – это правила, которыми руководствуются люди, действующие на сцене в понимании Гофмана. Оказавшись в закулисье, человек отказывается от строгости следования этикету и расслабляется [19]. Тем самым, между универсальным моральным законом и правилами этикета можно обнаружить качественное различие.

Саморегуляция в работах Ф. Трэшера.

Трэшер также ограничивается рассмотрением определенного типа социальной группы, как это делают Зорбо (высшее общество) и Вирт (этническое гетто), однако объект исследования Вирта выглядит более перспективным с точки зрения разработки теории саморегуляции. Трэшер обращается к шайке – криминальной группировке, специализирующейся преимущественно на уличной преступности. Шайка не опирается на изначальную общую для ее членов систему морали, какую можно обнаружить в религиозных трактатах веры, которой придерживаются жители этнических гетто. Члены шайки также не объединены единой системой ценностей, что можно обнаружить у четырёхсот семей Золотого побережья Чикаго (ценности либеральной экономики, капитализма и т.д.). Шайка образуются спонтанно из очень разнородных по своему происхождению, национальности, вероисповеданию, воспитанию и уровню достатка людей (часто детей или подростков), оказавшихся на одной улице: «В […] вездесущем столпотворении детей повсеместно образуются спонтанные игровые группы – шайки in embrio. Такая людная среда полна возможностей конфликта с каким-нибудь противником – лицом или группой внутри социального окружения шайки или вне его» [14, с. 301]. Подробное рассмотрение шайки Трэшером позволяет обнаружить среди ее членов необходимые добродетели, которые сторонники эссенциалистских идей о доброй природе человека полагали присущими только для законопослушных граждан: «Хотя деятельности и мораль шайки являются, по крайней мере отчасти, отражением ее дезорганизованного социального мира, дополнительное объяснение они находят в концепции шайки как элементарного общества, которое, не будучи сдерживаемо конвенциональным контролем, стремится независимо и спонтанно развить свою организацию и соб-

© Русакова М.М.

ственные кодексы. Кодексы шайки навязываются ее членам множеством способов – отчасти явно целенаправленно, отчасти почти совершенно нерефлексивно» [14, с. 325–326]. Признание наличия добродетельных личностных черт у преступников являет парадокс: – если члены преступной группировки обладают необходимыми добродетелями, почему эти добродетели не препятствуют им в совершении преступлений? Для разрешения данного противоречия Трэшер предлагает другое разграничение для девиантных групп и нормотипичных (законопослушных). Мораль законопослушных граждан универсальна. Неприкосновенность частной собственности, как и другие моральные законы, распространяется на всех людей и опирается на трансцендентное к конкретным моральным нормам представление о равенстве достоинства людей. Мораль преступников, напротив, избирательна и по-разному применяется для членов преступной группировки и всех остальных: «Добродетели шайки, высоко превозносившиеся как идеальные образцы для человечества, действуют только в отношении членов мы-группы, остальной же мир может совершенно обычным образом рассматриваться как законная добыча» [14, с. 348].

Саморегуляция женщин в проституции.

Подробно проблематику доверия и саморегуляции женщин в проституции рассматривает К. Пребл [20]. Пребл обнаруживает, что недоверие среди женщин в проституции формируется легче и быстрее, нежели у других людей. Образующееся недоверие также оказывается более стойким и глубоким. Линия разграничения, приводимая Трэшером, можно быть также проведена в терминологии доверия/недоверия теории саморегуляции Чупрова и Зубок. Объекты недоверия понимаются как заведомо злонамеренные, а объекты доверия – как заведомо добродетельные. Проявление зла в отношении злонамеренного человека видится справедливым, поскольку такой злонамеренный человек не применит ответить при возможности тем же. Также выгодным будет проявить злодеяние превентивно, чтобы обезопасить себя от злодеяния со стороны объекта недоверия. В шайке Трэшера объектами доверия, таким образом, выступают члены шайки (также нередко члены их семей), а объектами недоверия – все внешние по отношению к шайке люди. Согласно получаемым результатам Пребл, женщины в проституции склонны со временем расширять множество объектов недоверия, добавляя в них все новые и новые объекты, приводя в пределе данное множество к таковому для преступного сообщества, то есть включив в него абсолютно всех, кроме себя. Эмпирическая валидация данной гипотезы является направлением для дальнейших исследований.

Заключение.

Приведенное рассуждение с опорой на ряд классических работ Чикагской школы социологии демонстрируют применимость концепции Чупрова и Зубок для рассмотрения проблематики проституции. Показано, что в рамках эмпирической проверки саморегуляции как формы социального контроля среди женщин в проституции, согласно выдвигаемой в данной работе гипотезе, следует ожидать разграничения множеств доверия/недоверия по границе принадлежности к группе женщин в проституции. Также, заслуживает проверки данная гипотеза в отношении других девиантных сообществ, например, групп академических девиаций [21].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Preble K.M. Creating trust among the distrustful: A phenomenological examination of supportive services for former sex workers // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2015.Vol. 24. № 4. P. 433–453. URL : https://doi.org/10.1080/10926771.2015.1022291
2. Кашина М.А. Методологическое разнообразие в российскойсоциологии: анализ исследований ценностей / М.А. Кашина, С. Ткач // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. № 2. С. 107–123. URL : https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.201
3. Sinn E. Kowloon Walled City: Its origin and early history //Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society. 1987. № 27. P. 30–45.
4. Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. Chicago (IL) : Univ. of Chicago press, 1927. 628 p.
5. Wirth L. The ghetto. Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928. 306 p.
6. Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum: A sociological study of Chicago's Near North Side. Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929. 287 p.

© Русакова М.М.

7. Алов И. Все идет (не) по плану: влияние политики редлайнинга на социально-экономическую и политическую дифференциацию Чикаго // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 2. С. 61–70. URL : https://doi.org/10.17323/usp72202261-70
8. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2001. № 2. С. 5–24.
9. Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4. № 1–2. С. 168–181.
10. Ковалевская Ю.Н. «Ржавый пояс» Дальнего Востока России: специфика деиндустриализации в 1990—2010 гг // Россия и АТР. 2020. № 1(107). С. 58–71. URL : https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10005
11. Козловский В. В. Фигуративная социология Норберта Элиаса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 40–59.
12. Королькова Е.А. Апология человека в контексте произведений Ж.-Ж. РУССО // Шестая Международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества». 2018. С. 217–219.
13. Ломброзо Ч. Женщина преступница или проститутка. М. : Родина. 2019. 496 с.
14. Ломброзо Ч. Преступный человек. М. : Родина. 2024. 336 с.
15. Рябов П.В. Проблема личности в философии анархизма // Вопросы философии. 2010. №. 5. С. 47-56.
16. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование / В.И. Чупров [и др.] // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 23–36. URL : https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5.
17. Чернышева Л.А. Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 2(15). С. 37–58. URL : https://doi.org/10.17323/usp42201937-58
18. Чикагская социология: Сборник переводов М. : ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии, 2015. 399 с.
19. Чупров В.И. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович. М. : Юридическое издательство «Норма», 2019. 208 с.
20. Элиас Н. Придворное общество. М. : ИД ЯСК, 2024. 368 с.
21. Кашина М.А. «Если цель оправдывает средства, то можно...»: академические девиации российских аспирантов социо-гуманитарных направлений подготовки / М.А. Кашина, В.А. Васильева, С. Ткач // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 3. С. 84–103. URL : https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-3-84-103

References:

1. Preble K.M. Creating trust among the distrustful: A phenomenological examination of supportive services for former sex workers // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2015. Vol. 24. № 4. P. 433–453. URL : https://doi.org/10.1080/10926771.2015.1022291
2. Kashina M.A. Methodological diversity in Russian sociology: an analysis of values studies / M.A. Kashina, S. Tkach // Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology. 2021. Vol. 14. № 2. P. 107–123. URL : https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.201
3. Sinn E. Kowloon Walled City: Its origin and early history //Journal of the Hong Kong branch of the Royal Asiatic Society. 1987. № 27. P. 30–45.
4. Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. Chicago (IL) : Univ. of Chicago press, 1927. 628 p.
5. Wirth L. The ghetto. Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928. 306 p.
6. Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum: A sociological study of Chicago's Near North Side. Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929. 287 p.
7. Alov I. Everything is (not) going according to plan: the impact of redlining policy on the socio-economic and political differentiation of Chicago // Urban research and practice. 2022. Vol. 7. № 2. P. 61–70. URL : https://doi.org/10.17323/usp72202261-70
8. Batygin G.S. Continuum of frames: Erving Goffman's dramatic realism // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2001. № 2. P. 5–24.
9. Burgess E. City growth: introduction to the research project // Personality. Culture. Society. 2002. Vol. 4. № 1–2. P. 168–181.
10. Kovalevskaya Yu.N. «Rust Belt» of the Russian Far East: Specifics of Deindustrialization in 1990–2010 // Russia and Asia Pacific Region. 2020. № 1(107). P. 58–71. URL : https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10005
11. Kozlovsky V.V. Figurative Sociology of Norbert Elias // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2000. Vol. 3. № 3. P. 40–59.
12. Korolkova E.A. Apology of man in the context of the works of J.-J. Russeau // The Sixth International Scientific and Practical Conference «Philosophy and Culture of the Information Society». 2018. P. 217–219.
13. Lombroso C. A Woman Criminal or a Prostitute. M. : Rodina, 2019. 496 p.
14. Lombroso C. The Criminal Man. M. : Rodina, 2024. 336 p.
15. Ryabov P. V. The Problem of Personality in the Philosophy of Anarchism // Questions of Philosophy. 2010. № 5. P. 47–56.
16. Self-regulation of youth life: structural and taxonomic modeling / V.I. Chuprov [et al.] // Sociological research. 2021. № 10. P. 23-36. URL : https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5

© Русакова М.М.

17. Chernysheva L. A. Russian ghetto: the imagined marginality of new residential areas // Urban research and practice. 2019. Vol. 4. № 2(15). P. 37–58. URL : https://doi.org/10.17323/usp42201937-58
18. Chicago Sociology: Collection of Translations. M. : INION. Center for Social Scientific and Information Research. Department of Sociology and Social Psychology, 2015. 399 p.
19. Chuprov V.I. Trust in the Self-Regulation of Changing Social Reality / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok, N.A. Romanovich. M. : Norma Legal Publishing House, 2019. 208 p.
20. Elias N. Court Society. M. : ID YASK, 2024. 368 p.
21. Kashina M.A. «If the end justifies the means, then it is possible...»: academic deviations of Russian postgraduate students of socio-humanitarian fields of study / M.A. Kashina, V.A. Vasilyeva, S. Tkach // Higher Education in Russia. 2024. Vol. 33. № 3. P. 84–103. URL : https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-3-84-103

Информация об авторе

Русакова Майя Михайловна
кандидат социологических наук,
доцент,
директор,
Центр прикладной социологии
Санкт-Петербургского
государственного университета
ORCID: 0000-0002-4597-2837
m.rusakova@spbu.ru

Maya M. Rusakova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Director,
Center for Applied Sociology
at St. Petersburg State University
ORCID: 0000-0002-4597-2837
m.rusakova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Русакова М.М.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-14
УДК 316.3

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ИНВАЛИДОВ В РФ

Сабанов З.М.
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Аннотация. В данной работе анализируются особенности предоставления социальных услуг людям с ограниченными возможностями здоровья в современных социально-экономических реалиях. Особое внимание уделяется процессу развития и функционирования системы социального обслуживания этой категории граждан, а также уточняются ключевые термины и понятия, раскрывающие содержание и специфику современных социально-экономических подходов, направленных на успешную интеграцию инвалидов в общество. В исследовании делается вывод о том, что совершенствование системы социальных услуг для людей с ограниченными возможностями играет стратегическую роль в развитии социальной сферы. Своевременное и адекватное удовлетворение индивидуальных потребностей помогает компенсировать ограничения в повседневной жизни, создавая равные возможности для людей с ограниченными возможностями в общественной, бытовой, культурной, профессиональной, политической и других сферах. В современной России идет процесс институционализации социальных услуг для людей с ограниченными возможностями как отдельного учреждения в рамках более широкой системы социальной защиты. Однако этот процесс не гарантирует завершения всех этапов или формирования полностью независимого учреждения. Таким образом, актуальность темы обусловлена не только необходимостью изучения самого процесса институционализации, но и необходимостью обоснования адекватности этих изменений реалиям современной системы и потребностям данной группы населения. Современные научные дискуссии и анализ практики социального обслуживания демонстрируют необходимость дальнейшей проработки подходов к организации адресной и комплексной помощи, где основой выступает персонифицированный подход к каждому гражданину.

Ключевые слова: социальное обслуживание, социальная защита, реабилитация инвалидов, социальные услуги, социальные гарантии, социальная адаптация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF SOCIAL SERVICES FOR THE DISABLED IN THE RUSSIAN FEDERATION

Zaurbek M. Sabanov
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Abstract. The article examines the features of social services for people with disabilities in modern socio-economic conditions, explores the development and functioning of the institution of social services for people with disabilities, and presents key terms and concepts that reveal the essence of modern socio-economic technologies aimed at ensuring optimal social adaptation for people with disabilities. The study concludes that improving the system of social services for people with disabilities plays a strategic role in the development of the social sphere. Timely and adequate fulfillment of individual needs helps compensate for limitations in daily life, creating equal opportunities for people with disabilities in public, domestic, cultural, professional, political, and other spheres. In modern Russia, the process of institutionalizing social services for people with disabilities as a separate institution within the broader system of social protection is underway. However, this process does not guarantee the completion of all stages or the formation of a fully independent institution. Thus, the relevance of the topic stems not only from the need to study the institutionalization process itself but also from the necessity of justifying the adequacy of these developments to the realities of the modern system and the needs of this population group. The analyzed scientific discourse in the field of social services for people with disabilities highlights the need for further improvement of this state system, which is based on a personalized approach to providing comprehensive social services.

© Сабанов З.М.

Keywords: social services, social protection, rehabilitation of the disabled, social services, social guarantees, social adaptation.

***Funding**:* Independent work.

Введение. Одним из ключевых направлений государственной социальной политики выступает развитие механизмов поддержки и реабилитации людей с инвалидностью. В современном обществе происходит значительное изменение подходов к пониманию инвалидности, основанное на международных нормах и принципах. Как указано в Конвенции ООН о правах инвалидов (2006 год), к инвалидам относятся люди с устойчивыми физическими, интеллектуальными, психическими или сенсорными нарушениями, которые могут мешать их свободному взаимодействию с окружающим миром. Это создаёт барьеры для их полноправного участия в общественной жизни наравне с другими. Конвенция подчеркивает, что инвалидность – категория динамическая и формируется на стыке индивидуальных особенностей человека и внешних, в том числе социальных, барьеров [1, с. 23].

Обеспечение инвалидам доступа к инфраструктуре и различным аспектам общественной жизни рассматривается сегодня как необходимое условие реализации их прав и свобод.

Обсуждение. Результаты.

В России одной из ключевых мер помощи людям с ограниченными возможностями является социальное обслуживание. Оно охватывает широкий комплекс услуг, включая медицинскую, бытовую, психолого-педагогическую и юридическую помощь, материальную поддержку, а также помощь в адаптации к жизни в обществе для тех, кто оказался в трудных обстоятельствах.

Как установлено Федеральным законом № 442-ФЗ от 28.12.2013 «Об основах социального обслуживания граждан в РФ», государство гарантирует всем нуждающимся гражданам, независимо от их статуса, равные возможности для получения социальных услуг. Одно из ключевых положений закона – бесплатность предоставления ряда социальных услуг определённым группам лиц (например, несовершеннолетним, пострадавшим в результате ЧС и конфликтов), а также гражданам, чей среднедушевой доход ниже установленного уровня [2, с. 19].

Система социальных учреждений, предоставляющих услуги, формируется за счёт различных форм собственности и включает широкий перечень организаций – от комплексных центров социального обслуживания до приютов, стационарных учреждений, геронтологических центров и др.

Деятельность учреждений, не относящихся к государственной или муниципальной собственности, регулируется лицензиями, которые выдаются исполнительными органами субъектов РФ согласно установленным федеральным стандартам [3].

В России правовая система комплексно регулирует поддержку людей с ограниченными возможностями, предусматривая удовлетворение их основных жизненных потребностей.

Государственная система социальной поддержки предусматривает комплексный подход к удовлетворению потребностей граждан, включающий:

A. Медико-социальное обслуживание:

- Организацию постоянного медицинского наблюдения;
- Оказание квалифицированного сестринского ухода;
- Проведение профилактических мероприятий.

B. Социокультурные программы:

- Образовательные курсы и тренинги;
- Организация досуговых мероприятий;
- Культурно-просветительская деятельность.

C. Ритуальные услуги:

- Помощь в организации похорон;
- Правовое сопровождение процедур;
- Психологическая поддержка родственников.

Формы оказания помощи:

- Надомное обслуживание (по месту проживания);
- Полустационарное сопровождение;
- Стационарное обслуживание в специализированных учреждениях.

Такой многоуровневый подход позволяет обеспечить полноценную поддержку граждан на всех этапах жизнедеятельности с учетом их индивидуальных потребностей и состояния здоровья:

1. Ключевые принципы государственной политики в этой сфере. Равенство прав и возможностей для всех людей с инвалидностью независимо от социально-демографических характеристик. Данный подход позволяет создать условия для полноценной жизни данной категории граждан. В рамках государственных гарантий предусмотрен базовый набор социальных услуг, включающий:

© Сабанов З.М.

– обеспечение повседневных бытовых нужд;

– организацию питания и культурного досуга;

– доступ к информационным и социальным ресурсам;

– медицинскую помощь и психологическое сопровождение;

– правовую помощь (оформление юридических документов, получение льгот, представительство в судах и др.).

Таким образом, государственная система социальной поддержки инвалидов обеспечивает широкий спектр услуг, позволяя этой группе граждан максимально реализовать свой потенциал и интегрироваться в современное общество на равных условиях.

2. Надомное социальное сопровождение для лиц преклонного возраста и граждан с ограниченными возможностями. Для людей, которые в связи с возрастными изменениями или состоянием здоровья требуют сторонней поддержки, разработаны различные варианты социальной помощи на дому:

А. Бытовые услуги:

– уборка жилых помещений;

– помощь в ведении корреспонденции;

– обеспечение литературой и периодическими изданиями;

– организация посещения культурных учреждений.

Б. Медицинское сопровождение:

– систематический уход;

– содействие в получении медицинской помощи;

– организация медико-социальной экспертизы;

– реабилитационные мероприятия;

– обеспечение лекарственными препаратами;

– психологическая поддержка;

– помощь в госпитализации;

– организация стоматологической и ортопедической помощи;

– оформление санаторно-курортного лечения.

В. Профессиональная адаптация:

– образовательные программы с учетом индивидуальных особенностей;

– профессиональная ориентация;

– содействие в трудоустройстве.

Г. Правовая поддержка:

– оформление документации;

– помощь в получении социальных выплат и льгот;

– консультации по юридическим вопросам.

3. Узкопрофильная помощь на дому. Специализированные службы при муниципальных центрах социального обслуживания предоставляют дополнительные услуги:

– регулярный мониторинг состояния здоровья;

– оказание неотложной доврачебной помощи;

– проведение медицинских манипуляций по назначению врача;

– гигиенические процедуры и кормление маломобильных пациентов;

– профилактические консультации.

4. Экстренная социальная поддержка. Службы оперативного реагирования оказывают срочную помощь в кризисных ситуациях:

– выдача одежды, обуви и предметов гигиены;

– единовременная материальная поддержка;

– предоставление временного жилья;

– организация бесплатного питания;

– экстренная психологическая и медицинская помощь;

– содействие в трудоустройстве;

– юридическое консультирование [4, с.23].

Ключевые направления социальной помощи:

1. Надомное социальное обслуживание.

Данная форма поддержки дает возможность людям преклонного возраста и лицам с ограниченными возможностями:

– продолжать жить в привычной домашней обстановке;

– сохранять свой социальный статус и связи в обществе;

– обеспечивает защиту их законных прав и интересов.

Домашние услуги предоставляются специализированными отделениями, созданными на базе муниципальных центров или органов соцзащиты.

Среди подобных учреждений выделяются:

– Центры обслуживания на дому – организации, предоставляющие срочные или постоянные

© Сабанов З.М.

услуги лицам, утратившим независимость и нуждающимся во внешней поддержке.

Специализированные центры оказывают пожилым гражданам и инвалидам не только бытовую помощь, но и базовую медицинскую помощь в домашних условиях. Надомное обслуживание остается наиболее популярной формой поддержки, позволяющей людям сохранять привычную среду жизнедеятельности и защищать свои права [5, с. 43].

2. Полустационарная форма обслуживания. Данный вариант помощи включает:

- Организацию питания и культурного досуга;
- Медицинское сопровождение;

Поддержку трудовой занятости;

- Содействие в ведении активного образа жизни.

Условия для получения услуг:

- Сохранение базовых навыков самообслуживания;
- Отсутствие медицинских ограничений;
- Наличие соответствующих медицинских документов.

Учреждения, предоставляющие полустационарную помощь:

- Детские реабилитационные центры (помощь детям с особенностями развития и их семьям);
- Центры семейной поддержки (содействие семьям в сложных ситуациях);
- Многофункциональные центры соцобслуживания (комплексная помощь различным категориям граждан);
- Кризисные центры для женщин (специализированная психологическая и социальная помощь);
- Геронтологические центры (всесторонняя поддержка пожилых и инвалидов).

3. Стационарное социальное обслуживание. Данная форма предусматривает:

- Круглосуточное пребывание в специализированных учреждениях;
- Постоянный уход и медицинское наблюдение;
- Полное социальное сопровождение.

Показания для перевода на стационарную форму:

- Значительное ограничение способности к самообслуживанию;
- Необходимость в постоянном профессиональном уходе;
- Требование регулярного медицинского контроля.

Такая система помощи предназначена для лиц, которые в силу состояния здоровья не могут самостоятельно удовлетворять свои основные жизненные потребности. Главные задачи таких учреждений – обеспечить комфортные и безопасные условия проживания, организовать реабилитационные процессы, а также разнообразить досуг и отдых проживающих [6, с. 27].

Постояльцы стационарных социальных учреждений могут рассчитывать на размещение в помещениях, соответствующих требованиям безопасности и гигиены.

Основные виды предоставляемой помощи включают:

1. Медицинское обслуживание:

- Получение базового медицинского ухода, включая стоматологические услуги;
- Бесплатные лечебные процедуры и профильные медицинские услуги (включая протезирование и ортопедическую помощь) в государственных медучреждениях.

2. Реабилитационные программы:

- Включение в программы социальной и медицинской реабилитации;
- Помощь в адаптации к изменившимся жизненным обстоятельствам.

3. Трудовая занятость:

Возможность трудоустройства с учетом:

– Физического состояния;
– Медицинских рекомендаций;
– Заключений врачебной комиссии.

4. Юридические услуги:

- Проведение медико-социальных экспертиз;
- Право на встречи с:

– юридическими представителями;
– нотариусами;
– членами общественных организаций;
– религиозными служителями;

- бесплатная правовая защита.

5. Религиозные потребности:

- создание условий для отправления религиозных обрядов;

© Сабанов З.М.

- учет многообразия конфессий;
- соблюдение установленного распорядка.

6. Жилищные гарантии:

- Сохранение прав на арендуемое/нанимаемое жилье (на 6 месяцев при помещении в учреждение);

– На весь срок пребывания, если в жилье продолжают проживать члены семьи (касается помещений из государственного, муниципального и общественного жилищного фонда).

Согласно ГОСТ Р 52495-2005, стационарным считается такое учреждение, где предоставление социальных услуг осуществляется при круглосуточном нахождении клиента (п. 2.3.2.1).

Срочная социальная поддержка. Система экстренного социального обслуживания предназначена для разовой оперативной помощи тем, кто срочно нуждается в поддержке. Формы экстренной социальной помощи включают:

1. Материальная поддержка:

- Разовое обеспечение питанием (горячие обеды или продуктовые наборы);
- Выдача одежды, обуви и предметов первой необходимости;
- Предоставление единовременной денежной помощи.

2. Жилищные услуги:

- Временное размещение в специализированных помещениях.

3. Профессиональная помощь:

- Бесплатные юридические консультации;
- Экстренная психологическая и медицинская поддержка;
- Профориентация и содействие в трудоустройстве для лиц с инвалидностью.

4. Организационная работа:

- Координация действий государственных и общественных организаций;
- Решение актуальных вопросов пожилых людей и инвалидов.

Согласно Федеральному закону № 442-ФЗ, такая помощь предоставляется гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и нуждающимся в срочной поддержке.

Исполнители: Оказанием этих услуг занимаются:

- Муниципальные центры социальной помощи;
- Органы социальной защиты населения.

Особенности предоставления:

- Все услуги оказываются в срочном порядке;
- Помощь носит разовый характер;
- Включает возможность экстренного вызова специалистов по специальным телефонным линиям.

Дополнительные меры:

- Привлечение представителей духовенства для психологической поддержки;
- Предоставление комплексных решений в кризисных ситуациях.

Заключение.

Структура социальной защиты в Российской Федерации включает широкий спектр организаций, среди которых важное место занимают учреждения, предоставляющие услуги для инвалидов. Для эффективного функционирования системы требуется согласованность между всеми элементами, а центральным звеном часто выступает муниципальный центр социальной защиты.

Реальная результативность работы социальных служб напрямую связана со способностью устранять проблемы социальной недостаточности – то есть те аспекты, которые порождают трудности интеграции людей с инвалидностью в общество. Социальной недостаточностью называют последствия ограниченности жизнедеятельности, оказывающей влияние на возможности и качество жизни отдельного человека в социуме.

Таким образом, эффективность работы социальной сферы можно определить, как максимально возможное уменьшение или устранение факторов социальной недостаточности и создание условий для полноценного участия граждан в жизни общества.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

© Сабанов З.М.

Литература:

1. Шувалова И.А. Защита прав инвалидов : учебное пособие. М. : ИНФРА-М, 2024. 193 с.
2. Бегидов М.В. Социальная защита инвалидов: учебное пособие для вузов / М.В. Бегидов, Т.П. Бегидова. М. : Издательство Юрайт, 2024. 191 с.
3. Козловская С.Н. Современные тенденции развития системы социальной защиты населения в России // Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества. 2024. С. 371–375.
4. Колесникова Г.И. Правовые основы медико-социальной экспертизы : учебное пособие для среднего профессионального образования. М. : Издательство Юрайт, 2023. 179 с.
5. Бегидова Т.П. Социально-правовые и законодательные основы социальной работы с инвалидами : учебное пособие для среднего профессионального образования / Т.П. Бегидова, М.В. Бегидов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2022. 98 с.
6. Липай Т.П. Технологии социальной работы с пожилыми и инвалидами : учебное пособие для студентов программ среднего профессионального образования / Т.П. Липай, О.А. Волкова. М.; Берлин, 2020. 205 с.
7. Шаипова Я.А. Трактовка понятия «инвалидность» // Инновационные механизма решения проблем научного развития. 2021. С. 193–196.

References:

1. Shuvalova I.A. Protection of the rights of persons with disabilities : a textbook. M. : INFRA-M, 2024. 193 p.
2. Begidov M.V. Social protection of the disabled : a textbook for universities / M.V. Begidov, T.P. Begidova. M. : Yurait Publishing House, 2024. 191 p.
3. Kozlovskaya S.N. Modern trends in the development of the social protection system in Russia // Value orientations of youth in the context of modernization of modern society. 2024. P. 371–375.
4. Kolesnikova G.I. The legal foundations of medical and social expertise : a textbook for secondary vocational education. M. : Yurait Publishing House, 2023. 179 p
5. Begidova T.P. Socio-legal and legislative foundations of social work with the disabled : a textbook for secondary vocational education. 2nd ed., revised and add. / T.P. Begidova, M.V. Begidov. M. : Yurait Publishing House, 2022. 98 p.
6. Lipai T.P. Technologies of social work with the elderly and disabled : a textbook for students of secondary vocational education programs / T.P. Lipai, O.A. Volkova. M.; Berlin, 2020. 205 p.
7. Shaipova Ya.A. Interpretation of the concept of «disability» // Innovative mechanisms for solving problems of scientific development. 2021. P. 193–196.

Информация об авторе

Сабанов Заурбек Михайлович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры педагогического образования,
Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова
sabanovz@mail.ru

Zaurbek M. Sabanov
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Pedagogical Education,
North Ossetian State University
named after K.L. Khetagurov
sabanovz@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Сабанов З.М.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-16
УДК 316

Attribution
cc by

ИДЕОЛОГИЯ МАСКУЛИННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ (СТАТЬЯ 2)

Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. Статья является второй частью исследования современных позиций маскулинной идеологии, теперь предполагая акцент на российский опыт. По результатам опроса мужского сегмента в трех группах (студенты, силовики, кавказцы) было установлено, что хотя ценности идеологии маскулинности в целом продолжают доминировать в социальном сознании российских мужчин, все же устойчивость их подрывается с различной степенью, коррелируя с возрастным и профессиональным критериями. В России заметно доминирование трендов демобилизованного общества, поддерживаемого на официальном уровне. В то же время имеются симптомы неудовлетворения наличествующей социокультурной ситуацией, характеризующейся идейно-ценностной неопределенностью, что отражается тем, что большинство респондентов в принципе не отвергает в качестве образца для России вариант социокультурного порядка Чеченской Республики, основанного на противоположных принципах. Задачам конструктивного воспитания россиян, по большей части относящихся к психотипу гармоников, будут способствовать: 1) опора на традиционные культурные ценности; 2) воспитание патриотизма; 3) популяризация спортивного образа жизни.

Ключевые слова: маскулинная идеология, мужественность, социальные представления, моностилистическая культура, полистилистическая культура.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

IDEOLOGY OF MASCULINITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL DYNAMICS: RUSSIAN EXPERIENCE (ARTICLE 2)

Julian G. Tambiyants, Hrachik A. Dulunts, Murat M. Khalakoev
Kuban State Agrarian University named After. I.T. Trubilina

Abstract. The article is the second part of a study of contemporary positions of masculine ideology, now with an emphasis on the Russian experience. Based on the results of a survey of the male segment in three groups (students, security forces, Caucasians), it was established that although the values of the ideology of masculinity as a whole continue to dominate the social consciousness of Russian men, their stability is nevertheless undermined to varying degrees, correlating with age and professional criteria. In Russia, there is a noticeable dominance of trends of a demobilized society, supported at the official level. At the same time, there are symptoms of dissatisfaction with the existing socio-cultural situation, characterized by ideological and value uncertainty, which is reflected in the fact that the majority of respondents in principle do not reject the socio-cultural order of the Chechen Republic, based on opposite principles, as a model for Russia. The tasks of constructive education of Russians, mostly belonging to the Harmonic psychotype, will be facilitated by: 1) reliance on traditional cultural values; 2) education of patriotism; 3) popularization of a sporty lifestyle.

Keywords: masculine ideology, masculinity, social representations, monostylistic culture, polystylistic culture.

***Funding**:* Independent work.

Введение. В первой части настоящей работы мы, в ходе рассуждений, выдвинули предположение, что трансформационная динамика, где весьма заметным является гендерный аспект, завела западное общество в социокультурный тупик. Цивилизационное лидерство Западного мира частично оказывается под вопросом – если в экономике и технологиях его доминирование продолжает носить бесспорный характер (М. Делягин), то того же нельзя сказать об культур-

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

ной стороне. Отечественный социальный философ и культуролог Л. Ионин прямо пишет о деградации культуры Запада, главным орудием которой стала политкорректность [9, с. 257]. Одним из симптомов подобной деградации можно считать феномен, который мы условно обозначили как субпассионарный идеал, красной нитью пронизывающий рассуждения немалого числа авторов (Э. Геллнер, И. Кон, Г. Мюнклер, отчасти М.Калдор и др.). Суть названного феномена сводится к установке, что насилие по сути в любых формах – это всегда плохо, а потому следует его всячески избегать, конфликты решать исключительно посредством переговоров, компромиссов, а желательно создавать условия для их исключения или, во всяком случае, минимизации. Правда такой подход встречает и жесткие возражения, обычно выдвигая аргумент, что насилие не всегда деструктивно. Столетие назад концептуально подобное видение предложил Жорж Сорель, в том же духе рассуждает более близкий нам по времени Дж. Кэмпбелл, а также современные ученые А. Гат, Е. Беляева и др. Тем не менее реализация субпассионарного идеала на Западе продолжается, что влечет за собой последствия уже внутриполитического характера – речь идет о все усиливающейся мигрантской проблеме.

В данной статье нас будет занимать российский опыт, который мы имеем возможность изучить несколько более детально – через эмпирическое исследование. Но прежде мы дадим общий набросок проблемной ситуации, в общих чертах заключающаяся в том, как далеко деградация мужского этоса зашла в России. Дело в том, что Игорь Кон, теоретические разработки которого зачастую выступают объектом нашего оппонирования, указывает на гендерные трансформации в качестве глобальных трендов, которые первыми проходят апробирование на Западе [12, с. 98–103]. Возможно несколько поспешно включать в пространство охвата упомянутых трендов весь мир. Нельзя отрицать, что здесь имеет место диффузное распространение, и все же вряд ли тенденции маскулинизации женщин и феминизации мужчин ждут одни и те же темпы распространения в европейских, африканских, исламских странах. Тем не менее отечественный социум гендерные трансформации несомненно затронули. И тут уместно уточнить – насколько глубоко и каков характер подобного проникновения? Данный вопрос мы постараемся прояснить через изучение позиций маскулинной идеологии в социальном сознании россиян. Для этого мы решили обратиться к опросным методикам, постаравшись сформулировать выборку исходя из профессиональных и этнокультурных критериев.

Обсуждение. Результаты.

Но поначалу нам следует обратиться к советскому периоду, который нет никакой возможности вынести за скобки, так как советский проект являл собой своеобразный вариант модернизации, собственно и положившей начало сдвигам в том числе и в области гендера и, есественно, как-то затрагивая идеологию маскулинности. Здесь рассуждения ученых (не говоря уже о публицистах), к сожалению, не избежали идеологизированности. Либеральный подход в целом доминирует в исследованиях российского гендера, принося немало ценного в научное знания и, в то же время, давая повод для дискутирования.

Согласно плеяде либеральных исследователей (И. Кон, А. Темкина, Е. Здравомыслова и др.), советские руководители пытались навязать механистическое равенство мужчины и женщины, не принимая в расчет их психофизиологическую специфику и различия [12, с. 130]. Кроме того, политический деспотизм, бюрократизация социальной жизни со стороны административно-командной системы почти не оставляли места для индивидуальной инициативы и независимости. Плюс к этому, важным фактором выступала феминизация институтов социализации в силу доминирования женщин в кадрах учреждений воспитания, а также в пионерских и комсомольских органах. Все это расходилось с поддержанием человеческого достоинства и с традиционными нормативами маскулинности, в отношении которых советские мужчины ощущали личностную неполноценность, депривацию, откуда и пошло пьянство, кулачное право и пр. [6, с. 442]. Отсюда делается вывод о глубоком кризисе маскулинности в советскую эпоху, который по глубине превосходил аналогичный кризис на Западе.

Тем не менее, подобное видение не лишено очевидных натяжек. Факты пьянства и кулачного права есть скорее продукты отечественной культурной традиции, а не «порочной» советской системы и, кроме того, присущи отнюдь не только России. Традиционный характер являет собой также феминизация институтов социализации, которая в СССР нивелировалась некоей культурной милитаризацией на почве советской идеологии, предполагая транслирование здорового образа жизни, занятий спортом, выполнение нормативов ГТО.

Милитаризация служила наполнением патриотических форм. Существовал и всячески официально поддерживался героизированный культ Гражданской, Великой Отечественной, Афганской войн [20, с. 496–497]. В невоенное время для формирования патриотизма привлекались иные образы, например, призывы «Всем классом на БАМ!», «Даешь Магнитку!» [21, с. 83]. Сталинский кинематограф небезуспешно создавал «новый героический эпос, отражавший тенденции советского бытия и советской культуры» [19, с. 205]. В военной лирике 1940-х гг. доминировали именно традиционные установки: «мужчина – на фронте, женщина – в тылу», что в целом сохранялось и в более поздний период 1960–70-х гг. [15, с. 202, 203].

Советский строй не столько препятствовал реализации маскулинности, как утверждают либе-

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

ральные исследователи, сколько предоставлял для этого особые каналы. Мы полагаем, что гендерные расклады в СССР сохраняли в целом традиционную основу, хотя и проявляли тенденции к смягчению. Тезис о глубоком кризисе советской маскулинности, ее эрозии и деформации отражал не столько общую ситуацию, сколько определенные фрагменты советской релаьности. В подкрепление этого утверждения, мы укажем на следующие обстоятельства.

Во-первых, в работах, описывающих гендерные отношения в 1990-е годы, в которых однозначно проявлялась инерция недавно завершенной советской эпохи, как раз, отмечается устойчивость именно «патриархальной модели». Результаты исследований Н. Гончаровой [5], Е. Балабановой [2] указывают на то, что в целом кормильцем семьи оставался мужчина, тогда как женщине отводилась роль в первую очередь хозяйки, что иллюстрировалось их поведенческими установками 1990-х гг. Тем самым, советской семье, в основном, было присуще то самое разделение функций, о котором ратует Н. Больц [3, с. 91]. Например, мужчина приносил основной доход, но зачастую распоряжалась им жена в рамках компетенции ведения домашнего хозяйства.

Во-вторых, популяризация в СССР спортивного образа жизни послужила одним из источников распространения социального типа «воинственного человека», который лег в основу силового предпринимательства. По мысли В. Волкова, Россия девяностых дала возможность изучения этого феномена, казалось бы давно сошедшего с исторической сцены, вытесненного экономическим человеком [3, с. 121]. Это имело и социокультурные последствия – российский бандит 1990-х стал «любимым героем городского фольклора, популярных романов и телесериалов» [3, с.158]. Но подобный факт либеральной логикой (ратующей за тот самый субпассионарный идеал, рассмотренный в первой части работы) рассматривается как «агрессивная маскулинность» и закономерно отвергается, поскольку «распространение подобных нравов и ценностей угрожает самим устоям цивилизованного бытия и правового общества» [11]. Однако, не отрицая бесспорные социальные издержки, отметим, что силовое предпринимательство значительно повышало в социуме градус напряжения, работало на популяризацию наиболее жестких формы традиционной маскулинности и стимулировало запрос на ресурс мужественности, в котором все менее и менее нуждалось общество Запада. Неслучайно заметным обстоятельством, подпитывающим западную русофобию постсоветских десятилетий, выступал образ «русской мафии».

Если судить о сдвигах в области гендера, то в постсоветском социуме они оказываются, пожалуй, более заметными, чем в советском. В качестве основных источников отметим, с одной стороны диффузное распространение западных цивилизационных стандартов в том числе и на российской почве; с другой – социально-экономическую проблематику, накладывающую на гендерные процессы специфический отпечаток. Пассионарная часть женского сегмента использует имеющиеся возможности самореализации, главным образом, в профессиональном плане. А вот большая часть женщин предпочитает придерживаться адаптивных стратегий, нередко выполняя мужские функции как правило из вынужденных соображений, что отличается от мотивов личностной самореализации распространенных в феминизме. Что касается мужского сегмента, то в преуспевающих слоях сложилась маскулинность, носящая больше показной характер, что С. Ушакин метко обозначил «героизацией потребительства» [20, с. 486]. Среди нижних слоев мужчины пассионарии в 1990-е годы массово реализовывали себя в криминальных структурах, тогда как среди гармоников и субпассионариев весьма нередки были случаи маргинализации жизненных стратегий [22]. Между тем, отечественный социум также не обошли тенденции аномизации семейных ценностей, что находит отражение в кризисе семейных институтов [16, с. 698].

Если подвести под вышеописанные процессы методологическую основу, то нам представляется более адекватным для отечественной действительности использование концепции моностилистической – полистилистической культуры, предложенной философом и социологом культуры Л.Г. Иониным, что перекликается с популярным подходом модерн-постмодерн.

Категория моностилистической культуры предлагается для характеристики советского периода, тогда как полистилистическая культура – для современной России. Для культуры моностилистической характерно, что ее ключевые мировоззренческие компоненты – образы мира, убеждения, идеологии и т.д. внутренне связанны и разделяются социальным большинством. Отличительными чертами такой культуры являются:

– наличие особой группы создателей и трансляторов культуры, а, по-другому, культурных экспертов (шаманы, священники, партийные идеологи);

– жестко фиксированный порядок «реализации культурных явлений в пространстве и времени согласно нормам доминирующего мировоззрения» (например, торжественное богослужение в храме или праздник в районном Доме культуры);

– наконец, «канонизация жанров и стилей культурной деятельности» [10, с. 233–235].

По мысли Л. Ионина, через навязываемые моностилистической культурой схемы происходит интерпретация всех событий и фактов человеческой истории, такая культура – инструмент легитимизации существующего социального порядка. Таковы культуры восточных деспотий, подобные черты заметны в культурных системах средневековой Европы, наконец моностилисти-

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

ческие характеристики присущи культуре всех теократических государств, в частности современных фундаменталистских [10, с. 233]. По сути, Л. Ионин увязывает моностилистический смысл культуры с жесткой властной вертикалью, нуждающейся в общественной легитимации и прибегающей для этого в том числе к культурным механизмам.

Нынешняя Россия характеризуется Л. Иониным на стадии перехода к модели куда более демократической полистилистической культуры, которой присущи следующие признаки:

– отсутствие сакрального доктринального ядра, определяющего жесткую оценку любому явлению культуры;

– отсутствие универсальной культурной иерархии, обязательной в моностилистической культуре;

– детотализация, исключение какого-либо единства многообразных культурных феноменов, здесь возникают и складываются все более сложные системы взаимодействия традиций, культурных стилей, образов жизни, часто замешанные на эклектике;

– наконец, в рамках полистилистической культуры не признается какая-либо цель развития культуры, общества и человеческого существования вообще [10, с. 245–247].

Как верно подмечает сам Л. Ионин, культурное разнообразие стимулирует возникновение новых мотиваций и желаний [8, с. 52]. Все это выступает предпосылкой экономики гиперпотребления, в рамках которой ключевыми ценностями становятся комфорт и развлечения.

С позиции трех десятилетий постсоветского существования становятся проясненными сильные и слабые стороны обеих моделей. Продолжающаяся демократизация культурной жизни принимает гипертрофированные формы, особенно заметные на Западе, что пугает даже многих классических либералов (Ю. Хабермас, Ф. Закария, Н. Больц), но вдохновляет лево-либералов.

Моностилистическая модель, с одной стороны, где-то сковывала творческий потенциал, но с другой обеспечивала нормативные культурные рамки, играющие некую дисциплинирующую роль, тогда как в постсоветской России значение морали, нравственности очевидно упало.

Между тем, моностилистическая модель сохраняется на постсоветском пространстве, даже находящемся под юрисдикцией Российской Федерации. Речь идет о Чеченской Республике, где имеются жесткая объединяющая идеология, популяризация здорового спортивного образа жизни, подкрепляющиеся объективными мерами – ограничением алкоголя и наркотиков. Тем самым, можно говорить о сосуществовании моностилистической и полистилистической культурных моделей в рамках России, которые так или иначе сопоставляются в общественном сознании.

Цель нашего эмпирического исследования заключается в том, чтобы уточнить позиции маскулинной идеологии в социальном сознании россиян.

Задачи исследования видятся нам следующим образом.

Во-первых, определить характер представлений о мужественности как динамическом социальном феномене.

Во-вторых, выявить установки респондентов по поводу традиционных нормативов маскулинной идеологии.

В-третьих, определить отношение к моностилистической модели культурного порядка, воплощенной в Чеченской Республики с точки зрения ее внедрения в России.

В качестве ключевых понятий выступают категории маскулинной идеологии, мужественности.

«Маскулинная идеология» определяется нами как определенная система установок и оценок в отношении мужского культурного и поведенческого облика, соотносимая с собственными социальными идентичностями и стратегиями.

Категорию «мужественность» мы используем по ходу опроса в виду лучшего восприятия данного термина респондентами, чем категорию «маскулинность» – более присущей научному и публицистическому дискурсам.

В то же время, эти категории не тождественны. Если маскулинность отражает социокультурный смысл, то мужественность – поведенческий. Здесь наш подход имеет много общего с пониманием Н. Больца «Мужественность всегда действие: нельзя просто «быть». Мужественные мужчины не приспосабливаются, не прогибаются и не зависят от обстоятельств» [3, с. 78, 79].

В нашей трактовке, мужественность есть черта характера (или особое внутреннее состояние), связанная с проявлением твердости, настойчивости в ходе достижения поставленных целей в контексте противодействия внешних обстоятельств или преодоления собственных психологических барьеров.

В качестве выборки мы решили остановиться на следующих социальных группах, каждая из которых обладает специфическими характеристиками, влияющими на восприятие маскулинной идеологии и мужественности. Это работники правоохранительных органов (силовики), социальные представления которых формируются не без влияния их профессиональной идентичности. Респонденты из образованной молодежи (студенчество), которые в силу возраста более

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

восприимчивы к культурным новациям (западным трендам). Представители кавказской республики Кабардино-Балкария, восприятие которых указанной проблематики носит отпечаток особенностей почвы (традиционный кодекс адыго-хабзе), а также специфики менталитета.

В качестве инструментария послужил анкетный опрос. Было опрошено 311 респондентов-мужчин – 103 «силовика», 101 студент, 107 жителей Кабардино-Балкарии.

Таким образом, наше исследование во многом носило разведывательный характер.

Изначально, целесообразно было выяснить предпочтения респондентов той или иной модели мужественности, которые были предложены в анкете.

Перечень упомянутых моделей опирался на работы Е. Алымовой, которая на основании классической древнегреческой литературы, сформулировала три модели – Ахилла, Гектора и Одиссея [1].

К этим трем мы сочли возможным присовокупить модель идентичности.

Первая модель Ахилла ставит на первый план стремления к индивидуальному самовыражению через военные подвиги.

Иную содержательную наполненность представляет модель Гектора, где главный акцент делается на защиту Родины.

Стойкость в преодолении жизненных испытаний – ключевая характеристика модели Одиссея.

Ну а модель идентичности предполагает упор на следование собственным внутренним правилам, ни при каких внешних обстоятельствах не отступая от них, или, другими словами, быть всегда «самим собой».

Таблица 1

Предпочтения определенной модели мужественности (в %)

	Модель Ахилла	Модель Гектора	Модель Одиссея	Модель идентичности
Работники ПО.	8	46	24	23
Кабардино-балкарцы	4	23	43	30
студенты	6	40	44	11

В наших прошлых исследованиях стабильно наибольшей популярностью у респондентов пользовалась модель Гектора [18, с. 97], что как можно полагать, во многом связано с фактом Специальной военной операции (СВО) и актуальностью патриотизма. Как следует из Таблицы 1, две категории респондентов больше предпочитают именно эту модель, что являет контраст в сравнении с кабардино-балкарцами. С одной стороны, первые находятся объективно ближе к линии боевых столкновений, а с другой – респонденты правоохранительных органов скорее всего находятся под большим психологическим воздействием СВО в силу собственной профессиональной деятельности – принадлежности к силовым структурам. Куда большим предпочтением у жителей Кабардино-Балкарии пользуется модель Одиссея, по всей видимости ассоциируемая с ролью главы семьи, преодолевающего ряд жизненных обстоятельств и препятствий. Малая популярность у студентов модели идентичности, по всей видимости, связана с внутренней неопределенностью, продолжающимся «поиском себя». Другими словами, представители этой наиболее молодой по возрасту категории респондентов еще четко не сформировали собственный самообраз, а потому не могут в полной мере ощутить значение внутренней целостности и поступающим ей вызовам. Как видим, в целом наименьшее предпочтение было оказано модели Ахилла (от 4 до 8 %), которая, пожалуй, ближе всего отражает психотип пассионария. Доля респондентов, отдавших ей предпочтение, по всей видимости, соответствует размерам своеобразного героического меньшинства (термин Г. Мюнклера [13]) или пассионариев в контексте общей выборки.

Таблица 2

Как изменяется число реально мужественных людей? (в %)

	Становится больше	Скорее больше	Без изменения	Скорее меньше	Становится меньше	Трудно сказать
Работники ПО	21	11	11	20	29	8
Кабардино-балкарцы	8	7	4	47	16	18
студенты	2	11	14	40	21	14

Весьма показательны данные о динамике мужественности. Бросается в глаза, что респонденты-служащие правоохранительных органов оценивают ситуацию, пожалуй, наиболее оптимистично в сравнении с другими группами. Среди них почти треть (32 %) отметила восходящий характер динамики мужественности, тогда как на противоположный вектор указала почти половина (49 %). Заметно иначе распределились ответы жителей Кабардино-Балкарии и студентов. Сре-

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

ди первых восходящую динамику отмечают около 15 %, а нисходящую – более чем вчетверо больше (63 %). Близкий расклад ответов респондентов-студентов – 13 % против 61 %. Обращает на себя внимание несколько большая доля неопределившихся с ответом у респондентов из не силовых структур.

Подобная картина, как можно полагать, объясняется следующими обстоятельствами. Работники силовых структур по всей видимости больше погружены в среду, где качества, связанные с мужественностью, решительностью оказываются востребованы чаще, нежели в контексте обыденной повседневности, присущей другим группам респондентов. То есть контекст их профессиональной деятельности позволяет четко определить природу человеческих поступков и мотивации, давая возможность сделать более или менее категоричное заключение. Отсюда значительно меньший процент затруднившихся с ответом.

Таблица 3

Может ли изначально робкий человек со временем стать смелым и целеустремленным? (в %)

	Знаю немало таких случаев	Единичные случаи знаю	Не припомню такого	Трудно сказать
Работники ПО	56	27	5	12
Кабардино-балкарцы	45	34	6	14
студенты	40	49	8	3

В наши намерения входило выяснение возможности воспитания мужественности, то есть фактически ставился вопрос о роли здесь конструктивизма, где не последнее место занимают идеологии маскулинности. В этой связи, был задан вопрос: «Знаете ли Вы случаи, когда человек будучи изначально робким и нерешительным со временем становился смелым и целеустремленным?». Как следует из таблицы 3, подавляющее большинство опрошенных считают такое возможным в принципе. Это подтверждает один из ключевых тезисов первой части работы – большая часть людей принадлежат психотипу гармоничных личностей и формирование у них установок (с маскулинным или феминным уклоном) во многом детерминировано внешней средой.

Блок вопросов об установках респондентов по поводу идеологии маскулинности предварялся оценками войны, что в сегодняшней обстановке представляется как никогда уместным и актуальным. Более углубленно данная проблема исследовалась нами в статье месячной давности [17]. Из таблицы 4 следует, что отношение респондентов к войне весьма дифференцированно при сохранении общего доминирующего тренда на осуждение войны. Из Таблицы 4 видно, что среди жителей Кабардино-Балкарии более 70 % осуждает войну, почти четверть – колеблется с выбором ответа и лишь 4 % видят здесь возможность самопроверки и самовоспитания. А вот пусть и незначительное, но все же большинство работников правоохранительных органов войну осуждать не торопятся и около четверти предпочитают видеть здесь возможность самореализации. На наш взгляд, здесь ключевое значение имеет фактор профессиональной принадлежности – силовики так или иначе должны быть психологически готовы к войне и риску. В то же время, наличие доминирующего тренда отражает феномен «демобилизованного общества», нацеленного на сохранение стабильности социальной жизни, а СВО представляет собой нечто вроде параллельной реальности [14]. Весьма значительная доля неопределившихся с ответом указывает на существование диссонанса в общественном мнении по поводу оценок войны.

Таблица 4

Оценка войны (в %)

	Война – это всегда плохо, она антиморальна и антигуманна	Война есть способ самопроверки и самореализации	Трудно сказать
Работники ПО	47	26	27
Кабардино-балкарцы	72	4	24
студенты	59	11	32

Группа вопросов касалась непосредственно идеологии маскулинности, затрагивая экзистенциальную, функциональную, а также социально-психологической проблематики. Речь идет о принципах внутреннего настроя (стремления к лидерству, сдерживания эмоций), реализуемых в соответствующих поведенческих трендах. Заметные различия в отношении к стандартам гегемонной маскулинности продемонстрировали ответы на вопрос о необходимости мужчине воспитания у себя лидерства и целеустремленности. Если работники силовых структур согласились с этим почти единогласно, то среди студентов почти треть поддержали противоположную позицию – не стоит совершать насилие над собой, если человек по натуре склонен подчиняться (табл. 5). Из приведенных данных можно заключить, что экзистенциальное стремление к лидерству несколько более присуще профессиональным силовикам в сравнении с кавказцами, где традиционная культура в принципе старается воспитать внутренние достижительские стратегии.

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

Таблица 5

Нужен ли мужчине дух лидерства, целеустремленности ? (в %)

	Да, обязательно	Если человек склонен подчиняться, ему это не нужно	Трудно сказать
Работники ПО	95	4	1
Кабардино-балкарцы	77	13	10
студенты	68	30	2

Более ровные ответы были получены при выяснении отношения респондентов к семейным социальным функциям. Как следует из таблицы 4, подавляющее большинство опрошенных обеих групп склонны к традиционной установке о мужской роли главы семьи и основного источника ее содержания. Представляется, что здесь ключевое значение для респондентов-кавказцев имеет традиционная культура, предписывающая жесткое следование устоявшимся гендерным правилам и раскладам. Тем не менее, почти треть респондентов-студентов считает, что такой расклад не обязателен, и в каждой семье муж и жена сами распределяют кому за что отвечать и что делать. Как можно предположить, здесь имеет место влияние (не исключено что завуалированное) на молодежь идей интерсекционального феминизма, использующих ярлык «токсичная маскулинность», и фактически направленных на дискредитацию правил для «настоящего мужчины».

Таблица 6

Должен ли мужчина содержать семью? (в %)

	Да, безусловно	Не обязательно, в конкретной семье люди сами распределяют функции
Работники ПО	84	14
Кабардино-балкарцы	87	11
студенты	71	29

В некотором роде, проявление фактора политкорректных трендов можно видеть в распределении ответов по поводу проявления эмоций мужчиной (табл. 7). Как видим, жестких требований к себе (не при каких обстоятельствах не проявлять эмоции) придерживается чуть менее половины студентов, что контрастирует с работниками правоохранительных органов, где такую позицию разделяют более двух третей. Считают, что эмоции мужчинам проявлять можно почти четвертая часть молодых людей и только 6 % силовиков. Неожиданный расклад ответов продемонстрировали кавказцы – поддержали требования не показывать эмоции лишь чуть более трети. Но подобное распределение ответов скорее не столько результат влияния идей политкорректности и феминизма, сколько особенность этнической психологии – общеизвестна эмоциональность кавказцев, связанная главным образом с горячностью, нередко в форме внешней демонстрации. Возможно, что под эмоциями респонденты – жители Кавказской республики подразумевают скорее проявления гнева, возмущения, радости, чем демонстрирование печали, плача и прочих феноменов, контрастирующих с обликом «настоящего мужчины».

Таблица 7

Характер проявления эмоций (в %)

	Мужчине в любой ситуации следует держать эмоции при себе	«На людях» их проявлять не следует	Мужчина тоже человек, имеет право поплакать, если хочется
Работники ПО	69	24	6
Кабардино-балкарцы	38	39	23
студенты	49	35	16

Вопрос о случаях взятия на себя мужских функций женщинами касался не столько установок респондентов, сколько фактов окружающей их объективной реальности. Полученные ответы уверенно подтвердили наличествующие тенденции, связанные с деформациями гендерных отношений – ранее довольно устойчивые функциональные расклады в настоящее время становятся все более расплывчатыми, что отражает ситуацию характерную для Западного мира в целом, затрагивая и Россию. Правда, как отмечалось выше, в России это продиктовано не столько феминистскими идеями самореализации женщин, сколько обстоятельствами, вынуждающими женщин взваливать на себя мужские обязанности. За исключением студентов, лишь незначительное меньшинство респондентов выбрало ответ, что не встречало подобных случаев. Несколько более высокий процент ответивших подобным образом среди студенческой мо-

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

лодежи во многих случаях объясняется банальным недостатком жизненного опыта, а также тем, что для некоторых респондентов такого рода вопросы неактуальны.

Таблица 8

Современные женщины берут ли на себя мужские функции? (в %)

	Да, сплошь и рядом	Такие случаи бывают	Не знаю такого
Работники ПО.	27	70	3
Кабардино-балкарцы	30	66	4
студенты	13	73	14

Весьма интересную ситуацию затрагивал вопрос о значении для респондентов государственных правоохранительных органов в случае вовлечения первых в жесткие индивидуальные конфликты. Дело в том, что подобная проблема касается типичного для современного государства стремления установления монополии на насилие. Естественно, что для работников правоохранительных органов подобный вопрос возможно создавал предпосылки для некоторого внутреннего диссонанса – с одной стороны существует их непосредственная профессиональная компетенция, а с другой – традиционные правила «настоящего мужика», который должен подобные вопросы решать без участия внешних сил. Как бы то ни было, но за самостоятельное решение высказалось 36 % силовиков и только 10 % опрошенной студенческой молодежи. Ответ, выдвигающий на первый план обращение в правоохранительные органы выбрали примерно одинаковые доли из той и другой группы – 20 % силовиков и 19 % студентов. Считают, что в отдельных случаях обращение в органы допустимо и необходимо 43 % респондентов-силовиков и 71 % респондентов-студентов.

Далее, респондентам на выбор предлагалось поддержать одно из двух утверждений – «каждый молодой человек прежде всего должен самостоятельно пробиваться, утверждать себя в обществе». Или другое: «в современном мире родственникам необходимо всячески помогать молодым людям устроиться в жизни». За первое утверждение высказались примерно равные доли опрошенных силовиков и студентов – 80 % и 81 %. Тем самым, можно заключить, что идея о самостоятельности, уповании, прежде всего, на собственные усилия остается для россиян социально значимой, хотя пятая часть поддержавших противоположную позицию наводит на предположение, что подобный субпассионарный и фактически социально деструктивный тренд пользуется немалой популярностью.

Таблица 9

Внутренняя модель Чеченской республики: возможны ли заимствования (в %)

	Эта модель желательна для России	Можно кое-что заимствовать	Эта модель не нужна России	Трудно сказать
Работники ПО	30	48	3	19
Студенты	13	75	11	1

Большой интерес представлял вопрос о Чеченской республике и отношения респондентов к установленной там культурной и политической внутренней модели. Последняя, как выше упоминалось, сохраняет моностилистический смысл в отличие от полистилистического характера российской социокультурной ситуации. В Чечне фактически жестко ограничены возможности массового погружения в культуру безграничного потребления. Существует единая идеология, более или менее разделяемая большинством, декларируется спортивный образ жизни, наркомания почти исключена, а алкоголь серьезно ограничен. Мы посчитали не совсем корректным предлагать подобный вопрос респондентам-жителям Кавказской республики, в силу высокой степени субъективизма в рамках подобного суждения – с одной стороны у кабардинцев и чеченцев могут быть собственные отношения, приправленные изрядной долей кавказской ментальности, а с другой стороны – нас больше интересовало мнение жителей, погруженных именно в российскую социокультурную среду.

Из таблицы 9 видно, что склонны решительно отвергать моностилистический культурно-политический порядок чеченского образца, в общем-то, немногие респонденты. Значительно больше тех, кто считает данную модель желательной для России, причем среди силовиков такое мнение разделяет почти треть респондентов (30 %). Несколько неожиданно для нас оказалось, что среди студенческой молодежи считают уместным хотя бы частичное заимствования чеченской модели 88 % опрошенных. В то же время, обращает на себя внимание почти пятая часть силовиков, затруднившихся с ответом, что возможно объясняется их большей погруженностью в дискурсивное поле властных отношений и пониманием как положительных, так и отрицательных сторон Чеченской Республики, внутреннее устройство которой отличается культурным и политическим своеобразием.

Естественно, что в рамках данного анкетирования нельзя было обойти проблему – что в настоящее время мешает, а что способствует воспи-

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

танию мужественности. Респондентам предлагались полуоткрытые вопросы, в которых допускалось несколько вариантов ответа. Это представляется вполне оправданным, поскольку упадок или, наоборот, усиление мужественного духа есть обычно комплексный результат нескольких причин. Тем самым выраженные в процентах показатели в таблицах 10 и 11 отражают число упоминаний конкретного обстоятельства.

Таблица 10

Что мешает сейчас формированию мужественности? (в %).

	Деградация мужской природы	Уголовн. закондат	Стремление откосить от армии	Женщины стремятся к муж. функциям	Культура потребления	Компьютр. игры	Опека родителей
Работники ПО	26	8	26	16	23	31	37
Кабардино-балкарцы	50	3	11	42	20	16	5
студенты	29	9	17	25	38	13	67

Согласно таблице 10, работники силовых структур особенно не упирают на какое-либо отдельное обстоятельство, если не считать уголовного законодательства. Вероятно, профессиональная идентичность мешает признать респондентам этой группы, что силовая монополия делегализует фактически любую силовую акцию одного человека против другого. В ответах кавказских респондентов выбивается вперед антропологический источник – деградация мужской природы, а также претензии женщин на мужские функции. Несколько неожиданно у них редко упоминается родительская опека, тогда как другие группы опрошенных обращают внимание на этот источник деградации мужественности – по числу упоминаний в ответах студентов чрезмерное участие родителей далеко обходит все остальные источники – на это указали две трети опрошенных. Возможно, это объясняется актуализацией именно этого обстоятельства для студенческой молодежи, которая в своем современном состоянии гораздо позже добивается способности жить самостоятельно, не завися от помощи родственников. Ниже, чем ожидалось были оценены в качестве факторов деградации мужественности культура потребления и компьютерные игры – число их упоминаний колеблется от 13 до 38 %. Между тем, известное исследование Ф. Зимбардо и Н. Коломбе в качестве ключевых источников данной проблемы выделяет именно «игры и порно» [7]. Все же, представляется закономерным, что в нашем исследовании на фактор культуры потребления чаще других указывают именно студенты – как правило, респонденты этой группы еще не так экономически активны и имеют возможность погружаться в досуг и развлечения, вольно или невольно ощущая их культурное влияние.

Таблица 11

Что способствует сейчас формированию мужественности ? (в %)

	Традиционная культура	Спортивные секции	Киногерои боевиков	Патриотизм	Жесткие правила жизни
Работники ПО	71	39	2	50	16
Кабардино-балкарцы	74	50	6	22	26
студенты	68	54	6	33	27

А вот в плане источников содействия мужественности все три группы чаще всего указывают на традиционную культуру, видя в ней явного антагониста современным политкорректным трендам, что в целом отражает реальное положение дел. Как следует из таблицы 11, на это обстоятельство указывают две трети и более опрошенных из всех групп. На втором месте по числу упоминаний у кавказцев и студенческой молодежи идут спортивные секции, тогда как работники силовых структур предпочитают указывать на духовный фактор – патриотизм. Показательно, довольно малый процент упоминаний киногероев боевиков – скорее всего этот сегмент потребительской культуры за более чем тридцать лет активного распространения в отечественном социокультурном пространстве где-то приобрел рутинные черты, снизив свое стимулирующее воздействие для выработки боевого духа, как это имело место в конце 80-начале 90-х годов прошлого столетия. Вполне возможно на смену этому феномену пришли герои традиционных эпосов в ходе активизации этнических идентичностей, чему дополнительным стимулом послужил крах идентичности советской.

Заключение.

Итак, по результатам проведенного опроса можно вывести ряд заключений. Ценности маскулинной идеологии в целом доминируют в социальном сознании мужского сегмента российского общества. Тем не менее, очевидна различная степень их устойчивости в тех или иных группах респондентов. Заметны корреляции с возрастным и профессиональным критерием. Если у

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

представителей молодого поколения довольно значительная доля респондентов скептически относится к традиционным стандартам маскулинности, то у респондентов-силовиков такого рода отношение проявляется куда реже. Заметна тенденция осуждения войны, доминирующая у всех групп, опрошенных и в разной степени опережающая противоположную ей установку на личностную самореализацию. Это отражает концепцию «демобилизованного общества», отстаиваемую в официальных кругах, которая в стратегической перспективе нами не оценивается исключительно в конструктивном ключе. Некоторый оптимизм нам дает симптом неудовлетворенности большинства опрошенных российской внутренней культурно-политической ситуацией с ее идеологической неопределенностью, дифференциацией стилей (полистилистическая культура), предпосылками гендерной деформации. Эта неудовлетворенность отражается тем, что респонденты в целом не склонны отвергать в качестве образца для России модель внутреннего культурно-политического устройства Чеченской Республики на совершенно иных, по сути мостилистических принципах, напоминающих СССР – жесткая объединяющая идеология, спортивный образ жизни, ограничение алкоголя, исключение наркотиков.

Что касается обобщенного заключения (по результатам обоих частей работы), то здесь наши соображения можно свести к следующим пунктам.

1. В странах наиболее передовой западной цивилизации позиции маскулинной идеологии, нацеленной, прежде всего, на воспитание в соответствующих ценностях представителей психотипа гармоников, подрываются рядом обстоятельств.

Во-первых, объективные социально-исторические процессы, в ходе которых последовательно расширялись социальные возможности женщин.

Во-вторых, культурно-идеологическая среда, в рамках которой усиливаются позиции субпассионарного идеала, происходит дискредитация мужского этоса, что способствует аномизации гендерных аспектов общественного сознания.

В-третьих, социально-антропологические деформации в сторону ослабления мужского начала, делигитимации мужественности.

2. При том, что российский социум находится в зоне диффузного распространения западной культуры и ее проблем, тем не менее, деградация гендера здесь не зашла так далеко, хотя некоторые предпосылки этого имеются.

В качестве таковых отметим:

– во-первых, субъективное влияние западных политкультурных трендов, реализуемое во многом через молодежь, социализация которой происходит в контексте заметного ослабления традиционных гендерных отношений и маскулинной идеологии;

– во-вторых, объективный социальный контекст с российской спецификой, который по-своему способствует тенденциям мужской феминизации и женской маскулинизации.

По результатам проведенного опроса, как можно полагать, что задачам конструктивного воспитания отечественных гармоников будут способствовать:

1) опора на традиционные культурные ценности;

2) воспитание патриотизма;

3) популяризация спортивного образа жизни.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алымова Е.В. Тема мужества в доклассической греческой культуре (на материале эпической поэзии) // Вестник Ленинградского государственного университета. 2014. С. 7–19.
2. Балабанова Е. С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования, 2002. № 11. С. 26–36.
3. Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2014. 270 с.
4. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 352 с.
5. Гончарова Н. Игра для мальчиков (Гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 83–90.

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

6. Здравомыслова Е.А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Здравомыслова Е.А. Темкина А.А. // О мужественности: Сборник статей. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.
7. Зимбардо Ф. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности / Ф. Зимбардо, Н. Коломбе. М. : Альпина Паблишер, 2017. 344 с.
8. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. М.; СПб. : Университетская книга, 2012. 237 с.
9. Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 304 с.
10. Ионин Л.Г. Социология культуры М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.
11. Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. URL : http://www.owl.ru/library/047t.htm (дата обращения 30.04.2024).
12. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
13. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках М. : Кучково поле, 2018. 384 с.
14. Новая «Нормальность» войны. Директор ЦАСТ Руслан Пухов на Грушинской конференции. URL : https://bmpd.livejournal.com/4815781.html (дата обращения 12.10.2024).
15. Сидорова Г.П. «Ожиданием своим ты спасла меня»: гендерные особенности взаимоподдержки в русской военной лирике (1930–2000-е гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 200–205.
16. Смирнов В.М. Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь / В.М. Смирнов, О.М. Селиванова // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 5. С. 695–714.
17. Тамбиянц Ю.Г. Война и российская студенческая молодежь (результаты исследования case study) / Ю.Г. Тамбиянц, Г.А. Дулунц, М.М. Халакоев // Национальное здоровье. 2025. Вып. 1.
18. Тамбиянц Ю.Г. Мужественность как явление общественного сознания / Ю.Г. Тамбиянц, А.Н. Лукинов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 94–99
19. Тирахова В.А. Мифологизация базовых концептов героического эпоса в советском кинематографе 1930–1950-х г. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3(22). С. 203–212.
20. Ушакин С. Видимость мужественности // О мужественности: Сборник статей. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 479–503.
21. Федосеева И.А. Трансформация мужественности в российском обществе / И.А. Федосеева, Е.В. Саломатин // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». 2015. № 2. С. 80–85.
22. Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся северной деревни // В поисках сексуальности: Сборник статей. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2002. С. 172–196.

References:

1. Alymova E.V. The theme of courage in preclassical Greek culture (based on the material of epic poetry) // Bulletin of Leningrad State University. 2014. P. 7–19.
2. Balabanova E.S. Gender differences in coping strategies with life difficulties // Sociological Research. 2002. № 11. P. 26–36.
3. Bolts N. Reflections on inequality. Anti-Rousseau. M. Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 270 p.
4. Volkov V.V. Power entrepreneurship, XXI century: an economic and sociological analysis. SPb. : Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2012. 352 p.
5. Goncharova N. The game for boys (Gender aspects of the realization of career aspirations) // Sociological research. 2003. № 1. P. 83–90.
6. Zdravomyslova E.A. The crisis of masculinity in the late Soviet discourse / E.A. Zdravomyslova, A.A. Temkina // About masculinity: A collection of articles. M. : New Literary Review, 2002. P. 432–451.
7. Zimbardo F. A man in isolation: Games, porn and loss of identity / F. Zimbardo, N. Colombe. M. : Alpina Publisher, 2017. 344 p.
8. Ionin L.G. The uprising of minorities. M.; SPb. : University Book, 2012. 237 p.
9. Ionin L.G. Update of conservatism. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2010. 304 p.
10. Ionin L.G. Sociology of Culture, Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2004. 427 p.
11. Cohn I. Changing men in a changing world. URL : http://www.owl.ru/library/047t.htm (date of application 30.04.2024).
12. Kon I. A man in a changing world. M. : Vremya, 2009. 496 p.
13. Munkler G. Fragments of war: The evolution of violence in the XX and XXI centuries. M. : Kuchkovo Pole, 2018. 384 p.
14. The new «Normality» of war. Ruslan Pukhov, Director of the TSA, at the Grushinsky Conference. URL : https://bmpd.livejournal.com/4815781.html (date of application 12.10.2024).
15. Sidorova G.P. «You saved me by waiting»: gender-specific features of mutual support in Russian military lyrics (1930s–2000s) // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2018 . № 2. P. 200–205.
16. Smirnov V.M. Single-parent families in Russia: scale, problems and social assistance / V.M. Smirnov, O.M. Selivanova // Labor economics. 2023. Vol. 10. № 5. P. 695–714.
17. Tambiyants Yu.G. War and Russian student youth (results of the case study) / Yu.G. Tambiyants, G.A. Dulunts, M.M. Khalakoev // National Health. 2025. Iss. 1.
18. Tambiyants Yu.G. Masculinity as a phenomenon of social consciousness / Yu.G. Tambiyants, A.N. Lukinov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 6. P. 94–99
19. Tirakhova V.A. Mythologization of the basic concepts of the heroic epic in Soviet cinema of the 1930s and 1950s // Verkhnevolzhskiy philologicheskiy vestnik. 2020. № 3(22). P. 203–212.

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

20. Ushakin S. The appearance of masculinity // On masculinity: a Collection of articles. M. : New Literary Review, 2002. P. 479–503.
21. Fedoseeva I.A. Transformation of masculinity in Russian society / I.A.Fedoseeva, E.V. Salomatin // Scientific and practical journal «Humanization of education». 2015. № 2. P. 80–85.
22. Yaroshenko S. The crisis of family and sexuality: poverty without love in families in need of the northern village // In search of sexuality: a collection of articles. SPb. : Dmitry Bulanin, 2002. P. 172–196.

Информация об авторах

Тамбиянц Юлиан Григорьевич
доктор философских наук,
кандидат социологических наук,
доцент,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
09081969jylian@rambler.ru

Julian G. Tambiyants
Doctor of Philosophy,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Kuban State Agrarian University
named After. I.T. Trubilina
09081969jylian@rambler.ru

Дулунц Грачик Арменакович
аспирант кафедры социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
dga-87@mail.ru

Hrachik A. Dulunts
Postgraduate Student of the Department
of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named After. I.T. Trubilina
dga-87@mail.ru

Халакоев Мурат Мухамедович
аспирант кафедры социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет
им И.Т. Трубилина
Tom.jones.80inbox.ru

Murat M. Khalakoev
Postgraduate Student of the Department
of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named After. I.T. Trubilina
Tom.jones.80inbox.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-17
УДК 316.4

Attribution
cc by

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК МИРОВОЙ ПРОЦЕСС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Тужба Э.Н., Пупкова Ю.В.
Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. На основе анализа концептуальных подходов отечественных и зарубежных исследователей предпринята попытка теоретико-методологического осмысления процессов современной глобализации. Обосновано, что в силу объективных факторов глобальные вызовы затронули все сферы общественной жизни в различных социальных системах, а культурное и цивилизационное развитие оказались включёнными в динамику ускоряющейся и многомерной глобализации. Установлено, что культурно-коммуникативный компонент выступает в качестве системообразующего элемента глобализационных процессов, поскольку именно культурная и коммуникативная глобализация создают условия для трансформации и глобализации в иных сферах общественного бытия. Ее культурно-коммуникативное измерение играет ключевую роль в формировании новых форм социальной интеграции и взаимодействия, одновременно порождая риски утраты локальной идентичности и роста культурных асимметрий. Показано, что глобализация предстает как сложный, многоплановый и противоречивый процесс, оказывающий существенное влияние на трансформацию социального пространства, ценностных систем и механизмов взаимодействия между культурами.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, интеграция, культурные универсалии, глобальная общность, глобализм, модернизация, вестернизация, межкультурная коммуникация.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

GLOBALIZATION AS A GLOBAL PROCESS: A THEORETICAL ANALYSIS

Emir N. Tuzhba, Yulia V. Pupkova
Kuban State Technological University

Abstract. Based on the analysis of conceptual approaches of domestic and foreign researchers, an attempt is made to theoretically and methodologically understand the processes of modern globalization. It is substantiated that due to objective factors, global challenges have affected all spheres of public life in various social systems, and cultural and civilizational development have been included in the dynamics of accelerating and multidimensional globalization. It is established that the cultural and communicative component acts as a system-forming element of globalization processes, since it is cultural and communicative globalization that create conditions for transformation and globalization in other spheres of social existence. Its cultural and communicative dimension plays a key role in the formation of new forms of social integration and interaction, simultaneously giving rise to the risks of loss of local identity and growth of cultural asymmetries. It is shown that globalization appears as a complex, multifaceted and contradictory process that has a significant impact on the transformation of social space, value systems and mechanisms of interaction between cultures.

Keywords: globalization, glocalization, integration, cultural universals, global community, globalism, modernization, Westernization, intercultural communication.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Актуальность исследования обусловлена тем, что глобализация выступает одной из ключевых категорий современного научного дискурса, охватывающей как эмпирические трансформации мирового порядка, так и теоретические интерпретации социальных изменений. В условиях усиливающейся взаимозависимости стран и народов, данное явление приобретает особую значимость для анализа процессов культурной, политической и экономической динамики. При этом неоднозначность трактовок глобализации – от ее понимания как фактора демократизации и

© Тужба Э.Н., Пупкова Ю.В.

межкультурной интеграции до критики как инструмента неоколониальной гегемонии – указывает на необходимость комплексного и критического подхода к её изучению в рамках социогуманитарного знания.

Результаты. Обсуждение.

Американский историк Р. Стил подчеркивает трансформационный потенциал американской культуры и политических институтов, которые, по его мнению, вытесняют альтернативные системы и модели общественного устройства, распространяя влияние гомогенизирующей культурной индустрии, в частности, продуктов массовой культуры, таких как «Макдоналдс» и «Голливуд» [1]. Эта экспансия, по его мнению, обладает не только экономическим, но и цивилизационно-переопределяющим эффектом, подрывая локальные идентичности и ценностные основания других обществ.

Отдельную категорию интерпретаций составляют теории, связывающие глобализацию с феноменом «реванша кочевников» – метафорой, обозначающей разрушение устойчивых форм социокультурной укорененности, локальной идентичности и традиционного образа жизни. В этом контексте, глобализация предстает как пространственно неограниченный и мобильный социальный порядок, в котором эталонной фигурой становится космополитическая элита, свободно перемещающаяся между странами и культурами, но утратившая связь с собственной культурной традицией.

С точки зрения социологического анализа, происхождение глобализации обычно связывается с эволюцией капитализма и сопровождающими его модернизационными процессами. Представители экономической науки акцентируют внимание на транснациональных институтах, глобальных рынках и трансграничных потоках капитала и рабочей силы. Политологический дискурс, в свою очередь, акцентирует изменяющийся характер международных отношений, в которых наряду с национальными государствами активную роль играют наднациональные структуры – ВТО, ООН, СНГ, ЕЭС, НАТО и др.

Несмотря на множественность подходов, значительное число исследователей сходится во мнении, что современный этап глобализации характеризуется формированием планетарных форм социальной интеграции, ведущих к появлению новой социальной реальности – условно обозначаемой как «глобальное общество» или «планетарная цивилизация». Вместе с тем, сама сущность глобализации как исторического феномена остаётся предметом дискуссий. Существуют расхождения не только в оценке её природы, но и в определении хронологических границ: одни авторы связывают начало глобализационных процессов с эпохой Великих географических открытий, другие – с промышленной революцией, третьи – с неолитом, интерпретируя глобализацию как логическое продолжение эволюции человеческой коммуникации и взаимодействия.

Так, Ю.В. Яковец утверждает, что глобализация – это не новейшее явление, а результат длительной исторической эволюции межцивилизационных связей, достигших особой интенсивности во второй половине XX века. Современный этап, по его мнению, отличается не только масштабностью, но и системностью процессов, затрагивающих все сферы общественной жизни.

Яковец выделяет ряд ключевых факторов, определяющих современную глобализацию:

– технологическую интеграцию (глобализацию техносферы);

– экономическую взаимозависимость при сохранении национальной специфики;

– геополитическое соперничество между многополярной и монополярной (атлантистской) моделью;

– социокультурные трансформации и демографо-экологические вызовы [2, с. 7, 132].

Последние, по его мнению, требуют согласованных международных усилий в рамках устойчивого развития и демографической стабилизации на уровне 10–11 миллиардов человек к концу XXI века.

Демографическая динамика, в том числе рост населения в XX веке, вновь актуализировала концепцию Т. Мальтуса о рисках перенаселения. Однако современная социология подчёркивает, что процессы урбанизации и изменения социальных структур оказывают естественное сдерживающее влияние на рождаемость, и демографический рост в условиях зрелой модернизации носит не экспоненциальный, а стабилизирующий характер. Человечество, как элемент экосистемы, не может бесконечно воспроизводиться вне зависимости от социальных и биологических ограничений.

В условиях глобализации трансформируются также представления об идентичности. Несмотря на сохраняющиеся государственные границы, усиливается чувство принадлежности не только к локальному, но и к глобальному сообществу. Перемещения людей, трансграничные коммуникации, доступность образования и цифровой информации создают новую форму социальной мобильности и одновременно – новые вызовы для сохранения культурного многообразия. Изменения затрагивают привычные формы жизни, ценностные ориентиры, устоявшиеся институциональные порядки.

Существенным аспектом глобализации является трансформация экономических и информационных механизмов. М.Г. Делягин, анализируя специфику глобализации, подчёркивает ее зависи-

© Тужба Э.Н., Пупкова Ю.В.

мость от новых компьютерных технологий и определяет ее как формирование единого финансово-экономического пространства [3, с. 51].

В отличие от процессов интеграции, глобализация, по его мнению, представляет собой качественно новый, высший этап социально-экономического взаимодействия. Эта трактовка вступает в полемику с подходом Ю.В. Яковца, рассматривающего глобализацию в логике исторической преемственности.

А.В. Дмитриев предлагает более широкую концептуализацию глобализации как процесса, имеющего глубокие исторические корни и представляющего собой форму реализации генетического единства человечества. Он интерпретирует глобализацию как развитие универсальных форм межэтнического и межцивилизационного взаимодействия, берущих своё начало в доисторические периоды, но обретших современную институциональную и технологическую форму в последние десятилетия [4, с. 80].

Таким образом, современная социологическая мысль акцентирует множественность интерпретаций глобализации как многомерного феномена, включающего в себя экономические, политические, социокультурные и демографические измерения, каждая из которых требует специфического аналитического инструментария. Глобализация, несмотря на различия в трактовках, выступает как ключевая категория анализа трансформаций современного мира.

Согласно наблюдениям С.Л. Удовика, существует содержательная параллель между финансово-экономическими процессами начала XX века и современными формами глобализации. Под последней автор понимает возрастание экономической взаимозависимости государств, обусловленной увеличением объемов и разнообразия трансграничных трансакций, усилением международных потоков капитала и услуг, а также распространением передовых технологий. Подобные процессы, прерванные мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., уже наблюдались в первой трети XX века [5, с. 206].

Анализируя феномен глобализации, Удовик подчеркивает его качественно новые черты, связанные с масштабами и глубиной воздействия на человечество. Им выделяется десять аспектов глобализационного процесса, сгруппированных в четыре обобщённые сферы:

– финансово-экономическая глобализация, проявляющаяся в интеграции финансовых рынков, распространении валютно-налоговых спекулятивных практик и экспансии транснациональных корпораций;

– технологическая глобализация, выражающаяся в цифровизации, распространении высокотехнологичной продукции, а также развитии глобальных систем контроля и слежения;

– политическая и военная глобализация, осуществляемая в условиях доминирующего положения Соединённых Штатов;

– культурная глобализация, характеризующаяся стандартизацией массовой культуры, укреплением позиций английского языка как глобального коммуникативного средства благодаря медиапространству и интернету, а также универсализацией западных ценностей (свободы, индивидуализма, прав человека) и расширением манипулятивных технологий воздействия на общественное сознание [5, с. 206–288].

По мнению Т.А. Алексеевой, современное употребление понятия «глобализация» замещает более раннюю концепцию «универсализации». Так, экспансия христианства, капитализма и демократии в истории Запада представляется ей как форма универсализации. Этот подход, как отмечено в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, отражает трансформацию множества свобод в одну – свободу торговли [6, с. 11].

В.Г. Федотова трактует глобализацию как продукт модернизационного процесса, полагая, что прекращение модернизации автоматически ведет к затуханию глобализационных тенденций. В исторической ретроспективе она указывает на глобализацию XIX века, обусловленную развитием свободной торговли и доминированием Великобритании, которая, однако, столкнулась с серьёзными системными барьерами – в виде фашизма, коммунизма и национализма, приведшими к временному прерыванию глобализационного импульса [7, с. 192].

На основе анализа исторических этапов модернизационного развития В. Федотова выделяет следующие стадии:

– эпоху меркантилизма, становления мировой торговли и колонизации;

– фазу утверждения капиталистических отношений и буржуазных революций;

– период раннего индустриализма и доминирования промышленно развитого Запада;

– этап после второй промышленной революции, ознаменовавшийся диффузией производственных процессов и переносом индустриальных отраслей в незападные регионы;

– период научно-технической революции, начавшийся в середине XX века и связанный с применением универсализированных форм фундаментального научного знания [8, с. 231–233].

Сходные идеи относительно природы глобализации прослеживаются и в западной мысли. Так, еще в первой трети XX века, до институционализации глобализационной проблематики в научной повестке, Х. Ортега-и-Гассет отмечал экспансию пространственных и ментальных границ

© Тужба Э.Н., Пупкова Ю.В.

повседневного опыта человека. Современный индивид оказывается вовлечённым в глобальный контекст, где события, происходящие в удаленных географических точках, становятся частью его жизненного мира. Эта «вездесущность» локального пространства обусловлена новыми формами медиации и коммуникации, изменившими представление о пространстве и времени, а также расширившими горизонты индивидуального сознания [9, с. 130].

С момента, когда были произнесены приведённые выше размышления, прошёл почти век. За это время произошли радикальные изменения в характере социального взаимодействия и культурной коммуникации, что ранее для Х. Ортеги-и-Гассета представлялось предметом философского анализа, ныне стало эмпирической реальностью для большинства населения планеты. Распространение мобильной связи, Интернета, телевидения, глобальной сети воздушного транспорта и других технологических новаций объективно способствовало все более глубокой вовлеченности индивидов в процессы глобализации. Эти процессы сопровождаются формированием новых структур межкультурных взаимодействий, в рамках которых национальные (традиционные) культуры неявно адаптируются к универсализирующимся культурным стандартам, нередко - без осознания со стороны социальных акторов.

Согласно позиции канадского исследователя М. Маклюэна, ключевым детерминантом трансформации социальной организации выступает смена технологических укладов, что влечёт за собой изменения в способах коммуникации. Так, доминирование устной традиции до появления письменности способствовало формированию коллективного, интуитивного и интегрального восприятия реальности. Введение печатного станка, напротив, вызвало акцент на визуальное и линейное восприятие мира, способствовавшее индивидуализации познания и отчуждению субъекта от традиционного коллективного сознания. Этот переход ознаменовал собой начало фрагментации общества.

Революция в сфере технологий XX века, связанная с распространением электричества и возникновением электронных средств массовой коммуникации, трансформировала саму категорию пространства и времени. Она способствовала формированию условий для восстановления глобального диалога человечества, в результате чего, по М. Маклюэну, современный мир приобрел черты «глобальной деревни». Возвращение к некой «племенной» модели восприятия, с его точки зрения, означает восстановление чувства общности и принадлежности к коллективу [10, с. 13–17].

Современные интерпретации глобализации предполагают более комплексное и критическое осмысление феномена. Так, У. Бек разграничивает понятия «глобализм», «глобальность» и «глобализация». Под глобализмом он понимает идеологическое обоснование неолиберального порядка, ориентированного на доминирование мирового рынка. Глобализация же, согласно Беку, представляет собой совокупность процессов, способствующих возникновению глобальности как новой реальности, при которой национальные государства утрачивают монополию на суверенитет, становясь частью транснациональных сетей власти и идентичности. Под глобальностью автор подразумевает состояние мира, в котором прежние представления о замкнутых и изолированных пространствах утрачивают актуальность.

Среди последствий глобализации Бек выделяет:

– увеличение плотности и масштабов транснациональных взаимодействий в торговле и финансах;

– усиливающуюся мощь транснациональных корпораций; информационно-коммуникационную революцию;

– глобальное распространение дискурса прав человека;

– визуальную экспансию индустриальной культуры;

– политическую полицентричность, при которой государственные и негосударственные акторы взаимодействуют на равных;

– нарастание проблем глобальной бедности; экологические угрозы; транскультурные конфликты в локальных сообществах [11, с. 21–29].

Бек трактует глобальность как конститутивный признак современной эпохи, отличающей ее от предшествующих исторических периодов. Глобальность в этом контексте не предполагает нормативного утверждения глобалистской идеологии, а рассматривается как эмпирически наблюдаемое состояние мира.

Э. Гидденс предлагает более нейтральное определение глобализации, трактуя ее как «интенсификацию всемирных социальных связей, при которой события, происходящие в одном регионе, оказывают влияние на процессы в других, часто весьма удалённых частях мира» [12, с. 75]. По его мнению, глобализация – это многомерный и междисциплинарный процесс, охватывающий все сферы общественного бытия: от экономики и технологий до культуры, идентичности, политических институтов и коммуникационных практик.

Согласно концептуализации Р. Робертсона, глобализация предстает как дуалистический процесс, объединяющий в себе как субъективное восприятие мира в качестве единого целого, так и объективное «сжатие» мирового пространства. Под последним понимается, с одной стороны, интенсификация военно-политических и торгово-

© Тужба Э.Н., Пупкова Ю.В.

экономических взаимосвязей между государствами, вовлечёнными в глобальную социальную систему, а с другой – феноменологическое сжатие, выражающееся в возрастающем влиянии глобальных ориентиров на поведенческие модели, установки и предпочтения индивидов, выходящих за пределы локальной и этнокультурной идентичности и ориентирующихся на глобальный контекст. Робертсон интерпретирует процесс становления современности как первую волну глобализации, обусловленную формированием капиталистической системы и сопровождающуюся переходом от локального бытия к всеобъемлющему мировому взаимодействию, внутри которого он выделяет ряд этапов [13, с. 8, с. 58–59]).

Историко-социологический подход к анализу глобализации представляется в трудах И. Валлерстайна, который акцентирует внимание на развитии мировой системы в перспективе. В качестве базовой аналитической единицы он рассматривает не отдельные общества, а глобальную социальную систему, формирование которой он связывает с экспансией мировой торговли начиная с XVI века. В отличие от локалистских подходов, Валлерстайн подчеркивает, что внутренние трансформации отдельных обществ вторичны по отношению к структурной логике всей мировой системы. Последняя функционирует как самодостаточный макросоциальный организм, внутри которого международное разделение труда обеспечивает устойчивость и целостность, а культурное многообразие включено в рамки системного единства как совокупность символических миров, конструирующих глобальную социальную реальность [14].

Р. Штихве предлагает институциональный анализ процессов глобализации, выдвигая три ключевых инновации, ставших основой формирования мирового общества.

Во-первых, это функциональная дифференциация, аналогичная глобальному разделению труда, о котором писал И. Валлерстайн.

Во-вторых, возникновение транснациональных мобильных структур, действующих за пределами отдельных государств – от иезуитских миссий XVII века до современных неправительственных международных организаций.

И, наконец, в-третьих, развитие коммуникативных технологий, способствующих выходу культурных сообществ за рамки локальности (от книгопечатания до интернета и глобального телевещания) [15, с. 67–77].

Таким образом, рассмотренные выше подходы позволяют выделить концептуальное ядро феномена глобализации, опираясь на которое возможно теоретико-методологическое осмысление ее воздействия на различные социальные системы. При этом, если интерпретировать глобализацию преимущественно как процесс расширения рынков, диффузии технологий и капиталовложений, то наблюдается значительная преемственность с ранними формами транснациональных взаимодействий, начиная с эпохи Нового времени. Однако современная стадия глобализации принципиально отличается качественным своеобразием: она характеризуется усилением влияния наднациональных и сетевых структур, ускорением процессов культурной стандартизации и формированием единого символического пространства.

Большинство исследователей подчеркивают многомерный характер глобализации, охватывающей политические, экономические, технологические, культурные и коммуникативные сферы. В стремлении к комплексному анализу современной глобализации акцент всё чаще делается на изучении исторической динамики общественных отношений, а также трансформации культуры как ключевого элемента глобализирующегося мира. Глобализация и культура рассматриваются как взаимосвязанные явления: первая включает локальные культуры в глобальные процессы, вторая преломляет глобальные влияния в повседневных практиках и идентичностях.

В условиях стремительного развития средств массовой коммуникации в течение последнего столетия наблюдается формирование феномена глобальной массовой культуры – системы смыслов, знаков и ценностей, циркулирующих в мировом символическом пространстве. Этот процесс сопровождается тем, что, по выражению Ж. Бодрийяра, реальность утрачивает свою онтологическую устойчивость, уступая место симулякрам – знакам, замещающим и трансцендирующим саму действительность. В этой связи, медиапространство выступает в роли экрана жизненного мира современного человека, на котором разворачивается новая реальность, основанная на семиотической избыточности и отрыве символического от реального.

Культурно-коммуникативная составляющая представляет собой один из ключевых системообразующих факторов глобализационных процессов. Для установления устойчивых политических, экономических и технологических взаимодействий между странами необходима развитая система межкультурной коммуникации, обеспечивающая как минимум возможность артикуляции позиций и взаимного понимания. Отсутствие таких каналов делает невозможным полноценный межгосударственный и межкультурный обмен.

Регулярность и устойчивость глобальных взаимодействий предполагают не только наличие технических каналов коммуникации, но и определённую степень культурной общности, включающей, прежде всего, знание общего языка (или системы переводов), а также наличие базового набора разделяемых ценностей, символов и поведенческих норм. Эта общность не обязательно означает полное совпадение культурных кодов, но требует хотя бы минимального уровня интерсубъективного взаимопонимания.

© Тужба Э.Н., Пупкова Ю.В.

Ещё в начале XX века В. Зомбарт указывал на социокультурные последствия международной торговли, подчеркивая ее роль в формировании рационального образа жизни: «Всякая торговля, которая ведет далеко за пределы отчизны в чужие страны, воспитывает рациональный взгляд на жизнь и рациональный образ жизни, поскольку она беспрерывно принуждает купца приспособляться к чужим нравам и обычаям, правильно выбирать место и средства. Важное средство рационализации мышления представляет знание многих языков, которое также с необходимостью вытекает из международной торговли» [16, с. 331].

Заключение.

Таким образом, именно культурная и коммуникационная глобализация создают основу для формирования глобальности в других сферах – от экономики до политики. Однако следует учитывать онтологическую разнородность этих компонентов: коммуникация включает в себя технические средства и технологии передачи информации, в то время как культура в социологическом понимании представляет собой совокупность ценностей, норм, символических систем и моделей поведения.

Для более глубокого осмысления культурной природы глобализации необходим анализ того, каким образом коммуникационные и технологические процессы трансформируют содержание глобальной культуры, каковы границы этого универсального культурного пространства, и в какой мере, различные социальные группы и слои населения включаются в него. Особое значение приобретают вопросы неравномерного доступа к глобальным каналам коммуникации и асимметрий в культурном влиянии, что требует дальнейшего социологического изучения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Friedman Th. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y., 2000.
2. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М. : Экономика, 2001. 346 с.
3. Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М. : Инфра-М., 2003. 766 с.
4. Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Журнал Социология. 2004. № 1. С. 79–84.
5. Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. Изд-во «Рефл-бук»; Изд-во «Ваклер», 2002. 480 с.
6. Мировая политика: проблемы теоретической идентификации в современном развитии. Ежегодник 2005. М. : «Российская политическая энциклопедия», 2006. 504 с.
7. Федотова В.Г. Глобализация и модернизация // Глобалистика. Энциклопедия. М. : Радуга, 2003.
8. Федотова В.Г. Хорошее общество. М. : Прогресс, 2005. 544 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3.
10. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн; Пер. И.О. Тюриной. М. : Академический проект: Фонд «Мир», 2005. 496 с.
11. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек; Пер. с немец. А. Григорьева и В.Седельника. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
12. Гидденс Э. Социология. Изд. 2-е. / Э. Гидденс; Пер. с англ. М. : Едиторал УРСС, 2005. 632 с.
13. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. L., 1992.
14. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001. 416 с.
15. Штихве Р. К генезису мирового общества – инновации и механизмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 3. С. 67–77.
16. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / В. Зомбарт; Пер. с нем. М. : Айрис-пресс, 2004. 624 с.

References:

1. Friedman Th. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y., 2000.
2. Yakovets Yu.V. Globalization and interaction of civilizations. M. : Economics, 2001. 346 p.
3. Delyagin M.G. The world crisis. General theory of globalization. M. : Infra-M., 2003. 766 p.
4. Dmitriev A.V. Conflictogenicity of migration: a global aspect // Journal of Sociology. 2004. № 1. P. 79–84.
5. Udovik S.L. Globalization: semiotic approaches. Publishing house «Refl-beech»; «Vakler», Publishing House, 2002. 480 p.

© Тужба Э.Н., Пупкова Ю.В.

6. World politics: problems of theoretical identification in modern development. Yearbook 2005. M. : «The Russian Political Encyclopedia», 2006. 504 p.
7. Fedotova V.G. Globalization and modernization // Globalistics. Encyclopedia. M. : The Rainbow, 2003.
8. Fedotova V.G. Good society. M. : Progress, 2005. 544 p.
9. Ortega y Gasset X. Revolt of the masses // Questions of philosophy. 1989. № 3.
10. McLuhan M. Guttenberg's Galaxy: The Formation of the Man of the Printer, Per. AND ABOUT. Tyurina. M. : Academic project: The Mir Foundation, 2005. 496 p.
11. Beck W. What is globalization? / Transl. with the German. A. Grigoriev and V. Sedelnik. M. : Progress-Traditsiya, 2001. 304 p.
12. Giddens E. Sociology, Per. with English. Ed. The 2 nd. M. : Editors URSS, 2005. 632 p.
13. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. L., 1992.
14. Wallerstein I. Analysis of world systems and the situation in the modern world. SPb. : University book, 2001. 416 p.
15. Shtikhva R. To the genesis of the world society – innovations and mechanisms // Journal of Sociology and Social Anthropology. 1999. № 3. Vol. II. P. 67–77.
16. Sombart V. The Bourgeois. Jews and economic life / V. Sombart Translation from German. M. : Iris Press, 2004. 624 p.

Информация об авторах

Тужба Эмир Нодариевич
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Пупкова Юлия Валентиновна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
pupjul@mail.ru

Emir N. Tuzhba
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

Yulia V. Pupkova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology, Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
pupjul@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Тужба Э.Н., Пупкова Ю.В.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-34
УДК 343

Attribution
cc by

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Белкин С.Я.[1], Бунёв М.Ю.[2]
[1]Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
[2]Крымский филиал Университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация. Актуальность исследования вопросов гражданско-правового положения Российской Федерации и ее участия в договорных отношениях обусловлена необходимостью реализации социально значимых функций государства. Целью исследования является комплексный правовой анализ механизмов и особенностей участия Российской Федерации в договорных отношениях. Данная цель реализуется посредством достижения следующих задач: (1) представление характеристики государства как субъекта гражданских правоотношений; (2) анализ договорных обязательств Российской Федерации; (3) исследование нормативно-правовой базы; (4) анализ правоприменительной практики в данной области. Исследование проводилось с применением методов общенаучного познания: анализа, синтеза, систематизации, а также посредством частнонаучных методов: формально-логического, метода юридической герменевтики. В результате исследования обозначена специфика государства как субъекта договорных правоотношений и его особый статус, обусловленный необходимостью учета публичных интересов при заключении и исполнении договоров. Сделаны вывод о близости статуса Российской Федерации как участника договорных правоотношений к статусу юридического лица. Выявлены пределы участия государства в хозяйственной деятельности и имущественных правоотношениях в рамках договорных отношений. Описано сочетание гражданско-правовых и публичных начал в рассматриваемой области.

Ключевые слова: договор, договорные отношения, Российская Федерация, субъект гражданского права.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

REGULATION OF PARTICIPATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CONTRACTUAL RELATIONS

Simeon Ya. Belkin[1], Maxim Yu. Bunyov[2]
[1]V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
[2]Crimean branch of the V.M. Lebedev University of Justice

Abstract. The relevance of the study of the issues of the civil-legal status of the Russian Federation and its participation in contractual relations is related to the socially significant functions of the state. The purpose of the study is a comprehensive legal analysis of the mechanisms and features of participation of the Russian Federation in contractual relations. This goal is achieved through the achievement of the following tasks: (1) presentation of the characteristics of the state as a subject of civil legal relations; (2) analysis of contractual obligations in which the Russian Federation participates; (3) study of the regulatory framework; (4) analysis of law enforcement practice in the field. The study was conducted using methods of general scientific knowledge: analysis, synthesis, systematization, as well as through specific scientific methods: formal-logical, the method of legal hermeneutics. As a result of the study, the specificity of the state as a subject of contractual legal relations and its special status, due to the need to take into account public interests when concluding and executing contracts, are identified. A conclusion is made about the proximity of the status of the Russian Federation as a participant in contractual legal relations to the status of a legal entity. The limits of state participation in economic activity and property legal relations within the framework of contractual relations are revealed. The combination of civil law and public principles in the area under consideration is described.

© Белкин С.Я, Бунёв М.Ю.

Keywords: contract, contractual relations, Russian Federation, subject of civil law.

***Funding**:* Independent work.

Введение

Участие Российской Федерации в договорных отношениях продиктовано необходимостью реализации социально значимых функций, имеющих стратегическое значение для интересов общества. В данной связи исследование вопросов гражданско-правового положения Российской Федерации и ее участия в договорных отношениях, представляется весьма актуальным с точки зрения социальной, экономической и политической стабильности.

На современном этапе рассматриваемая нами тематика попадает в фокус научного внимания достаточно часто: исследование отдельных аспектов участия Российской Федерации в гражданских правоотношениях содержится в публикациях и монографиях В.Г. Голубцова [2; 3], А.А. Кузина [5], А.С. Левчука, С.В. Песина, Б.М. Гонгало [1], Е.А. Рыбалки [9] и проч. авторов. Тем не менее, как отмечает В.Г. Голубцов, отечественная правовая система все еще нуждается в принятии ряда нормативных актов, регламентирующих участие Российской Федерации в гражданском обороте, в т.ч. в рамках договорных отношений [2, с. 7]. Также следует отметить, что текущая правоприменительная практика, касающаяся вопросов участия государства в договорных отношениях, демонстрирует вариативность и неустойчивость.

С учетом вышеизложенного, целью настоящего исследования следует считать комплексный правовой анализ механизмов и особенностей участия Российской Федерации в договорных отношениях с выявлением потенциальных проблем нормативного регулирования. Данная цель реализуется посредством достижения следующих задач:

1) представление характеристики и правовой природы государства как субъекта гражданских правоотношений;

2) анализ договорных обязательств, в которых участвует Российская Федерация;

3) исследование нормативно-правовой базы;

4) анализ правоприменительной практики в области реализации договорных обязательств Российской Федерации.

Методы. Исследование проводилось с применением методов общенаучного познания: анализа, синтеза, систематизации, а также посредством частнонаучных методов: формально-логического, позволяющего исследовать нормативные правовые и судебные акты, метода юридической герменевтики, обусловливающего интерпретацию смыслов, заложенных законодателем в текст нормативно-правовых актов, регулирующих гражданско-правовой статус Российской Федерации, а также смыслов, фиксируемых в судебных постановлениях.

Обсуждения.

Следует сказать, что положения об участии государства в качестве одной из сторон договоров являются для отечественной доктрины новеллой, введенной лишь в 1990-е гг., так как в советском праве гражданский оборот был существенно ограниченным в силу идеологических, политических и экономических причин. В частности, как отмечает Д.С. Панина, «товары народного потребления производились по государственному заказу и распределялись между торговыми точками, также находившимися в государственной собственности», тогда как производство для государственных нужд фактически «осуществлялась собственными средствами посредством определения плана для предприятий» [8, с. 144].

Система правового регулирования участия Российской Федерации в договорных отношениях опирается главным образом на положения ст. 124 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), согласно которым государство, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, муниципальные образования выступают участниками гражданских правоотношений наравне с физическими и юридическими лицами [4].

Кроме того, отечественный законодатель в рамках положений п. 1 ст. 125 ГК РФ акцентирует тот факт, что государство как субъект гражданского права представлено не в качестве единой публично-правовой формации, а реализует свои полномочия в рамках многоуровневой системы, обусловленной федеративным устройством [4]. Это, по мнению А.А. Кузина, представляет собой дополнительную сложность для правоприменительной практики [5].

Согласно общему правилу, в гражданском законодательстве не могут иметь место особенные механизмы и принципы участия в договорах Российской Федерации, так как это будет нарушать равные начала вступления в гражданские правоотношения. Исключениями из данного правила выступают преференции, зафиксированные в ч. 3 ст. 55 Конституции и абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ.

Несмотря на декларируемое равенство, государство в лице властных ведомств выступает специфическим субъектом договорных правоотношений. Схожий тезис выражает В.Л. Слесарев: государство выступает стороной договоров –

© Белкин С.Я, Бунёв М.Ю.

непосредственно или опосредовано – является особым субъектом гражданских правоотношений, функционирующим наряду с «классическими» субъектами – физическими и юридическими лицами [11, с. 165].

В.Г. Голубцов в рамках монографического исследования говорит о том, что Российская Федерация как участник обязательственных правоотношений способна выполнять роль стороны договорных правоотношений, субъекта гражданско-правовой ответственности, участника наследственных правоотношений, участника авторских и патентных правоотношений [2].

Р.Р. Садриева в диссертационном исследовании выражает мнение, превалирующее в новейших юридических исследованиях: статус и роль Российской Федерации как участницы договорных правоотношений весьма схожи со статусом и ролью юридических лиц. Как и юридическому лицу, государству-субъекту договорных отношений свойственны «организационное единство, наличие обособленного имущества, способность отвечать по своим обязательствам, приобретать от своего имени гражданские права и обязанности, способность быть истцом и ответчиком в суде» [10]. Де факто государство в рамках договорных отношений наделено, обладает или пользуется правами юридического лица. В данной связи возникает вопрос о придании Российской Федерации статуса юридического лица. Потребность в этом обусловлена нейтрализацией рисков злоупотреблений со стороны государства в ситуациях возложения на него гражданско-правовой ответственности. Если же государство не будет считаться субъектом, аналогичным юридическому лицу, возникает риск превалирования публичных целей и функций, за счет чего государство способно избежать или значительно сократить объем гражданско-правовой ответственности.

Как отмечает В.Г. Голубцов, в вопросе о наделении государства статусом юридического лица следует учитывать тот факт, что юридическим лицом принято считать структуру, имеющую функциональное назначение юридического лица, признаки юридического лица, вне зависимости от наличия статуса государственного органа. Следовательно, государство, посредством возложения функций и властных полномочий на государственный орган, предприятие или учреждение, обладает правосубъектностью юридического лица [2].

В судебной практике Российской Федерации за последние годы не обнаружено случаев, где бы прямо обсуждался вопрос о признании Российской Федерации юридическим лицом или предоставлении ей статуса юридического лица в качестве стороны договора. Ни Верховный Суд РФ, ни Конституционный Суд РФ, ни иные судебные инстанции не высказывались о схожести статуса Российской Федерации со статусом юридического лица как самостоятельного субъекта гражданского права, способного выступать в договорных отношениях.

Тем не менее, государство способно косвенно участвовать в договорных отношениях посредством осуществления хозяйственной деятельности государственных предприятий и учреждений. Деятельность подобных юридических лиц регламентирована положениями ст. 124 и 125 ГК РФ, согласно которым данные лица реализуют свои имущественные права и обязанности наравне с другими лицами.

Все вышеизложенное приводит к выводу о двойственном статусе государства как стороны договорных отношений: с одной стороны, отношения, в которые вступает государство, не могут иметь полноценной товарно-денежной формы и, соответственно, быть включенными в систему гражданско-правового регулирования; с другой стороны, государство способно в лице своих представителей – властных ведомств различных уровней – формировать имущественные отношения и хозяйственные связи, пусть и в рамках особого статуса, отличающего государство от прочих участников этих отношений. Таким образом, следует согласиться с В.Г. Голубцовым в том, что государственные предприятия и учреждения являются представителями государства, но, в отличие от него, способны выступать субъектами ограниченных вещных прав, базирующихся на праве государственной собственности [2].

Е.А. Рыбалка представляет следующий перечень отличительных черт договорных правоотношений, одной из сторон которых выступает государство:

1) особый субъектный состав (одна из сторон договора – государство в лице государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций и т.п.);

2) особый порядок заключения договоров (проведение конкурсных процедур: аукцион, запросы котировок и предложений и проч.);

3) целевое назначение исполнения договора (часто договоры заключаются во исполнение программных мероприятий или программ социально-экономического развития);

4) публичное раскрытие содержания договора и невозможность применения к нему положений о коммерческой тайне [9, с. 158].

Последняя из перечисленных особенностей сопряжена с наличием публичного начала в договорных отношениях с участием Российской Федерации. Так, к примеру, в Определении ВС РФ от 05.07.2018 по делу NA34-4692/2017 рассматривается дело о заключении договора, направленного на удовлетворение государственных потребностей (строительство транспортной инфраструктуры – метрополитена), финансирование которых осуществляется за счет бюджетных

© Белкин С.Я, Бунёв М.Ю.

средств. Подобные правоотношения требуют публичного контроля, но проведенная ранее третейская процедура, ввиду ее конфиденциальности, не могла обеспечить публичный контроль за закупкой и исполнением договора.

Согласно положениям п. 2 ст. 1 Закона о третейских судах в третейский суд по соглашению сторон может передаваться любой спор, если иное не установлено федеральным законом. Тем не менее, договорные отношения в данном случае были осложнены публичным элементом, что ставит вопрос об арбитрабельности спора. Верховный Суд отметил, что наличие публичного элемента в гражданско-правовых отношениях создаёт ограничение свободы сторон по установлению условий договора, что определено ГК РФ [4]. Такое осложнение может влиять на возможность использования альтернативных способов разрешения спора, в т.ч. третейского разбирательства.

Кроме того, Суд определил, что участники гражданских правоотношений должны иметь чёткое понимание наличия подобных ограничений. В споре заявитель не оспаривал гражданско-правовую природу отношений закупки товаров отдельными юридическими лицами, однако подчёркивал наличие в них публичного элемента, предполагающего интерес неограниченного круга лиц. Данное Определение подчёркивает существенную роль публичного элемента в гражданско-правовых отношениях с участием государства и его субъектов. Это влияет на возможность передачи споров на рассмотрение третейских судов, что связано с необходимостью публичного контроля. Верховный Суд формализует понимание, что диспозитивность гражданских правоотношений ограничивается в случаях, когда присутствует публичный интерес [6].

Российская Федерация, подобно иным субъектам гражданского права, имеет права и полномочия на заключение договоров. Речь идет о конкретном перечне видов и типов договорных конструкций; как указывает Р.Р. Садриева, существуют виды договоров, которые в целом не доступны государству: государство не способно заключать некоторые договоры из-за того, что в их предмет не входит достижение публичных целей и удовлетворение публичного интереса [10, с. 117].

Речь, в частности, идет о том, что Российская Федерация не может заключать договоры розничной купли-продажи, договоры ренты, договоры простого товарищества и прочие договоры, ориентированные на удовлетворение личных, семейных и бытовых нужд. При этом, Российская Федерация способна заключать договоры, регулируемые положениями гражданского законодательства, связанные с удовлетворением хозяйственных нужд органов публичной власти, выступающих от имени государства.

При этом, государство может считаться стороной как задокументированных, так и фактических договорных отношений (т.е. договорных отношений, сформированных в результате обстоятельств взаимодействия сторон, но без подписания договора). В качестве примера можно привести Определение № 310 ЭС19 26526 Верховного Суда РФ, опубликованное в 2020 г. В рамках дела суд рассмотрел ситуацию, при которой общее собрание собственников нежилого здания поручило одному из собственников (частному обществу) провести ремонт крыши и заключить договор с подрядной организацией. Субъект Российской Федерации, владеющий частью помещений, и учреждение, имевшее помещения в управлении, не были сторонами соответствующего договора. Общество заключило договор с частным сообществом, в результате чего были выполнены и оплачены работы. Субъект РФ и учреждение отказались оплачивать свою долю, в связи с чем общество обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании доли. Судьи отклонили иск, указав, что для исполнения ремонтных обязательств должен быть заключён государственный контракт в соответствии с Законом № 44 ФЗ. В отсутствие подобного контракта, по мнению суда, взыскание оплаты с публичных собственников невозможно.

Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих судов и направил дело на повторное рассмотрение. Судебная коллегия указала, что обязательства по оплате расходов на содержание и ремонт общего имущества возникают в силу прямых норм ГК РФ и жилищного законодательства, независимо от наличия государственного контракта. Верховный Суд подчеркнул, что невозможность взыскания оплаты с публичных организаций при отсутствии контракта нарушает нормы, установленные обзорами практики по 44 ФЗ – в частности, п. 24 Обзора Президиума ВС РФ от 28 июня 2017 г., согласно которому наличие или отсутствие контракта не освобождает государство от исполнения обязанностей по содержанию имущества. Суд признал, что даже в отсутствие контракта публичный собственник обязан участвовать в расходах по содержанию общего имущества на основании императивных норм гражданского и жилищного законодательства. Это подтверждает способность Российской Федерации выступать стороной правоотношений и выполнять обязанности в отсутствие формального договора [7].

Как следует из вышеизложенного, характерной чертой договорных отношений с участием Российской Федерации является сочетание гражданско-правовых и публичных начал – т.е. договоры, заключаемые государством, априорно сочетают в себе частные и публичные элементы (к примеру, соглашения о разделе продукции, концессионные соглашения и соглашения о частно-публичном партнерстве). А.А. Кузин пишет о том, что соотношение публичных и частных начал в области договорных правоотношений, одной из сторон которых является Российская Федерация, выступает одним из наиболее дискуссионных вопросов современной юридической науки. Не-

© Белкин С.Я, Бунёв М.Ю.

которые авторы заявляют о необходимости сокращения или исключения государственного участия в гражданско-правовых договорных отношениях, другие же высказывают противоположную точку зрения. До сих пор не наблюдается единства мнений по вопросу механизмов и принципа сочетания публичных и частных интересов в гражданском обороте с участием государства [5].

Весьма полезными для правоприменительной практики выступают, по нашему мнению, выводы А.А. Кузина о том, что особые качества правосубъектности государства, связанные с наличием властных прерогатив и публичных интересов, «не должны изменить природу гражданских правоотношений, в которых участвует государство, превратить их в смешанные отношения с элементами власти-подчинения» [5]. Регулирование правовых конструкций с участием публичных субъектов не должно не попадать в зависимость от публичной составляющей. Следовательно, важно установить предел допустимости использования публичных начал в правовой регламентации договорных отношений с участием государства. Тем не менее, при этом следует согласиться с Б.М. Гонгало в том, что идеальный баланс публичных и частных начал в правовом регулировании рассматриваемой нами области едва ли достижим [1, с. 256].

Результаты

В современной отечественной правовой доктрине государство и его субъекты воспринимаются как равноправные участники гражданских правоотношений наряду с физическими и юридическими лицами, что закреплено в положениях Гражданского кодекса. При этом многоуровневая структура государства, обусловленная федеративным устройством, создаёт существенные сложности для правоприменения, так как государство не является единым субъектом, а действует посредством разного рода структур на различных уровнях власти.

Несмотря на формальное равенство с другими субъектами гражданских правоотношений, государство в лице своих органов обладает специфическим статусом, обусловленным особенностями публичной власти и необходимостью учета публичных интересов при заключении и исполнении договоров.

Статус Российской Федерации как участника договорных правоотношений близок к статусу юридического лица (но не тождественен ему), поскольку государство обладает организационным единством, обособленным имуществом, правоспособностью отвечать по обязательствам и участвовать в судебных процессах.

Государство, с одной стороны, не является полноценным субъектом товарно-денежных отношений и действует в рамках публично-правового статуса; а с другой – через свои органы и учреждения реализует имущественные права и обязанности, что позволяет ему косвенно участвовать в хозяйственной деятельности и имущественных правоотношениях.

Договорные отношения с участием Российской Федерации сочетают гражданско-правовые и публичные начала, что детерминирует их двойственную природу. Несмотря на наличие властных полномочий, государство должно сохранять гражданско-правовой, равноправный характер таких отношений и избегать трансформации в иерархичные отношения подчинения и управления.

Выводы

Перспективы развития законодательства и судебной практики в области участия Российской Федерации в договорных отношениях связаны с необходимостью более чёткого закрепления правового статуса государства как особого субъекта гражданского права. Важно разработать механизмы обеспечения баланса публичных и частных начал, обеспечить прозрачность и эффективность ответственности государства в договорах. Дальнейшее совершенствование правоприменительной практики и нормативной базы позволит достичь определённости правоприменения и снизить риски злоупотреблений, что будет способствовать стабильности и развитию гражданского оборота в целом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гонгало Б.М. Рецензия на монографию В.Г. Голубцова «Российская Федерация как субъект гражданского права». М. : Статут, 2019. С. 253–257.
2. Голубцов В.Г. Российская Федерация как субъект гражданского права. М. : Статут, 2019. 272 с.

© Белкин С.Я, Бунёв М.Ю.

3. Голубцов В.Г. Система оснований и характеристика особенностей участия Российской Федерации в обязательственных правоотношениях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 73–88.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата доступа 03.07.2025).
5. Кузин А.А. Участие Российской Федерации в гражданско-правовых договорных отношениях : дис. ... канд. юридич. наук : 12.00.03 / А.А. Кузин; Место защиты: Всерос. гос. налоговая акад. М-ва финансов РФ. – М., 2008. 204 с.
6. Определение ВС РФ от 05.07.2018 по делу № А34-4692/2017. URL : https://goszakupki.tatarstan.ru/sudebnaya-praktika.htm?pub_id=1490749 (дата доступа 03.07.2025).
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.06.2020 № 310-ЭС19-26526 по делу № А84-2224/2018 // Судебная практика высших судов РФ. URL : https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17062020-n-310-es19-26526-po-delu-n-a84-22242018 (дата доступа 03.07.2025).
8. Панина Д.С. Сущность и специфика участия Российской Федерации в гражданско-правовых договорных отношениях // Молодёжная наука: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 ноября 2021 года. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. С. 144–146.
9. Рыбалка Е.А. Участие государственных (муниципальных) юридических лиц в договорных обязательствах: основные тенденции и перспективы правового регулирования // Юридическая практика. 2022. № 2(101). С. 157–160.
10. Садриева Р.Р. Российская Федерация как субъект гражданского права : дис. … кандидата юридических наук: 12.00.03. Якутск : Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2021. 213 с.
11. Слесарев В.Л. Новое исследование о Российской Федерации как субъекте гражданского права (к выходу в свет монографии доктора юридических наук, профессора В.Г. Голубцова «Российская Федерация как субъект гражданского права» // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 9. С. 165–169.

References:

1. Gongalo B.M. Review of the monograph by V.G. Golubtsov «The Russian Federation as a subject of civil law». M. : Statut, 2019. P. 253–257.
2. Golubtsov V.G. The Russian Federation as a subject of civil law. M. : Statut, 2019. 272 p.
3. Golubtsov V.G. The system of grounds and characteristics of the features of participation of the Russian Federation in obligatory legal relations // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2012. № 3. P. 73–88.
4. Civil Code of the Russian Federation // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (access date 03.07.2025).
5. Kuzin A.A. Participation of the Russian Federation in civil-law contractual relations : dis. ... cand. of law: 12.00.03 / A.A. Kuzin; Place of protection: All-Russian State Tax Academy of the Ministry of Finance of the Russian Federation. M., 2008. 204 p.
6. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.07.2018 in case № A34-4692/2017. URL : https://goszakupki.tatarstan.ru/sudebnaya-praktika.htm?pub_id=1490749 (access date 03.07.2025).
7. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.06.2020 № 310-ES19-26526 in case № A84-2224/2018 // Judicial practice of the highest courts of the Russian Federation. URL : https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17062020-n-310-es19-26526-po-delu-n-a84-22242018 (access date 07/03/2025).
8. Panina D.S. The essence and specifics of the participation of the Russian Federation in civil-law contractual relations // Youth science: collection of articles from the V International Scientific and Practical Conference, Penza, November 12, 2021. Penza : Science and Education (IE Gulyaev G.Y.), 2021. P. 144–146.
9. Rybalka E.A. Participation of state (municipal) legal entities in contractual obligations: main trends and prospects for legal regulation // Legal practice. 2022. № 2(101). P. 157–160.
10. Sadrieva R.R. Russian Federation as a subject of civil law: dissertation of a candidate of legal sciences: 12.00.03. Yakutsk : North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, 2021. 213 p.
11. Slesarev V.L. New research on the Russian Federation as a subject of civil law (for the publication of the monograph by Doctor of Law, Professor V.G. Golubtsov «The Russian Federation as a Subject of Civil Law» // Lex Russica. 2020. Vol. 73. № 9. P. 165–169.

Информация об авторах

Белкин Семён Яковлевич
соискатель,
Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева
Belkin-semon@yandex.ru

Simeon Ya. Belkin
Applicant,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice
Belkin-semon@yandex.ru

© Белкин С.Я, Бунёв М.Ю.

Бунёв Максим Юрьевич
соискатель,
Крымский филиал Университета правосудия
им. В.М. Лебедева
max.bunv@gmail.com

Maxim Yu. Bunyov
Applicant,
Crimean branch
of the V.M. Lebedev University of Justice
max.bunv@gmail.com

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.07.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Белкин С.Я, Бунёв М.Ю.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-2
УДК 340.12

Attribution
cc by

КОНСЕРВАТИВНАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ: ГЕНЕЗИС, ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ТЕЧЕНИЯ

Бируля А.С.
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию становления, развития и классификации консервативной государственно-правовой идеологии России. Цель исследования: выявить ключевые этапы ее генезиса и развития в XIX – начале XXI веков, а также обосновать авторскую классификацию внутренних течений по критерию отношения к реформам. Для достижения поставленной цели проанализированы различные подходы к развитию и классификации идеологии русского консерватизма, представленные в теоретико-исторической правовой науке. Методологическую базу составили исторический, сравнительно-правовой, метод ретроспективного анализа и синтеза, портретный и проблемно-теоретический методы. В основном выводе исследования обосновывается необходимость преодоления фрагментарности в исследованиях русской консервативной мысли. Для этого предлагается ее синтетическое осмысление, базирующееся на принципах диалога и взаимопонимания, соответствующих парадигме постнеклассической науки. Такой подход признан адекватным для понимания сущности идеологии и является необходимым в условиях долгосрочного поиска «особого пути» развития современной России.

Ключевые слова: государственно-правовая идеология, история политических и правовых учений, неоконсерватизм, особый путь, охранительство, православие, русский консерватизм, самодержавие.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONSERVATIVE STATE-LEGAL IDEOLOGY OF RUSSIA: GENESIS, PERIODIZATION, CURRENTS

Alexander S. Birulya
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. This article is devoted to the study of the formation, development, and classification of Russia's conservative state-legal ideology. The aim of the study is to identify the key stages of its genesis and development in the 19th–early 21st centuries, as well as to substantiate the author's classification of internal trends based on their attitude toward reforms. To achieve this goal, various approaches to the development and classification of Russian conservative ideology presented in theoretical and historical legal science were analyzed. The methodological basis consists of historical, comparative legal, retrospective analysis and synthesis, portrait, and problem-theoretical methods. The main conclusion of the study justifies the need to overcome the fragmentation in studies of Russian conservative thought. To this end, a synthetic understanding of it is proposed, based on the principles of dialogue and mutual understanding, corresponding to the paradigm of post-classical science. This approach is recognized as adequate for understanding the essence of ideology and is necessary in the context of the long-term search for a «special path» for the development of modern Russia.

Keywords: state-legal ideology, history of political and legal doctrines, neoconservatism, special path, protectionism, Orthodox Christianity, Russian conservatism, autocracy.

Funding: independent work.

Введение.

Исследование русского консерватизма как самобытной идеологии становится актуальным в условиях поиска особого цивилизационного пути развития современной России. Определение взаимосвязи, существующей между политико-правовой доктриной и государственно-правовой

© Бируля А.С.

идеологией возможно с позиции признания роли доктрины как доминирующего и признаваемого в обществе и государстве знания о государстве и праве, выступая в качестве научного фундамента государственно-правовой идеологии, которая «возникает из научных исследований и признается государством и обществом в качестве обязательной» [1, с. 47].

Такой подход позволяет проводить исследование генезиса, развития и классифицировать течения консервативной государственно-правовой идеологии России как составной части предмета научной дисциплины истории политических и правовых учений, что предполагает необходимость осуществления ретроспективного анализа и синтеза зарождения и развития данной идеологии, которая имеет в своей основе доктринальную составляющую.

Целью настоящего исследование является проведение в рамках теоретико-исторической правовой науки комплексного исследования, становления, развития, выделения течений русского консерватизма как государственно-правовой идеологии.

Обсуждение.

В отечественной теоретико-исторической правовой науке сложились несколько подходов к определению, как генезиса, так и выделения периодов развития и течений консервативной государственно-правовой идеологии России.

Так, первый подход к проблеме первопричин связывает развитие русского консерватизма с реформами Петра I.

Формирование консервативной мысли заняло в России больше времени, чем в Европе; причиной возникновения консерватизма, как на Западе, так и в России является ломка традиционного уклада жизни. Европейский консерватизм являлся реакцией на Великую французскую революцию, тогда как в России консерватизм начал развиваться в период европеизации России Петром I [2, с. 52].

Особенностью реформаторской деятельности Петра I являлось с одной стороны создание Империи, которая станет в последующие века государственным идеалом консерваторов, а с другой, как отмечает Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, произошло разрушение соборной православной цивилизации с последующим образованием просвещенного индивидуалистического государства [3, с. 411–413]. Однако целостного консервативного мышления как реакции на распространение конкурирующих идеологий в данный период времени не сложилось.

Второй подход связан, как и в случае с европейским консерватизмом, с Великой французской революцией. Подобно европейскому консерватизму, в России произошла общественно-политическая реакция в виде формирования особого стиля охранительного политико-правового мышления. В частности, как отмечает Е.А. Фролова, консервативное учение Н.М. Карамзина было направлено с одной стороны на критику революционных преобразований Франции, с другой на отвержение всех форм правления для России, кроме самодержавной монархии [4, с. 71].

Третий подход смещает период становления консерватизма в России на два десятилетия и связан с деятельностью П.Я. Чаадаева. Например, С.Н. Архипов считает, что радикальные заявления П.Я. Чаадаева вызвали разделение общественно-политической мысли в России на два лагеря: славянофилов и западников [5, с. 203–205]. В этот период времени фундаментом русского консерватизма стало учение ранних славянофилов, таких как А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, И.В. Киреевского.

Можно выделить четвертый подход, при котором консерватизм имеет период своего развития в последней четверти XIX – начале XX века. Консерватизм стал реакцией на либеральные реформы Александра II, имевшие своей целью защитить самодержавие, православие и самобытность русской культуры от угроз космополитичных политических течений; его представителями являются М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, В.П. Мещерский, К.П. Победоносцев [6, с. 103–110].

Исследуя становление и развитие русского консерватизма, невозможно не обратиться к позиции некоторых ученых, которые расширяют горизонт генезиса консерватизма вплоть до эпохи становления русского государства и права не позднее VIII века, отмечая, что существенным толчком для развития консерватизма является существование угрозы для русской духовной самобытности. Например, А.А. Васильев предложил научному сообществу периодизацию консерватизма, начиная с догосударственного периода образования древнерусского государства, и, заканчивая современный периодом развития Российской Федерации [7, с. 166–168].

Представленный анализ подтверждает плюрализм подходов к пониманию развития консервативной идеологии в России, проявляясь, в частности, в многообразии существующих типологий ее течений, каждая из которых опирается на собственный системообразующий критерий. В этой связи, любая классификация условная, относительная, имеющая долю субъективизма.

Так, американский исследователь Р. Пайпс классифицирует российский консерватизм по критерию социального носителя, выделяя консерватизм духовенства, дворянства, интеллигенции и чиновничества [8, p. 121].

Иной критерий классификации предлагает А.С. Карцов; данный критерий характеризует степень радикализации взглядов, в том числе и по отношению к реформам. Так, исследователь

© Бируля А.С.

выделяет умеренный консерватизм, охранительный консерватизм и ультраконсерватизм [9, с. 15–16.].

Учитывая условность направлений консерватизма, некоторые исследователи считают, что либеральное направление не может быть выделено как отдельное течение консерватизма. Например, А.А. Васильев замечает, что идея преемственности в развитии государства и права не может сочетать ориентацию на европейские ценности, так как выделение либерального консерватизма размывает сущность самого консерватизма как идеологии охранения [10].

Приведенные дискуссионные подходы к рассмотрению развития и течений консервативной государственно-правовой идеологии России обуславливают актуальность проведения комплексного теоретического исследования с целью предложения периодизации и классификации русского консерватизма, который позволит соединить различные подходы с позиции их взаимного признания, что в целом соответствует принципу диалога и взаимопонимания между членами научного сообщества в рамках современной постнеклассической науки.

Результаты.

Несмотря на дискуссионность истоков русского консерватизма, каждый из вышеназванных исследователей отметил особенность становления идеологии в России, а именно – наличие угрозы для традиционного уклада жизни. Тем не менее, необходимо синтезировать взгляды на корни консервативной государственно-правовой идеологии.

Первоначальным фактором, обусловившим формирование консерватизма в России, стала политика европеизации Петра I. При этом консерватизм как оформленное, доктринальное политическое течение начал формироваться в Европе после Великой французской революции и на протяжении XIX века, а воплощением этой идеологии в России стала политика охранительства при Александре III.

Думается, что русская средневековая философия, яркими представителями, которой являются Митрополит Киевский Илларион, старец Филофей, И.С. Пересветов, сформировала в целостном виде те ценности и идеи, которые необходимо было защищать по итогам европеизации России Петром I, а затем и после победы либеральной триады – Свобода, Равенство, Братство во Франции.

Первый и второй подходы к генезису консерватизма России, связывающие и период правления Петра I, и революцию во Франции, нам представляются верными; вместе с тем, окончательное оформление консерватизма в России как политико-правового течения общественной мысли получило после Великой французской революции.

Такая позиция основывается на факторе, актуализирующем развитие консерватизма как идеологии, а именно наличие конкурирующих политических сил, имеющих иные политические и правовые взгляды. Сложно не согласиться с И.А. Исаевым, что консерватизм, выступил против либерализма и социализма, «выдвигая как щит традиционализм, основанный на идеалах и ценностях, почерпнутых из истории» [11, с. 13].

В этой связи, думается, что можно предложить следующую периодизацию развития консерватизма в России:

1) 1801–1825 гг. – характеризуются становлением консервативных воззрений Н.М. Карамзина как первой консервативной правовой доктрины в противовес либеральным устремлениям М.М. Сперанского, так и переходом от либеральной политики к отказу от дальнейшей либерализации России в период правления Александра I;

2) 1836–1855 гг. – являются годами активного развития славянофильства (К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков и др.), а также консервативной политики Николая I, базирующейся на доктриальной триаде «Самодержавие, Православие, Народность» (автор С.С. Уваров);

3) 1855–1881 гг. – либеральное правление Александра II характеризуется появлением умеренного консерватизма, выраженного в трудах почвенников (Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, А.А. Григорьев), неославянофилов (И.С. Аксаков, Д.А. Хомяков, Н.Я. Данилевский и др.) и либерального консерватизма (А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин и др.);

4) 1881–1894 гг. – политика контрреформ Александра III стала проявлением охранительного курса государства в области консервативной стабилизации политической ситуации в стране, что предопределило развитие направления охранительного консерватизма (М.Н.Катков, К.Н. Леонтьев, В.П. Мещерский, К.П. Победоносцев);

5) 1894–1917 гг. – в результате неудачного правления Николая II сложилась сложная многофакторная политическая обстановка в Российской империи: произошел как упадок монархического правосознания в обществе, так и упадок консервативной идеологии в связи с активным распространением среди элит – либеральных, среди населения – социалистических воззрений.

Политической силой, имевшей в своей программе консервативные идеи, стали монархические партии, например, «Союз русского народа», «Русский народный союз имени Михаила Архангела», «Русская монархическая партия» и т.д. Все они были, так называемыми представителями черносотенного движения.

Выборы во всех созывах Государственной думе показали, что избиратели предпочитали кадетов и революционеров, тем самым предопределив

© Арутюнян А.Д.

распределение мандатов не в пользу консервативных сил [12, с. 102–106].

Попытки проведения либеральных реформ в направлении ограничения самодержавия встретили резкую критику со стороны консервативных мыслителей, что предопределило появление юридических исследований в области обоснования самодержавия как необходимой формы правления России (П.Е. Казанский, Л.А. Тихомиров, Н.И. Черняев и др.);

6) 1917-1991 гг. – данный период времени связан с падением Российской империи, запретом консерватизма как государственно-правовой идеологии, а именно ее заменой марксизмом-ленинизмом.

Как отметил П. Робинсон, в результате Октябрьской революции произошел не только упадок триады Уварова, православная церковь подверглась гонениям, самодержавие исчезло, а народность заменилась интернационализмом.

Отдельные идеологические заимствования были осуществлены в период правления Сталина с целью стабилизации общественных процессов. Однако «было бы неправильно говорить о консерватизме, как таковом, в Советском Союзе» [13, p. 153]. Думается, что этот этап характеризуется развитием только эмигрантского консерватизма (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, И.Л. Солоневич и др.);

7) 1991–2020-е гг. – этап возрождения и актуализации неоконсерватизма как политико-правовой доктрины (А.А. Васильев, А.М. Величко, С.Н. Бабурин, В.В. Сорокин и др.), так и идеологии, реализуемой на практике государственного управления и строительства в области защиты российских традиционных духовно-нравственных ценностей.

Такой подход, с одной стороны, позволяет в методических и учебных целях показать эволюцию русского консерватизма через призму его политико-правовой доктрины, составляющей теоретический фундамент государственно-правовой идеологии, а с другой – синтезировать взгляды представителей отечественной науки на выделение периодов развития данного государственно-правового явления.

При исследовании проблемы классификации консервативной государственно-правовой идеологии, исходя из отношения к реформам, можно выделить три направления: охранительный консерватизм, умеренный консерватизм и либеральный консерватизм.

Охранительный консерватизм, отрицает всякую возможность реформировать те начала, на которых базируются русская духовная культура, право и государство.

К представителям данного направления можно отнести Н.М. Карамзина, который советовал Александру I не торопиться с либеральными реформами и отменять крепостное право, отмечая, что «одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи» [14, с. 64].

В период правления Александра III идею охранения высказывал К.П. Победоносцев, критикуя демократические идеи, описывал западные институты, парламентаризм как великую ложь нашего времени, когда в теории должны отбираться лучшие люди в парламент, а на деле парламентариями становятся наиболее «честолюбивые и нахальные граждане» [15, с. 45], тем самым, отвергая возможность реализации идеи конституционной монархии, отдавая предпочтение самодержавию.

Идеи охранения можно встретить в работах К.Н. Леонтьева; в частности, он считал, что после проведения либеральных реформ Александра II необходимо «подморозить хоть немного Россию, чтобы она не «гнила» [16, с. 246].

Другое направление можно обозначить как умеренное. Представители данного направления поддерживали идею проводить совершенствование государственно-правовых институтов, но с обязательным сохранением основ их функционирования, выработанных отечественным опытом, фактически путем эволюционного реформирования.

К данному направлению можно отнести славянофилов (А.С. Хомяков, братья К.С. и И.С. Аксаковы, И.В. Киреевский). Так, А.С. Хомяков писал, что при реформах нужно учитывать наши традиции и опыт, тем самым, «нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь» [17, с. 213]. Аналогично мыслил Н.А. Бердяев, отмечая, что «консервативное начало, само по себе, не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать» [18, с. 133].

Последнее направление русского консерватизма – течение либеральной направленности. Данное направление предполагает модернизацию самодержавия, сохраняя ее как форму правления, где православие является основой духовной жизни русского народа, а либеральные идеи учитываются и предлагаются к реализации; тем самым создается синтез либеральных и консервативных идей как основы существования и развития права и государства.

К представителям данного направления можно отнести Б.Н. Чичерина. Так, Б.Н. Чичерин говорил о цели государства как о «сочетании противоположных элементов, входящих в его состав, личного и общественного. Это и разумеют, когда целью государства ставят сочетание порядка и свободы» [19, с. 14].

© Бируля А.С.

А.Д. Градовский считал, что развитие государственного строя не может быть «без прочного общественного порядка, твердо установленного на исторических основах каждой национальности» [20, с. 5].

Проведенная классификация позволяет выделить три основных направления консерватизма, что, в свою очередь, дает возможность рассматривать данную идеологию как неоднородное течение, имеющее общую основу, а именно – сохранение основных устоев существования России, основанных на традициях.

Заключение.

Результаты проведенного исследования позволили предложить периодизацию развития консервативной государственно-правовой идеологии России с учетом различных подходов, существующих в теоретико-исторической правовой науке.

Можно констатировать, что генезис данной идеологии связан с реакцией на революционные события во Франции в конце XVIII в., что способствовало формированию целостного консервативного течения общественно-политической мысли, которое существует и в настоящее время как актуальная идеологическая детерминанта политики консервативной стабилизации области защиты российских традиционных духовно-нравственных ценностей.

Итак, условно можно выделить разновидности русского консерватизма в зависимости от отношения к реформам как государственно-правовых институтов, так и сфер общественных жизней в целом: охранительный консерватизм, умеренный консерватизм и либеральный консерватизм. Данная классификация способствует пересмотру отношения к русскому консерватизму как идеологии «застоя» и «ретроградства».

Многоаспектность консервативной государственно-правовой идеологии России актуализирует дальнейшие исследования ее сущности, что, в долгосрочной перспективе, является необходимым в условиях поиска «особого пути» развития современной России.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Латынин О.А. К вопросу об определении понятия правовой доктрины и соотношение правовой доктрины с близкими понятиями // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 44–49.
2. Немцев И.А. Становление дореволюционного российского консерватизма и государственная власть // Вестник Пермского университета. История. 2010. № 2. С. 50–56.
3. Митрополит Иоанн (Снычев) Русская симфония: очерки русской историософии. М. : Царское Дело, 2004. 500 с.
4. Фролова Е.А. Консервативная политико-правовая идеология: история и современность // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4. С. 69–73.
5. Архипов С.Н. Роль Петра Чаадаева в становлении консервативной мысли в России в первой половине XIX века // Гуманитарий. 2005. № 5. С. 203–205.
6. Крот М.Н. Консервативно-охранительная программа развития русского общества в период правления Александра II (1860–1880-е гг.) // Былые годы. 2013. № 30. С. 103–110.
7. Васильев А.А. Периодизация возникновения и эволюции охранительной правовой доктрины // Современное право. 2011. № 5. С. 163–168.
8. Pipes R. Russian Conservatism in the Second Half of the Nineteenth Century // Slavic Review. 1971. Vol. 30. № 1. P. 121–128.
9. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма : монография. М. : Издательский центр научных и учебных программ, 1999. 222 с.
10. Васильев А.А. Консервативная правовая идеология России: теологические и духовные аспекты : монография. М. : Проспект, 2023. URL : https://e.lanbook.com/book/298082 (дата обращения 24.05.2025).
11. Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – нач. XX вв.) : монография. М. : Издательство Наука, 1991. 266 с.
12. Ананьев Н.А. Российское консервативное движение в начале XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 3. С. 102–106.
13. Robinson P. Russian conservatism. Ithaca; London : Northern Illinois University Press, 2019. 288 p.
14. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука, 1991. 125 с.

© Арутюнян А.Д.

15. Победоносцев К.П. Московский сборник. М. : Синодальная типография, 1901. 366 с.
16. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М. : Республика, 1996. 798 с.
17. Хомяков А.С. Всемирная задача России М. : Институт русской цивилизации, 2008. 784 с.
18. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М. : Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
19. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М. : Зерцало, 2006. 505 с.
20. Градовский А.Д. Сочинения. СПб. : Наука, 2001. 510 с.

References:

1. Latynin O.A. On the definition of the concept of legal doctrine and the relationship of legal doctrine with related concepts. Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2019. № 4. P. 44–49.
2. Nemtsev I.A. The formation of pre-revolutionary Russian conservatism and state power // Bulletin of Perm University. History. 2010. № 2. P. 50–56.
3. Metropolitan Ioann (Snychev). Russian Symphony: Essays on Russian Historiosophy. M. : Tsarskoe Delo; 2004. 500 p.
4. Frolova E.A. Conservative political and legal ideology: History and modernity // Law and State: Theory and Practice. 2017. № 4. P. 69–73.
5. Arkhipov S.N. The role of Pyotr Chaadaev in the formation of conservative thought in Russia in the first half of the 19th century // Humanitarium. 2005. № 5. P. 203–205.
6. Krot M.N. Conservative Protective Program of Development of the Russian Society during the Reign of Alexander II (1860–1880s) // Bygone Years. 2013. № 30. P. 103–110.
7. Vasil'ev A.A. Periodization of the emergence and evolution of the protective legal doctrine // Modern Law. 2011. № 5. P. 163–168.
8. Pipes R. Russian Conservatism in the Second Half of the Nineteenth Century // Slavic Review. 1971. № 30 (1). P. 121–128.
9. Kartsov A.S. The Legal Ideology of Russian Conservatism : monograph. M. : Publishing Center for Scientific and Educational Programs, 1999. 222 p.
10. Vasil'ev A.A. Conservative Legal Ideology of Russia: Theological and Spiritual Aspects : monograph. M. : Prospekt, 2023. URL : https://e.lanbook.com/book/298082 (date of application 24.05.2025).
11. Isaev I.A. Political and Legal Utopia in Russia (late 19th – early 20th Centuries) : monograph. M. : Nauka; 1991. 266 p.
12. Anan'ev N.A. The Russian conservative movement in the early 20th century // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2021. № 3. P. 102–106.
13. Robinson P. Russian conservatism. Ithaca; London : Northern Illinois University Press, 2019. 288 p.
14. Karamzin N.M. Memoir on Ancient and Modern Russia in its Political and Civil Relations. M. : Nauka; 1991. 125 p.
15. Pobedonostsev K.P. Moscow Collection. M. : Synodal printing house, 1901. 366 p.
16. Leont'ev K.N. The East, Russia and Slavdom. M. : Republic, 1996. 798 p.
17. Khomyakov A.S. Russia's Universal Task. M. : Institute of Russian Civilization, 2008. 784 p.
18. Berdyaev N.A. The Philosophy of Inequality. M. : Institute of Russian Civilization, 2012. 624 p.
19. Chicherin B.N. General State Law. M. : Zertsalo, 2006. 505 p.
20. Gradovskii A.D. Essays. SPb. : Nauka, 2001. 510 p.

Информация об авторе

Бируля Александр Сергеевич
аспирант кафедры теории права,
государства и судебной власти,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева
birulyaalexander@gmail.com

Alexander S. Birulya
Postgraduate Student of the Department
of Theory of Law, State and Judicial Power,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice
birulyaalexander@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Бируля А.С.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-33
УДК 343.98

Attribution
cc by

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ДЕЛАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ГОСУДАРСТВУ

Глоба Э.Ю.
Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается вопросы оптимизации деятельности следователя по делам о возмещении ущерба, причиненного государству. Целью исследования является разработка алгоритма действий следователя, учитывающего специфику различных составов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации. Методологическую основу исследования составили анализ действующего законодательства, научной литературы и судебной практики, а также системно-структурный и сравнительно-правовой методы. В результате проведенного исследования предложен дифференцированный алгоритм действий следователя, учитывающий особенности объективной и субъективной стороны различных составов преступлений, связанных с причинением ущерба государству, а также специфику взаимодействия с уполномоченными государственными органами. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенного алгоритма для повышения эффективности расследования данной категории дел и обеспечения полного возмещения ущерба.

Ключевые слова: следователь, возмещение ущерба, государство, уголовное дело, алгоритм действий, состав преступления, ущерб, расследование, уголовный процесс, государственные органы, организация расследования преступлений.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SELECTED ASPECTS OF THE INVESTIGATOR'S ACTIVITIES IN CASES OF REIMBURSEMENT OF DAMAGES CAUSED TO THE STATE

Eduard Yu. Globa
Kuban State University

Abstract. The article deals with the problem of optimizing the activities of the investigator in cases of compensation for damage caused to the state. The purpose of the study is to develop an algorithm for the investigator's actions, taking into account the specifics of various offenses under the criminal legislation of the Russian Federation. The methodological basis of the study was the analysis of current legislation, scientific literature and judicial practice, as well as system-structural and comparative-legal methods. As a result of the study, a differentiated algorithm of the investigator's actions is proposed, taking into account the peculiarities of the objective and subjective side of various offenses related to causing damage to the state, as well as the specifics of interaction with authorized state bodies. The practical significance of the study lies in the possibility of using the proposed algorithm to improve the efficiency of investigation of this category of cases and ensure full compensation for damage.

Keywords: investigator, compensation for damage, state, criminal case, algorithm of actions, corpus delicti, damage, investigation, criminal procedure, state bodies.

***Funding**:* Independent work.

Введение. Эффективное функционирование государства неразрывно связано с защитой его экономических интересов. Преступления, наносящие ущерб государству, подрывают финансовую стабильность, снижают авторитет власти и препятствуют реализации государственных программ. Обеспечение полного и своевременного возмещения причиненного ущерба – приоритетная задача уголовного судопроизводства. Принятие мер, направленных на возмещение ущерба, причи ненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муници пальным

© Глоба Э.Ю.

образованиям, государственным и муниципальным унитарным пред приятиям преступлениями, является одним из приоритетных направлений дея тельности Прокуратуры Российской Федерации [1].

Однако практика показывает, что деятельность следователя по этой категории дел часто сталкивается с трудностями, вызванными как несовершенством законодательства, так и недостаточной проработанностью методических рекомендаций.

Одной из ключевых проблем является отсутствие четкого алгоритма действий следователя, учитывающего специфику различных составов преступлений, связанных с причинением ущерба государству [8; 9].

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] предусматривает широкий спектр таких преступлений, различающихся объектом посягательства, характером причиняемого вреда, субъектным составом и другими признаками. К ним относятся преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ), а также иные преступления, в результате которых государству причиняется имущественный ущерб.

Обсуждение.

В зависимости от конкретного состава преступления следователю необходимо применять различные методы и тактические приемы расследования, собирать и оценивать различные доказательства, принимать различные процессуальные решения. Например, при расследовании уклонения от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ) ключевым является установление размера неуплаченных налогов и сборов. Это требует проведения сложных экономических экспертиз, анализа бухгалтерской документации и, что особенно важно, активного взаимодействия с налоговыми органами [3]. В то же время, при расследовании хищения бюджетных средств (ст. 159, 160 УК РФ) приоритетными задачами являются установление механизма хищения, круга причастных лиц, мест нахождения похищенного имущества и, опять же, тесное взаимодействие с контролирующими органами, выявившими факт хищения [4].

В целях установления размера, причиненного государству:

– следователями (дознавателями) изымаются документы, имеющие значение для дела, в государственных органах, учреждениях и предприятиях;

– проводятся выемки у физических лиц идентификационных документов на похищенное имущество, у юридических лиц: финансово-хозяйственных документации и документов первичного бухгалтерского учета;

– истребуются выписки по расчетным счетам в банках для отслеживания движения похищенных денежных средств по расчетным счетам [7].

Несмотря на различия в объективных и субъективных признаках составов преступлений, общим для всех дел о возмещении ущерба, причиненного государству, является необходимость принятия следователем мер, направленных на обеспечение этого возмещения. В уголовном процессе действует принцип полного возмещения вреда, причиненного преступлением. Этот принцип реализуется через нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [6], в частности, через институт гражданского иска в уголовном деле (ст. 44 УПК РФ), а также через нормы УК РФ, предусматривающие конфискацию имущества (ст. 104.1 УК РФ) при наличии оснований, предусмотренных данной статьей. Хотя гражданско-правовые последствия преступления регулируются, в том числе и нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [5], в частности, статьей 1064, устанавливающей общие положения о возмещении вреда, в уголовном процессе приоритет имеют специальные нормы УПК РФ и УК РФ.

Для обеспечения возмещения ущерба следователь вправе и обязан использовать весь комплекс процессуальных полномочий, предусмотренных УПК РФ. К ним относятся:

1. Наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия (ст. 115 УПК РФ).

2. Признание потерпевшим юридического лица (органа государственной власти, государственного учреждения и т.п.), которому причинен ущерб, а его руководителя (или иное уполномоченное лицо) – представителем потерпевшего и разъяснение ему права на предъявление гражданского иска (ст. 42, 44 УПК РФ).

3. Принятие мер по установлению имущества, подлежащего конфискации (ст. 104.1 УК РФ) при наличии к тому законных оснований.

4. Иные меры процессуального принуждения.

Разработка дифференцированного алгоритма действий следователя по делам о возмещении ущерба, причиненного государству, предполагает учет следующих факторов:

1. Объект преступного посягательства: определяется конкретной статьей УК РФ. В зависимости от объекта следователь определяет круг нормативных актов, регулирующих соответствующие правоотношения (налоговое, бюджетное, таможенное законодательство и т.д.), а также круг субъектов, уполномоченных представлять интересы государства в уголовном процессе. Важно установить, какой именно государственный орган или учреждение уполномочен представлять интересы государства в конкретном случае.

© Глоба Э.Ю.

2. Характер причиненного ущерба: может быть имущественным (хищение, неуплата налогов) или неимущественным (дискредитация органов власти). В зависимости от характера ущерба следователь определяет методику его исчисления, а также круг доказательств, необходимых для подтверждения факта причинения ущерба и его размера.

3. Субъект преступления: может быть общим (физическое лицо) или специальным (должностное лицо). В зависимости от субъекта следователь определяет круг обстоятельств, подлежащих доказыванию (наличие специальных полномочий, использование служебного положения), а также тактику следственных действий.

4. Форма вины: умышленная или неосторожная. В зависимости от формы вины следователь определяет круг обстоятельств, подлежащих доказыванию (наличие корыстной или иной личной заинтересованности, предвидение последствий), а также тактику допросов.

Результаты.

На проведенного основе анализа указанных факторов можно предложить следующий общий алгоритм действий следователя по делам о возмещении ущерба, причиненного государству:

1. Возбуждение уголовного дела: при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. 140 УПК РФ). Важнейшим этапом является тщательная проверка сообщения о преступлении, в ходе которой необходимо установить наличие признаков состава преступления и определить, какому именно государственному органу или учреждению причинен ущерб.

2. Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию: в соответствии со ст. 73 УПК РФ, включая событие преступления, виновность лица, характер и размер причиненного ущерба и т.д. На этом этапе ключевое значение имеет взаимодействие с уполномоченными государственными органами, которые могут предоставить информацию, необходимую для установления обстоятельств дела (например, результаты проверок, ревизий, аудиторских заключений).

3. Признание потерпевшим: юридического лица (органа государственной власти, государственного учреждения и т.п.), которому причинен ущерб, а его руководителя (или иное уполномоченное лицо) – представителем потерпевшего. Разъяснение представителю потерпевшего его прав, в том числе права на предъявление гражданского иска.

4. Сбор доказательств: проведение следственных действий (допросов, обысков, выемок, осмотров, экспертиз и др.). Особое внимание следует уделять истребованию документов, имеющих значение для дела, из государственных органов и учреждений (например, документов, подтверждающих выделение и расходование бюджетных средств, налоговую отчетность, таможенные декларации и т.д.). Важную роль играет назначение и проведение судебных экспертиз (судебно-бухгалтерской, финансово-экономической, товароведческой и др.) для определения размера причиненного ущерба и установления иных обстоятельств дела.

5. Принятие мер по обеспечению возмещения ущерба: наложение ареста на имущество, при наличии оснований – установление имущества, подлежащего конфискации, принятие иных мер процессуального принуждения.

6. Предъявление обвинения: при наличии достаточных доказательств (ст. 171 УПК РФ).

7. Окончание предварительного расследования: составление обвинительного заключения (ст. 220 УПК РФ) или постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера (ст. 439 УПК РФ).

Данный алгоритм является общим и подлежит конкретизации в зависимости от состава преступления. Рассмотрим несколько примеров.

Пример 1: Уклонение от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ).

Специфика:

- Истребование и анализ налоговой документации: бухгалтерских отчетов, налоговых деклараций, первичных учетных документов и т.д. Особое внимание следует уделять истребованию документов из налоговых органов, в том числе актов налоговых проверок, решений о привлечении к налоговой ответственности, требований об уплате налогов и сборов;

- Назначение и проведение налоговой (судебно-бухгалтерской) экспертизы: для определения размера неуплаченных налогов, периода их неуплаты, правильности исчисления налоговой базы;

- Взаимодействие с налоговыми органами: получение консультаций, истребование сведений о налогоплательщике, проведение совместных следственных действий (например, выемок документов в налоговых органах);

- Допрос свидетелей: сотрудников организации, контрагентов, сотрудников налоговых органов;

- Установление умысла: выявление фактов сокрытия доходов, искажения отчетности, использования фиктивных документов.

Пример 2: Хищение бюджетных средств (ст. 159, 160 УК РФ).

Специфика:

- Истребование и анализ документов: бюджетных смет, государственных контрактов, актов

© Глоба Э.Ю.

выполненных работ, платежных поручений и др. Важно истребовать документы из органов, осуществляющих контроль за расходованием бюджетных средств (например, из контрольно-счетных палат, органов финансового контроля);

• Истребование актов ревизий и проверок, назначение судебных экспертиз (строительно-технических, финансово-экономических и др.): для выявления фактов нецелевого использования средств, завышения стоимости работ, фиктивного оформления документов;

• Допрос свидетелей: должностных лиц, ответственных за расходование средств, представителей подрядчиков, получателей бюджетных средств, сотрудников контрольно-надзорных органов;

• Установление механизма хищения: выявление способов, круга лиц, распределения ролей;

• Розыск и изъятие похищенного: обыски, выемки, наложение ареста на имущество.

Пример 3: Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), повлекшее ущерб государству.

Специфика:

• Истребование и анализ должностных инструкций: и иных документов, регламентирующих полномочия должностного лица;

• Установление факта превышения полномочий: выявление действий, которые должностное лицо не имело права совершать, либо совершило с нарушением порядка;

• Установление причинно-следственной связи: между действиями лица и наступившим ущербом;

• Допрос свидетелей: сотрудников организации, подчиненных должностного лица, иных лиц, в том числе представителей государственных органов, которым причинен ущерб;

• Установление мотива злоупотребления: корыстной или иной личной заинтересованности.

Приведенные примеры показывают, что алгоритм действий следователя должен быть гибким, учитывать специфику каждого состава. При этом, независимо от состава, следователь обязан принимать меры для обеспечения полного возмещения ущерба.

Важным аспектом является и профилактика таких преступлений. Следователь вправе вносить представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ст. 158 УПК РФ).

Заключение.

Разработка и применение дифференцированного алгоритма действий следователя по делам о возмещении ущерба, причиненного государству, – важное направление совершенствования уголовного судопроизводства. Это повысит эффективность расследования, обеспечит неотвратимость наказания и полное возмещение ущерба, что укрепит экономическую безопасность государства. Предложенный алгоритм может быть дополнен и конкретизирован с учетом специфики расследования отдельных видов преступлений, а также с учетом изменений в законодательстве и правоприменительной практике.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Кузьмина Е.Н. Иск прокурора по возмещению ущерба, причиненного в результате преступления // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности. Возрождение святыни: Костромской кремль: Сборник трудов VI Международной научно-практической конференции, Кострома, 06 октября 2023 года. Кострома : Костромской государственный университет, 2023.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Григорьев В.Н. Уголовный процесс : учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. М. : Эксмо, 2005. 832 с.
4. Россинский С.Б. Уголовный процесс России: курс лекций. М. : Эксмо, 2007. 576 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

© Глоба Э.Ю.

7. Иванов Д.А. Возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, в досудебном производстве по уголовным делам. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2016.
8. Лозовский Д.Н. К вопросу о понятии метода расследования преступлений // Общество и право. 2009. № 5(27).
9. Лозовский Д.Н. Использование комплексного подхода в расследовании преступлений // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Иркутск, 29–30 мая 2014 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014.

References:

1. Kuzmina, E. N. Prosecutor's Claim for Compensation of Damage Caused by a Crime // Historical Memory and Spiritual Experience of the Formation of Russian Statehood. Revival of a Shrine: Kostroma Kremlin: Collection of Papers from the VI International Scientific and Practical Conference, Kostroma, October 06, 2023. Kostroma : Kostroma State University, 2023.
2. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law № 63-FZ of 13.06.1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
3. Grigoriev V.N. Criminal procedure : textbook / V.N. Grigoriev, A.V. Pobedkin, V.N. Yashin. M. : Eksmo, 2005. 832 p.
4. Rossinsky S.B. The criminal process of Russia: a course of lectures. M. : Eksmo, 2007. 576 p.
5. The Civil Code of the Russian Federation (part two): Federal Law № 14-FZ of January 26, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.
6. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law № 174-FZ of December 18, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (Part I). Art. 4921.
7. Ivanov D.A. Compensation for Property Damage Caused by a Crime in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases. M. : Yurlitinform Publishing House, 2016.
8. Lozovsky D.N. On the Concept of the Method of Crime Investigation // Society and Law. 2009. № 5(27).
9. Lozovsky D.N. The Use of a Comprehensive Approach in Crime Investigation // Law Enforcement Activities in Modern Conditions: Proceedings of the 19th International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, May 29–30, 2014. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2014.

Информация об авторе

Глоба Эдуард Юрьевич
аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
global@internet.ru

Eduard Yu. Globa
Postgraduate Student of the Department
of Criminology and Legal Informatics,
Kuban State University
global@internet.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Глоба Э.Ю.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-7
УДК 343.98.068

Attribution
cc by

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СВОЙСТВА МИКРОБИОМА ЧЕЛОВЕКА: ЗДОРОВОГО; СТРАДАЮЩЕГО ЗАБОЛЕВАНИЯМИ И ПАТОЛОГИЯМИ; В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВАРИАТИВНЫХ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ

Лозинский О.И.
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются свойства и особенности микробиомов потенциально здорового человека, человека, страдающего различного рода заболеваниями и патологиями, а также влияющие на них факторы (внутренние, внешние, окружающей среды). В процессе исследования обосновывается авторская позиция о том, что систематизация этих знаний в интересах криминалистической науки и практики, позволит эффективно реализовать цели и задачи криминалистических идентификации и диагностики, расширив потенциал возможностей в этой области, в сегменте, фактически недоступном преступному противодействию.

Цель: обосновать возможность и целесообразность адаптации научных достижений в сфере исследования микробиома человека для решения криминалистических задач по идентификации и диагностике личности.

Методы: диалектический; деятельностный, системный и ситуационный подходы; методика научно-тематического анализа Дж. Холтона.

Результаты: обоснована актуальность необходимости расширения криминалистических знаний и прикладных навыков за счет новой биометрической технологии криминалистической идентификации (диагностики) личности, на основе свойств микробиома человека.

Ключевые слова: микробиом потенциального здорового человека, микробиом человека, страдающего заболеваниями и патологиями, факторы, влияющие на состав микробиома человека.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

FORENSIC CHARACTERISTICS AND PROPERTIES OF THE HUMAN MICROBIOME: HEALTHY; SUFFERING FROM DISEASES AND PATHOLOGIES; DEPENDING ON VARIABLE FACTORS OF INFLUENCE

Oleg I. Lozinsky

South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. The article analyzes the properties and features of the microbiomes of a potentially healthy person, a person suffering from various diseases and pathologies, as well as factors affecting them (internal, external, environmental). In the course of the research, the author's position is substantiated that the systematization of this knowledge in the interests of criminalistic science and practice will make it possible to effectively realize the goals and objectives of criminalistic identification and diagnostics, expanding the potential of opportunities in this area, in a segment virtually inaccessible to criminal counteraction.

Objective: to substantiate the possibility and expediency of adapting scientific achievements in the field of human microbiome research to solve forensic problems of identification and diagnosis of personality.

Methods: dialectical; activity-based, systemic and situational approaches; methodology of scientific and thematic analysis of J. Holton.

© Лозинский О.И.

Results: the relevance of the need to expand forensic knowledge and applied skills due to the new biometric technology of forensic identification (diagnosis) of personality, based on the properties of the human microbiome, is substantiated.

Keywords: microbiome of a potential healthy person; microbiome of a person suffering from diseases and pathologies; factors affecting the composition of the human microbiome.

Funding: Independent work.

Введение. В правоприменительной сфере уголовного судопроизводства неизменно вызывает повышенный интерес область криминалистической науки и практики, связанная с профильными научными изысканиями, адаптацией научных знаний и прикладных навыков из смежных научных областей, позволяющая расширить возможности биологической идентификации человека (как за счет появления новых методик, так и за счет повышения эффективности имеющихся).

Одной из наиболее перспективных для решения криминалистических задач потенциальных методик в исследуемой сфере, является биометрическая технология, основанная на результатах исследования и свойствах микробиома человека. При этом под микробиомом человека автором предлагается понимать сообщество самостоятельных биологических объектов (форм жизни) - микробиоту: бактерий, археев, эукариот, нематод, вирусов, грибов, простейших микроорганизмов и др., обобщенно называемых virome, населяющую организм (биологическое, генетически обусловленное, тело) человека, находящуюся с ним в неразрывном симбиозе (но не являющуюся его генетической составляющей), имеющую ряд индивидуализирующих ее признаков и свойств, позволяющих использовать ее для решения криминалистических задач по идентификации (отождествлению) личности в процессе уголовного судопроизводства и иной профильной деятельности.

Обсуждение.

Первоначально, в рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть результаты изучения микробиома потенциально здорового человека (метагенома – применительно к большим популяциям людей) и влияющие на них факторы (на ряде примеров). При этом с учетом того, что настоящее исследование является криминалистическим, наибольший интерес будет представлять, не столько его непосредственная биологическая составляющая сама по себе, сколько ее идентификационный (диагностический) потенциал (индивидуальность, устойчивость, измеряемость и т.п. результатов).

На текущий момент, в норме и патологии, в большей степени изучены микробиомы: желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), урологических путей и половых органов, респираторной системы, кожи, полости рта, глаз:

– ЖКТ: в результате профильных исследований из кишечника выделено 2172 вида микроорганизмов, классифицированных на 12 таксономических видов, из которых 93,5 % принадлежат к Proteobacteria, Firmicutes, Actinobacteria и Bacteroidetes (обладают высокой иммунной реактивностью) [2, с. 1593–1595].

– урологические пути и половые органы: доминируют Lactobacillus, реже Gardnerella, Streptococcus, Staphylococcus или Corynebacterium., еще реже – Aerococcus, Actinomyces или Bifidobacterium; бактерии участвуют в регуляции важных физиологических функций, в т.ч. репродуктивной [5, с. 4593–4596].

– респираторная система: микробная нагрузка в микробиоте легкого определяется балансом микробных иммиграции и элиминации, а также скоростью размножения бактерий [4, с. 160–162].

– кожа: населена 12 видами микроорганизмов (доминируют Corynebacterium, Propionibacterium и Staphylococus, пропионовые бактерии, стафилококки и дрожжи Malassezia); доминирование зависит от характеристик локуса (преобладают: на коже лица Propionibacterium и Staphylococcus; во влажных местах – Corynebacterium; в сухих местах – смешанные популяции β-Proteobacteria и Flavobacteriales) [1, с. 475–477].

– полость рта: содержит более 700 видов микроорганизмов от 12 типов (слюна, слизистая оболочка, поверхность языка, зубной налет) [4, с. 163–165].

– глаза (роговица, конъюнктива): выявлено 221 вид (59 родов) бактерий (96 % составляют: Pseudomonas, Bradyrhizobium, Acinetobacter, Propionibacterium, Corynebacterium, Brevundimonas, Staphylococcus, Aquabacterium, Sphyngomonas и Streptococcus) [3, с. 1024–1026].

Фактически, здоровый микробиом, это, с одной стороны, залог (как потенциал и предпосылка) здоровья человеческого организма, а с другой стороны – отражение состояния (того, что имеет место быть по факту, на текущий момент) этого здоровья.

Далее, в рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть результаты изучения микробиома человека, страдающего различного рода заболеваниями и патологиями. При этом микробиом людей, страдающих различного рода заболеваниями и патологиями, в криминалистическом плане еще более интересен, так как он обладает еще большей идентификационной индивидуальностью и информативностью, чем микробиом потенциально здорового человека (воспринимаемый, условно, как, относительно, «базовый»).

© Лозинский О.И.

Результаты профильных научных исследований показывают, что микробиом приносит человеческому организму (по факту своего существования и жизнедеятельности) практическую функциональную пользу (метаболизм, иммунитет, колониальная резистентность – противодействие заселению патогенными микроорганизмами и др.). Однако нередко возникают ситуации, когда изменения в микробиоме способствуют развитию, или являются предпосылками возникновения у человека различного рода заболеваний и патологических состояний. При этом изменения микробиома могут быть первопричиной этих состояний организма, или их последствиями, либо, на определенном этапе, уже являться и тем и тем и другим (что может способствовать в дальнейшем ухудшению состояния здоровья человека).

Микробиом – это субстант, который незамедлительно реагирует на все внешние и внутренние раздражители (факторы), как влекущие для организма человека позитивные последствия, так и негативные, в режиме реального времени (его реакции естественны, они не положительны и не отрицательны по сути; микроорганизмы микробиома живут на (в) локусах и органах человеческого тела, что-то потребляют, что-то выделяют, размножаются и гибнут, конкурируют и борются с одними микроорганизмами и взаимодействуют с другими, более им симбиотичными; при этом наличие и концентрация (доминирование) их разновидностей, характеризует указанные процессы и влияет за счет этого на организм носитель (их внешний мир, окружающую для них среду) – человека [6, с. 1480–1482].

Наличие взаимосвязи бактерий, вирусов и других микроорганизмов (например, грибов) с возникновением инфекционных заболеваний, известно уже достаточно давно, и никаких сомнений не вызывает. Однако результаты научных изысканий последних десяти лет, дали объективные подтверждения взаимосвязи микроорганизмов с заболеваниями, не имеющими инфекционной подоплеки (аллергия, ожирение, сахарный диабет, атеросклероз и др.):

– аллергия: носит гетерогенный воспалительный характер; патогенез очень многообразен (реакции на вкус, запах, пищу, экологию и др.); воспринимается человеком через микробиом, выступающий промежуточным звеном между раздражителями и организмом хозяина; заболевания характеризуются иммунной реакцией Т-лимфоцитов [3, с. 1024–1026].

– метаболический синдром: комплекс взаимосвязанных факторов, контактирующих на биохимическом и патофизиологическом уровнях, результат взаимодействия которых порождает предпосылки развития ишемической болезни сердца; проявляется в увеличении концентрации глюкозы в крови, нарушении липидного обмена, повышении густоты крови (обусловлен высокой концентрацией триглицеролов и низкой концентрацией липопротеидов) [7, с. 996–998].

– ожирение: в патогенезе доминирующая роль принадлежит кишечному микробиому (проявляется в повышении количества Clostridia, выделяющих дезоксихолевую кислоту, что ведет к воспалениям и развитию рака печени; состояние ожирения можно перенести от больных людей к здоровым путем трансплантации микробиоты (т.е. ожирением можно «заразить») [9, с. 98–100].

– атеросклероз: заболевание зависит от рациона питания человека; вегетарианская диета способствует его профилактике; диеты, ориентированные на употребление продуктов, содержащих фосфолипид и L-карнитин (продукты животного происхождения, в особенности красное мясо) создают предпосылки для его возникновения, так-как кишечный микробиом трансформирует названные вещества в проатерогенный триметиламин, способствующий образованию атером и формированию атеросклеротических изменений в аорте.

– сахарный диабет (СД): патогенез связан с невосприимчивостью организма человека к воздействию гормона инсулина и с нарушениями в его выработке поджелудочной железой; микробиом в данных процессах имеет существенное значение – бутират, вырабатываемый кишечными бактериями, доминирует в регуляции уровня глюкозы в крови и метаболизме липидов (рост концентрации бактерии Clostridium clostridioforme и снижение концентрации бактерии Roseburia способствует СД; рост концентрации Roseburia, например, после трансплантации микробиома от здоровых доноров, влечет у больных людей повышение чувствительности к инсулину) [8, с. 4640–4642].

– ось «кишечник-центральная нервная система (ЦНС)»: результаты профильных исследований подтвердили наличие тесной взаимосвязи между состояниями микробиома и ЦНС; эмпирическим путем была определена и экспериментально доказана способность микробиома оказывать влияние на нейромедиаторы в ЦНС, на системы регуляции стресса, других эмоциональных состояний, на степень выраженности болевых реакций; изменения микробиома кишечника, отражаясь в химических реакциях и других метаболических процессах, через ЦНС оказывают влияние на патогенез болезни Паркинсона, аффективных и аутических расстройств и др. [10, с. 1107–1109].

Сбои в состоянии микробиома снижают синтез и всасывание из системы пищеварения микронутриентов (дефицит витамина «В» приводит к развитию депрессии, биполярного расстройства, аутизма и деменции; этот дефицит связан с нарушением, обеспечиваемого микробиомом, метаболизма жирных кислот, аминокислот, нейротрансмиттеров и нейрогормонов) [12, с. 425–429].

© Лозинский О.И.

Микробиом чутко реагирует на изменения в психологическом (эмоциональном) состоянии человека (гнев и страх сопровождаются количественным ростом Bacteroides fragilis subsp theaiotaomicron; стресс способствует выбросу в кровь катехоламинов (норадреналина, адреналина, дофамина), которые стимулируют рост патогенной флоры, в т.ч. возбудителя кишечных инфекций Yersinia enterocolitica и штаммов E. Coli [11, с. 1106–1108].

Кроме того, научно подтверждено влияние степени функциональности кишечного микробиома на развитие алкогольной зависимости (связана с ростом концентрации пероральных микроорганизмов; сигналы от микробиома могут способствовать циррозу печени, путем изменения проницаемости стенки ЖКТ). Цирроз обусловлен изменением концентрации 8 родов и 46 видов микроорганизмов (связан с ростом концентрации Bifidobacterium, Lactobacillus salivarius, Veillonella parvula и Streptococcus salivarius) [13, с. 285–287].

Состав микробиома зависит от внешних и внутренних факторов, от факторов окружающей среды (пола; возраста; региона проживания; характера питания; уровня физической активности; привычек, увлечений; наличия заболеваний и т.п.).

С учетом изложенного, далее предлагается рассмотреть влияние на состояние и структуру микробиома человека названных факторов:

1. Отличительные особенности микробиома человека в зависимости от его этнической принадлежности и региона проживания. Результаты сравнительного исследования микробиома (для примера):

– населения таких стран, как Малави (Африка), Венесуэла (Южная Америка), ведущего, в основном, сельскохозяйственный образ жизни, и жителей городов США, свидетельствуют о наличии принципиальных различий в их метагенномном профиле (преимущественно за счет разницы потребления животного и растительного белка и др.) [8, с. 4641–4643];

– коренных жителей Африки – народа Хадза (охотников-собирателей) и жителей Италии, выявили у них повышенную концентрацию Prevotella, Eubacterium, Oscillibacter, Sporobacter и Treponema, и низкую концентрацию – Bifidobacterium, Blautia, Dorea, Roseburia и Ruminococcus [10, с. 1106-1108].

2. Влияние возрастных изменений на микробиом человека:

– микробиомы детей и взрослых имеют отличия (первый – содержит высокую концентрацию генов биосинтеза фолиевой кислоты; во втором преобладают гены ферментов, участвующих в ее расщеплении; по мере взросления биосинтез кобаламина, биотина и тиамина увеличивается; в микробиоте взрослого человека преобладают Bacteroidetes и Firmicutes при низкой концентрации Actinobacteria и Proteobacteria; в детском микробиоме соотношение микроорганизмов обратное) [12, с. 427–429];

– с возрастом: понижается содержание бифидобактерий (у взрослого человека содержится 4-5 видов рода Bifidobacterium, а в пожилом возрасте встречается лишь один - Bifidobacterium adolescentis); увеличивается концентрация лактобацилл и колиформных бактерий [8, с. 4641–4643];

3. Гендерные различия микробиома человека:

– микробиота влагалища содержит: Lactobacillus, стафилококки, энтеробактерии; наличие Enterobacteriaceae и Staphylococcus снижает шансы наступления беременности; уменьшение разнообразия микробиоты влагалища увеличивает вероятность рождения здорового ребенка [13, с. 289–290];

– в уретральной флоре у мужчин преобладают: Staphylococcus, Corynebacterium, Lactobacillus; имеются различия в составе микробиома у обрезанных и необрезанных мужчин; содержание Lactobacillus коррелирует с числом жизнеспособных сперматозоидов [9, с. 99–100].

4. Зависимость состава микробиома от физических нагрузок, диеты и др.: длительные повышенные физические нагрузки (в быту, на работе, в ходе спортивных занятий и т.п.); утомляемость, отсутствие соизмеримого отдыха; нарушение режима питания и «злоупотребление» низкопитательными диетами; наличие продолжительной стрессовой ситуации, могут повлечь негативные изменения микробиома и привести к трансформации сапрофитирующих кокков, комменсальной флоры в патогенную, что является предпосылками развития различных заболеваний, в т.ч. заболеваний кожи [11, с. 1107–1109].

Примером влияния на микробиом факторов окружающей среды могут служить его циркадные изменения (микробиом по своему составу и функциям подвержен довольно значительным суточным колебаниям, которые оказывают существенное влияние на устойчивость метаболического гомеостаза человека). Предпосылкой для проведения указанных исследований послужило доказанное современной наукой обстоятельство о том, что жизнь на Земле в значительной мере зависит от циркадных изменений, вызванных процессом вращения планеты вокруг своей оси (жизненные формы адаптировали свою физиологию к суточным изменениям геофизических параметров) [7, с. 999–1001].

Результаты.

Результаты настоящего исследования позволяют конкретизировать понятие базового микробиома человека – микробиома потенциально (относительно) здорового человека, а также

© Лозинский О.И.

учесть, конкретизировать и систематизировать степень влияния на него различных факторов: внутренних, внешних, окружающей среды (как являющихся «непреодолимой силой» – наличием естественной среды обитания и окружающей обстановкой, не зависящей от конкретного человека, так и являющихся осознанным выбором определенного человека – работа, образ и темп жизни, диета, спорт, увлечения и др.). Наряду с понятием «микробиома здорового человека», определено понятие «микробиома человека, страдающего заболеваниями и патологиями», который, кроме базовых индивидуализирующих черт, добавляет к микробиому сугубо индивидуальные (конфиденциальные) особенности, позволяющие реализовать более достоверную и обоснованную идентификацию человека.

Заключение.

Таким образом, систематизация указанных знаний и формирование на их основе новой потенциальной биометрической технологии распознавания личности в интересах отечественной криминалистической науки и практики, уголовного судопроизводства в общем, позволит более эффективно реализовать цели и задачи криминалистических идентификации и диагностики, чем существенно облегчить процессы установления личности подозреваемого и раскрытия преступления в целом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Adak A. An insight into gut microbiota and its functionalities / A. Adak, M.R. Khan // Cell Mol Life Sci. 2019. Vol. 76(3). P. 473–493.
2. Al-Asmakh M. Use of Germ-Free Animal Models in Microbiota-Related Research / M. Al-Asmakh, F. Zadjali // Journal of Microbiology and Biotechnology. 2022. Vol. 49. № 7. P.1592–1598.
3. Fecal microbiota transplantation for Clostridium difficile infection: back to the future / G. Borgia [et al.] // Expert Opinion on Biological Therapy. 2019. Vol. 11. № 4. P. 1021–1027.
4. Linkage of gut microbiome with cognition in hepatic encephalopathy / J.S. Bajaj [et al.] // American Journal of Physiology. Gastrointestinal and Liver Physiology. 2019. Vol. 507. № 3. P. 159–165.
5. Human oral, gut, and plaque microbiota in patients with atherosclerosis / O. Koren [et al.] // Proc Natl Acad Sci USA. 2021. Vol. 108. P. 4592–4598.
6. Intestinal microbial metabolism ofphosphatidylcholine and cardiovascular risk / W.H.W. Tang [et al.] // The New England Journal of Medicine. 2023. Vol. 488. № 12. P. 1479–1486.
7. The Toll-like receptor 2 pathway establishes colonization by a commensal of the human microbiota / J.L. Round [et al.] // Science (New-York, N.Y.). 2021. Vol. 442. № 6739. P. 994–1007.
8. Effect of broad – and narrow-spectrum antimicrobials on Clostridium difficile and microbial diversity in a model of the distal colon / M.C. Rea [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2021. Vol. 1. P. 4639–4644.
9. Obesity-induced gut microbial metabolite promotes liver cancer through senescence secretome /S. Yoshimoto [et al.] // Nature. 2023. Vol. 594. № 7656. P. 97–101.
10. Quigley E.M.M. The gut microbiota and the liver. Pathophysiological and clinical implications / E.M.M. Quigley, C. Stanton, E.F. Murphy // Journal of Hepatology. 2022. Vol. 98. № 6. P. 1104–1109.
11. Short-chain fatty acids stimulate leptin production in adipocytes through the G protein-coupled receptor GPR41 / Y. Xiong [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2021. Vol. 171. № 9. P. 1105–1113.
12. Structural changes of gut microbiota during berberine-mediated prevention of obesity and insulin resistance in high-fat diet-fed rats / X. Zhang [et al.] // PloS One. 2012. Vol. 7. № 8. P. 425–429.
13. Wylie K.M. Emerging view of the human virome // The Journal of Laboratory and Clinical Medicine. 2012. Vol. 160. № 4. P. 283–290.
14. Скворцов В.В. Влияние состояния и состава микробиома на здоровье человека // Форум молодых ученых. 2023. № 3. С. 211–216.

References:

1. Adak A. An insight into gut microbiota and its functionalities / A. Adak, M.R. Khan // Cell Mol Life Sci. 2019. Vol. 76(3). P. 473–493.
2. Al-Asmakh M. Use of Germ-Free Animal Models in Microbiota-Related Research / M. Al-Asmakh, F. Zadjali // Journal of Microbiology and Biotechnology. 2022. Vol. 49. № 7. P.1592–1598.

© Лозинский О.И.

3. Fecal microbiota transplantation for Clostridium difficile infection: back to the future / G. Borgia [et al.] // Expert Opinion on Biological Therapy. 2019. Vol. 11. № 4. P. 1021–1027.
4. Linkage of gut microbiome with cognition in hepatic encephalopathy / J.S. Bajaj [et al.] // American Journal of Physiology. Gastrointestinal and Liver Physiology. 2019. Vol. 507. № 3. P. 159–165.
5. Human oral, gut, and plaque microbiota in patients with atherosclerosis / O. Koren [et al.] // Proc Natl Acad Sci USA. 2021. Vol. 108. P. 4592–4598.
6. Intestinal microbial metabolism ofphosphatidylcholine and cardiovascular risk / W.H.W. Tang [et al.] // The New England Journal of Medicine. 2023. Vol. 488. № 12. P. 1479–1486.
7. The Toll-like receptor 2 pathway establishes colonization by a commensal of the human microbiota / J.L. Round [et al.] // Science (New-York, N.Y.). 2021. Vol. 442. № 6739. P. 994–1007.
8. Effect of broad – and narrow-spectrum antimicrobials on Clostridium difficile and microbial diversity in a model of the distal colon / M.C. Rea [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2021. Vol. 1. P. 4639–4644.
9. Obesity-induced gut microbial metabolite promotes liver cancer through senescence secretome /S. Yoshimoto [et al.] // Nature. 2023. Vol. 594. № 7656. P. 97–101.
10. Quigley E.M.M. The gut microbiota and the liver. Pathophysiological and clinical implications / E.M.M. Quigley, C. Stanton, E.F. Murphy // Journal of Hepatology. 2022. Vol. 98. № 6. P. 1104–1109.
11. Short-chain fatty acids stimulate leptin production in adipocytes through the G protein-coupled receptor GPR41 / Y. Xiong [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2021. Vol. 171. № 9. P. 1105–1113.
12. Structural changes of gut microbiota during berberine-mediated prevention of obesity and insulin resistance in high-fat diet-fed rats / X. Zhang [et al.] // PloS One. 2012. Vol. 7. № 8. P. 425–429.
13. Wylie K.M. Emerging view of the human virome // The Journal of Laboratory and Clinical Medicine. 2012. Vol. 160. № 4. P. 283–290.
14. Skvortsov V.V. The influence of the state and composition of the microbiome on human health // Forum of Young Scientists. 2023. № 3. P. 211–216.

Информация об авторе

Лозинский Олег Иванович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры процессуального права,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону
oleg.lozz@yandex.ru

Oleg I. Lozinsky
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Procedural Law,
South Russian Institute of Management
is a branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration,
Rostov-on-Don
oleg.lozz@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Лозинский О.И.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-30
УДК 343.114

Attribution
cc by

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Лозовский Д.Н.
Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье автором рассмотрены теоретические и практические аспекты деятельности правоохранительных органов отдельных зарубежных стран по использованию биометрических технологий в процессе раскрытия и расследования преступлений. Исследованы современные автоматизированные системы, используемые в деятельности правоохранительных органов зарубежных стран. Оценена результативность их использования в раскрытии и расследовании преступлений и перспективы их дальнейшего внедрения в правоохранительную деятельность. Рассмотрена нормативно-правовая регламентация применения технологий биометрической идентификации, сделаны предложения по совершенствованию правового регулирования использования биометрических технологий.

Ключевые слова: технологии биометрической идентификации, биометрические данные, распознавание, криминалистика, идентификация личности.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN USING BIOMETRIC TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF INVESTIGATING CRIMES

Denis N. Lozovsky
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. In the article, the author examines the theoretical and practical aspects of the activities of law enforcement agencies in certain foreign countries on the use of biometric technologies in the process of crime detection and investigation. Modern automated systems used in the activities of law enforcement agencies in foreign countries are investigated. The effectiveness of their use in the detection and investigation of crimes and the prospects for their further implementation in law enforcement activities are assessed. The regulatory and legal regulation of the use of biometric identification technologies is considered, and proposals are made to improve the legal regulation of the use of biometric technologies.

Keywords: biometric identification technologies, biometric data, recognition, forensics, identity identification.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

На сегодняшний день за рубежом многие биометрические технологии активно развиваются находятся на той стадии развития, когда их можно не опасаясь использовать в процессе расследования преступлений.

В настоящее время одной из перспективных точек развития применения биометрии в криминалистической практике является обмен информацией за счет формирования информационной базы данных криминалистически значимой информации, а также развитие международного уровня использования и обмена информацией банка данных, которые содержат биометрические параметры людей, с зарубежными органами внутренних дел [1].

Методы, используемые в процессе идентификации, не сильно отличаются от тех, что использую в нашей стране; при этом в некоторых отдельных странах они значительно сильнее усовершенствованы.

К примеру, автоматическое распознавание лиц с помощью наружных камер видеонаблюдения используется во многих странах, таких как Индия, США, КНДР, Япония, а также в странах Европы.

© Лозовский Д.Н.

На сего дняшний день в странах Европы, Израиле и США распространены два способа биометрической аутен тификации: по двухмерным изображениям лица и по отпечаткам пальцев.

Кроме высокой надежности, в пользу этих двух способов биометрической аутентификации также свидетельствует возможность их использования практически в каждой стране. Ведь даже в случае от сутствия в той или иной стране базы данных по проездным документам, в качестве источника сравни тельных образцов, для верификации или идентификации их предъявителей могут выступать имеющи еся базы данных криминальной информации, в которых обычно содержатся как отпечатки пальцев, так и двухмерные изображения лица людей, причастных к совершению правонарушений [2].

Такие способы биометрической аутентификации применяются в Латвии, Молдове, Германии, Ве ликобритании, Израиле и США. В Колумбии биометрическую аутентификацию осуществляют только по отпечаткам пальцев, в Греции, Норвегии и Финляндии – только по двухмерным изображениям лица, а в Чехии – и по отпечаткам пальцев, и за двухмерным изображением лица.

В последнее время постепенно получает распространение биометрическая аутентификация по радужной оболочке глаза. В Великобритании и Германии подобная практика уже имеет место. В рамках проекта «Trusted Traveler» («Надежный странник») в крупнейших пунктах пересечения государственной границы Великобритании осуществляется дополнительный контроль лиц, въезжающих на территорию этой страны, по указанной биометрической характеристике.

В Германии данный способ биометрической аутентификации применяется только в международ ном аэропорту г. Франкфурт. Такой контроль может осуществляться только гласно, но, в отличие от проверки по отпечаткам пальцев, он не вызывает у проверяемого лица, ассоциаций с проверкой потен циальных нарушителей, что воспринимается им значительно спокойнее.

В Греции, Молдавии и Чехии введено биометрическую аутентификацию только своих граждан, в Израиле и Норвегии – всех иностранцев [3]. В Берлине прошла тестирование онлайн-процедура реги страции автомобилей. Чтобы воспользоваться такими функциями, нужно документ, удостоверяющий личность гражданина, содержаний электронный носитель. «В азиатских странах подходят к этому вопросу со свойственной для местного менталитета бескомпромиссностью. Например, в Узбекистане в случае уклонения гражданина от процедуры снятия отпечатков пальцев рук паспорт просто не пред ставляется» [4].

В государствах Востока на основании договоров между органами исполнительной власти и орга нами регистрации граждан, внедрение биометрических паспортов дает возможность пополнять базы криминалистической информации [5].

Китай является страной, демонстрирующей один из высочайших уровней применения биометрических технологий. Например, уже более пяти лет существует система «Dragonfly Eye System», которая действует на основе искусственного интеллекта. Указанная система имеет в распоряжении многомиллиардную базу изображений лиц, которая включает в себя не только национальную базу, но и изображения посетителей страны, а также тех, кто был зафиксирован на камерах, установленных в портах и аэропортах.

Таким образом, при попадании в объектив камеры видеонаблюдения лица, который находится в розыске, алгоритмы искусственного интеллекта сразу направляют информацию о его местонахождении правоохранительным органам.

Также, начиная с 2018 года, в работе китайские полицейские используют солнцезащитные очки со встроенной программой, предназначенной для поиска и поимки лиц, находящихся в розыске посредством распознавания лиц [6].

Одной из наиболее известных биометрических технологий является решение для мультибиометрической идентификации (MBIS), которое ограничивается идентификацией по отпечаткам пальцев и анализом, и сравнением лиц. Эта функция расширяет возможности системы, предлагая универсальную возможность биометрической идентификации на основе различных методов.

Также следует отметить, что существует база биометрических данных, которая во всем мире признана самой масштабной. «Aadhaar» является государственным индийским сервисом, который посредством сканирования радужной оболочки, отпечатков пальцев и изображения лица у всех жителей Индии, упрощая процесс идентификации лица в различных сферах жизни. Так в базе данных уже находятся сведения более 90 % граждан Индии, и при этом данная база продолжает пополнятся.

Обсуждение. Результаты.

В современном мире искусственный интеллект (ИИ) играет ключевую роль в развитии криминалистической науки, предоставляя инновационные инструменты для анализа и интерпретации данных в различных областях. В судебной антропологии, например, разработаны высокоточные приложения на основе ИИ, призванные определять пол жертвы с высокой степенью достоверности.

Во многих зарубежных странах эти приложения опираются на сверхточные нейронные сети (CNN), которые анализируют дисморфические половые признаки в черепах. Для обучения моделей используются 3D-реконструкции черепов, полученные посредством компьютерной томо-

© Лозовский Д.Н.

графии, что обеспечивает высокую точность и надежность результатов.

В судебной стоматологии ИИ также находит применение, позволяя прогнозировать возраст и пол на основе характеристик зубов, а также идентифицировать характер следов укусов. Это достигается благодаря алгоритмам глубокого обучения, которые анализируют морфологические и структурные особенности зубной системы.

В биометрической идентификации методы распознавания лиц достигли нового уровня эффективности благодаря применению алгоритмов глубокого обучения. Эти алгоритмы позволяют значительно повысить точность распознавания лиц и упрощают идентификацию индивидов в обширных базах данных.

Однако, несмотря на все преимущества, широкое использование технологии распознавания лиц вызывает серьезные этические вопросы и опасения относительно конфиденциальности данных. Эти проблемы требуют тщательного анализа и разработки соответствующих регуляторных механизмов для обеспечения баланса между технологическим прогрессом и защитой личных прав граждан.

В результате стремительного прогресса в области компьютерного анализа изображений были разработаны инновационные методы идентификации ушных раковин, радужной оболочки глаза и отпечатков пальцев. Эти технологии, основанные на передовых алгоритмах машинного обучения и биометрических системах, находят широкое применение в криминалистике, значительно повышая точность и эффективность судебных экспертиз.

Особое внимание заслуживает развитие портативных устройств для анализа выдыхаемого воздуха, позволяющих оперативно выявлять наличие наркотических веществ. Эти устройства, оснащенные сенсорами на основе масс-спектрометрии и газоаналитики, стали незаменимыми инструментами в арсенале правоохранительных органов, обеспечивая быстрое и точное обнаружение фактов наркотического опьянения, в том числе в случаях, связанных с управлением транспортными средствами.

Для повышения эффективности анализа ДНК, особенно в сложных случаях, когда необходимо сопоставлять профили образцов с эталонными данными, включая их смеси, была разработана инновационная экспертная система под названием «CaseResolver». Эта система, интегрирующая алгоритмы машинного обучения и искусственного интеллекта, позволяет автоматизировать процесс анализа, значительно сокращая время обработки данных и минимизируя вероятность ошибок [7].

В современном научном и практическом контексте искусственный интеллект (ИИ) представляет собой мощный инструмент, который активно интегрируется в различные области криминалистики, включая судебную антропологию, стоматологию, медицину, генетику и киберпреступность. В судебной антропологии, например, были разработаны специализированные приложения на основе ИИ, которые используют сверточные нейронные сети (CNN) для определения пола жертвы по дисморфическим половым характеристикам черепов. Эта методика опирается на 3D-реконструкции черепов, полученные посредством компьютерной томографии, что позволяет достичь высокой степени точности.

В области судебной стоматологии ИИ применяется для прогнозирования возраста и пола на основе стоматологических характеристик, а также для анализа следов укусов. Исследования показали, что искусственные нейронные сети (ИНС) демонстрируют точность до 90% в этих задачах, что существенно повышает эффективность судебно-стоматологических экспертиз.

Судебная медицина также активно использует ИИ в качестве вспомогательного инструмента для идентификации таксономии диатомовых водорослей. Свёрточные нейронные сети (CNN) позволяют классифицировать диатомовые водоросли в образцах воды и тканях человека с точностью до 95 %, что значительно ускоряет и упрощает процесс анализа.

В области генетики ИИ играет ключевую роль в обработке и интерпретации больших объёмов генетических данных, используемых в судебно-медицинском анализе ДНК. В одном из исследований для идентификации ДНК-профилей по массивам данных секвенирования применялась ИНС, которая обеспечила точность до 99,9 %, что является выдающимся результатом в данной области.

Применение ИИ в криминалистике позволяет существенно снизить субъективность и количество человеческих ошибок при интерпретации данных, что, в свою очередь, повышает качество доказательств, представляемых в суде. Например, моделирование и распознавание 3D-ушей на видеозаписях с использованием формы ушной раковины по теням позволяет эффективно идентифицировать личности, что ранее было затруднительно.

Языковые модели, основанные на ИИ и используемые в приложениях, таких как ChatGPT или Llama, представляют собой революционный инструмент в криминалистике. Эти модели позволяют анализировать большие объёмы текстовых данных, извлекать значимую информацию из протоколов и выявлять закономерности в показаниях, что значительно упрощает процесс расследования и анализа.

В сфере киберпреступности интеграция ИИ играет ключевую роль в процессе расшифровки зашифрованных сообщений, понимании методов работы киберпреступников и выявлении закономерностей преступного поведения. Новые тех-

© Лозовский Д.Н.

нологии предоставляют огромный объём информации, требующий аккуратного и точного обращения, что делает сочетание ИИ с большими данными незаменимым инструментом для обработки данных из множества приложений, таких как тахеометр, фотограмметрия и лазерное сканирование, обеспечивающих высокую точность деталей [8].

Благодаря большим данным, информация из таких приложений, как автоматическое распознавание лиц и идентификация с помощью анализа голоса и аудио, может быть задокументирована более точно и динамично, что повышает эффективность работы и способствует стандартизации процессов сбора и документирования информации.

В целом интеграция ИИ в криминалистику представляет собой важный шаг вперёд в развитии методов и технологий, направленных на повышение эффективности и точности судебных экспертиз.

Внедрение автоматизированных систем, управляемых искусственным интеллектом, для обработки больших объемов данных значительно улучшило эффективность криминалистической экспертизы. Это стало возможным благодаря технологиям мультибиометрической идентификации (MBIS), ранее известной как автоматизированная система идентификации по отпечаткам пальцев (AFIS), и интегрированной системы баллистической идентификации (IBIS), которые обеспечивают быстрый и точный анализ данных.

Среди отдельных баз, данных, которые используются в целях изобличения преступника в процессе расследования преступлений можно выделить:

1) NGI-IPS (США) – базу данных изображений лиц, в которой содержаться миллионы изображений, полученных их совершенно разных источников (например, социальные сети, фотографии с водительских удостоверений и т.д.), при этом используется технология на основе искусственного интеллекта, которая может осуществлять поиск определенного фото на предмет наличия совпадений в сети Интернет (Clearview AI);

2) «SkeNet» на всей территории Китая и «Sharp Eyes» в отдельных провинциях, с помощью указанных технологий осуществляется видеонаблюдение, с интегрированной системой распознавания лиц с использованием системы «социального рейтинга»;

3) NAFIS (Австралия) – базу данных отпечатков пальцев и ладоней, с помощью которой происходит оперативное сравнение в режиме реального времени;

4) PAFIS (Пакистан) – систему, используемых для идентификации преступников посредством отпечатков пальцев, ладоней, стоп, в том числе частичных и искаженных);

5) Систему автоматической идентификации отпечатков пальцев (AFIS) в Европейском союзе, она включена в Шенгенскую информационную систему, что позволяет правоохранительным органам стран, входящих в ЕС, обмениваться между собой биометрическими данными.

Однако следует отметить, что законодательство в различных странах строиться на совершенно разных основах.

В Китае получение биометрической информации не требует какого-либо согласия, а также не информирует о возможностях использования такого рода информации [9].

В Европейском союзе с 2023 года существуют строгие правила использования биометрической информации, согласно которым для применения технологий идентификации личности необходимо предварительное судебное решение, за исключением случаев наличия угрозы террористического акта или поиском пропавших детей, при этом в течении суток также необходимо получить судебное разрешение, а также правоохранительные органы должны предоставить оценку воздействия на основные права [10].

Заключение.

Так, можно сделать вывод, что использование различных автоматизированных баз данных различных объектов, использование искусственного интеллекта распространено во всем мире и активно применяется правоохранительными органами в целях идентификации лиц в процессе расследования преступлений. В какой-то степени для развития нашей страны необходимо опираться на опыт других государств для развития отечественной сферы использования биометрических технологий. На данный момент можно выделить более активное использование возможностей искусственного интеллекта, интегрированного в различные базы данных, поскольку это является наиболее перспективным направлением повышения оперативности и эффективности проводимых расследований. При этом, стоит заметить, так как использование любых технологий, особенно касающихся персональной информации, должно сопровождаться соответствующим правовым регулированием, опираться на опыт других стран, в таком случае, нужно с большой осторожностью, в связи с различными уровнями социального и экономического развития, общественных ценностей и менталитета.

Доктрина биометрической идентификации является очень перспективной для использования в процессе предварительного расследования, однако является недостаточно развитой, как со стороны нормативно-правового регулирования, так и со стороны методов и способов использования. Вследствие чего возникает необходимость в рассмотрении вопросов об использовании биометрических систем в криминалистическом обеспечении раскрытия и расследовании преступлений.

© Лозовский Д.Н.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Жуков М.Н. К вопросу о применении биометрии в криминалистической практике // Деятельность оперативных подразделений: теория и практика: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Ленинградская область : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 58–64.
2. Cherry M. A cautionary note about fingerprint analysis and reliance on digital technology / M. Cherry, E. Imwinkelried // Judicature. 2016. Vol. 89. № 6.
3. Автоматизированная система паспортного контроля на основе биометрических данных / А.В. Колпаков [и др.] // Вестник Московского государственного технического университета им. Н.Э.Баумана. Серия: Приборостроение. 2011. С. 64–68.
4. An analysis of security and privacy issues relating to RFID enabled ePassports / E. Kosta [et al.] // In ternational Federation for Information Processing. 2007. № 232. P. 467–472.
5. Аманжолова З.Н. Анализ зарубежного опыта ввода документов, удостоверяющих личность гражданина, содержащих электронный носитель информации, и введение таких документов в Российской Федерации // Актуальные вопросы современной науки и образования: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. Т. 2. С. 115–120.
6. Малянова К.П. Использование биометрических технологий в криминалистике // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 3(102). С. 77.
7. Technology in Forensic Sciences: Innovation and Precision / X. Chango [et al.]. 2024. P. 9.
8. Михайлов М.А. Цифровые инновации и права человека: дилеммы международной правоохранительной практики / М.А. Михайлов, Т.А. Кокодей // Правоприменение. 2022. № 3. С. 126.
9. Кузнецова С.С. Биометрическая идентификация в интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом / С.С. Кузнецова, А.Н. Молчалов, М.С. Саликов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 259–265.
10. Колосов А.В. Правовое регулирование оборота биометрических данных граждан в Европейском союзе // Сибирский юридический вестник. 2021. № 3(94). С. 90–91.

References:

1. Zhukov M.N. On the issue of the use of biometrics in forensic practice // Activities of operational units: theory and practice: Materials of the interuniversity scientific and practical conference. Leningrad region : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 58–64.
2. Cherry M. A cautionary note about fingerprint analysis and reliance on digital technology / M. Cherry, E. Imwinkelried // Judicature. 2016. Vol. 89. № 6.
3. Automated passport control system based on biometric data / A.V. Kolpakov [et al.] // Bulletin of the Bauman Moscow State Technical University. Series: Instrument engineering. 2011. P. 64–68.
4. An analysis of security and privacy issues relating to RFID enabled ePassports / E. Kosta [et al.] // In ternational Federation for Information Processing. 2007. № 232. P. 467–472.
5. Amanzholova Z.N. Analysis of foreign experience in entering documents certifying the identity of a citizen containing electronic media, and the introduction of such documents in the Russian Federation // Actual issues of modern science and education: Collection of articles of the XIV International Scientific and Practical Conference. Penza, 2021. Vol. 2. P. 115–120.
6. Malianova K.P. The use of biometric technologies in criminology // Lawyer-Jurist. 2022. № 3(102). P. 77.
7. Technology in Forensic Sciences: Innovation and Precision / X. Chango [et al.]. 2024. P. 9.
8. Mikhailov M.A. Digital innovations and human rights: dilemmas of international law enforcement practice / M.A. Mikhailov, T.A. Kokodey // Law enforcement. 2022. № 3. P. 126.
9. Kuznetsova S.S. Biometric identification on the Internet: trends in legal regulation in Russia and abroad / S.S. Kuznetsova, A.N. Molchalov, M.S. Salikov // Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 476. P. 259–265.
10. Kolosov A.V. Legal regulation of the turnover of biometric data of citizens in the European Union // Siberian Law Bulletin. 2021. № 3(94). P. 90–91.

© Лозовский Д.Н.

Информация об авторе

Лозовский Денис Николаевич
доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mail.ru

Denis N. Lozovsky
Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Лозовский Д.Н.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-27
УДК 34

Attribution
cc by

О КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Матвеева Е.Ю.
Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация. Цели и задачи. Целью статьи является исследование актуального состояния кодификации гражданского права в зарубежных европейских странах, входящих в романо-германскую правовую группу. Актуальность исследования заключается в выявлении конкретных особенностей проявления такого ключевого признака континентального права как кодификация.

Методы: В работе применены общенаучные теоретические методы: абстрагирования, обобщения, анализа, синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному, индукции, дедукции, экстраполяции, аналогии. Формально–правовой (юридико–догматический) метод применялся при толковании правовых норм и теоретической обработки материалов исследования, полученных на эмпирическом уровне. Основным методом являет сравнительно правовой метод.

Результаты, выводы и научная новизна исследования: Сделан вывод, что в странах романо-германской правовой группы в большинстве стран гражданское право является кодифицированным. Автор провел деление европейских стран по признаку кодификации гражданского права. Сделан вывод, что страны, в которых гражданское право не кодифицировано, представляют собой в составе романо-германской семьи отдельную Восточно-Европейскую/Балканскую группу из следующих стран: Болгария, Словакия, Эстония, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Словения, Хорватия и Черногория. Дана характеристика правовому регулированию гражданско-правовых отношений в каждой из указанных стран.

Ключевые слова: континентальное право, романо-германская правовая группа, кодификация.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

ON THE CODIFICATION OF CIVIL LAW IN EUROPEAN COUNTRIES

Elena Yu. Matveeva
Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. Objectives and tasks. The purpose of the article is to study the current state of codification of civil law in foreign European countries that are part of the Romano-Germanic legal group.

The relevance of the study lies in identifying specific features of the manifestation of such a key feature of continental law as codification.

Methods: The work uses general scientific theoretical methods: abstraction, generalization, analysis, synthesis, ascent from the abstract to the concrete, induction, deduction, extrapolation, analogy. The formal-legal (legal-dogmatic) method was used in the interpretation of legal norms and theoretical processing of research materials obtained at the empirical level. The main method is the comparative legal method. The study is synchronous, representative, sectoral in nature. Results, conclusions and scientific novelty of the study: It is concluded that in the countries of the Romano-Germanic legal group, civil law is codified in most countries. The author divided European countries according to the codification of civil law. It is concluded that the countries in which civil law is not codified represent a separate Eastern European/Balkan group within the Romano-Germanic family, consisting of the following countries: Bulgaria, Slovakia, Estonia, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Slovenia, Croatia and Montenegro.

Keywords: continental law, Romano-Germanic legal group, codification.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В подавляющем большинстве страны Европы принадлежат к романо-германской (континентальной) правовой группе.

Общепризнано, что континентальное право:

– кодификация;

– иерархичность системы источников;

© Матвеева Е.Ю.

– отраслевое деление;

– разграничение частного и публичного права;

– формирование на основе рецепции римского права;

– ограниченная роль судебного прецедента.

А.С. Пиголкин указывает на то, что именно кодификация характеризует формирование романо-германской правовой семьи как целостного явления [14, с. 274]. Аналогичное мнение высказывают О.Д. Житков [2], А.Х. Саидов [3].

Значение кодификации отмечали многие видные отечественные ученые.

Анализ европейских стран, относящихся к романо-германской правовой группе, показывает, что в подавляющем большинстве гражданское право в таких странах кодифицировано.

Вместе с тем, в ряде Европейских стран не утвердилась модель кодификации гражданского права.

Обсуждение.

В разрезе макрогеографических регионов Европы [1] не имеют кодифицированного гражданского законодательства следующих 10 стран, относящиеся к романо-германской правовой группе:

Восточная Европа: Болгария, Словакия.

Северная Европа: Эстония.

Южная Европа: Сан-Марино, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория.

Дадим информацию о правовом регулировании гражданско-правовых отношений в этих странах.

1. Болгария. Место Гражданского кодекса в Болгарии занимает система фундаментальных законов об обязательствах, собственности, наследовании, семье и ряде специальных актов, которые в совокупности образуют гражданское законодательство страны.

2. Словакия. Словакия до сих пор использует Гражданский кодекс 1964 года, многократно изменявшийся, а также Торговый кодекс 1991 года.

3. Эстония. В Эстонии нет единого классического Гражданского кодекса. Частное право страны построено по принципу «пандектной» системы: действуют отдельные кодифицированные законы – о собственности, обязательствах, наследовании, семье, а также так называемый «Общий закон гражданского кодекса» (General Part of the Civil Code Act, GPCCA).

4. Босния и Герцеговина. В Боснии и Герцеговине гражданское право не кодифицировано в едином Гражданском кодексе для всей страны. Регулирование осуществляется отдельными законами и кодексами для каждого из трёх юридических образований: Федерации Боснии и Герцеговины, Республики Сербской и округа Брчко. Действующая система гражданского права исторически сложилась из совокупности австро-венгерского, югославского и локального законодательства.

5. Северная Македония. Гражданско-правовое регулирование в Северной Македонии раздроблено между отдельными законами (об обязательствах, о собственности и других вещных правах, о наследовании, о доверительном управлении и т.д.).

6. Сербия. В Сербии до 1944 года исторически существовал один из первых в Европе Гражданских кодексов (1844). В современной Сербии нет единого Гражданского кодекса: частноправовые отношения регулируются отдельными крупными законами и множеством специальных актов. Основные законы, заменяющие собой гражданский кодекс: Закон о договорах и обязательствах (1978), Закон о вещных правах (1980), Закон о наследовании (1995) и др.

7. Словения. В Словении нет единого Гражданского кодекса – гражданское право регулируется системой отдельных фундаментальных законов, каждый из которых охватывает свою сферу. Это отражает «пандектную» модель разделенной кодификации, типичную и для других стран бывшей Югославии. Ключевые законы, заменяющие гражданский кодекс: Кодекс обязательств (Obligacijski zakonik, OZ), Закон о собственности и иных вещных правах (Stvarnopravni zakonik, SPZ), Закон о наследовании (Zakon o dedovanju) и др.

8. Хорватия. В Хорватии отсутствует единый Гражданский кодекс. Гражданское право регулируется отдельными законами – такими как Закон об обязательствах (Zakon o obveznim odnosima, 2005), Закон о собственности и иных вещных правах, Закон о семейных отношениях, Закон о наследовании и др.

9. Черногория. В современной Черногории гражданское право не кодифицировано и регулируется разрозненными законами – о собственности, обязательствах, наследовании, семье и т.д. Исторически применялся Гражданский кодекс 1888 года (Богишича), который де-юре и де-факто утратил силу в 1946 году и в современной правовой системе актуален только как исторический прецедент.

10. Сан-Марино. В Сан-Марино отсутствует единый современный Гражданский кодекс. Вместо этого гражданско-правовое регулирование осуществляется через комплекс исторических и современных актов, а также посредством обычного права и ius commune. Статуты Сан-Марино 1600 года – это главный и старейший действующий нормативный акт республики, в котором содержатся положения о частных правоотношениях.

© Матвеева Е.Ю.

Переходя к обобщенному анализу в первую очередь выделим из рассмотренных десяти стран Сан-Марино. Статуты 1600 года считаются уникальным примером ранней кодификации, охватывая вопросы, регулируемые обычно гражданским кодексом в других странах.

Признанные учёные, судьи и авторитетные исследователи единогласно отмечают, что в вопросах гражданского права Сан-Марино сохраняет и развивает собственную историческую и традиционную модель, основанную на ius commune, местных статутах и обычаях, а не на классическом гражданском кодексе.

Ius commune – это историческое понятие, обозначающее совокупность основных правовых принципов и норм, применявшихся в большей части континентальной Европы с Высокого Средневековья до Нового времени.

Доктора права, авторы ряда публикаций по истории права Сан-Марино Даниэле Мантуччи и Лука Э. Перриелло указывают: «Сан-Марино остаётся единственным государством Европы, где иус коммуне сохраняет силу закона, … именно историческая память питает современную интерпретацию права Сан-Марино. Иус коммуне, на котором строится гражданское право Сан-Марино, – это не устаревшее законодательство и не модернизированная версия римского права, а система, развивавшаяся на основе традиций, судебных решений и работ ведущих юристов, сохраняя связующую роль с моментом основания республики» [4].

Доктор права, профессор Университета Сан-Марино, автор монографий по сравнительному, гражданскому и доверительному праву Андреа Викари отмечает, что «Сан-Марино – страна континентального права, пожалуй, одна из последних «чистых». Ни один гражданский кодекс не был принят, а иус коммуне до сих пор составляет основу правопорядка ... Если вопрос не урегулирован законом, применяется иус коммуне» [5].

Валерия Пьерфеличи – судья высших судов, автор фундаментального учебника по гражданскому праву Сан-Марино также отмечает уникальность правовой системы Сан-Марино. Она пишет: «В отличие от Италии и большинства европейских государств, гражданское право Сан-Марино строится не на гражданском кодексе, а на принципах иус коммуне, восходящих к римскому праву, каноническим источникам и традициям» [6].

Лаура ди Бона, Доктор права, компаративист, исследовательница итальянской и Сан-Маринской правовых традиций, эксперт по компаративистике утверждает: «Модель» Сан-Марино и «устремлённость в традицию» служат примером преемственности и исторического постоянства; государство не реформирует свою частноправовую основу революционным образом, а сохраняет историческую структуру» [7].

Доктор юридических наук, исследователь и преподаватель истории права и правовых традиций малых государств Европы Стефано Риги (Stefano Righi) полагает, что «Именно отсутствие кодификации гражданского права делает систему Сан-Марино способной эффективно адаптироваться, избегая избыточного регулирования и сохраняя юридическую преемственность» [8].

Таким образом, можно констатировать, что согласно обзорам экспертного и академического сообщества, системной инициативы или массовой научной дискуссии о необходимости рекодификации (создании полноценного Гражданского кодекса) в Сан-Марино не ведётся. Сан-Марино продолжает опираться на исторические источники, считая возможным сохранять пластичность частного права за счёт гибкости ius commune и традиций. В академической литературе преобладает позиция, что отсутствие единого гражданского кодекса – не столько недостаток, сколько элемент правовой идентичности Сан-Марино.

Далее рассмотрим оставшиеся 9 европейских государств, которые отличаются от иных стран романо-германской правовой семьи отсутствием кодификации гражданского законодательства. Это: Болгария, Словакия, Эстония, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Словения, Хорватия и Черногория.

В науке присутствует мнение об объединении этих стран в рамках Романо-германской правовой семьи в отдельную Восточноевропейскую и балканскую группу стран по признаку отсутствия единого гражданского кодекса.

Так Доктор юридических наук, профессор права в Варшавском университете, специалист по римскому, сравнительному и восточноевропейскому частному праву Профессор Томаш Гьяро (Tomasz Giaro) в своих многочисленных научных публикациях выделяет специфическую группу стран Восточной и Юго-Восточной Европы (включая Балканы), для которых характерно отсутствие единого, классического гражданского кодекса западноевропейского образца. Он пишет: «Восточно- и Юго-Восточная Европа отличаются проявившейся в XX веке фрагментацией гражданского законодательства: вместо единого кодифицированного гражданского кодекса... частное право регулируется системой отдельных законов» [9].

Профессора права, специалисты по частному праву и компаративистике Мария Амповска и Ристо Илиоски в специализируемых сопоставительных обзорах отдельно подчёркивают специфику стран Западных Балкан (Сербия, Черногория, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Болгария и др.), где вместо классического гражданского кодекса действуют фрагментарные акты: законы об обязательствах, о собственности, о наследовании, семейные законы и т.д. [10].

Профессор права, компаративист Эдгар Вереш (Edgar Veress) в своих сравнительно-правовых и

© Матвеева Е.Ю.

историко-правовых исследованиях указывает, что широкая группа стран Восточной и Юго-Восточной Европы (Балканы, бывшая Югославия, Албания, Македонии и др.) выделяется отсутствием «универсального» гражданского кодекса, тогда как в Западной Европе такое кодификационное устройство стало стандартом ещё в XIX веке [11].

Российская научная доктрина также выделяет группу стран в составе континентальной правовой семьи по признаку отсутствия единого гражданского кодекса. Известный Российский компаративист В.И. Лафитский пишет: «Хотя в славянском праве были восприняты многие правовые конструкции романо-германского и общего права, оно и сейчас сохраняет свою уникальность. Так, в правовых системах Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии не утвердились модели кодификации частного права» [12].

Профессор Е.А. Суханов отмечает: «Своеобразная законодательная ситуация сложилась в правопорядках балканских государств, гражданское законодательство которых традиционно остается некодифицированным» [13], а также справедливо указывает на то, что такая ситуация «в настоящее время никак не может считаться «современным европейским стандартом» для каких-либо национальных правопорядков» [13].

Заключение.

Проведенное исследование показало, что гражданское право в зарубежных европейский странах, правовые системы которых относятся к романо-германской правовой семье, в основной своей массе является кодифицированным. Особым случаем является правовая система государства Сан-Марино, которое сохраняет и развивает собственную историческую и традиционную модель, основанную на ius commune. В академической литературе преобладает позиция, что отсутствие единого гражданского кодекса – не столько недостаток, сколько элемент правовой идентичности Сан-Марино.

В девяти странах (Болгария, Словакия, Эстония, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Словения, Хорватия и Черногория) в настоящий момент гражданское право не кодифицировано. В этих странах право традиционно развивалось под эгидой дуализма гражданского и торгового права и в настоящее время частноправовые отношения регулируются не единым гражданским кодексом, а комплексом отдельных законов: о договорах, об обязательствах, о собственности, наследовании и т.д.

В науке присутствует мнение о выделении этих стран в рамках романо-германской правовой семьи в отдельную Восточноевропейскую и балканскую группу стран по признаку отсутствия единого гражданского кодекса.

Вместе с тем, представляется, что такое выделение будет носить временный характер, поскольку в большинстве из указанных десяти стран обсуждается целесообразность рекодификации гражданского права.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Постановление Госстандарта России от 14.12.2001 № 529-ст (ред. от 05.06.2024) «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора стран мира».
2. Жидков О.Л. История буржуазного права. М., 1971. С. 50–57.
3. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение : академический учебник. М. : Норма: ИНФРА-М, 2024 С. 181. URL : https://znanium.ru/read?id=440596&page=181 (дата обращения 16.06.2025).
4. Mantucci D. The Trust Experience in San Marino Between Ius Commune and International Models / D. Mantucci, L.E. Perriello // The Italian Law Journal. 2021. Vol. 7. № 1. P. 117–136. URL : https://theitalianlawjournal.it/data/uploads/7-italj-1-2021/117%20MANTUCCI%20PERRIELLO.pdf (date of application 16.06.2025).
5. Vicari A. San Marino // San Marino by Andrea Vicari. URL : http://uniset.ca/microstates2/sm_Vicari.pdf (date of application 16.06.2025).
6. Pierfelici V. Lineamenti di diritto civile sammarinese. San Marino : Istituto Giuridico Sammarinese, 2023. 343 p. URL : https://www.unirsm.sm/en/istituto-giuridico-sammarinese/pubblicazione/lineamenti-di-diritto-civile-sammarinese (date of application 16.06.2025).
7. Di Bona L. Il «modello» sammarinese e le fughe in avanti della tradizione // Law Journal of St. Petersburg State University. 2018. № 4. P. 97–115. URL : https://lawjournal.spbu.ru/article/view/2657 (date of application 16.06.2025).
8. Righi S. Правовая эволюция и идентичность Сан-Марино // Rivista di Storia del Diritto Italiano. 2022. № 1. P. 87–99.

© Матвеева Е.Ю.

9. Giaro T. Legal tradition of Eastern Europe. Its rise and demise // Comparative Law Review. 2011. Vol. 2. P. 01–3412.
10. Ampovska M. Civil Law Codification Process in the Republic of North Macedonia / M. Ampovska, R. Ilioski // Law and World. 2024. № 1. P. 23–353.
11. Veress E. Private Law Codifications in East Central Europe // In: Lectures on East Central European Legal History. Miskolc : CEAP, 2022. P. 167–2054.
12. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 1: Правовые системы Восточной Европы / Под ред. В.И. Лафитского. М. : Контракт: ИЗиСП, 2012. С. 187. URL : https://znanium.ru/read?id=42372&page=187 (дата обращения 13.06.2025).
13. Суханов Е.А. Восточноевропейские кодификации гражданского и торгового права. М. : Издательство: ООО «Издат. дом В. Ема». 2012. С. 199–229.
14. Общая теория права. Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное / Под общей редакцией А.С. Пиголкина. М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. 384 с.

References:

1. Resolution of the State Standard of Russia dated 12/14/2001 № 529-st (as amended on 06/05/2024) «On the adoption and implementation of the All-Russian Classifier of Countries of the World».
2. Zhidkov O.L. History of bourgeois law. M., 1971. P. 50–57.
3. Saidov A.H. Comparative jurisprudence : an academic textbook.M. : Norma: INFRA-M, 2024. P. 181. URL : https://znanium.ru/read?id=440596&page=181 (date of application 06/16/2025).
4. Mantucci D. The Trust Experience in San Marino Between Ius Commune and International Models / D. Mantucci, L.E. Perriello // The Italian Law Journal. 2021. Vol. 7. № 1. P. 117–136. URL : https://theitalianlawjournal.it/data/uploads/7-italj-1-2021/117%20MANTUCCI%20PERRIELLO.pdf (date of application 16.06.2025).
5. Vicari A. San Marino // San Marino by Andrea Vicari. URL : http://uniset.ca/microstates2/sm_Vicari.pdf (date of application 16.06.2025).
6. Pierfelici V. Lineamenti di diritto civile sammarinese. San Marino : Istituto Giuridico Sammarinese, 2023. 343 p. URL : https://www.unirsm.sm/en/istituto-giuridico-sammarinese/pubblicazione/lineamenti-di-diritto-civile-sammarinese (date of application 16.06.2025).
7. Di Bona L. Il «modello» sammarinese e le fughe in avanti della tradizione // Law Journal of St. Petersburg State University. 2018. № 4. P. 97–115. URL : https://lawjournal.spbu.ru/article/view/2657 (date of application 16.06.2025).
8. Righi S. Правовая эволюция и идентичность Сан-Марино // Rivista di Storia del Diritto Italiano. 2022. № 1. P. 87–99.
9. Giaro T. Legal tradition of Eastern Europe. Its rise and demise // Comparative Law Review. 2011. Vol. 2. P. 01–3412.
10. Ampovska M. Civil Law Codification Process in the Republic of North Macedonia / M. Ampovska, R. Ilioski // Law and World. 2024. № 1. P. 23–353.
11. Veress E. Private Law Codifications in East Central Europe // In: Lectures on East Central European Legal History. Miskolc : CEAP, 2022. P. 167–2054.
12. Comparative Jurisprudence: national legal systems. Vol. 1. Legal systems of Eastern Europe / Edited by V.I. Lafitsky. M. : Kontrakt: IZiSP, 2012. P. 187. URL : https://znanium.ru/read?id=42372&page=187 (date of application 06/13/2025).
13. Sukhanov E.A. Eastern European codifications of civil and commercial law. M. : Publisher: OOO «Publishing House of V. Ema». 2012. P. 199–229.
14. General Theory of Law. Textbook. 2nd edition, revised and expanded / Edited by A.S. Pigolkin. M. : Bauman Moscow State Technical University, 1998. 384 p.

Информация об авторе

Матвеева Елена Юрьевна
доктор юридических наук,
доцент,
доцент юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве РФ
ORCID: 0000-0003-4166-8659
eyumatveeva@fa.ru

Elena Yu. Matveeva
Doctor of Law,
Associate Professor,
Associate Professor of the Faculty of Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4166-8659
eyumatveeva@fa.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Матвеева Е.Ю.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-32
УДК 343.114

Attribution
cc by

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ЛОЖНЫЕ ПОКАЗАНИЯ»

Милица А.В.[1], Лозовский Д.Н.[2]
[1]Кубанский государственный университет,
[2]Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Статья посвящена анализу термина «ложные показания». Авторами рассмотрена характеристика лжи в философском, психологическом и криминалистическом аспектах. Исследованы мнения отдельных ученых по содержанию данного термина, рассмотрена его классификация, выявлены причины ложных показаний. Как полагают авторы. неосознанная ложь не может признаваться ложью, потому что важно учитывать именно умысел на искажение сообщаемых лицом сведений. Рассмотрены многочисленные разновидности лжи и ее причины, выделены причины лжи несовершеннолетних, которые связаны с особой эмоциональной оценкой произошедшего, умственными способностями, взаимоотношениями с окружающими, нахождением по влиянием группы сверстников. По итогам проведенного исследования дано уточненное понятие «ложные показания», предложены отдельные рекомендации по повышению эффективности производства допроса на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: допрос, тактика допроса, ложные показания, причины ложных показаний, разоблачение лжи, диагностика лжи, тактические приемы.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF «FALSE TESTIMONY»

Anna V. Militza[1], Denis N. Lozovsky[2]
[1]Kuban State University,
[2]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the term «false testimony». The authors consider the characteristics of lies in philosophical, psychological, and criminalistic aspects. The opinions of individual scientists on the content of this term are investigated, its classification is considered, and the reasons for false testimony are identified. An unconscious lie cannot be recognized as a lie, it is important to take into account the intent to distort the information provided by the person. Numerous types of lies and their causes are considered, the reasons for the lies of minors are identified, which are associated with a special emotional assessment of what happened, mental abilities, relationships with others, being influenced by a peer group. Based on the results of the study, the concept of false testimony was clarified, and separate recommendations were proposed to improve the efficiency of interrogation at the preliminary investigation stage.

Keywords: interrogation, interrogation tactics, false testimony, reasons for false testimony, exposure of lies, diagnosis of lies, tactical techniques.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Явление лжи сопровождает человечество на протяжении всего его существования и является объектом изучения многих наук, в числе которых философия, психология, логика.

С этимологической точки зрения, ложь понимается довольно просто – как «неправда, намеренное искажение истины; обман; выдумка, вымысел»; то есть, путем перечня синонимов [1].

Обратимся к философскому словарю, где определение понятия «ложь» звучит как «искаженное отражение действительности, такое познавательное содержание, которое не соответствует объективной природе вещей» [2]. Представляется, что такое определение может быть положено в основу понятия «ложь» в других отраслях знаний.

Обсуждение.

Переходя к психологической составляющей феномена лжи, следует упомянуть определение

© Милица А.В., Лозовский Д.Н.

лжи, сформулированное американским психологом, основоположником теории распознавания лжи Полом Экманом, согласно которому ложь является «действием человека, умышленно вводящего в заблуждение другого, без предварительного осведомления о своих целях и выраженной просьбы не раскрывать правды со стороны жертвы» [3]. При этом автором выделяются формы лжи, а именно умолчание, при которой не сообщается ложная информация, а лишь утаивается заведомо истинная информация. Во второй форме лжи, именуемой фальсификацией, лицом сообщается заведомо ложная информация, которая выдается лицом за правду. Указанные формы могут сочетаться и присутствовать одновременно [3]. Итогом лжи, как поясняет автор, является обман другого лица.

Известный психолог и философ Вильям Льюис Штерн, изучая феномен лжи, отмечал, что ложь формируется на сознательном уровне и для достижения своей конкретной цели использует обман. Интересны выводы автора в части свидетельских показаний, при которых ложь может проявиться неосознанно, такой феномен именуется автором как «обман воспоминаний». Автор полагает, что любые показания не могут быть изначально достоверны, поскольку человек при ответе на поставленный ему вопрос неосознанно заполняет все свои пробелы в знаниях другой информацией, которая не соответствует действительности; то есть, ложь в данном случае, выступает как способ дополнения реальных событий, о которых лицо повествует [4]. Правдивая информация будет сообщена лицом при свободном повествовании. Можно выделить из данного утверждения ученого, что ложь автором разделяется на осознанную и неосознанную ложь. На наш взгляд, неосознанная ложь не может признаваться ложью, важно учитывать именно умысел на искажение сообщаемых лицом сведений.

Аналогичную позицию мы обнаруживаем в научных трудах французского психолога Ж. Дюпра, который определял ложь как «психосоциологический словесный акт внушения, при помощи которого стараются, в той или иной степени умышленно посеять в уме другого какое-либо положительное или отрицательное верование, которое сам внушающий считает противным истине» [5].

Среди отечественных исследователей следует отметить Ю.Ю. Малышеву, которая обозначает ложь как «преднамеренное искажение истины с целью ввести другое лицо в заблуждение, совершаемое безотносительно к будущему поведению потерпевшего – жертвы лжи» [6]. Как мы видим, в данном определении автор выделяет жертву, на которую направлена ложь, а также указание на намеренное целенаправленное искажение истины.

В числе причин лжи в психологии выделяются:

– сокрытие истинной причины той или иной эмоции;

– сообщение правды в виде обмана;

– желание произвести хорошее впечатление, избежать наказание и осуждения [7].

Следует отметить, что указанные причины носят максимально общий сжатый характер, поскольку привести исчерпывающий перечень причин лжи не представляется возможным ввиду многогранности человеческого мышления и психики.

Интересно, в этой связи, исследование К.В. Першиной, которая выделяет причины детской лжи [8]. В контексте рассматриваемой темы научного исследования, следует обратить на это особое внимание, так как, на наш взгляд, в причинах лжи несовершеннолетних кроется решение вопроса дальнейшей диагностики и разоблачения ее в рамках предварительного расследования.

1. Одной из самых распространенных причин лжи несовершеннолетних является страх наказания за содеянное ими перед родителями и перед должностными лицами, осуществляющими расследование.

2. Другой причиной лжи среди несовершеннолетних является их стремление пользоваться запрещенным ему удовольствием.

3. Отражение поведения своих родителей, уличенных во лжи.

4. Развитие формального мышления и следующее за ним переосмысление картины мира.

5. Чувство стыда.

6. Излишняя эмоциональность и импульсивность, которые не позволяют здраво обдумать ситуацию.

7. Подверженность мнению сверстников.

8. Влияние группы, в которой состоит несовершеннолетний, занимающейся противоправными действиями.

9. Употребление алкоголя ил наркотиков, которые изменяют сознание несовершеннолетнего, в связи с чем он с легкостью говорит неправду, лишаясь полностью чувства ответственности.

10. Погруженность в свои эмоции и неумение справляться со стрессом, когда подросток не предпринимает никаких действий, чтобы разрешить возникшие проблемы, а манипулирует окружающими, пытаясь вызвать сочувствие и вовлечь в свою судьбу, для чего прибегает ко лжи.

11. Низкий интеллект. Психологами делается вывод о том, что в подростковом возрасте ко лжи прибегают несовершеннолетние с более низким интеллектом.

12. Желание купить любовь сверстников, для этого несовершеннолетний совершает противо-

© Милица А.В., Лозовский Д.Н.

правные действия и в дальнейшем прибегает к ложным показаниям.

13. Сексуальный опыт, который является очень интимной темой, в этой связи несовершеннолетний не будет повествовать об этом родителям, а тем более следователю.

Таким образом, несовершеннолетний оберегает свой внутренний мир от постороннего вмешательства [8].

Указанные причины демонстрируют, какое великое множество факторов влияют на формирование лжи допрашиваемого. Они связаны с его эмоциональной оценкой произошедшего, умственными способностями, взаимоотношениями с окружающими, нахождением по влиянием группы сверстников. Так, Зубарева и Ковалева признаны виновными в совершении группой лиц по предварительному сговору покушения на убийство Б. с особой жестокостью и кражи чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину; подсудимая Ковалева, являлась на момент совершения преступления несовершеннолетней [9].

Перейдем к рассмотрению видов лжи. Так, например, В.В. Знаковым, которым выделяется два типа лжи. Критерием для данной классификации служит цель лжи, а именно:

Откровенная ложь, которая зачастую озвучивается без причины и без цели. При таком типе лжи человек озвучил ее, понял, что солгал, но исправить это и признаться уже не может.

Эгоцентрическая ложь реализуется в целях получения личной выгоды лицом, к примеру, для того, чтобы получить доступ к денежным средствам или для того, чтобы войти в доверие к жертве. Для человека при рассматриваемом виде лжи не имеют значения последствия ее сообщения.

Добродетельная или же альтруистическая ложь направлена исключительно на благо в понимании лица, сообщающего неправду, и не приносит личной выгоды ему самому [10].

И.П. Шкуратова, наряду с выше представленными разновидностями, выделяет следующие виды лжи:

– сокрытие, при котором происходит замалчивание о любых своих действиях, которые могут н носить аморальный или противоправный характер;

– заблуждение, при котором лицо понимает, что говорит неправду, но считает, что таким образом оно приносит пользу;

– ложь-фантазия с целью приукрасить свое повествование;

– ложь-оправдание, при которой лицо оправдывает свой поступок или поступок близкого человека;

– ложь – наговор, особенно просматривается в распространении сплетен о лице;

– аморальная ложь при которые неправдивые сведения сообщаются для реализации своих преступных целей [11].

Указанная классификация основывается на причинах, побудивших лицо ко лжи.

В научной среде можно встретить огромное количество различных классификаций видов лжи, но нам представляется необходимым обратить внимание на наиболее оформленные и изученные виды лжи, к числу которых относят активную и пассивную ложь. В первой случае лицо намеренно искажает сообщаемые им сведения; в случае пассивной лжи лицо утаивает правдивую информацию, не искажая сообщаемые сведения [12].

Также хотелось бы обратить внимание на такой вид лжи, которая выделяется в числе иных ее разновидностей, как болезненная или патологическая ложь. При рассматриваемом виде лжи человек не руководствуется какими-либо мотивами ее сообщения; то есть, не извлекает из нее ни пользы, ни вреда для кого-либо. Такой вид лжи относится к проявлению психического расстройства личности в виде пограничного расстройства личности, нарциссического расстройства личности, асоциального расстройства личности. Важно сказать, что такое состояние не является признанным отклонением в психике индивида.

Ложь неразрывна с человеческой деятельностью, в связи с чем, она может проявляться в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Не исключением является, и правовая сфера жизни человека, а именно – сфера предварительного расследования, в которой ложь проявляется в виде ложных показаний. Ложь, в рамках предварительного расследования, приобретает особую негативную окраску, поскольку характеризуется общественной опасностью.

В научной среде практически не встречается определений понятия «ложные показания», за редким исключением. Так, по мнению О.М. Ушакова, ложные показания представляют собой «сведения, которые сообщаются на допросе с осознанием того, что они явно не соответствуют истине» [13]. Можно заметить, что автор в такой трактовке исходит из закрепления ложных показаний, обозначенного в ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, что не вполне соответствует правовой сущности ложных показаний.

С позиции криминалистики, которая представляет для нас первоочередный интерес, ложные показания следует определять более детально.

Так, по мнению И.М. Литвинова, М.Ю. Рыбинцева и К.Е. Шимановской, «ложные показания – это любая не соответствующая реальности инфор-

© Милица А.В., Лозовский Д.Н.

мация, сообщённая с умыслом или неумышленно, а также умалчивание о событиях, имеющие особое значение для разрешения дела по существу» [14]. Следует заметить, что авторы выделяют умышленную и неумышленную ложь, главная характеристика ложных показаний выражается, по их мнению, в их несоответствии действительности.

Другие авторы, такие как Е.Е. Центров и К.В. Подвойский рассматривают ложные показания с позиции поведенческого акта индуктора (лица, воспроизводящего ложь), который сообщает неправдивые показания, которые воспринимаются им как неистинные с определенной целью – введения лица, воспринимающего ложные показания в заблуждение [15]. Такой подход представляется нам более приемлемым, поскольку он позволит разграничивать две смежных ситуации – когда лицо, дающее показания лжет и добросовестно заблуждается.

Выделяют две основных формы ложных показаний:

1. Пассивную ложь, которая выражается в непредоставлении заведомо известной информации, значимой для уголовного дела. При такой форме лжи участник по делу осознанно не оглашает невыгодные для него факты. Важно учитывать, что не будет считаться ложью сокрытие обстоятельств дела, о которых следователь или дознаватель не интересовались у лица. Тот факт, что ложь реализуется в пассивной форме не исключает необходимости разоблачения такого вида лжи, поскольку в ином случае лицо может уйти от уголовной ответственности или получить меньшее наказание [14].

2. Активная форму лжи, при которой лицо осознанно искажает информацию, выдумывает ее с целью введения в заблуждение лица, производящего расследование. Указанная разновидность лжи наиболее сложна в реализации, поскольку, если при пассивной лжи лицо просто умалчивает сведения, то в данном случае лицу необходимо придумать такие обстоятельства, которые бы соответствовали остальным фактическим данным по делу и выглядели бы правдоподобно в глазах следователя. Указанный вид ложных показаний также разделяется по объему ложной информации: на частично ложные и полностью ложные показания.

Также отдельной разновидностью ложных показаний является оговор; то есть, заведомое ложное показание одного обвиняемого в отношении иного обвиняемого о совершении им одного или нескольких преступлений. Разновидностью оговора является самооговор, при котором лицо мнимо считает себя виновным в совершении преступления и сообщает об этом следователю [16].

Помимо этого, можно выделить ложные показания, правдоподобность которых обеспечена действиями преступника до момента допроса в качестве подозреваемого. Лицо формирует показания задолго до допроса, подкрепляя их доступными ему способами, а именно путем создания алиби, то есть нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в ином месте. Ложное алиби создается различными способами, к примеру, преступник может договориться с родственниками, друзьями и знакомыми о ложных обстоятельствах его нахождения в момент совершения преступления в другом месте. Также рассматриваемый вид ложных показаний, правдоподобность которых обеспечивается заранее, достигается посредством маскировки; то есть, действий, которые преследуют цель изменять представление о способе совершенного преступления, личности виновного, носителях информации. К примеру, лицо может уничтожить оружие совершения преступления, изменением своего внешнего вида. Инсценировка является третьим способом заранее подготовленных ложных показаний и выражается в создании искусственной обстановки, которая не соответствует реальной обстановке совершения преступления [17].

Результаты.

Таким образом, нами была рассмотрена характеристика лжи в философском и психологическом аспектах. Сделан вывод о том, что это многогранное явление, которое следует понимать, как умышленное искажение истины. Отмечено, что неосознанная ложь не может признаваться ложью, важно учитывать именно умысел на искажение сообщаемых лицом сведений.

Рассмотрены многочисленные разновидности лжи и ее причины, выделены причины лжи несовершеннолетних, которые связаны с особой эмоциональной оценкой произошедшего, умственными способностями, взаимоотношениями с окружающими, нахождением по влиянием группы сверстников.

Установлено, что ложь в рамках предварительного расследования приобретает особую негативную окраску, поскольку характеризуется общественной опасностью и входит в основу ложных показаний.

Заключение.

На основе анализа различных научных позиций, следует обозначить понятие ложных показаний, а именно: это поведенческий акт допрашиваемого, который сообщает недостоверные показания, которые воспринимаются им как ложные с определенной целью – введения лица, воспринимающего ложные показания в заблуждение. Такой подход представляется нам более приемлемым, поскольку он позволит разграничивать две смежных ситуации – когда лицо, дающее показания лжет и добросовестно заблуждается.

В научной среде можно встретить большое количество различных классификаций видов ложных показаний, в рамках наиболее распростра-

© Милица А.В., Лозовский Д.Н.

ненной выделяют активную и пассивную ложь. В первой случае лицо намеренно искажает сообщаемые им сведения, в случае пассивной лжи лицо утаивает правдивую информацию, не искажая сообщаемые сведения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Толковый новейший словарь русского языка. URL : https://gufo.me (дата обращения 23.05.2025).
2. Философский словарь. Изд. 8-е, дораб. и доп. / Под ред. И.Т. Фролова, П.П. Апрышко, Ю.Н. Солодухин. М. : Респ. : Современник, 2009.
3. Экман П. Психология Лжи. 4-е изд. / П. Экман; Пер. с англ. СПб. : Питер, 2010.
4. Штерн В. Изучение свидетельских показаний // Проблема психологии. Ложь и свидетельские показания. 1922. Вып. 1.
5. Дюпра Ж. Ложь. М. : СГУ, 2008. С. 10.
6. Малышева Ю.Ю. О Преступлениях, совершаемых путем обмана и лжи, по уголовному кодексу России // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11(167).
7. Забытова Л.М. Представление о феномене лжи в психологии / Л.М. Забытова, Д.А. Фокин, А.А. Земскова // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: Материалы IV Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Комсомольск-на-Амуре : Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2021.
8. Першина К.В. Причины и психология детской лжи // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 1–4 (59).
9. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 марта 2006 г. № 44-О06-9 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL : https://vsrf.ru (дата обращения 27.05.2025).
10. Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 2017. № 2.
11. Шкуратова И.П. Виды лжи // Проблемы социальной психологии личности. URL : https://irshkuratova.ru/researches.html (дата обращения 25.05.2025).
12. Романова Н.М. Ложь и невербальное поведение / Н.М. Романова, М.А. Самохина // Проблемы региональной психологии: теория, практика, эксперимент. Саратов, 2018.
13. Ушаков О.М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004.
14. Литвинов И.М. Понятие и классификация ложных показаний при допросе подозреваемого / И.М. Литвинов, М.Ю. Рыбинцев, К.Е. Шимановская // Успехи в химии и химической технологии. 2017. № 7(188).
15. Центров Е.Е. Криминалистическая диагностика лжи: теоретические основы // Вестник Московского университета. 2016. № 4. С. 64.
16. Федорова Э.С. Ложные показания и меры по их разоблачению / Э.С. Федорова, В.А. Перец // Общественно-политический журнал «Знать». 2008. № 11.
17. Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник. М. : Норма: ИНФРА-М, 2022.

References:

1. Explanatory newest dictionary of the Russian language // https://gufo.me (date of application 05/23/2025).
2. Philosophical Dictionary. 8th Ed., dorab. And additional / Edited by I.T. Frolov, P.P. Apryshko, Yu.N. Solodukhin. M. : Rep. : Sovremennik, 2009.
3. Ekman P. Psychology of Lies. 4th ed. / P. Ekman; Translated from English. SPb. : Peter, 2010.
4. Stern V. The study of witness testimony// the problem of psychology. Lies and witness statements. 1922. Iss. 1.
5. Duprat J. The lie. M. : SSU, 2008. P. 10.
6. Malysheva Yu.Y. On Crimes committed by deception and lies under the Criminal Code of Russia // Law and the State: theory and practice. 2019. № 11(167).
7. Zabytova L.M. The concept of the phenomenon of lying in psychology / L.M. Zabytova, D.A. Fokin, A.A. Zemskova // Youth and science: actual problems of fundamental and applied research: Proceedings of the IV All-Russian National Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, Komsomolsk-on-Amur : Komsomolsk-on-Amur State University, 2021.

© Милица А.В., Лозовский Д.Н.

8. Pershina K.V. The causes and psychology of children's lies // Eurasian Scientific Association. 2020. № 1–4 (59).
9. Cassation ruling of the IC on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 10, 2006 № 44-O06-9 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL : https://vsrf.ru (date of application 05/27/2025).
10. Signs V.V. Untruth, lies and deception as problems of psychology of understanding // Questions of psychology. 2017. № 2.
11. Shkuratova I.P. Types of lies // Problems of social psychology of personality. URL : https://irshkuratova.ru/researches.html (date of application 05/25/2025).
12. Romanova N.M. Samokhina M.A. Lies and non-verbal behavior // Problems of regional psychology: theory, practice, experiment. Saratov, 2018.
13. Ushakov O.M. Theoretical and practical problems of interrogation tactics of a person prone to giving false testimony : dis. ... cand. jurid. sciences'. Vladivostok, 2004.
14. Litvinov I.M. The concept and classification of false testimony during interrogation of a suspect / I.M. Litvinov, M.Yu. Rybintsev, K.E. Shimanovskaya // Advances in chemistry and chemical technology. 2017. № 7(188).
15. Centers E.E. Criminalistic diagnostics of lies: theoretical foundations // Bulletin of the Moscow University. 2016. № 4. P. 64.
16. Fedorova E.S. False testimony and measures to expose them / E.S. Fedorova, V.A. Peretz // Socio-political journal «Znanie». 2008. № 11.
17. Rossinskaya E.R. Criminalistics : textbook. M. : Norma : INFRA-M, 2022.

Информация об авторах

Милица Анна Валерьевна
аспирантка кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
militsa777@bk.ru

Лозовский Денис Николаевич
доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mail.ru

Anna V. Militsa
Postgraduate Student of the Department
of Criminology and Legal Informatics,
Kuban State University
militsa777@bk.ru

Denis N. Lozovsky
Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Милица А.В., Лозовский Д.Н.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-31
УДК 343

Attribution
cc by

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБВИНЕНИЮ

Наседкин Ю.В.
Кубанский государственный университет

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию ситуативного подхода в преодолении противодействия государственному обвинению. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности работы правоохранительных органов и улучшения качества уголовного судопроизводства в целом. Цель статьи заключается в разработке рекомендаций для правоохранительных органов по использованию ситуативного подхода для эффективного преодоления противодействия государственному обвинению. В рамках статьи будут проанализированы основные моменты, касающиеся использования данного подхода на практике. Ситуативный подход предлагает рассматривать каждую уголовную ситуацию в совокупности различных факторов, таких как социальные, культурные, юридические и психологические аспекты. Это позволит более глубоко понять причины противодействия обвинению и предложить методы, которые могут способствовать его преодолению.

Ключевые слова: ситуационный подход, криминалистика, государственное обвинение, прокурор, противодействие обвинению, судебный процесс.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SITUATIONAL APPROACH IN OVERCOMING OPPOSITION TO STATE PROSECUTION

Yuriy V. Nasedkin
Kuban State University

Abstract. This article is devoted to the study of the situational approach in the context of criminal proceedings, namely, how it can help in overcoming opposition to state prosecution. The relevance of the study is due to the need to increase the efficiency of law enforcement agencies and improve the quality of criminal proceedings in general. The purpose of the article is to develop recommendations for law enforcement agencies on using a situational approach to effectively overcome opposition to state prosecution. The article will analyze the main points regarding the use of this approach in practice. The situational approach suggests considering each criminal situation in a combination of various factors, such as social, cultural, legal and psychological aspects. This will allow for a deeper understanding of the reasons for opposing the accusation and suggest methods that can help overcome it.

Keywords: situational approach, criminology, public prosecution, prosecutor, counteraction to the prosecution, and trial.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Современное уголовное судопроизводство сталкивается с множеством вызовов, среди которых особое место занимает проблема противодействия государственному обвинению. Это явление, проявляющееся в различных формах, от уклонения от дачи показаний до манипуляций с доказательствами, существенно затрудняет процесс правосудия и снижает его эффективность. В условиях, когда правовая система должна обеспечивать защиту прав граждан и поддерживать общественный порядок, противодействие обвинению становится серьезным препятствием на пути к справедливому и беспристрастному судебному разбирательству. В связи с этим, актуальность исследования ситуационного подхода в преодолении данного противодействия не вызывает сомнений.

В работе будут предложены практические рекомендации для улучшения взаимодействия сторон в судебном процессе. Эти рекомендации будут основаны на результатах анализа теоре-

© Наседкин Ю.В.

тических основ и практического применения ситуативного подхода, а также на выявленных проблемах противодействия государственному обвинению. Важно, чтобы предложенные методы были не только теоретически обоснованными, но и практически применимыми, что позволит повысить эффективность уголовного судопроизводства в целом.

Наконец, в заключительной части работы будут обозначены перспективы дальнейших исследований в области ситуативного подхода и его применения в уголовном процессе. Это позволит не только углубить понимание рассматриваемой проблемы, но и внести вклад в развитие теории и практики уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению правопорядка и защите прав граждан.

Таким образом, данное исследование направлено на комплексный анализ ситуативного подхода в контексте преодоления противодействия государственному обвинению, что делает его актуальным и значимым для дальнейшего развития уголовного процесса и правовой системы в целом.

Обсуждение.

Ситуационный подход находит свое обоснование в необходимости учитывать разнообразные аспекты и обстоятельства, возникающие в каждом отдельном деле. Применение данного подхода предполагает особое внимание к индивидуализации правоприменения, что способствует более справедливому и взаимосвязанному процессу. Это ожидание требует от правоохранительных органов большего внимания к специфике каждого случая, что позволяет принимать более обоснованные решения [1].

При исследовании нами были выделены основные компоненты ситуативного подхода:

Анализ ситуации. Правоохранительные органы должны не только фиксировать факты, но и учитывать контекст, в котором они происходят. Социально-экономические условия, психологические факторы и личные обстоятельства обвиняемого могут существенно влиять на его поведение и оценку его действий.

Гибкость в применении правовых норм. Методы правоприменения должны адаптироваться в зависимости от обстоятельств дела. Это улучшает адаптивность системы уголовного правосудия и позволяет создавать более эффективные механизмы воздействия на правонарушителей [2].

Многоаспектность. Необходимо учитывать правовые, социокультурные и психологические аспекты для более полного анализа ситуации и рациональной оценки поведения обвиняемых [3].

Кроме того, важно отметить, что применение ситуативного подхода не освобождает от необходимости следовать принципам законности и справедливости. Каждый шаг правоохранительных органов должен быть тщательно обоснован и соответствовать действующему законодательству. Нужен баланс между индивидуализацией подхода и соблюдением правовых норм, что станет залогом качества принятия решений и защиты прав обвиняемых.

Поэтому применение ситуативного подхода требует переосмысления традиционных методов правоприменения, изменения мышления правоохранительных органов и обновления учебных программ для юристов, следователей и других специалистов в области уголовного правопорядка. Это позволит повысить эффективность борьбы с преступностью и сделать уголовное преследование более человечным и индивидуализированным.

Проблемы противодействия государственному обвинению представляют собой сложный и многоуровневый вопрос, который требует глубокого анализа как со стороны теории, так и практики уголовного процесса. Важно учитывать, что противодействие обвинению может принимать разнообразные формы, от ограничений в доступе к доказательствам до тактических маневров со стороны защиты, способных запутать дело в суде.

В контексте противодействия обвинению важно отметить и особенности тактики государственного обвинения. Прокуроры, сталкиваясь с оборонительными стратегиями защиты, должны быть готовы не только к столкновениям в судебном зале, но и к изменению своей тактики в зависимости от ситуации. Например, в условиях, когда защита применяет психологические методы для манипуляции общественным мнением или судом, прокуроры могут выступать с контраргументами, основанными на фактических и правовых основах, чтобы опровергнуть информацию, потенциально несущую вред их делу [9].

Эффективные методы преодоления противодействия также должны учитывать психолого-психические аспекты. Ведь общественное восприятие дела может стать решающим фактором, влияющим на решение суда. Точечные коммуникации и искусство аргументации могут оказать значительное влияние на исход судебного разбирательства [10].

Анализ законодательства может выявить недостатки в нормативно-правовых актах, регулирующих процессуальные действия сторон. К примеру, отсутствие четких правил о том, как должны быть предоставлены доказательства и какая нагрузка лежит на стороне защиты для опровержения обвинения, может создавать угрозы для справедливости судебного разбирательства. Современные реалии показывают, что прозрачность и предсказуемость правил становления доказательств является критически важной для поддержания справедливости процесса и минимизации конфликтов между сторонами.

© Наседкин Ю.В.

Кроме того, требуется учитывать не только юридическую, но и социальную природу противодействия обвинению. Например, общественные стереотипы и нормы могут сформировать предвзятое отношение к обвиняемому ещё до начала судебного разбирательства. Это приводит к тому, что даже при наличии значительных доказательств, защита может успеть создать сомнения в сознании судей и жюри присяжных. Таким образом, важно понимать, что эффективное преодоление противодействия государственному обвинению требует комплексного подхода, который объединяет правовые, социальные и психологические элементы.

Результаты.

В практике преодоления противодействия государственному обвинению выделяются две основные группы методов: средства и методы борьбы с попытками сокрытия преступлений, а также инструменты для преодоления иных форм противодействия. Каждая из этих групп требует комплексного подхода и глубоких знаний о специфику правонарушений и мотивов противодействующих субъектов.

Первая группа методов включает в себя оперативно-розыскные действия, направленные на выявление и нейтрализацию попыток сокрытия преступных деяний. Основными мерами становятся допросы, очные ставки, обыски и выемки. Цель этих действий – обнаружение доказательств, способствующих установлению фактических обстоятельств дела, а также выявление лиц, способствующих сокрытию преступлений. К числу вспомогательных мер можно отнести экспертизы, дающие возможность оценить степень причастности различных участников к преступлению и мотивы их поведения [11].

Во второй группе методов важно рассмотреть взаимодействие с субъектами, оказывающими противодействие. Это необходимо как для формирования операционных стратегий, так и для создания системы психологического давления на членов преступных групп. Применение различных форм досудебного соглашения также может быть эффективным инструментом, позволяющим преодолеть противодействие, исходя из анализа индивидуальных обстоятельств каждой ситуации.

Эффективные методы в этой области включают следственные эксперименты и освидетельствования. Эти действия нечасто применяются, но могут дать значительные результаты в контексте сбора доказательств. Создание детализированного плана расследования, включающего разные исследовательские подходы, позволит не только упростить процесс, но и сделать его более управляемым [12].

Особое внимание следует уделить группам, которые занимаются выявлением противодействия государственному обвинению. Таким образом, служебная деятельность и взаимодействие правоохранительных органов с экспертами становятся критически важными в деле сбора информации о возможных способах противодействия. В этом контексте следует рассматривать не только стандарты, но и социальные и культурные факторы, которые могут повлиять на эффективность работы.

На практике методики преодоления противодействия часто зависят от конкретного криминального контекста. Например, возможность использования записей телефонных переговоров может быть целесообразной в определённых случаях, когда существует угроза укрытия доказательств или запугивания свидетелей. При этом важно помнить о правовых нюансах, связанных с использованием таких материалов в судебном разбирательстве.

Таким образом, реализация различных методов преодоления противодействия требует от органов следствия аккуратного и тщательного подхода, что включает в себя систематизацию данных, изучение особенностей общего контекста правонарушений и применение тех методов, которые будут наиболее эффективны в каждой конкретной ситуации. Анализ и обобщение практики показывает, что комплексный подход к расследованию, включающий как выявление, так и нейтрализацию противодействия, способствует повышению качества уголовного производства и достижению справедливости [12].

Основу правового регулирования уголовного процесса составляет Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), который описывает порядок осуществления уголовного судопроизводства и устанавливает правила для всех участников процесса [15]. Важным аспектом является то, что кодекс предлагает механизмы защиты интересов участников в случае возникновения ситуации, неблагоприятной для государственных обвинителей.

Среди аспектов, отражающих специфику противодействия государственному обвинению, можно выделить положения, касающиеся допроса свидетелей и потерпевших. УПК РФ подробно регламентирует процесс допроса, определяя права и обязательства всех сторон. Например, свидетели и потерпевшие должны быть проинформированы о своих правах, включая право на защиту и возможность уклониться от дачи показаний, если это может повредить их интересам. Это создает условия, при которых могут возникать ситуации, ослабляющие позиции государственного обвинения.

Также следует обратить внимание на предусмотренные законом ситуации, в которых может быть ограничена возможность обвинения в предъявлении доказательств. Закон устанавливает строгие требования к формированию доказательственной базы, что открывает возможность для защиты для оспаривания законности таких доказательств. Это, в свою очередь, подчеркивает важность всестороннего анализа си-

© Наседкин Ю.В.

туации, в которой оказывается обвинение, и возможности реагирования на действия защиты.

Следующей важной составной частью является порядок возбуждения уголовных дел и основания для отказа в их возбуждении. УПК РФ четко определяет, что уголовное дело может быть возбуждено только при наличии достаточных оснований, которые должны быть подтверждены собранными доказательствами. Если оснований для возбуждения не оказывается, это может быть использовано как один из способов противодействия государственному обвинению, где защита может требовать отмены решения о возбуждении дела.

Сложность правоприменения также состоит в нормах, касающихся ознакомления сторон с материалами дела. УПК РФ предписывает уведомление сторон о его ходе, что может быть использовано защитой для создания прецедентов и аргументации своей позиции. Ошибки в этой части могут стать достаточно весомым аргументом для оспаривания действий процессуальных органов. Это иллюстрирует, как детальный анализ законодательных норм способен раскрыть возможности защиты и парламентарной позиции.

Одним из решений для преодоления противодействия является применение ситуационного подхода, который акцентирует внимание на том, что каждая ситуация уникальна, и требует индивидуального подхода с учетом всех факторов. Например, в ситуациях, когда необходимо обеспечить доступ к защищаемым свидетельствам или необходимости их освободить от давления со стороны обвинения, данный подход может стать основой для формирования методов работы прокуроров и следователей, которые будут более эффективны в условиях противодействия [15].

Заключение.

Ситуативный подход в юридической деятельности продолжает развиваться и находит применение в различных аспектах правоприменения. Исследования показывают, что данный метод позволяет более гибко и эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям, что особенно важно в свете современных вызовов, с которыми сталкивается правовая система [16, 17]. Ситуационный анализ помогает не только в подготовке к процессу, но и в разработке стратегий для преодоления противодействия государственному обвинению.

Ситуационный подход имеет значительный потенциал для препятствования противодействию государственному обвинению. Его применение в практике процесса судопроизводства, а также в системе правоохранительных органов позволит не только улучшить качество принимаемых решений, но и повысить уровень доверия граждан к правовой системе. Непрерывное развитие этого подхода и его адаптация к новым реалиям позволят нам строить более эффективное правоприменение в условиях современного общества.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Драпкин Л.Я. Раскрытие и расследование преступлений: ситуационный подход / Л.Я. Драпкин, А.Е. Шуклин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 5.
2. Ян Е.И. Ситуационный подход и его значение для расследования преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1(84).
3. Ким Д.В. К вопросу о понятии и структуре криминалистической ситуации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 2(4).
4. Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности : учеб. пособие. Калининград : Калинингр. гос. ун-т, 2001.
5. Асташев П.В О необходимости применения ситуационного подхода в управлении структурами государственной власти (на примере суда общей юрисдикции) / П.В. Асташев, А.Р. Швандерова // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2.
6. Авакьян М.В. Роль ситуационного подхода при поддержании государственного обвинения в суде по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3.
7. Грищенко М.И. Особенности ситуационного подхода в аспекте применения медиативных процедур в процессе примирения сторон в уголовном судопроизводстве // Евразийская адвокатура. 2015. № 5(18).
8. Кисленко С.Л. Тактика преодоления противодействия поддержанию государственного обвинения в процессе судебного исследования доказательств // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 5.

© Наседкин Ю.В.

9. Сафронский Г.Э. О криминалистическом содержании тактики поддержания государственного обвинения // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6.
10. Маткова Н.В. Тактико-психологические проблемы поддержания государственного обвинения в суде присяжных // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4.
11. Гармаев Ю.П. Криминологические и криминалистические проблемы преодоления противодействия уголовному преследованию / Ю.П. Гармаев, Д.В. Ким // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3.
12. Меретуков Г.М. Некоторые криминалистические меры преодоления противодействия защитника в уголовном судопроизводстве / Г.М. Меретуков, Ф.Г. Шахкелдов // Право и практика. 2021. № 1.
13. Грушин Ф.В. Некоторые социальные факторы, определяющие развитие уголовно-исполнительной политики и законодательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 3-2.
14. Паринова Т.И. Основные факторы, формирующие уголовно-исполнительную политику России // Молодой ученый. 2018. № 38 (224).
15. Панченко В.Ю. Ситуационный анализ как междисциплинарный подход в юридическом познании и обучении // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3.
16. Лозовский Д.Н. К вопросу о понятии метода расследования преступлений // Общество и право. 2009. № 5(27).
17. Лозовский Д.Н. Использование комплексного подхода в расследовании преступлений // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Иркутск, 29–30 мая 2014 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014.

References:

1. Drapkin L.Ya. Disclosure and investigation of crimes: a situational approach / L.Ya. Drapkin, A.E. Shuklin // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2018. № 5.
2. Yan E.I. Situational approach and its significance for crime investigation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(84).
3. Kim D.V. On the question of the concept and structure of the criminalistic situation // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2012. № 2(4).
4. Volchetskaya T.S. Situational approach in practical and research criminalistic activity : textbook. Kaliningrad : Kaliningr. State University, 2001.
5. Astashev R.V. On the need to apply a situational approach in the management of public authorities (using the example of a court of general jurisdiction) / R.V. Astashev, A.R. Shvanderova // Social and humanitarian knowledge. 2023. № 2.
6. Avakian M.V. The role of the situational approach in maintaining public prosecution in court in cases of intentional infliction of serious harm to health // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences. 2016. № 3.
7. Grishchenko M.I. Features of the situational approach in the aspect of the use of mediation procedures in the process of reconciliation of the parties in criminal proceedings // Eurasian Advocacy. 2015. № 5(18).
8. Kislenko S.L. Tactics of overcoming opposition to the maintenance of public prosecution in the process of judicial examination of evidence // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2018. № 5.
9. Safronsky G.E. On the criminalistic content of the tactics of maintaining public prosecution // Gaps in Russian legislation. 2014. № 6.
10. Matkova N. V. Tactical and psychological problems of maintaining public prosecution in a jury trial // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences. 2022. № 4.
11. Garmaev Y.P. Criminological and criminalistic problems of overcoming resistance to criminal prosecution / Y.P. Garmaev, D.V. Kim // All-Russian Journal of Criminology. 2020. № 3.
12. Meretukov G.M. Some criminalistic measures to overcome the opposition of the defender in criminal proceedings / G.M. Meretukov, F.G. Shakhkeldov // Law and practice. 2021. № 1.
13. Grushin F.V. Some social factors determining the development of penal enforcement policy and legislation // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2018. № 3-2.
14. Parinova T.I. The main factors shaping the penal policy of Russia // Young scientist. 2018. № 38(224).
15. Panchenko V.Y. Situational analysis as an interdisciplinary approach in legal cognition and education // State Legal Studies. 2020. № 3.
16. Lozovsky D.N. On the Concept of the Method of Crime Investigation // Society and Law. 2009. № 5(27).
17. Lozovsky D.N. The Use of a Comprehensive Approach in Crime Investigation // Law Enforcement Activities in Modern Conditions: Proceedings of the 19th International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, May 29–30, 2014. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2014.

© Наседкин Ю.В.

Информация об авторе

Наседкин Юрий Вячеславович
аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
nasedkin.yuriy.98@mail.ru

Yuri V. Nasedkin
Postgraduate Student at the Department
of Criminalistics and Legal Informatics,
Kuban State University
nasedkin.yuriy.98@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Наседкин Ю.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-9
УДК 342

Attribution
cc by

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Наумова Н.В., Евтюхова А.В.
Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются особенности системы местного самоуправления в Российской Федерации в условиях реформирования. Авторы, проанализировав действующее законодательство в этой сфере, взгляды научного сообщества, мнения экспертов-практиков на исследуемый вопрос, раскрыли некоторые дискуссионные положения. Отдельное внимание было уделено вопросу двухуровневой и одноуровневой моделей организации местного самоуправления и возможности возврата регионов к двухуровневой системе. С учетом правовых новаций, зафиксированных в положениях нового Федерального закона № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», принятого 20 марта 2025 года и Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», было предложено внести изменение в ст. 51 «Староста сельского населенного пункта» Закона № 33-ФЗ, дополнив ее информацией о количестве старост в муниципалитете и гарантиях их деятельности, укрепив, тем самым, правовой статус сельских старост.

Ключевые слова: местное самоуправление, законодательное регулирование, публичная власть, муниципальное образование.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

FEATURES OF THE LOCAL GOVERNMENT SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION UNDER THE CONDITIONS OF REFORM

Natalya V. Naumova, Anna V. Evtyukhova
Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. The article deals with the peculiarities of the system of local self-government in the Russian Federation in the conditions of reforming. The authors, having analyzed the current legislation in this area, views of the scientific community, opinions of expert practitioners on the issue under study, revealed some controversial provisions. Special attention was paid to the issue of two-tier and one-tier models of local self-government organization and the possibility of regions returning to the two-tier system. Taking into account the legal innovations set forth in the provisions of the new Federal Law № 33-FZ «On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Power» adopted on March 20, 2025 and Federal Law № 131-FZ «On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation», it was proposed to amend Article 51 «Village Headmen» of the Law № 33-FZ, supplementing it with information on the number of headmen in the municipality and guarantees of their activity, thus strengthening the legal status of rural headmen.

Keywords: local government, legislative regulation, public authority, municipal entity.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В сложный исторический момент (геополитическая обстановка, миграционный кризис, демографическая ситуация, территориальные изменения) для нашей страны актуальным является вопрос реформирования местного самоуправления (далее – МСУ), связанный с укреплением суверенитета государства.

Так, в контексте конституционных поправок в 2020 году, законодатель уточнил (п. 3 ст. 132),

© Наумова Н.В., Евтюхова А.В.

что органы местного самоуправления наравне с органами государственной власти составляют единую систему публичной власти в Российской Федерации. В развитие положений Основного Закона о единой системе публичной власти 16 декабря 2021 г., сопредседатели рабочей группы по внесению конституционных поправок П.В. Крашенинников и А.А. Клишас внесли проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Представленный законопроект стал поводом для многих и долгих дискуссий [1; 2].

Обсуждение.

Напомним, что Федеральный закон 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определил, что под местным самоуправлением понимается форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных конституционными нормами, федеральными законами и, в некоторых случаях, законами субъектов России, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы МСУ вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [1; 3].

Ретроспективный анализ развития местного самоуправления в России в различные периоды позволил сделать вывод, что во время существования Российской империи местная власть была отделена от государственной (земская и городская реформы 1864 г.). В период Советского Союза нарративом выступала система местных Советов, встроенных в систему государственной власти [4], а принятый в 1991 г. ФЗ № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» (утратил силу 01.01.2009 г.) четко обозначил полномочия представительного и исполнительного органов МСУ. Также была установлена ресурсная база органов местного самоуправления. Однако модель реформирования МСУ, зафиксированная в этом законе, так и не была реализована [5].

Принятая 12 декабря 1993 года Конституция РФ, закрепила, что местное самоуправление признается и гарантируется, но не входит в систему органов государственной власти (ст. 12). Однако п. 2 статьи 132 Основного закона определил, что органы МСУ могут, в соответствии с Федеральным законом или законом субъекта, наделяться отдельными государственными полномочиями [1].

С приходом к власти Президента России В.В. Путина в начале 2000-х годов в РФ прошла «федеральная реформа», сильно изменившая политическую ситуацию в стране. Возник план реформы и МСУ, предполагающий сохранение его автономии в той степени, в которой она поддерживала бы эффективность решения задач в системе местного самоуправления. Однако на практике произошло усиление контроля центра над МСУ [6]. Основным нормативным правовым актом, закрепившим изменения в системе МСУ, стал Федеральный закон №131-ФЗ, вступивший в силу 01 января 2006 года [3].

В нем были зафиксированы важнейшие принципы:

– вводилась двухуровневая система МСУ;

– был предусмотрен вариант как всеобщих выборов мэра, так и их найм по контракту;

– глава субъекта получил право отстранять от должности главу муниципального образования или главу местной администрации при условии издания ими актов, противоречащих действующему законодательству;

– глава субъекта был наделен полномочиями роспуска муниципального совета в случае принятия им решений, нарушающих законодательство;

– в случае, если муниципальные долги становятся свыше 30 % бюджета муниципального образования, региональные власти получили возможность вводить внешнее управление в нем.

Кроме того, были закреплены положения, разрешающие органам государственной власти субъектов распускать муниципальные советы, отрешать от должности глав местной администрации и т.д. [3].

Были попытки ввести и назначение глав муниципалитетов губернаторами;

– передачу полномочий органам МСУ властям субъектов в одностороннем порядке;

– осуществление местного самоуправления в столицах регионов только во внутригородских районах, а на уровне города управление передать региональным властям.

Данные предложения реализованы не были [6].

В настоящее время функционирование системы организации МСУ регламентировано достаточно обширной нормативной составляющей. В нее входят федеральные законы (№ 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований», № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»), Декларация о принципах местного самоуправления в государствах – участниках Содружества и Постановление Правительства РФ № 657 «О ведении федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов» [4].

Перечисленные выше юридические акты подготовили базу для перехода на новый уровень реформирования местного самоуправления еди-

© Наумова Н.В., Евтюхова А.В.

ной системы публичной власти в соответствии с конституционно-правовым концептом. На смену действующему Закону № 131-ФЗ о местном самоуправлении, который стал как «лоскутное одеяло» из-за многочисленных изменений и дополнений, пришел Закон № 33-ФЗ.

Результаты.

Инициаторами законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в декабре 2021 г. выступили сенатор А.А. Клишас и депутат П.А. Крашенинников. Депутаты Государственной Думы поддержали инициативу и 25 января 2021 г. приняли его в первом чтении. Однако в начале 2022 г. работа над законопроектом была приостановлена по причине накопившихся вопросов-замечаний: уже после первого чтения поступило более семисот поправок. Стоит отметить, что поправки в действующий Закон № 131-ФЗ в тот период не вносились.

Несмотря на то, что принятие нового закона отложилось, работа по его усовершенствованию продолжалась: были внесены правовые корректировки органами государственной власти субъектов, представительными органами муниципалитетов.

Таким образом, к 20 марта 2025 г. работа над законом завершилась, и Президент РФ подписал и обнародовал новый закон о МСУ. Вступит в силу данный нормативный документ 19 июня 2025 года. Отдельные его статьи начнут действовать с 01 января 2027 года. Установленный переходный период позволит регионам привести законодательство в соответствие с новым Законом. В том числе, в ст. 91 № 33-ФЗ отмечено, что органы МСУ до 01.01.2027 г. осуществляют полномочия в соответствии с третьей главой Закона № 131-ФЗ (ст. 14–18), характеризующей вопросы местного значения [2, 3, 7].

По словам одного из авторов правовой новации, Андрея Клишаса, новый федеральный закон позволит быстро встроиться в единую систему публичной власти и определит институционализацию органов местного самоуправления, исходя из новых конституционных архитектур.

Одно из нововведений закона – смена правовой парадигмы, связанная с внедрением одноуровневой модели организации МСУ с возможностью сохранения двухуровневой. Новый закон предусматривает реализацию данной новации в трех видах публично-правовых образований (городской и муниципальный округа и внутригородское муниципальное образование города федерального значения). Такое укрупнение территорий может привести не только к утрате поселенческого уровня, но и к снижению общественно-политической активности. Развитие поселений будет зависеть и от того, как будет построена работа с населением по обновленной модели. На такой правовой диссонанс обратил внимание доктор политических наук, доцент Ростислав Туровский на заседании экспертного клуба «Регион» [7].

Стоит отметить и преемственность норм нового Закона по отношению к нормам действующего. Это выражается в том, что на некоторых территориях, например, на федеральных территориях, в региональных столицах, в ЗАТО, наукоградах, в муниципальных образованиях, образующих двухуровневую систему организации МСУ сохранится тот способ организации местного самоуправления, который сейчас закреплен законодательно [3; 7].

Интерес представляют данные по регионам на март 2025 года. Статистика показывает, что полностью к одноуровневой модели перешли 20 регионов, из них – вновь присоединившиеся территории (ДНР, ЛНР, Запорожская, Херсонская области), некоторые регионы Европейской части России (республики Удмуртия и Чувашия; Ставропольский и Пермский края; области – Калининградская, Московская, Нижегородская, Смоленская, Тамбовская), а также Курганская, Магаданская, Сахалинская области и Ямало-Ненецкий автономный округ (АО) и города федерального значения.

Кроме этого, одноуровневая модель начнет действовать еще в 26 регионах после вступления в силу Закона № 33-ФЗ, в том числе, и во Владимирской области.

Так, первый заместитель губернатора Владимирской области Дмитрий Лызлов отметил положительные тенденции перехода на одноуровневую систему:

1. Выравнивание финансирования.

2. Рациональное использование средств единого бюджета.

3. Единый генеральный план, единые правила благоустройства и землепользования, единый подход к налогообложению.

4. Муниципальный округ обладает большими ресурсами по сравнению с отдельными поселениями, что позволяет, например, легче принимать участие в программе «Комплексное развитие сельских территорий» и других крупных проектах.

5. Прекращение споров о пересекающейся ответственности (например, пассажирские перевозки, вывоз мусора через границы поселений и др.)

6. Прежние административно-территориальные единицы – города, деревни, села сохранятся, регистрацию по месту жительства менять не придется.

7. В округах будут работать представительства окружной администрации – территориальные

© Наумова Н.В., Евтюхова А.В.

отделы. В зданиях, где сейчас размещаются администрации поселений, останутся те же сотрудники (только они поступят на работу в администрацию района). У них останутся те же функции: рассмотрение обращений граждан, решение вопросов благоустройства, налогообложения, землеустройства.

8. Жители села не потеряют льготы.

9. Сокращений штатов в органах МСУ в связи с прекращением деятельности администраций в поселениях не будет [8].

Однако в новом Законе (ст. 9) предусмотрена бинарная вариативность, при которой регионы имеют возможность сохранить ту модель, которая для них наиболее выгодна. Таким образом, сохранят двухуровневую модель 18 российских субъектов.

Таким примером является Республика Татарстан, в которой 956 муниципальных образований, из них: 872 сельских и 39 городских поселений, 43 муниципальных района и 2 городских округа. Действующая двухуровневая система МСУ, по мнению спикера Госсовета Республики Татарстан Фарида Мухаметшина [9], в их регионе наиболее эффективна, так как большая часть населения – это население сельской местности. С переходом на новую модель организации местной власти населению для решения проблем придется ехать в райцентр, что приведет к финансовым и временным затратам. Также, высока вероятность, что депутаты представительного органа муниципального округа, избираемые от города, будут меньше уделять внимания вопросам местного значения. В связи с перечисленными нюансами, данный переход пока нецелесообразен.

Естественно, это повлияло на то, что Госсовет Республики Татарстан подготовил 59 изменений и дополнений к законопроекту № 40361-8, 25 из них – в поддержку сохранения двухуровневой системы МСУ (на февраль 2025 года!) [9].

Не планирует переходить на одноуровневую систему МСУ и Республика Якутия. Спикер якутского парламента Алексей Еремеев отметил, что разнородности в республике не будет – останется либо полностью одноуровневая, либо двухуровневая система, потому что при разных системах в регионе не будет возможности поддерживать муниципалитеты с точки зрения бюджетной обеспеченности [10].

Согласно Закону № 33-ФЗ, произойдет введение территориальных органов местной администрации. Они могут быть сформированы в соответствии с критериями, установленными законом субъекта РФ. Важный критерий – это пешеходная доступность, предусматривающая возможность добраться до административного центра муниципального образования или до территориальных органов местной администрации и обратно в течение рабочего дня. Таким образом, единственными принципами определения границ муниципальных образований остались принципы транспортной доступности и развитой инфраструктуры [7].

Однако данный принцип не сможет быть соблюден в Красноярском крае – втором по площади регионе России после Якутии. В Красноярском крае планируется переход к одноуровневой системе организации МСУ и в настоящее время в нем происходит радикальное сокращение муниципалитетов – с 472 до 39. Расстояния между некоторыми населенными пунктами значительные. Так, в Енисейском муниципальном округе от центра муниципалитета до одного из поселков – Ярцево – почти 300 километров по прямой. Алексей Бойков, глава фракции ЛДПР в Красноярском крае, считает, что экономических выгод от упразднения сельских депутатов, которые работали бесплатно, не будет, а при переходе к одноуровневой системе организации МСУ власть будет полностью подконтрольна губернатору. Кроме того, жителям будет сложнее контактировать с властью [11].

Отметим, что местное самоуправление – это консолидация деятельности органов местной власти и населения. В связи с чем, интерес представляет интеграция территориального общественного самоуправления и развитие института сельских старост (ст. 51 Закона № 33-ФЗ) как форма самоорганизации населения по месту жительства [7].

Предложение 1. В представленной выше статье нет четкого определения количества старост по отношению к численности населения муниципалитета, поэтому, на наш взгляд, необходимо уточнить данную норму этим дополнением.

Предложение 2. Безусловно, для эффективной работы сельских старост необходимо провести первичное обучение в виде обучающих семинаров, используя современные информационные технологии. Контроль за выполнением возложенных на старост задач осуществлять не только представительному органу власти муниципального образования, но и местному населению. Мотивирующим фактором может стать поддержка от местных и региональных властей. Например, во Владимирской области для старост установлена компенсация транспортных расходов, затрат на связь.

Предложение 3. Считаем также целесообразным разработать методические рекомендации по оценке эффективности сформировавшихся в регионах практик реализации одноуровневой системы управления с возможностью перехода на более рациональную модель МСУ.

Заключение.

Исходя из вышесказанного, отметим, что реализация нового федерального закона, содержание которого связано с правовым регулированием одноуровневой системы местного самоуправле-

© Наумова Н.В., Евтюхова А.В.

ния, является актуальным и требует особого внимания. Концептуальный подход научного сообщества, экспертов-практиков дает неоднозначную оценку абсолютному переходу на такую модель. Несомненно, учет исторических, национальных и других местных особенностей влияет на планомерное и эффективное развитие системы местного самоуправления в Российской Федерации. Поэтому считаем, что создание усовершенствованной модели местного самоуправления позволит избежать централизации власти на уровне субъекта, учитывая интересы населения отдельных муниципальных образований. Неверная интерпретация юридической категории «единая система публичной власти» в контексте местного самоуправления приведет к снижению роли конституционных постулатов. Поддержание баланса интересов государства при условии успешного функционирования такой модели на практике повысит доверие населения к власти.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL : http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения 18.05.2025).
2. Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8 (дата обращения 15.05.2025).
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083574 (дата обращения 12.05.2025).
4. Шугрина Е.С. Основы местного самоуправления. Настольная книга депутата и муниципального служащего : учебное пособие / Е.С. Шугрина; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Высшая школа государственного управления. Калининград : Полиграфычъ, 2023. 336 с. URL : https://lib.ranepa.ru/images/docs/vshgubooks/01_osnovy_msu.pdf (дата обращения 15.05.2025).
5. Закон РФ «О местном самоуправлении в Российской Федерации» от 06.07.1991 № 1550-1 (утратил силу). URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=06.07.1991&sort=-1 (дата обращения 15.05.2025).
6. Горный М.Б. Муниципальная политика и местное самоуправление в России: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. 361 с.
7. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL : http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023 (дата обращения 12.05.2025).
8. Во Владимирской области ещё в 10 районах планируют создать муниципальные округа. URL : https://vedom.ru/news/2024/11/27/70474-vo-vladimirskoy-oblasti-eshchyo-v-10-rayonah (дата обращения 27.04.2025).
9. Фарид Мухаметшин: Регионы должны сами определять модель местного самоуправления. URL : https://www.pnp.ru/politics/farid-mukhametshin-regiony-dolzhny-sami-opredelyat-model-mestnogo-samoupravleniya.html (дата обращения 27.04.2025).
10. Бейсембаева Г. Закон принят, дело за регионами. URL : https://cmokhv.ru/materials/mat20250426/?ysclid=m9yehw4aqt336713710 (дата обращения 11.05.2025).
11. «Новоселовцы не смогут называть себя балахтинцами»: в крае объединят города с селами и упразднят депутатов. И вот зачем. URL : https://ngs24.ru/text/politics/2025/04/23/75369854 (дата обращения 15.05.2025).

References:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian voting on 01.07.2020). URL : http://pravo.gov.ru/constitution (date of reference: 18.05.2025).
2. official site of the System of legislative activity support. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8 (date of application 15.05.2025).
3. Federal law from 06.10.2003 № 131-FZ (ed. from 13.12.2024) «On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation» (with amendments and additions, in force since 01.01.2025). URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083574 (date of application 12.05.2025).

© Наумова Н.В., Евтюхова А.В.

4. Shugrina E.S. Fundamentals of Local Self-Government. A Handbook for Deputies and Municipal Servicemen: A Study Guide / E.S. Shugrina; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Higher School of Public Administration. Kaliningrad : Poligrafich, 2023. 336 p. URL : https://lib.ranepa.ru/images/docs/vshgubooks/01_osnovy_ msu.pdf (date of application 15.05.2025).
5. Law of the Russian Federation «On Local Self-Governance in the Russian Federation» from 06.07.1991 № 1550-1 (lost force). URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=06.07.1991&sort=-1 (date of application 15.05.2025).
6. Gorny M.B. Municipal policy and local self-government in Russia: textbook and practice for Bachelor's and Master's degree. 2nd ed., revision and addendum. M. : Yurait Publishing House, 2018. 361 c.
7. Federal law from 20.03.2025 № 33-FZ «On general principles of organization of local self-government in the unified system of public power». URL : http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023 (date of application 12.05.2025).
8. In the Vladimir region in 10 more districts it is planned to create municipal districts. URL : https://vedom.ru/news/2024/11/27/70474-vo-vladimirskoy-oblasti-eshchyo-v-10-rayonah (date of application 27.04.2025).
9. Farid Mukhametshin: Regions should determine the model of local self-government themselves. URL : https://www.pnp.ru/politics/farid-mukhametshin-regiony-dolzhny-sami-opredelyat-model-mestnogo-samoupravleniya.html (date of application 27.04.2025).
10. Beisembayeva, G. The law is adopted, it's up to the regions. URL : https://cmokhv.ru/materials/mat20250426/?ysclid=m9yehw4aqt336713710 (date of application 11.05.2025).
11. «Novoselovtsy will not be able to call themselves Balakhtinsky»: in the region will unite towns with villages and abolish deputies. And here's why. URL : https://ngs24.ru/text/politics/2025/04/23/75369854 (date of application 15.05.2025).

Информация об авторах

Наумова Наталья Валерьевна
кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
юридического факультета,
Владимирский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
natalya.naumova.69@list.ru

Евтюхова Анна Владимировна
студентка факультета управления,
Владимирский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
anyuta60@yandex.ru

Natalya V. Naumova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Municipal Law
at the Faculty of Law,
Vladimir branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
natalya.naumova.69@list.ru

Anna V. Evtyukhova
Student of the Faculty of Management,
Vladimir branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
anyuta60@yandex.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Наумова Н.В., Евтюхова А.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-10
УДК 347.965

Attribution
cc by

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Нехай А.Ю.
Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств. В настоящее время принимаются меры, направленные на бережное сохранение, развитие многовекового опыта государственно-правового регулирования межнациональных отношений. Накопленные многовековые позитивные тенденции активно используются государством при выработке стратегического планирования и законодательства в сфере регулирования межнациональных отношений. Однако с развитием общественных отношений, с усложнением политической обстановки возникает необходимость упорядочивания межнациональных отношений, совершенствовании действующего законодательства, регламентирующего механизмы стабилизации и гармонизации межнациональных отношений в России.

Настоящая статья посвящена конституционно-правовым основам юридического формирования межнационального единства и солидарности.

Цель. Исследовать проблемные вопросы, связанные с государственным регулированием межнациональных отношений в России, сформулировать предложения.

Методы. В ходе исследования применены анализ, синтез, обобщение и систематизация научных источников по проблеме исследования, сравнительный и прогностический методы.

Результаты. В научной статье анализируются основные нормативные правовые акты, регулирующие межнациональные отношения в России. Особое внимание уделено разграничению полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Актуальность данного вопроса особенно возросла с учетом конституционных поправок и принятия нового законодательства о местном самоуправлении. Автором формулируются предложения, направленные на более эффективное включение органов местного самоуправления в решение межнациональных вопросов.

Выводы. В завершении научной статьи делается вывод о необходимости комплексного и концептуального определения, уточнения и системного упорядочивания компетенции государственных органов и органов местного самоуправления в области реализации государственной национальной политики в сфере межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональные отношения, многонациональное государство, конституционно-правовое регулирование, национальность, органы государственной власти, субъекты Российской Федерации.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMS AND PROSPECTS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Asiet Yu. Nekhay
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The Russian Federation is one of the largest multinational states in the world. Currently, measures are being taken to carefully preserve and develop the centuries-old experience of state and legal regulation of interethnic relations. The accumulated centuries-old positive trends are actively used by the state in the development of strategic planning and legislation in the field of regulation of interethnic relations. However, with the development of social relations and the complexity of the political situation, there is a need to streamline interethnic relations and improve the current legis-

© Нехай А.Ю.

lation regulating the mechanisms for stabilizing and harmonizing interethnic relations in Russia. This article focuses on the constitutional and legal foundations of the legal formation of interethnic unity and solidarity.

Purpose. To study the problematic issues related to the state regulation of interethnic relations in Russia, and to formulate proposals. Methods. The study used analysis, synthesis, generalization, and systematization of scientific sources on the research problem, as well as comparative and prognostic methods.

Results. The scientific article analyzes the main regulatory legal acts governing interethnic relations in Russia. Special attention is paid to the delineation of powers between state authorities and local self-government bodies. The relevance of this issue has increased especially in view of the constitutional amendments and the adoption of new legislation on local self-government. The author formulates proposals aimed at more effective inclusion of local self-government bodies in solving interethnic issues.

Conclusions. At the end of the scientific article, the author concludes that it is necessary to comprehensively and conceptually define, clarify, and systematize the competence of state bodies and local self-government bodies in the field of implementing state national policy in the sphere of interethnic relations.

Keywords: interethnic relations, multinational state, constitutional and legal regulation, nationality, state authorities, subjects of the Russian Federation.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Межнациональные отношения представляют собой сложные общественные отношения, обусловленные языковым, этническим, культурным многообразием, что требует принятия со стороны органов публичной власти последовательных действий, направленных на урегулирование указанных отношений, их стабилизацию. В настоящее время назрела необходимость дальнейшего исследования правовых механизмов реализации государственной национальной политики, определения новых ориентиров, подлежащих решению задач в рассматриваемой сфере.

Формирование и развитие межнациональных отношений как самостоятельной разновидности общественных отношений связывается с установлением, защитой государственного суверенитета.

Широкое распространение получил термин «национальный суверенитет», что означает «полновластие нации, народа, свободу их самоопределения, политическую свободу» [1, с. 928].

Особую роль в регулировании межнациональных отношений в российском государстве выполняют положения Конституции РФ, где свое закрепление получают общие принципы построения такого рода отношений. Так, в соответствии с частью 2 статьи 19 Конституции РФ, определяется принцип равенства всех лиц, их прав вне зависимости от расовой, национальной принадлежности. Здесь же следует упомянуть и о такой гарантии, как запрет на совершение действий, ведущих к разжиганию национальной, религиозной розни (часть 5 статьи 13, часть 2 статьи 29 Конституции РФ).

Основы межнациональных отношений определены в статье 26 Конституции РФ. За человеком закрепляется право на определение своей национальной принадлежности. При этом особо оговаривается, что принуждение к определению, указанию национальной принадлежности запрещено. Данное положение – это гарантия обеспечения независимости каждого лица своей национальности.

Как известно, продолжительное время в официальных документах содержалась графа «национальность» (например, в паспорте, свидетельстве о рождении и др.). На сегодняшний день законодатель признал отсутствие необходимости в указании на национальность личности в документах, удостоверяющих личность. Следует признать указанный подход целесообразным. В частности, по паспорту происходит идентификация гражданина – определяется его фамилия, имя и отчество. В идентификации же гражданина по национальности отсутствует необходимость, поскольку в этом случае создаются условия для формирования различий между представителями отдельных национальностей, что приводит к их разобщенности. Поэтому рационально указывать на единство различных наций, а не на их разобщенность.

Упорядочивание межнациональных отношений достигается также в результате разграничения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Определяется, что вопросы регулирования и защиты прав национальных меньшинств – это компетенция Российской Федерации. Однако допускается возможность привлечения субъектов РФ для защиты прав и интересов национальных меньшинств.

Указанные положения позволяют сделать вывод о том, что государство (Российская Федерация в целом) имеет приоритет в решении возникающих проблемных национальных вопросов.

© Нехай А.Ю.

Особое внимание в конституционно-правовых нормах уделяется вопросам соблюдения национального принципа построения федеративного государства. При разграничении отдельных субъектов федерации законодатель учитывает интересы коренных национальностей, проживающих на определенных территориях, являющихся их исторической родиной.

Здесь же следует отметить и особый порядок укрупнения субъектов РФ. В частности, объединение кавказского народа с представителями других национальностей может привести к непоправимым последствиям – межнациональным и межконфессиональным конфликтам.

Созданию благоприятных условий для поддержания стабильности в межнациональных отношениях служит также право национальных республик на установление собственного государственного языка (наряду с русским языком) (ч. 2 ст. 68 Конституции РФ).

Обсуждение. Результаты.

На основе конституционных норм был разработан и принят ряд законодательных актов, положения которых направлены на оказание поддержки национальным меньшинствам (например, Федеральный закон от 17 июня 1996 года № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»), на противодействие экстремизму и национализму (например, Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности») [2].

В настоящее время продолжает действовать Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [3]. Данный документ устанавливает основные теоретические, понятийные элементы национальной политики, очерчивает современное состояние национальных отношений в Российской Федерации, а также определяет цели, задачи и систему реализации государственной политики в России.

Особо отмечается, что существуют проблемы в данной сфере отношений, которые требуют своего незамедлительного решения. Например, в части противодействия незаконной миграции, распространения терроризма и экстремизма и т.п.

Государственная политика в сфере обеспечения межнационального согласия и партнерства направлена на формирование гражданского самосознания, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей [4].

При этом отмечается системообразующая роль русского народа, заслугой которого является объединение и гармонизация отношений с другими нациями и национальностями.

Заключение.

Вместе с тем, следует признать необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего вопросы межнациональных отношений [5, с. 25]. В частности, недостаточно проработан подход законодателя к установлению компетенции органов государственной власти, а также органов местного самоуправления в рамках решения вопросов реализации государственной национальной политики, несмотря на то, что в Стратегии упоминается о координации всех уровней власти в реализации государственной политики в сфере национальных интересов.

Следует признать, что при отсутствии четкой детализации и разграничения полномочий органов публичной власти различных уровней не могут быть достигнуты эффективные результаты поставленных целей и задач в рассматриваемой сфере.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 22 октября 2013 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» к числу полномочий органов государственной власти субъектов РФ отнесены полномочия по укреплению гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, сохранению этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактике межнациональных конфликтов и обеспечению межнационального и межконфессионального согласия. Однако данные полномочия определены законодателем лишь в общем виде. В свою очередь, порядок и способы реализации указанных полномочий федеральным законодателем не раскрываются.

Новый Федеральный закон Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» также не внес ясности о роли и месте органов местного самоуправления в системе обеспечения межнационального согласия и стабильности.

Представляется, что для урегулирования рассматриваемого вопроса органам государственной власти субъектов РФ надлежит уделить особое внимание расширению правового регулирования межнациональных отношений в тех сферах, где наиболее ярко проявляются региональные особенности установления таких отношений (например, защита прав коренных малочисленных народов, предупреждение межнациональных конфликтов и др.). Детальное определение полномочий государственных органов субъектов

© Нехай А.Ю.

РФ позволит достичь эффективных результатов при внедрении соответствующих мер, обеспечить системный характер в урегулировании данных отношений [6].

Особое внимание следует уделить и полномочиям органов местного самоуправления в сфере межнациональных отношений. Как известно, муниципальная власть приближена к населению, а поэтому от эффективности деятельности указанных органов зависит возможность удовлетворения интересов, потребностей различных наций, их представителей.

Кроме того, отдельные законодательные положения указывают на необходимость установления тесного сотрудничества органов государственной власти и органов местного самоуправления в решении вопросов в сфере межнациональных отношений.

Ряд полномочий органов местного самоуправления в нормах федерального законодательства не находит своего закрепления. Так, прямо не определены полномочия по профилактике и противодействию экстремизму, минимизации и устранения негативных последствий его проявления, реализации мер по обеспечению социальной адаптации мигрантов и др.

Принятие обозначенных мер должно сопровождаться не только соблюдением принципов законности, ответственности компетентных субъектов, но и учетом дополнительных критериев, среди которых:

а) комплексный подход к определению компетенции федеральных и региональных государственных органов, органов местного самоуправления в сфере межэтнических отношений;

б) установление взаимодействия с другими органами публичной власти, общественностью при решении проблемных вопросов, возникающих при реализации государственной национальной политики;

в) выбор эффективных способов нормативного определения компетенции органов публичной власти всех уровней в сфере межнациональных отношений.

Таким образом, развитие и усложнение межнациональных отношений требует принятия со стороны законодателя своевременных мер, направленных на совершенствование правовой основы регулирования межнациональных отношений. В частности, особое внимание надлежит уделить комплексному определению, уточнению и системному упорядочиванию компетенции государственных органов и органов местного самоуправления в области реализации государственной национальной политики.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Андриченко Л.В. Правовое регулирование межнациональных отношений в Российской Федерации: проблемы теории и практики: научно-практическое пособие. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Норма: ИНФРА-М, 2021. 296 с.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867 (дата обращения 13.07.2025).
3. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350 (дата обращения 13.07.2025).
4. Андриченко Л.В. Межнациональные отношения как объект научных исследований // Вестник Российской Академии наук. 2018. № 10. С. 928–935.
5. Заметина Т.В. Конституционно-правовые проблемы разрешения межнациональных конфликтов в России // Российский юридический журнал. 2019. № 3(126). С. 53–62.
6. Пихов А.Х. Конституционно-правовое регулирование национальных отношений в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 2. С. 24–29.

References:

1. Andrichenko L.V. Legal regulation of interethnic relations in the Russian Federation: problems of theory and practice: a scientific and practical guide. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M. : Norma: INFRA-M, 2021. 296 p.

© Нехай А.Ю.

2. Federal Law № 114-FZ of July 25, 2002 «On Countering Extremist Activities» // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867 (date of application 13.07.2025).
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 dated December 19, 2012, «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025» // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350 (date of application 13.07.2025).
4. Andrichenko L.V. Interethnic Relations as an Object of Scientific Research // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2018. № 10. P. 928–935.
5. Zamechina T.V. Constitutional and Legal Issues of Resolving Interethnic Conflicts in Russia // Russian Law Journal. 2019. № 3(126). P. 53–62.
6. Pikhov A.Kh. Constitutional and Legal Regulation of National Relations in the Russian Federation // Leningrad Law Journal. 2012. № 2. P. 24–29.

Информация об авторе

Нехай Асиет Юрьевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД России
asiet12061984@mail.ru

Asiet Yu. Nekhay
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
asiet12061984@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.07.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Нехай А.Ю.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-20
УДК 343.2/.7

Attribution
cc by

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЦИФРОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Финкель М.В.
Адвокатское бюро г. Москвы «Дубинин, Финкель и партнеры»

Аннотация. Цель. В настоящей статье произведен анализ аспектов обеспечения криминологической безопасности сферы предпринимательской деятельности в эпоху Шестого технологического уклада экономики. Обозначены проблемы, исторически неизбежно вызываемые инновациями, а также перспективные научные методы, нацеленные на защиту рассматриваемой сферы. В процессе изучения были использованы как общенаучные (анализ, синтез), так и частно-научные (уголовно-правовой, криминологический) методы познания. В ходе подготовки публикации были использованы отечественные исследования в области технологий и криминологии. Произведенный анализ позволил сделать вывод об отсутствии единого теоретического подхода к обеспечению криминологической безопасности цифрового предпринимательства. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в целях оптимизации правоохранительной теории и практики, формирования и развития системы криминологической безопасности сферы предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: шестой технологический уклад экономики, криминологическая кибербезопасность, сфера предпринимательской деятельности, цифровая экономика, цифровое предпринимательство.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

PROSPECTS FOR ENSURING CRIMINOLOGICAL SECURITY OF DIGITAL ENTREPRENEURSHIP

Marina V. Finkel
«Dubinin, Finkel and Partners» Law Office in Moscow

Abstract. Objective. This article analyzes the aspects of ensuring criminological security of the business sphere in the era of the Sixth Technological Order of the Economy. The problems that are historically inevitably caused by innovations, as well as promising scientific methods aimed at protecting the sphere under consideration, are identified. In the process of studying, both general scientific (analysis, synthesis) and specific scientific (criminal law, criminological) methods of cognition were used. During the preparation of the publication, domestic research in the field of technology and criminology was used. The analysis made it possible to conclude that there is no single theoretical approach to ensuring criminological security of digital entrepreneurship. Findings and conclusions: the publication materials can be used to optimize law enforcement theory and practice, the formation and development of a criminological security system in the sphere of entrepreneurial activity.

Keywords: sixth technological order of the economy, criminological cybersecurity, business sphere, digital economy, digital entrepreneurship.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Стремительное развитие цифровых технологий и постепенный переход мировой экономики в условия Шестого технологического уклада побуждают научное сообщество разрабатывать и предлагать для практической реализации актуальные концепции для защиты цифровой экономики, а в ее рамках цифрового предпринимательства.

Подчеркнем, что главной целью здесь является выработка единого научного подхода к обеспечению криминологической кибербезопасности рассматриваемых объектов.

© Финкель М.В.

Обсуждение.

Мировая экономика развивается благодаря постоянному научно-техническому прогрессу, который генерирует технологические инновации. Эти инновации, в свою очередь, повышают производительность труда, модернизируют производственные процессы и приводят к смене технологических укладов.

Теория технологических укладов, основанная на работах Н.Д. Кондратьева, становится все более значимой и определяющей в экономической науке XXI в. Согласно этой теории, развитие технологий происходит волнообразно, с циклами продолжительностью 50–70 лет, завершающимися кризисами и последующим переходом к новым, более прогрессивным технологиям.

Технологический уклад представляет собой комплексную систему, где ключевую роль играют отрасли, использующие определенный вид энергии.

История знает пять индустриальных и один постиндустриальный технологический цикл.

Первый уклад, основанный на энергии воды, возник в 1785 г. За ним последовали уклады, базирующиеся на энергии пара и угля (с 1830 г.), электричестве (1890–1940 гг.), углеводородах и двигателях внутреннего сгорания (с 1940 г.) Современный, пятый уклад (с 1990 г.) характеризуется доминированием электронной и атомной энергетики.

По мере интеграции в пятый технологический уклад и его полной реализации, глобальная экономика приближается к наступлению первого постиндустриального уклада. Теоретически, этот переход должен произойти к 2040 г., однако, учитывая динамику научно-технического развития, его наступление может быть ускорено.

Ключевым фактором, определяющим новую «волну Кондратьева», станет НБИКС-конвергенция, представляющая собой синергию нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий, когнитивных наук и социальных технологий [1; 2].

Очевидно, что в условиях рассматриваемых укладов активно развивается не только экономика, но и сопутствующая ей преступность. Соответственно, цифровой экономике и развивающемуся в ее рамках цифровому предпринимательству в полной мере угрожает цифровая преступность. Последняя развивается стремительно, старательно перенимая инновационные средства и способы, реализуемые в сфере законной экономической деятельности. Организованная преступность рекрутировала в свои ряды информационных технологов, весьма основательно разбирающихся в существующих системах информационной защиты субъектов предпринимательской деятельности.

Отметим, что технологические уклады экономики развиваются одновременно во множестве стран. Это обусловлено тем, что современные цифровые технологии обладают признаком трансграничности, и в этом суть мировой цифровой экономики. Соответственно, и современная организованная преступность обладает такой же особенностью, успешно действуя буквально со всех частей света.

Соответственно, возникает потребность в выработке не локального или регионального, а универсального подхода к обеспечению криминологической безопасности легальных цифровых правоотношений. Наилучшим образом, на наш взгляд, осуществить эффективную защиту сферы предпринимательской деятельности различных уровней возможно путем формирования и развития системы криминологической кибербезопасности, в качестве объектов которой выступает практически вся совокупность социальных и экономических отношений.

Теория криминологической безопасности начала формироваться в 1990-е гг., получив развитие, соответствующее эпохе цифровых технологий, в свою очередь, в рамках теории криминологической кибербезопасности. Сущность и социальное предназначение данной теории заключается в обеспечении защиты всей совокупности отношений. При этом теория криминологической кибербезопасности не замыкается лишь на противодействии преступлениям в рамках Главы 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», а простирается на познание различных криминальных посягательств, охваченных большинством норм Особенной части УК РФ.

Переходя к раскрытию сущности криминологической безопасности цифрового предпринимательства, подчеркнем важность раскрытия такого универсального термина, как «кибербезопасность». Существуют определения не юридического характера, которыми оперируют специалисты-технологи, согласно которым, к примеру, кибербезопасность определяется через свойство или состояние системы «сохранять надежность и функциональную устойчивость в условиях современного информационного противоборства». Либо кибербезопасность понимается, как «информационная безопасность компьютерных информационно-управляющих систем, обеспечивающая их высокую надежность и функциональную устойчивость в условиях современного информационного противоборства» [3, с. 5–6].

С точки зрения В.Ф. Джафарли, с которой мы соглашаемся, «проблемность в подобном раскрытии термина «кибербезопасность» заключается в том, что, таким образом, рассматриваемое понятие приобретает чрезмерно упрощенно-«цифровой» характер, в связи с чем, может сложиться впечатление, что под кибербезопасностью следует понимать, в основном, систему мер, направленных на защиту от угроз, нацеленных на программно-техническую инфраструкту-

© Финкель М.В.

ру. Здесь нельзя упускать из виду, что компьютерная техника, выступая, прежде всего, в качестве средства коммуникации, имеет своим предназначением прием-передачу информации не только между программно-техническими устройствами, но и между людьми. То есть, объектом воздействия является, помимо аппаратной инфраструктуры, также сознание, мысли, чувства, внутренний мир человека» [4, с. 103].

Под *криминологической безопасностью цифрового предпринимательства* следует понимать состояние защищенности цифровых финансовых и нефинансовых активов от различных угроз некриминального характера, исходящих от информационно-телекоммуникационного пространства. Соответственно, *криминологическая безопасность цифрового предпринимательства* – состояние защищенности ее цифровых финансовых и нефинансовых активов от различных угроз криминального характера, исходящих от информационно-телекоммуникационного пространства.

Имеются предпосылки для создания *теории криминологической безопасности цифрового предпринимательства как научной подкатегории*, входящей в категорию «теория криминологической кибербезопасности». Данный подход обязывает нас к выделению в рамках рассматриваемой теории самостоятельных объекта и предмета познания.

Так, в качестве *объекта познания в рамках теории криминологической безопасности цифрового предпринимательства* следует понимать общественные отношения, которые складываются в процессе деятельности, направленной на обеспечение безопасности цифровых финансовых и нефинансовых активов.

Соответственно, в качестве *предмета рассматриваемой теории* подлежат изучению:

– преступность в сфере предпринимательской деятельности как явление, ее проявления как основная угроза криминологической безопасности рассматриваемой сферы от инновационных преступных посягательств, совершаемых исключительно в киберпространстве;

– личность преступника, использующего цифровые технологии или киберпространство для совершения инновационных криминальных посягательств, как субъект криминальной угрозы;

– криминогенные факторы как основной источник угроз криминологической кибербезопасности;

– процессы воздействия на инновационные криминальные угрозы, то есть их предупреждение, профилактика, предотвращение и пресечение;

– выработанные и подлежащие выработке защитные механизмы от инновационных преступных посягательств, а именно криминологическая защита цифрового предпринимательства;

– проблемы, связанные с жертвой инновационных преступлений – индивидуальным предпринимателем или коммерческой организацией, то есть виктимологическая профилактика.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что *криминологическая безопасность цифрового предпринимательства как самостоятельная система* представляет собой совокупность информационно-технологических, научно-практических, правовых, организационных, кадровых, этических мер, обеспечиваемых путем задействования различных ресурсов, в числе которых уголовно-правовой, уголовно-правоприменительный, цифровой, научно-практический, коммерческий, общественный и образовательный.

Результаты.

Проведенный анализ позволил определить сущность Шестого технологического уклада экономики и теории криминологической безопасности цифрового предпринимательства. Очевидно, что правоохранительная практика в сфере защиты предпринимательской деятельности пока не может предоставить адекватного ответа цифровой преступности по причине отсутствия достаточного числа подготовленных соответствующим образом специалистов.

Заключение.

Отмеченное выше позволяет предложить меры организационного и образовательного характера, нацеленные на подготовку и переподготовку в рамках теории криминологической безопасности сферы экономической (предпринимательской) деятельности действующих и будущих сотрудников правоохранительных органов, прежде всего тех, в чьи функциональные обязанности входит предупреждение рассмотренной в статье преступности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

© Финкель М.В.

Литература:

1. Каблов Е.Н. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4.
2. Наумович О.В. Высокотехнологичный уклад как социально-экономический феномен // Журнал международного права и международных отношений. 2010. № 2.
3. Бородакий Ю.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века / Ю.В. Бородакий, А.Ю. Добродеев, И.В. Бутусов // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 1 (2). Ч. 1. С. 5–6.
4. Джафарли В.Ф. Формирование и развитие системы криминологической безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022. 540 с.

References:

1. Kablov E.N. The Sixth Technological Order // Science and Life. 2010. № 4.
2. Naumovich O.V. High-tech order as a socio-economic phenomenon // Journal of International Law and International Relations. 2010. № 2.
3. Borodakiy Yu.V. Cybersecurity as the Main Factor of National and International Security of the 21st Century / Yu.V. Borodakiy, A.Yu. Dobrodeev, I.V. Butusov // Cybersecurity Issues. 2014. № 1(2). Part 1. P. 5–6.
4. Dzhafarli V.F. Formation and Development of the Criminological Security System in the Sphere of Information and Communication Technologies : dis. … doctor of law. M., 2022. 540 p.

Информация об авторе

Финкель Марина Вячеславовна
управляющий партнер,
адвокат,
адвокатское бюро г. Москвы
«Дубинин, Финкель и партнеры»
m.finkel@lawyerspro.ru

Marina V. Finkel
Managing partner,
Lawyer,
«Dubinin, Finkel and Partners»
Law Office in Moscow
m.finkel@lawyerspro.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Финкель М.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-24
УДК 342

Attribution
cc by

ЗАРУБЕЖНАЯ НАУЧНАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ПАТРИОТИЗМА

Чимаров С.Ю.
Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Актуальность: фактор устойчивого наращивания степени противостояния между различными государствами мира и стремления ряда из них к гегемонии в планетарном масштабе или на региональном уровне, предопределяет актуальность апеллирования к теме пропаганды, выступающей в качестве эффективного средства переформатирования сознания масс, в угоду поставленных целей перед пропагандистской машиной каждого государства. Отмеченное обстоятельство способствует уточнению отдельных позиций зарубежной мысли, аккумулирующей выводы ее выдающихся представителей, в том числе входящих в плеяду мыслителей-правоведов. Наряду с отмеченным, автором настоящей статьи представлен анализ юридизации проблемы патриотизма в таких странах, как Республика Казахстан и Китайская Народная Республика, что нашло свое практическое воплощение в нормативных правовых актах этих стран. По мнению автора, выбор указанных двух государств обусловлен: во-первых, наиболее показательными действиями их правящих кругов в направлении правового закрепления патриотических начал среди своего населения; во-вторых, несомненной обоснованностью правовой регламентации воспитательной работы в обществе, в части формирования у граждан осознанного отношения к проявлению ими патриотических качеств и чувств по отношению к своему Отечеству; в-третьих, приемлемостью опыта отмеченных государств по правовому закреплению системы патриотического воспитания и для народов Российской Федерации.

Цель: выявить наиболее значимые направления, в части теоретико-правового обоснования роли патриотизма населения в конкретном государстве, а также особенности юридизации указанного явления в соответствующих нормативных правовых актах ряда зарубежных стран.

Методы: выполненное исследование основывается на применении общенаучных методов анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также эвристического и аксиологического методов познания, и метода контент-анализа. Результаты: в публикации представлен анализ ряда концептуальных положений теоретико-правового и философско-правового наследия немецких мыслителей И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, в части их обращения к теме патриотизма и его роли в деятельности государства по соответствующему воспитанию своих граждан. Наряду с отмеченным, автором исследованы наиболее существенные аспекты казахстанского и китайского опыта нормативного правового закрепления основных контуров правового воспитания населения в духе патриотизма.

Ключевые слова: теория права, философия права, законодательство, патриотизм, правовое воспитание, правовая культура, Отечество.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FOREIGN SCIENTIFIC AND LEGAL THOUGHT ON THE THEORETICAL AND LEGAL BASIS OF PATRIOTISM

Sergey Yu. Chimarov
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Relevance: the factor of a steady increase in the degree of confrontation between various states of the world and the aspirations of a number of them to hegemony on a global scale or at the regional level determines the relevance of appealing to the topic of propaganda, which acts as an effective means of reformatting the consciousness of the masses, in favor of the goals set before the propaganda machine of each state. This fact helps to clarify certain positions of foreign thought, accumulating the conclusions of its outstanding representatives, including those included in the galaxy

© Чимаров С.Ю.

of legal thinkers. Along with the above, the author of this article presents an analysis of the legitimization of the problem of patriotism in countries such as the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China, which has found its practical embodiment in the normative legal acts of these countries. According to the author, the choice of these two states is due to: firstly, the most significant actions of their ruling circles towards the legal consolidation of patriotic principles among their population; secondly, the undoubted validity of the legal regulation of educational work in society, in terms of forming citizens' conscious attitude to the manifestation of patriotic qualities and feelings towards them. thirdly, the acceptability of the experience of the mentioned states in the legal consolidation of the system of patriotic education for the peoples of the Russian Federation.

Objective: to identify the most significant areas in terms of theoretical and legal substantiation of the role of patriotism of the population in a particular state, as well as the features of the legitimization of this phenomenon in the relevant regulatory legal acts of a number of foreign countries. Methods: the performed research is based on the application of general scientific methods of analysis, synthesis, induction and deduction, as well as heuristic and axiological methods of cognition, and the method of content analysis. Results: the publication presents an analysis of a number of conceptual provisions of the theoretical-legal and philosophical-legal heritage of the German thinkers I. Kant and G.V.F. Hegel, in terms of their treatment of the topic of patriotism and its role in the activities of the state for the appropriate education of its citizens. Along with the above, the author examines the most significant aspects of the Kazakh and Chinese experience of normative legal consolidation of the main contours of legal education of the population in the spirit of patriotism.

Keywords: theory of law, philosophy of law, legislation, patriotism, legal education, legal culture, Fatherland.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Широко обсуждаемая и активным образом интегрируемая в область современной конструкции общественных отношений тема патриотизма масс и верности своему Отечеству и государству каждого гражданина, является не только велением времени, но и находит свое теоретическое обоснование в научных трудах многих мыслителей, обративших свой взор на роль патриотизма в жизни общества и важности развития у каждого члена этого общества чувства сопричастности к судьбе своего государства, в данном случае тождественного высоко-моральному понятию Родина. При этом особого внимания заслуживают философско-правовые суждения И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля.

Несмотря на то обстоятельство, что дефиниции «Родина» и «Отечество» не относятся к разряду сугубо правовых понятий, созвучное им по своей этимологии понятие «патриотизм», находит отражение, а по ряду позиций, и юридическое оформление, в соответствующих нормативных правовых актах отдельных стран. В указанном случае, представляется оправданным обращение как к теоретико-правовому и философско-правовому наследию отмеченных титанов философии права, так и к некоторым положениям нормативных правовых установлений зарубежных документов и, в частности, постановлениям Правительства Республики Казахстан (далее – Казахстан) и закона Китайской Народной Республики (далее – Китай).

Представленный в проводимом нами исследовании материал соответствует положениям паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки», в частности 17-му направлению исследования: «Правовое сознание, правовая культура и правовое воспитание».

Обсуждение.

Тема патриотизма и соответствующий настрой населения каждого государства выступают в качестве камертона, по которому сверяется потенциал населения страны к решению актуальных задач в пределах этого государства, а также готовности каждого к отстаиванию интересов своего Отечества перед внешней угрозой или явным нападением на страну вражеской стороны.

Отмеченное подтверждается умозаключением И. Канта, обратившего внимание на тот факт, что уже в древние времена (на примере Афин и Рима) государство смогло достойным образом функционировать лишь в тот исторический период, когда дух патриотизма был на высоте. И наоборот, указанные государства стремительно пошли «навстречу своей гибели тогда, когда истинно патриотический образ мыслей их населения уже угас» [1, с. 346].

С учетом изложенного, несомненного внимания заслуживают суждения И. Канта об актуальности на все времена существования общества, государства и человека как члена общества и гражданина, однозначно сформированной в «государственно-патриотическом ключе» соответствующей идеи поведения. При этом, как отмечает указанный немецкий философ, идея поведения имеет для каждого человека «значение как предписание к подражанию» [2, с. 305].

Вводя понятие «юридически-гражданское (политическое) состояние», сводимое к обязательно-

© Чимаров С.Ю.

сти людей подчиняться принудительной силе публичных правовых законов, И. Кант, вместе с тем, призывает каждого к переходу в «этически-гражданское состояние», устойчивость которого поддерживается силой добродетели, а главное осознанием своей принадлежности к общности, как граждан государства [2, с. 330–331].

Указанные философско-правовые констатации немецкого мыслителя в полной мере разделяются и дополняются в выводах его соотечественника Г.В.Ф. Гегеля, справедливо и достаточно обоснованно заключающего о устойчивости связи чувства патриотизма каждого гражданина с чувством его доверия к своему государству. Развивая свою мысль в направлении выявления этой связи, отмеченный ученый резюмирует свои размышления следующим образом: «Патриотизм основывается на сознании абсолютного государства. Такое умонастроение, готовность отдать свое достояние и жизнь ради целого в народе тем больше, чем больше отдельный человек может ради общего дела действовать по собственной воле и самостоятельно, и чем больше доверия испытывает он к государству» [3, с. 70].

Таким образом, согласно гегелевскому подходу к данному вопросу, государство и, в первую очередь, его руководящие органы и соответствующие институты, свои призывы к патриотизму граждан должны подкреплять своей напряженной работой по совершенствованию всех сторон функционирования самого государства и обеспечению реально ощутимого блага для его населения.

Выявленные данным немецким философом и правоведом условия «крепости» патриотических начал имеют глубоко нравственный смысл и даже, как отмечает Г.В.Ф. Гегель, в аксиологическом плане эти начала достойны их возведения в ранг абсолютной нравственности, которая «проявляется не как любовь к отечеству, народу, к законам, а как абсолютная жизнь в отечестве и для народа» [4, с. 330].

Обращаясь к отдельным образцам зарубежного опыта формирования у граждан своих стран необходимого уровня правового сознания и правовой культуры, представляется оправданным апеллирование к опыту Казахстана и Китая.

Применительно к казахстанской модели исследуемого вопроса, уместно указать на тот факт, что изначально квинтэссенция базовых моментов казахстанского патриотизма впервые получила свое нормативное правовое закрепление в программе «Рухани жаңғыру» (казах. «взгляд в будущее») [5].

В действительности, отмеченный документ стратегического планирования включал в себя направления модернизации общественного сознания и патриотического воспитания молодежи страны, сводимые к достижению:

1) конкурентоспособности;

2) прагматизма;

3) сохранения национальной идентичности;

4) открытости сознания;

5) приверженности культу знания и эволюционного развития Казахстана.

В настоящее время в национальную систему страны по патриотическому воспитанию молодежи интегрирован военный компонент, а основные подходы к решению задач военно-патриотического воспитания получили свое нормативное правовое закрепление в соответствующем Постановлении Правительства Республики Казахстан от 24 ноября 2023 года № 1039 [6] и программе «Жас сарбаз» (казах. «молодой солдат») [7].

Закрепляя анализ текущей ситуации с указанным видом воспитания казахстанских граждан и презентуя опыт военно-патриотического воспитания в ряде зарубежных стран (Беларусь, Китай, Кыргызстан, Россия, Китай и Узбекистан), указанный документ Правительства страны на концептуальном уровне фиксирует:

1) видение развития военно-патриотического воспитания;

2) основные принципы и подходы развития отмеченной области работы государства.

В Китае общие направления и содержание работы по исследуемому вопросу закреплены в Законе Китайской Народной Республики от 24 октября 2023 г. «О патриотическом воспитании» (кит. «中华人民共和国爱国主义教育法» (далее – Закон) [8].

Целеполагание отмеченного документа заключается в следующем:

– во-первых, укрепление патриотического воспитания в новую эпоху;

– во-вторых, сохранение и развитие духа патриотизма;

– в-третьих, объединение различных сил для всестороннего строительства современного социалистического государства и содействия возрождению китайской нации.

При этом, основываясь на идее «тройного представительства» (марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзедуна, теория Дэн Сяопина) и научного взгляда на развитие идей Си Цзиньпина, патриотизм должен стать твердым убеждением, духовной силой и сознательным действием всего народа (статья 3).

Акцентируя внимание на основах воспитания чувства патриотизма, статья 4 данного законо-

© Чимаров С.Ю.

дательного акта содержит следующий их перечень:

1) идеологическое руководство;

2) культурное развитие;

3) образовательное руководство;

4) практическое развитие;

5) четкие темы;

6) интеграция в повседневную жизнь;

7) адаптация к местным условиям;

8) сосредоточение на эффективности.

В контексте исследуемого вопроса, принципиальное значение имеют положения статьи 6 Закона, касающиеся основного содержания патриотического воспитания, а именно:

1) идея «тройного представительства», научный взгляд на развитие и идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи;

2) история Коммунистической партии Китая (далее – КПК), Нового Китая, реформ и открытости, социалистического развития и развития китайской нации;

3) социалистическая система с китайской спецификой, великие достижения, исторический опыт и яркая практика КПК, ведущей народ в единой борьбе;

4) культура: превосходная традиционная, революционная и передовая социалистическая;

5) национальные символы и эмблемы (государственный флаг, государственный гимн и государственный герб);

6) великолепные горы и реки, историческое и культурное наследие Родины;

7) знание и понимание Конституции и законов, национального единства и этнической солидарности, национальной безопасности и национальной обороны;

8) деяния героев, мучеников и передовых образцовых деятелей, а также национальный дух и дух времени, которые они воплощают;

9) другой патриотический контент.

Как следует из текста Закона, его нормативные правовые предписания в первую очередь касаются миссии государства по патриотическому воспитанию.

Указанному предназначению корреспондируют следующие направления деятельности:

– во-первых, осуществление образования с целью формирования сильного чувства общности китайской нации;

– во-вторых, содействие обменам и интеграции между всеми этническими группами;

– в-третьих, укрепление идентификации с великой Родиной, китайской нацией, китайской культурой, КПК и социализмом с китайской спецификой;

– в-четвертых, создание общего духовного дома для китайской нации.

Наполняя контент патриотического воспитания элементами учета зарубежного опыта, китайский законодатель исходит из того, что отмеченный вид воздействия на сознание общества и личности должен:

1) сочетать воспитание патриотизма с расширением открытости внешнему миру;

2) придерживаться рациональности, терпимости и открытости;

3) уважать исторические особенности и культурные традиции разных стран;

4) изучать и усваивать все выдающиеся достижения человеческой цивилизации.

Апеллируя к вопросу об обязанностях и ответственности в части патриотического воспитания, Закон предписывает центральным и местным компетентным Департаментам, и отделам патриотического воспитания обеспечивать соответствующее руководство, надзор и общую координацию работы по данному виду воспитания в масштабе страны и в ее регионах.

При этом в обойму субъектов воспитания включены:

– во-первых, административные отделы образования местных народных правительств уровня уезда и выше, наделяемые широким функционалом своей работы в школах (организация, координация, руководство и надзор);

– во-вторых, местные структуры культуры и туризма, прессы, радио, кинематографии, интернет-информации;

– в-третьих, иные департаменты, которым также вменена соответствующая предметная область работы.

Особое место в системе патриотического воспитания китайский законодатель отводит Народно-освободительной армии Китая и Народным вооруженным силам полиции Китая, идеологические подразделения которых обязаны работать не только со своим личным составом, но и распространять силу своего влияния на общество в целом.

Во имя поставленной перед китайским обществом «великой цели» сплочения нации, аналогичные задачи возведены в ранг Закона и распространяют свое действие на работу профсою-

© Чимаров С.Ю.

зов, Коммунистического союза молодежи, различных федераций (женщин, промышленности и торговли, литературных и художественных кружков, вернувшихся за границу китайцев, инвалидов, молодежи) и ассоциаций (писателей, науки и техники, тайваньских соотечественников), а также ряда иных массовых организаций, включая и религиозные. При этом каждая из указанных структур гражданского общества страны призвана концентрировать свои усилия по продвижению идеи патриотизма преимущественно в связанных с ними областях и группах.

Придавая особое внимание патриотическому воспитанию подрастающего поколения китайской нации и ее молодежи, Закон содержит конкретные предписания для всей системы школьного образования.

В число приоритетных задач работы с указанной категорией населения страны, китайским школам всех уровней и типов предписано:

1) интегрировать патриотическое воспитание в общий процесс школьного образования;

2) эффективно проводить и преподавать курсы идеологической и политической теории;

3) включать содержание патриотического воспитания в различные предметы и учебники.

При этом отмеченный спектр задач на школьном уровне различных вариаций должен способствовать эффективности функционирования механизма связи между курсами, связанными с патриотическим воспитанием и принятыми в обществе национальными правилами, а также обеспечивать адресный характер нацеленности данного вида воспитания на характерные особенности учащихся разных возрастных групп. Обязывая субъекты продвижения идей патриотизма в содержание и методику обучения, Закон акцентирует внимание на повышении степени уместности, систематичности, близости и привлекательности патриотического воспитания.

Исходя из буквы и духа Закона, следует обратить внимание на то обстоятельство, что ключевыми акторами национальной парадигмы патриотического воспитания в Китае являются родители или другие опекуны несовершеннолетних. Отмеченная когорта воспитателей призвана включать в семейное воспитание любовь к Родине, сотрудничать со школами по вопросам проведения мероприятий, в части патриотического воспитания и обучения, а также в инициативном порядке направлять и поощрять несовершеннолетних к участию в различного рода общественных патриотических мероприятиях.

Закрепляя обязанность участия в патриотическом воспитании предприятий, учреждений образования, науки и техники, культуры, и других общественных организаций, положения Закона обязывают представителей корпорации ученых и других слоев интеллигенции активно содействовать развитию духа и профессионализма своих коллег, которые во всех своих действиях должны исходить из осознания ими неустанной заботы о Родине, своего служения народу и во всем прославлять свою страну.

Кроме того, в систему патриотического воспитания интегрированы народные правительства и массовые автономные организации населения, к миссии которых отнесены целенаправленные действия по воплощению духа патриотизма в гражданских собраниях, в деревенских правилах и нормах.

С учетом актуальности проблемы дезинформации и противостоящих ей вопросов пропаганды и контрпропаганды, Закон обязывает поставщиков информационных услуг в Интернете укреплять создание контента патриотического воспитания в режиме онлайн, производить и распространять онлайн-информацию и осуществлять работы, воплощающие дух патриотизма и продвигающие его посредством применения новых цифровых платформ и технологий.

Заключение.

Подводя итог изложенному, представляется целесообразным заключить следующее:

1. Рассмотренные в настоящей статье отдельные положения зарубежной научной и юридической мысли относительно теоретико-правовых основ патриотизма подтверждают актуальность нового ракурса проведения исследований в области патриотического воспитания населения страны, а саму тему патриотизма, в ее практическом смысле, следует оценивать в качестве мощного мобилизационного ресурса, позволяющего при необходимости действенным образом аккумулировать усилия масс в решении обширного спектра стоящих перед конкретным обществом и государством задач.

2. Встав на путь укрепления своей государственности, руководство Казахстана ключевым фактором уверенного продвижения по данному направлению определило идею патриотизма и военно-патриотического воспитания молодежи, что несомненно отвечает велению времени и подтверждено соответствующими правовыми решениями.

3. Исторически сложившаяся и всеобъемлющая по своему характеру система патриотического воспитания в Китае, вобрав в себя передовые образцы подобного направления деятельности государства и достижения в решении этого вопроса КПК, а также лучшие практики из зарубежного опыта и, в первую очередь, социалистических стран, получила нормативное правовое закрепление на уровне Закона, что свидетельствует об очевидной значимости отмеченного направления воспитательной работы, эффективность реализации которого в определяющей степени способствует позитивной динамике развития китайского общества и дальнейшему укреплению государственного суверенитета Китая.

© Чимаров С.Ю.

Конфликт интересов
Не указан

Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest
None declared

Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения в шести томах. М. : Издательство «Мысль», 1966. Т. 5. С. 161–527.
2. Кант И. Религия в пределах только разума // Трактаты. СПб. : «Наука», 2006. С. 259–424.
3. Гегель Г. Философская пропедевтика // Работы разных лет : в двух томах. М., 1971. Т. 2. С. 7–209.
4. Гегель В.Ф. Система нравственности // Политические произведения. М. : Издательство «Наука», 1978. С. 276–367.
5. Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 октября 2021 года № 724 № «Об утверждении национального проекта «Ұлттық рухани жаңғыру» (документ утратил силу). URL : https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000724 (дата обращения 03.05.2025).
6. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 ноября 2023 года № 1039 «Об утверждении Концепции военно-патриотического воспитания молодежи до 2030 года». URL : https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001039 (дата обращения 03.05.2025).
7. Методические рекомендации к программе «Жас сарбаз». Астана : НАО имени И. Алтынсарина, 2024. 120 с. URL : https://uba.edu.kz/storage/app/media/56.RS.pdf (дата обращения 03.05.2025).
8. The Law of the People's Republic of China on Patriotic Education (Adopted at the Sixth Session of the Standing Committee of the Fourteenth National People's Congress on October 24, 2023). URL : https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6911481.htm (дата обращения 27.04.2025).

References:

1. Kant I. Critique of the faculty of judgment // Works in six volumes. M. : Izdatelstvo «Mysl», 1966. Vol. 5. P. 161–527.
2. Kant I. Religion within the limits of reason alone // Treatises. SPb. : «Nauka», 2006. P. 259–424.
3. Hegel G. Philosophical propaedeutics // Works of different years: in two volumes. M., 1971. Vol. 2. P. 7–209.
4. Hegel V.F. System of morality // Political works. M. : Publishing House «Nauka», 1978. P. 276–367.
5. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated October 12, 2021 № 724 «On approval of the national project» Ulttyk ruhani zhangyru (the document has ceased to be valid). URL : https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000724 (date of application 03.05.2025).
6. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated November 24, 2023 № 1039 «On approval of the Concept of military-patriotic education of youth until 2030». URL : https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001039 (date of application 03.05.2025).
7. Methodical recommendations for the program «Zhas Sarbaz». Astana : NAO named after I. Altynsarin, 2024. 120 p. URL : https://uba.edu.kz/storage/app/media/56.RS.pdf (date of application 03.05.2025).
8. The Law of the People's Republic of China on Patriotic Education (Adopted at the Sixth Session of the Standing Committee of the Fourteenth National People's Congress on October 24, 2023). URL : https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6911481.htm (date of application 27.04.2025).

Информация об авторе

Чимаров Сергей Юрьевич
доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
ORCID: 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Sergey Yu. Chimarov
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ORCID: 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Чимаров С.Ю.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-25
УДК 340

Attribution
cc by

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ РОССИИ

Ястребова А.А.
Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Актуальность: апеллируя к генезису и дальнейшей истории развития арбитража, в контексте задействования определенного набора технологических приемов и процедур, сопряженных с решением экономических споров, следует указать на динамизм интегрирования в различные сферы жизни современного социума новых технологий на цифровых платформах. Указанное обстоятельство является не только велением времени, но и характерным признаком совершенствования многообразия отношений между государством, юридическими и физическими лицами. Отмеченное в полной мере приемлемо для отечественного правосудия вообще и арбитражного судопроизводства, в частности. Данные тезисы свидетельствуют об актуальности теоретико-правового переосмысления некоторых сторон механизмов защиты прав и законных интересов лиц в арбитражном судопроизводстве, функционирующих на новой основе существующих технологических решений, которые являются инновационной базой для действующей системы документооборота.

Цель: с позиций теории права выявить особенности электронного формата отечественного правосудия в области справедливого и оперативного рассмотрения судебных дел между различными сторонами экономических споров. Методы: в процессе проведения исследования применялись общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также методы формально-юридический и контент-анализа. Результаты: в публикации представлен анализ: во-первых, теоретико-правовых воззрений представителей научной мысли на проблему имплементации современных технологий в арбитражных судах; во-вторых, ряда нормативных правовых предписаний, способствующих конкретизации проблемного поля проводимого исследования. Выводы и заключения: материалы данной публикации подтверждают актуальность проведенного теоретико-правового исследования и могут быть востребованы в процессе дальнейшего изучения истории и теории цифровой трансформации механизмов защиты прав и законных интересов лиц в арбитражном судопроизводстве.

Ключевые слова: теория права, арбитраж, имплементация, закон, судопроизводство, электронное правосудие, технологии, цифровая трансформация.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF IMPLEMENTATION OF MODERN TECHNOLOGIES IN ARBITRATION COURTS OF RUSSIA

Anna A. Yastrebova
North-West Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. Relevance: referring to the genesis and further history of arbitration development, in the context of the use of a certain set of technological techniques and procedures associated with the resolution of economic disputes, it is necessary to point out the dynamism of the integration of new technologies on digital platforms into various spheres of life of modern society. This circumstance is not only the imperative of the times, but also a characteristic feature of the improvement of the diversity of relations between the state, legal entities and individuals. The above is fully acceptable for domestic justice in general and arbitration proceedings in particular. These theses testify to the rele-

© Ястребова А.А.

vance of the theoretical and legal rethinking of some aspects of the mechanisms for protecting the rights and legitimate interests of persons in arbitration proceedings, functioning on a new basis of existing technological solutions, which are an innovative basis for the current document management system. Objective: from the standpoint of legal theory, to identify the features of the electronic format of domestic justice in the field of fair and prompt consideration of court cases between different parties to economic disputes. Methods: the study used general scientific methods of analysis, synthesis, induction and deduction, as well as methods of formal-legal and content analysis. Results: the publication presents an analysis of: firstly, the theoretical and legal views of representatives of scientific thought on the problem of implementing modern technologies in arbitration courts; secondly, a number of regulatory legal regulations that help to concretize the problem field of the study. Findings and conclusions: the materials of this publication confirm the relevance of the theoretical and legal study and may be in demand in the process of further studying the history and theory of digital transformation of mechanisms for protecting the rights and legitimate interests of individuals in arbitration proceedings.

Keywords: legal theory, arbitration, implementation, law, legal proceedings, e-justice, technology, digital transformation.

***Funding**:* Independent work.

Введение. Фактор обращения к теоретико-правовому исследованию правовых механизмов реализации и защиты прав и законных интересов лиц в арбитражном судопроизводстве, а также истории их формирования и последующего совершенствования, неотделим от анализа современного периода практического воплощения новой парадигмы функционирования указанного судопроизводства. При этом следует обратить внимание на соответствие дорожной карты происходящих изменений в российском арбитраже букве и духу экспоненциального по своей динамике роста уровня применяемых инновационных решений, позволяющих наиболее эффективно заменять отдельные рутинные операции, упрощая, таким образом, работу всей системы арбитражных судов России посредством применения цифровых платформ.

Указанное обстоятельство корреспондирует особенностям международной обстановки и стремлению ряда недружественных нашей стране государств нанести ущерб российской экономике, переводя ее в состояние перманентного и ожесточенного по накалу режима санкционного давления.

Подобного рода отношение враждебно настроенных к России государств также аккумулирует силу давления на отечественную систему арбитражных судов, деятельность которых напрямую связана с разрешением экономических споров, правовой защитой предпринимательской деятельности и, как итог, защитой в судебном порядке экономических интересов России, а, следовательно, и суверенитета нашего государства.

Приведенные нами суждения направлены на обоснование нового теоретико-правового осмысления феномена имплементации современных технологических решений в отечественную систему арбитражных судов, что позволит выявить роль механизма государственного влияния на оптимизацию различных сфер общественной жизни, относящихся к его компетенции.

Представленный в проводимом нами исследовании материал соответствует положениям паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки», а именно 13-му направлению исследования: «цифровизация в государственно-правовой сфере».

Обсуждение.

Выбор в каждой отдельной стране оптимальной модели интегрирования новых цифровых технологий в правовые механизмы реализации и защиты прав и законных интересов лиц в арбитражном судопроизводстве:

– во-первых, порождает особые условия функционирования электронного правосудия;

– во-вторых, способствует проведению обширных дискуссий среди представителей различных научных специальностей, включая специальность теоретико-исторических правовых наук, в поле зрения которой входит исследование проблем цифровизации сферы государства и права.

Как нам представляется, целеполагание самой идеи научного обсуждения целесообразности задействования системы электронного правосудия и связанных с этими действиями эвентуальных рисков, имеет принципиальное значение для всестороннего рассмотрения отмеченной проблемы, позволяя при этом:

– во-первых, выявить уровень ее теоретико-правовой разработанности и степень приемлемости для современного периода развития российского арбитража;

– во-вторых, оценить последствия форсированного внедрения, а по ряду позиций и «насаждения», цифровых технологий в практику арбитражного судопроизводства.

С учетом отмеченного, нам представляется необходимым заключить о необходимости взвешенной оценки допускаемых нововведений и более обстоятельного изучения существующего

© Ястребова А.А.

опыта апробирования системы электронного правосудия.

Акцентируя внимание на сущностном понимании категории «электронное правосудие», отдельные специалисты-правоведы [1, с. 183] сводят содержание данного понятия к обретению судебными органами и иными участниками судебного процесса инновационного потенциала, позволяющего им осуществлять необходимые действия, исходя из их юридической значимости, а также способности оказывать влияние на возбуждение и осуществление судебного разбирательства, которое осуществляется в соответствии с действующими нормами законодательства и с использованием различных электронных сервисов.

Как мы полагаем, в данном случае, речь идет о возможности подачи заявлений в электронном виде, а также об участии в судебных заседаниях в формате задействования такого цифрового ресурса, как веб-конференция.

Наряду с отмеченным, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в более широком смысле, методология электронного правосудия предполагает сквозной порядок применения новых технологических решений на различных этапах механизма судебного разбирательства, включая и арбитражное.

Иллюстрацией к отмеченному могут служить следующие возможности электронного правосудия:

1) осуществление электронного документооборота;

2) формирования т.н. его «внутреннего ядра», применительно к деятельности самого суда;

3) обеспечение работы системы, позволяющей обеспечивать процесс ведения электронного дела;

4) размещение отдельных судебных актов на электронных ресурсах, имеющих официальный характер;

5) задействование потенциала/систем аудио и видеозаписей;

6) применение специальной техники, позволяющей формировать базу электронных доказательств, с их последующим анализом.

С учетом отмеченного, небезынтересной является научная позиция, которой придерживается Ю.А. Кондюрина [2, с. 60], по мнению которой электронное правосудие может быть сведено к способности интегрирования в цивилистический процесс современных технологий, основанных на достижениях информационного общества и позволяющих производить процессуальные действия, «выраженные в электронной форме, а также обеспечивать электронный формат функционирования судебной деятельности» [2, с. 60].

Рассмотренные научные позиции правоведов не противоречат выводу, к которому приходит П.С Долгополов, сводящий систему электронного правосудия одновременно к способу и модели реализации правомерных процессуальных действий. При этом указанные действия предполагают активное применение современных информационных технологий в судебной деятельности, включая электронный способ взаимодействия судов различных инстанций и иных задействованных в арбитражном судопроизводстве сторон [3].

Аналогичная констатация просматривается в размышлениях, которые презентует юридической общественности С.В. Романенкова [4, с. 27]. Как следует из логики суждений указанного автора, квинтэссенция электронного правосудия заключается в способности участников судебного процесса осуществлять в пределах действующего законодательства необходимые действия, способные обеспечить прямое влияние на ход судебного процесса, посредством своего обращения к потенциалу электронных систем.

Придерживаясь принципа открытости отечественной правовой системы к восприятию положительного зарубежного опыта, в части учета теоретико-правовых выводов ученых-юристов иностранных государств, мы считаем оправданным обратить внимание на материалы Второго национального академического симпозиума по цифровому правосудию (кит. «第二届全国数字正义学术研讨会成») (далее – цифровой симпозиум Китая), состоявшегося в Чжуннаньском университете экономики и права (ZUEL) (г. Ухань, Китай), при котором создана «Лаборатория электронных данных для судебного применения» (кит. «电子数据司法应用实验室» [5].

Проведенный нами анализ выступлений участников отмеченного форума позволяет выявить наиболее значимые аспекты, имеющие непосредственное отношение к теме проведенного исследования:

1) применение цифровых технологий, особенно искусственного интеллекта, больших данных и других технологий в судебной сфере, способствует цифровой трансформации судебной системы и повышению ее эффективности;

2) факторы сбора и проверки цифровых доказательств и их нацеленности на содействие разумному принятию судебных решений, и как следствие, повышению на практике эффективности судебной системы, вместе с тем предполагают поддержание баланса между применением новых технологий и справедливостью правосудия;

3) признание очевидной полезности применения электронного правосудия, свидетельствую-

© Ястребова А.А.

щего о прорыве в области эффективности судебной системы, следует сочетать с возможностью возникновения проблемы подлинности, целостности и законности представляемых в суд цифровых доказательств; электронное правосудие – это не только технический, но и юридический, и этический вопрос;

4) справедливость электронного правосудия в значительной степени определяется способностью правовой науки, национального законодательства и юридической практики обеспечить верховенство права в контексте внедряемой цифровизации, а также упорядоченное развитие технологий в рамках правовой базы;

5) внедрение элементов в судебную систему должно соответствовать принципу «отстаивания истины и внедрения инноваций», применение которых, несомненно, следует приветствовать.

Представленная детализация материалов цифрового симпозиума в Китае имеет очевидное значение в плане экстраполяции, прозвучавших в ходе его работы суждений представителей юридической науки и для области российского арбитража, в части совершенствования правовых механизмов реализации и защиты прав и законных интересов лиц в арбитражном судопроизводстве.

Обращаясь к отечественной практике законодательного решения исследуемого вопроса, необходимо отметить, что первые попытки внедрения в арбитражный процесс технологических инноваций связано с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ [6], закрепившего процессуальные нормы, связанные с цифровизацией арбитражного судопроизводства.

В частности, указанный нормативный правовой акт наделил лиц из числа участников рассмотрения судебного дела правом, позволяющим:

1) представлять в арбитражный суд документы в электронном виде;

2) заполнять формы документов, размещенные на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет;

3) использовать в судебном заседании видеоконференц-связи в судебном заседании, с учетом строгой регламентации порядка обращения к указанной инновации.

Кроме того, согласно правовой норме указанного законодательного акта, закреплена функция обязательного протоколирования судебного заседания с использованием аудиозаписи.

Что касается категории «электронный документ», то данное понятие получило свое нормативное закрепление в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [7]. В соответствии с пунктом 11.1 статьи 2 указанного Федерального Закона, под электронным документом понимается электронная форма документированной информации, представленная в допустимом для восприятия человеком виде, основанная на применении электронной техники и позволяющая ее транслировать и обрабатывать посредством задействования соответствующих информационных систем. Вместе с тем, в настоящее время на законодательном уровне отсутствует закрепление концептуально значимых для области электронного правосудия понятий: «электронный документооборот», «электронное делопроизводство», а также самого понятия «электронное правосудие».

Необходимость легитимации обширной обоймы категориального аппарата для области отечественного арбитража, в «приложении» этого аппарата к области цифровизации арбитражного судопроизводства, отражена в ряде научных работ отечественных правоведов. К примеру, углубляясь в рассмотрение темы изучения технологических инноваций и их интегрирования в судебную систему, Н.Н. Бойко и Л.Р. Юлбердина исследовали вопрос легитимности электронных документов и предложили свое видение определения «электронный документооборот» для арбитражной судебной системы. Данное видение сводится к деятельности лиц – участников арбитражного процесса, направленной на оптимизацию ряда процессуальных действий, связанных с электронными аспектами правосудия, посредством использования сети «Интернет» [7, с. 108].

Соотнося категории «электронный документ», «электронный образ документа», «электронная подпись» и «обращение в суд», А.Н. Приженникова [8, с. 287–288] объединяет их в единый комплекс, именуемый «электронное правосудие», под которым указанный автор понимает систему, состоящую из следующих элементов:

1) информационные сайты судов;

2) цифровые платформы;

3) информация о статусе судебного дела в онлайн-режиме;

4) системы видеоконференций и др.

Как представлено в научных трудах отдельных зарубежных исследователей, фактор учреждения умной судебной системы (англ. «smart judicial system»), способствуя ее цифровой трансформации, одновременно позволяет обеспечить повышение точности и эффективности судебных процессов [9, с. 57]. Согласно логике указанных авторов, переход современной судебной системы на путь соответствия достижениям нового технологического уклада, это не только уход от традиционной рутинной «бумажной работы» при рассмотрении дел в судах, но и стремление к достижению более надежного баланса между справедливостью и эффективностью, основанных на чистоте цифровых доказательств.

© Ястребова А.А.

Подтверждением обоснованности отмеченных суждений обширного отряда отечественных и зарубежных правоведов может служить решение Верховного Суда Российской Федерации – высшего судебного органа по ряду дел, включая дела по разрешению экономических споров.

В качестве примера представляется необходимым обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 40 [10], в соответствии с которым:

– во-первых, закреплен порядок направления в арбитражный суд заявлений кредиторов о включении в реестр требований кредиторов должника посредством соблюдения электронной формы обращения;

– во-вторых, закреплена правовая позиция, согласно которой: если лицо, подавшее в суд заявление в иной форме, не сможет обосновать невозможность соблюдения электронной формы обращения, то арбитражные суды вправе возвратить указанные заявления.

Заключение.

Подводя итог изложенному, представляется целесообразным заключить следующее:

1. Актуальность проведения теоретико-правового анализа проблемы имплементации современных технологий в арбитражных судах обусловлена действием фактора неотвратимости внедрения в теорию и практику арбитражного судопроизводства двух компонентов, сопряженных:

– во-первых, с массивом дискуссионных положений, осмысление которых в контексте очевидных достоинств электронного правосудия и возможных угроз и рисков, способных подорвать доверие к справедливому судебному решению, требует дополнительного и всестороннего теоретического изучения, а также выработки соответствующих рекомендаций;

– во-вторых, с повышением уровня оперативности рассмотрения судебных дел и наращиванием системы электронного документооборота, а главное с обоснованностью предоставляемых в суд цифровых доказательств, что также требует соответствующей теоретико-правовой и экспертной проработки.

2. Возможность применения новых цифровых технологий в системе арбитражного судопроизводства неотделима от поиска новых, более выверенных путей достижения приемлемого уровня цифрового правосудия, корреспондирующего положениям общепринятых стандартов его применения, основанных на поддержании справедливой, эффективной и прозрачной цифровой среды верховенства права и защиты персональных данных.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Орлова А.Н. Понятие электронного правосудия как элемента современной правовой системы // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30(4). С. 182–189.
2. Кондюрина Ю.А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. 197 с.
3. Долгополов П.С. Вопрос-ответ. Что такое система электронного правосудия в РФ? // СПС «КонсультантПлюс».
4. Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26–31.
5. The Second National Academic Symposium on Digital Justice // Criminal Justice School in Zhongnan University of Economics and Law. 2024, November 18. URL : https://cjs.zuel.edu.cn/2024/1123/c3123a378934/page.htm (date of application 17.05.2025).
6. Федеральный закон от 27.07.2010 №228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 02 августа, 2010. № 169.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 29 июля, 2006. № 165.
8. Бойко Н.Н. Использование электронного документооборота и электронного документа как доказательства в суде / Н.Н. Бойко, Л.Р. Юлбердина // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8(176). С. 108–109.
9. Приженникова А.Н. Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты // Образование и право. 2020. № 3. С. 287–297.

© Ястребова А.А.

10. Shu W. Research on the Application of Legal Theory Under the Smart Court System / W. Shu, L. Siqi, X. Kaiyan // Law and Economy. 2024. Vol. 3(6). P. 57–62.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 26 декабря, 2024. № 295.

References:

1. Orlova A.N. The concept of electronic justice as an element of the modern legal system // Bulletin of Kostroma State University. 2024. Vol. 30(4). P. 182–189.
2. Kondyurina Yu.A. Principles of the civil process in the electronic justice system : dis. ... cand. jurid. sciences'. Omsk, 2020. 197 p.
3. Dolgopolov P.S. Question and answer. What is the electronic justice system in the Russian Federation? // SPS «ConsultantPlus».
4. Romanenkova S.V. The concept of electronic justice, its genesis and introduction into the law enforcement practice of foreign countries // Arbitration and Civil Procedure. 2013. № 4. P. 26–31.
5. The Second National Academic Symposium on Digital Justice // Criminal Justice School in Zhongnan University of Economics and Law. 2024, November 18. URL : https://cjs.zuel.edu.cn/2024/1123/c3123a378934/page.htm (date of application 17.05.2025).
6. Federal Law № 228-FZ dated July 27, 2010, «On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. August 02, 2010. № 169.
7. Federal Law № 149-FZ dated July 27, 2006, «On Information, Information Technologies, and Information Protection» // Rossiyskaya Gazeta. July 29, 2006. № 165.
8. Boyko N.N. The Use of Electronic Document Management and Electronic Document as Evidence in Court / N.N. Boyko, L.R. Yulberdina // Law and State: Theory and Practice. 2019. № 8(176). P. 108–109.
9. Prizhennikova A.N. Digitalization of Justice: Theoretical and Practical Aspects // Education and Law. 2020. № 3. P. 287–297.
10. Shu W. Research on the Application of Legal Theory Under the Smart Court System / W. Shu, L. Siqi, X. Kaiyan // Law and Economy. 2024. Vol. 3(6). P. 57–62.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2024, № 40, «On Certain Issues Related to the Implementation of Federal Law № 107-FZ of May 29, 2024, «On Amendments to the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy) and Article 223 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. December 26, 2024. № 295.

Информация об авторе

Ястребова Анна Андреевна
аспирантка юридического факультета,
Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
anya.yastrebova@mail.ru

Anna A. Yastrebova
Postgraduate Student of the Faculty of Law,
North-West Institute of Management
is a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
anya.yastrebova@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Ястребова А.А.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-4
УДК 331.108.2

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РЫНКА ТРУДА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Калашникова И.В.[1], Акимов Д.В.[2], Сигитова М.А.[3], Козырская И.Е.[4]
[1, 3]Тихоокеанский государственный университет,
[2]ООО «НИКА»,
[4]Байкальский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются параметры и факторы, характеризующие конъюнктуру рынка труда дальневосточных регионов России, определены ключевые вызовы, препятствующие устойчивости социально-трудовой сферы макрорегиона, росту качества трудовой жизни. Несмотря на «зарплатное лидерство», дальневосточные субъекты РФ остаются малопривлекательными для экономически активной части населения. В итоге, высокая заработная плата не сказывается положительным образом на рейтинге регионов по рынку труда. По показателю hh.индекса ни один из дальневосточных субъектов не достиг «нормального» значения, сигнализируя о растущей угрозе в сфере кадрового обеспечения. Ключевым вызовом остается сокращение численности населения макрорегиона как в связи с миграционными процессами, так и естественной убылью. Привлечение иностранной рабочей силы не решает проблем кадрового дефицита по многим причинам: низкой квалификации трудовых мигрантов, сложностью адаптации, правовыми ограничениями и др. В качестве фактора, смягчающего напряженность на рынке труда, можно рассматривать платформенную занятость, которая зачастую является источником увеличения доходов. Высокая стоимость «дальневосточной» потребительской корзины вынуждает искать разные варианты подработки, в том числе за счет платформенной занятости. Особенно она привлекательна среди студенческой молодежи. Однако в 2023 г. зафиксировано снижение платформенной занятости в результате роста спроса работодателей на «офисный» труд. Перечисленные краеугольные вызовы рынка труда актуализируют необходимость проведения более глубоких и системных исследований трудовой сферы, которые бы учитывали причины традиционного «трудодефицита» дальневосточных регионов.

Ключевые слова: Дальний Восток, рынок труда, рейтинг регионов по рынку труда, рейтинговый балл, hh.индекс, миграция, платформенная занятость, кадровый дефицит.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC CHALLENGES OF THE RUSSIAN FAR EAST LABOR MARKET

Irina V. Kalashnikova[1], Denis V. Akimov[2], Marina A. Sigitova[3], Irina E. Kozyrskaya[4]
[1, 3]Pacific National University
[2]NIKA LLC,
[4]Baikal State University

Abstract. The article examines the parameters and factors characterizing the labor market conditions in the Far Eastern regions of Russia, identifies key challenges that hinder the sustainability of the social and labor sphere of the macroregion and the growth of the quality of working life. Despite the «salary leadership», the Far Eastern regions of the Russian Federation remain unattractive for the economically active part of the population. As a result, high wages do not have a positive effect on the regions' labor market rankings. According to the hh index, none of the Far Eastern regions has reached a «normal» value, signaling a growing threat in the field of human resources. The reduction of the macroregion's population remains a key challenge, both due to migration processes and natural decline. Attracting foreign labor does not solve the problems of personnel shortage for many reasons: low qualifications of migrant workers, difficulties in adaptation, legal restrictions, etc. Platform employment, which is often a source of income growth, can be considered as a factor mitigating tension in the

© Калашникова И.В., Акимов Д.В., Сигитова М.А., Козырская И.Е.

labor market. The high cost of the «Far Eastern» consumer basket forces us to look for different options for part-time work, including through platform employment. It is especially attractive among students. However, in 2023, a decrease in platform employment was recorded as a result of an increase in employers' demand for «office» work. The listed cornerstone challenges of the labor market actualize the need for deeper and more systematic research into the labor sector, which would take into account the causes of the traditional «labor shortage» in the Far Eastern regions.

Keywords: Far East, labor market, rating of regions by labor market, rating score, hh.index, migration, platform employment, personnel shortage

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Общероссийские тенденции на рынке труда сохраняют свою актуальность в дальневосточных регионах. Однако те из них, которые имеют негативный характер, проявляются на востоке страны острее, приводят к более серьезным последствиям.

Состоянию российского рынка труда и факторам, его детерминирующим, посвящены труды таких замечательных российских ученых, как Н.Т. Вишневская, В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, А.А. Зудина и др.

Предложение на рынке труда в России демонстрирует долговременный тренд к снижению. Неслучайно уровень безработицы зафиксирован на рекордно низкой отметке, активизировалась кадровая текучесть, стремительно растет количество вакансий. Менеджмент компаний реагирует через повышение оплаты труда и сокращение рабочего времени [1].

Что касается рынка труда Дальнего Востока, то аналитических системных работ явно недостаточно. В основном они посвящены вопросам демографи и представлены, главным образом, публикациями Е.Л. Мотрич [2; 3], Д.А. Изотова [4], М.А. Грицко [5]. Также, среди авторов особого внимания заслуживают исследования Н.М. Байкова [6].

В статье использованы материалы обследования населения по проблемам занятости и обследования рабочей силы Росстата.

Целью работы является определение основных вызовов на региональных рынках труда Дальневосточного федерального округа (ДФО), препятствующих устойчивости социально-экономического развития макрорегиона, росту качества трудовой жизни.

Рейтинги региональных рынков труда ДФО

Качество трудовой жизни – важная составляющая качества жизни экономически активного населения. Оно теснейшим образом связано с конъюнктурой рынка труда в регионах. Вариантом её диагностики могут стать различные рейтинги (по рынку труда, по динамике рынка труда, по зарплатам, безработице и др.), составляемые экспертами РИА Рейтинг, а также «индекс самочувствия», «стабильность на текущем месте работы», hh.индекс и др.

Для экспресс-оценки текущей ситуации в сфере кадрового обеспечения, на наш взгляд, целесообразно использовать систему рейтингов. Один из них – рейтинг российских регионов по рынку труда. С 2015 по 2023 гг. рейтинговый балл значительно снизился в Сахалинской области (с 6 на 39 место), Республике Саха (Якутии) (с 18 на 56), Камчатском крае (с 45 на 66), Магаданской области (с 23 на 64), Хабаровском крае (с 32 на 36), Чукотском автономном округе (с 48 на 72), Забайкальском крае (с 69 на 74), Республике Бурятии (с 67 на 71). Позитивные изменения за тот же период времени произошли только в трёх дальневосточных субъектах: в Амурской области (с 57 места до 45), Приморском крае (с 40 до 37).

Рейтинговый балл по рынку труда в регионах ДФО в 2023 г. варьировал с 69,0 в Хабаровском крае до 47,4 в Еврейской автономной области. Во всех субъектах ДФО за последние 7 лет рейтинговый балл, учитывающий зарплату, занятость, безработицу, вырос, а место в рейтинге снизилось, свидетельствуя о положительных переменах на российском рынке труда в целом. Наиболее благополучные регионы по рынку труда 2023 года – Москва (98,1 баллов), Санкт-Петербург (97,1 балла), Московская область (92,4 баллов) *(Рейтинг регионов по рынку труда – итоги 2023 года. URL : https://riarating.ru/infografika/20240909/630269035.html (дата обращения 06.10.24).*

Перечисленные субъекты РФ характеризуют высокий уровень и положительная динамика социально-экономического развития, низкая безработица, привлекательные зарплаты, определяя направления внутренней миграции.

Не особенно помогает дальневосточным компаниям в привлечении работников высокий «зарплатный рейтинг» региона. В общероссийском рейтинге с 2019 г. первенство по зарплате сохраняет за собой Чукотский автономный округ. В 2023 г. в этом регионе 58,7 % работников зарабатывали 100 тыс. руб. в месяц. Высокие зарплаты зафиксированы в Магаданской и Сахалинской областях, Камчатском крае, Республике Саха (Якутии), попавшим в ТОП-10 всероссийского рейтинга регионов по зарплате (табл. 1).

© Калашникова И.В., Акимов Д.В., Сигитова М.А., Козырская И.Е.

Таблица 1

Рейтинг регионов ДФО по зарплате в 2023 г.

Место	Регион	Доля работающих с зарплатой выше 100 тыс. руб. в месяц, %	Доля работающих с зарплатой ниже 15 тыс. руб. в месяц, %	Диапазон самых распространенных зарплат в регионе, тыс. руб.
1	Чукотский автономный округ	58,7	1	75–166
3	Магаданская область	47,6	0,2	65–151
7	Сахалинская область	34,7	0,7	52–126
8	Республика Саха (Якутия)	34,1	0,7	51–127
9	Камчатский край	33,9	0	55–125
15	Хабаровский край	16,4	4,8	34–75
18	Амурская область	15,4	6,2	31–72
19	Приморский край	14,5	6,6	32–71
21	Забайкальский край	13,5	5	28–69
23	Еврейская автономная область	11,6	2,6	31–69
30	Республика Бурятия	9,1	4,7	29–63
Российская Федерация		14,7	10,6	29–71

***Источник**:* Рейтинг регионов по зарплате в 2023 г. URL : https://riarating.ru/infografika/20231120/630252682.html (дата обращения 06.10.2024).

Соискателей на региональных рынках труда ДФО «отпугивает» несопоставимость оплаты труда и стоимости потребительской корзины, а также качество жизни. В 2023 г. по интегральному показателю качества жизни высокий рейтинговый балл был характерен для Москвы, Санкт-Петербурга, Московской области. Из 85-ти регионов в последнюю десятку из дальневосточных субъектов попали Еврейская автономная область (83-е место), Забайкальский край (82-е), Республика Бурятия (81-е место). «Благополучные» в зарплатном отношении Магаданская область заняла только 60-е место, Сахалинская область – 37-е, Камчатский край – 44-е, Якутия – 70-е, а «зарплатный» лидер Чукотский автономный округ – 75-е место (*Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2023. URL : https://ria.ru/20240212/kachestvo_zhizni-1926120093.html (дата обращения 06.10.2024)).*

Лидерами по динамике рынка труда среди регионов ДФО в 2023 г. стали Хабаровский край (31-е место в рейтинге), Сахалинская область (37-е), Камчатский край (44-е). Все субъекты, кроме Магаданской области и Чукотского автономного округа, повысили свой рейтинговый балл относительно 2022 г., однако место в рейтинге осталось прежним у Амурской области (72-е), Республике Бурятии (81-е), Забайкальского края (82-е) и ЕАО (83-е). У остальных субъектов место в рейтинге снизилось, свидетельствуя об отставании от общероссийской динамики *(Рейтинг регионов по динамике рынка труда – 2024. URL : https://riarating.ru/infografika/20240401/630260435.html (дата обращения 28.09.2024)).*

Причина кроется не только в темпах создания новых рабочих мест, но и их привлекательности для соискателей, в том числе с точки зрения не номинальной, а реальной зарплаты.

Ситуация на региональных рынках труда в ДФО коррелирует с распределением безработицы. В общей численности безработных в 2023 г., по данным Росстата, 21,7 % сосредоточены в Забайкальском крае; 19,0 % – в Республике Саха (Якутия); 16,9 % – в Приморском крае; 15,9 % приходится на Республику Бурятия. С 2017 по 2023 гг., по данным Росстата, общая численность безработных сократилась в ДФО на 133,7 тыс. чел. Несмотря на кадровый голод, в 2023 г. уровень общей безработицы в макрорегионе составил 3,7 %, что на 0,5 п.п. выше среднероссийского показателя. Аутсайдерами по этому показателю стали Забайкальский край (6,9 %); Республика Бурятия (5,8 %); Республика Саха (Якутия) (5,7 %). По уровню безработицы в том же году группу лидеров вошли Камчатский край, Чукотский автономный округ и Хабаровский край (показатель 2,1 % и менее). Более чем на 1,5 п.п. сократился уровень безработицы за 2023 г. в Забайкальском крае (–1,81 п.п.), Амурской области (–1,75 п.п.), Республике Бурятия (–1,62 п.п.) (*Рейтинг российских регионов по уровню безработицы. URL : https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения 01.10.2024)).*

Оценить конкурентную ситуацию на рынке труда ДФО позволяет hh.индекс, рассчитываемый как отношение количества активных резюме к количеству открытых вакансий. Естественная норма hh.индекса – 4–7 резюме на одну вакансию, означающий, что на рынке труда выбор есть и у соискателей, и у работодателей. Значение hh.индекса менее четырёх резюме на вакансию следует интерпретировать как наличие кадрового дефицита в регионе.

Необеспеченность кадрами в регионах ДФО приближается к критическим значениям. Если в целом по стране в 2023 г. имел место умеренный уровень конкуренции (на одну вакансию приходилось четыре резюме), то в ДФО ни один из субъектов не имел «нормального» hh.индекса, сигнализируя об обострении дефицита на рынке труда. Во всех субъектах ДФО его значения были ниже четырёх. Наиболее критична кадровая ситуация в Чукотском АО, Еврейской АО и Приморском крае (табл. 2).

© Калашникова И.В., Акимов Д.В., Сигитова М.А., Козырская И.Е.

Таблица 2

Индикаторы конкуренции на рынке труда по регионам ДФО в 2023 г.

Регион	hh.индекс	Средняя зарплата по вакансиям: тыс. руб. в месяц
Амурская область	3	70,2
Еврейская АО	2,2	68,0
Забайкальский край	3,9	72,9
Камчатский край	3,2	71,9
Магаданская область	3,4	92,9
Приморский край	2,5	63,6
Республика Бурятия	3,4	53,6
Республика Саха (Якутия)	3,6	37,3
Сахалинская область	3,8	68,0
Хабаровский край	2,8	61,3
Чукотский АО	1,4	93,3

***Источник**:* составлено авторами по данным компании HeadHunter. URL : https://stats.hh.ru (дата обращения 25.09.2024).

Для комплексной диагностики рынка труда с позиции соискателей рабочего места можно использовать «индекс самочувствия», который учитывает: стабильность на текущем месте работы или наличие угрозы увольнения; сложность поиска работы; критичность поиска работы; готовность к снижению зарплаты; шансы найти работу в ближайшей перспективе. В III квартале 2023 г. соискатели рабочих мест ДФО были настроены пессимистично, но по сравнению с критическим II кварталом 2020 г. индекс самочувствия взял курс на «стабильное самоощущение на рынке труда». Тем не менее, индекс «стабильность на текущем месте работы» в макрорегионе один из самых низких среди федеральных округов, вероятно из-за неготовности работающих дальневосточников к снижению оплаты труда *(Настроение на рынке труда в России в 3 квартале 2023. URL : https://hhcdn.ru/file/17623411.pdf (дата обращения 29.09.2024)).*

Индекс самочувствия на рынке труда, как правило, выше среди молодёжи. Однако их поведение на рынках труда ДФО достаточно пассивно, многие пребывают на начальном этапе профессиональной социализации. Помимо желания переехать в регионы с более высоким качеством жизни, привлекательным рынком труда, причиной пассивности является нежелание многих представителей молодежных возрастных когорт работать на условиях наемного труда. Так, отвечая на вопрос о самой главной мечте своих молодых сотрудников, только 9 % работодателей Хабаровского края в качестве таковой отметили «хорошую работу». Тех, кто стремится путешествовать, почти в два раза больше (18,2 %), а мечтающих о материальном благополучии – 63,6 %. Среди представителей в когорте 20–24 не редки иждивенческие настроения и нежелание трудиться, а среди 25–29-летних женщин велика доля тех, кто ухаживает за родственниками или воспитывает детей [7].

Демографический фактор рынка труда ДФО.

Дальний Восток располагает потенциалом не только для экономического роста дальневосточных субъектов, но и для обеспечения устойчивости экономики страны в целом. В связи с этим, особую значимость приобретает изменение тенденций миграционных процессов в дальневосточных субъектах РФ.

С конца прошлого века на Дальнем Востоке стал преобладать отток населения, прежде всего, в другие регионы страны. За последние тридцать лет численность дальневосточников сократилась приблизительно на 2 млн человек. Влияние оказало и расформирование воинских частей с последовавшим отъездом военнослужащих с семьями, и привлекательность приобретения собственного жилья в южных и западных регионах (Краснодарский край, г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области). Еще одним фактором миграционного оттока стал переход на Болонскую систему образования, стимулировавший талантливых и одаренных выпускников поступать в центральные вузы, в результате после окончания обучения молодежь оставалась в западных регионах, а за ними переезжали трудоспособные родители [6].

Новая экономическая политика, пришедшая на смену Государственной программе развития этого макрорегиона до 2025 г., пока недостаточно сказывается на росте экономики и качестве жизни дальневосточников, что, в конечном счёте, обостряет проблемы обеспечения кадрами предприятий и организаций в ДФО. Неблагоприятную кадровую ситуацию, складывающуюся в его субъектах, осложняют, прежде всего, непростые демографические процессы. Спад в демографии уже имел место с 1993 по 2008 гг. С 2018 г. в макрорегионе вновь зафиксирована естественная убыль населения. За 1990–2021 гг. численность населения сократилась на 28,5 % (1,4 % по России) *(Демографическая характеристика Дальнего Востока. URL : https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/2709-1605-dig-demografia.pdf (дата обращения: 22.09.2024)).* Естественная убыль в ДФО в 2022 г. составила 25,6 тыс. чел. В том же году коэффициент естественной убыли населения ДФО, по данным Росстата,

© Калашникова И.В., Акимов Д.В., Сигитова М.А., Козырская И.Е.

составила – 3,2 ‰ (в 2021 г. –4,9 ‰). Самая сложная ситуация была зафиксирована в Приморском и Хабаровском краях (–6,2 ‰ и –4,4 ‰), Амурской и Еврейкой автономной областях (по – 5,7 ‰). За последние 20 лет только в Республике Саха (Якутии) имел место естественный прирост, который в 2022 г. составил 3,5 ‰ *(Регионы России. Социально-экономические показатели. URL : https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204stat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения 22.09.2024).*

Сокращение численности населения дальневосточных регионов с 2015 по 2021 гг. на 76 % обусловлено миграционным оттоком. Даже в Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года в качестве одного из факторов, сдерживающих рост макрорегиона, указано снижение численности населения в результате миграционного оттока. С 2005 г. практически все регионы, сегодня входящие в состав ДФО, демонстрируют миграционную убыль. Исключением является 2021 г., когда ковидные ограничения стали тормозом для намерений сменить место жительства. В 2005 г. по ДФО коэффициент миграционного оттока составил –7,0 ‰. В ТОП-3 по этому показателю вошли Камчатский край (–19,9 ‰), Магаданская и Еврейская автономная области (–18,0 ‰ и –15,9 ‰ соответственно). В 2010 г. лидировали Чукотский автономный округ (–17,4 ‰), Магаданская область (–14,1 ‰), Амурская область (–6,0 ‰). В 2015 и 2020 гг. Чукотский автономный округ сохранил своё первенство (–15,4 и –20,6 ‰). Не лучшим образом складывалась миграционная ситуация в Еврейской автономной области (–14,2 и –8,3 ‰). В 2022 г. коэффициент миграционной убыли в ДФО оказалась на уровне –4,7 ‰, а в Топ-3 вошли Камчатский край (–10,2 ‰), Сахалинская и Магаданская области (–8,7 и –7,7 ‰) *(Регионы России Регионы России. Социально-экономические показатели. URL : https:// rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 stat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 22.09.2024)).* В том же году за пределы макрорегиона выехало 35,1 % от общего числа выбывших. И хотя это минимальный показатель внутренней миграции для ДФО с 2005 г., ДФО, по существу, остаётся донором для других российских регионов.

Среди федеральных округов по коэффициенту миграционного прироста в 2022 г. ДФО занял 8-е место. Ранг дальневосточных регионов по этому показателю среди субъектов РФ варьировал от 50-го Республики Бурятии до 85-го Камчатского края [3].

В 2023 г. по миграционному оттоку среди субъектов ДФО 1-е место занял Забайкальский край (4,1 тыс. чел.), 2-е – Сахалинская область (1,15 тыс. чел.), 3-е – Республика Бурятия (1,05 тыс. чел.). Согласно Росстату, в 2023 г. среди всех субъектов РФ Забайкальский край по миграционной убыли занял четвертое место. Из регионов ДФО миграционный прирост демонстрировали лишь два региона, Республике Саха (Якутия) (+1,4 тыс. чел.) и Хабаровский край (+373 чел.). В целом по ДФО миграционная убыль сократилась, с –35,4 тыс. чел. в 2022 г. до – 8,6 тыс. чел. в 2023 г. *(Забайкалье стало лидером по убыли населения. URL : https://www.chita.ru/text/society/2024/01/20/73138178 (дата обращения 26.09.2024)).*

Западный вектор перемещения населения регионов ДФО – это показатель сравнительно малой привлекательности с точки зрения качества жизни и рынка труда, реакция на отставание по уровню обеспеченности услугами социальной инфраструктуры и транспорта, высокие тарифы на энергетические ресурсы и услуги инфраструктурных компаний, а также на реальную заработную плату, проигрывающую другим регионам. В результате, лидерами по критерию «сальдо внутренней миграции» являются регионы, где лучше климат, больше выбор на рынке труда, ниже цены на потребительские товары, услуги ЖКХ: Краснодарский край, Крым, Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область [8].

В настоящее время мотивами к отъезду из дальневосточных регионов являются: стремление получить более качественное и престижное образование, широкая возможность выбора места приложения своего труда, более высокий уровень оплаты труда относительно стоимости потребительской корзины, комфортные условия жизни. Побуждают к переезду также «суровые природно-климатические условия», «отдаленность от центральной части страны». Причины миграционного оттока разнятся в зависимости от принадлежности к той или иной возрастной группе – молодежь чаще в качестве мотива отмечает получение качественного и престижного образования и высокой оплаты труда [6].

Феномен «демографического креста» негативно повлиял на численность и структуру рабочей силы в ДФО. За 2018–2023 гг. её сокращение составило по макрорегиону 162 тыс. чел. Антилидерами стали Приморский край (52 тыс. чел.), Забайкальский край (49 тыс. чел.), Республика Бурятия (27 тыс. чел.).

Снижение экономически активного населения составило 3,8 %. При этом доля молодёжи в возрасте 15–29 лет по ДФО снизилась с 21,8 % до 16,5 %. В таких регионах, как Хабаровский, Забайкальский и Приморский края уменьшение населения данной возрастной группы составило соответственно 6,6; 6,5 и 5,9 %% *(Обследование рабочей силы. URL : https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения 26.09.2024)).*

Предполагалось, что решению вопросов кадровой уязвимости регионов ДФО будет способствовать территориальное перераспределение рабочей силы.

© Калашникова И.В., Акимов Д.В., Сигитова М.А., Козырская И.Е.

В рамках национального проекта «Демография» существуют региональные программы повышения мобильности трудовых ресурсов, предусматривающие различные меры поддержки при переезде: единовременная выплата, компенсация при переезде, предоставление жилья, содействие в повышении квалификации, компенсация питания и др. Финансовая поддержка работодателя для привлечения одного работника составляет от 225 тыс. до 1 млн руб. Однако в ДФО количество организаций, принимающих участие в реализации таких программ невелико, а в Якутии, Сахалинской и Еврейской автономной областях, по данным на 2021 г., таковые вообще отсутствуют.

Демографические процессы в регионах ДФО – очень значимый фактор, способный сгладить проблемы кадрового обеспечения дальневосточных компаний. Но для этого нужны стратегические инициативы, призванные привлекать и удерживать трудоспособное население, особенно молодежь, обладающую мощным инновационным трудовым потенциалом.

Иностранная рабочая сила на российском Дальнем Востоке

Негативно складывающуюся на рынке труда ситуацию на Дальнем Востоке традиционно сглаживает привлечение иностранной рабочей силы.

На протяжении длительного времени регионы Дальнего Востока России являлись точкой притяжения для рабочей силы из КНР, КНДР и Средней Азии.

В 1990-е гг. преобладающим было использование китайской рабочей силы в Приморском крае (71,4 % от общей численности трудовых мигрантов), Амурской области (56,7 %), Хабаровском крае (45,5 %). В основном они были заняты в строительстве и торговле. Второе место занимали работники из КНДР: 35,4 % в Амурской области; 19,7 % и 14,7 % в Хабаровском и Приморском краях соответственно [2]. Миграционная ситуация стала меняться после вступления КНР в ВТО. В отраслях промышленного производства Китая стала увеличиваться плата труда, и дальневосточные рынки труда утратили свою привлекательность.

В регионах ДФО с 2014 г. доля иностранных работников сокращается. Наиболее велика она была в 2011–2013 гг. в Сахалинской области, в 2014–2016 гг. – Магаданской области. Наименьшее значение иностранцев на рынке труда, по данным статистики, отмечено за весь период с 2011 по 2016 гг. в приграничной Амурской области [4].

Сокращение иностранной рабочей силы происходит на фоне миграции дальневосточников в другие российские регионы. В 2019 г. приток населения из Средней Азии компенсировал 48,3 % межрегионального оттока. В 2021 г. приток мигрантов превысил межрегиональный отток в другие субъекты РФ на 87,3 %. В 2022 г. данная тенденция претерпела изменения, миграционное сальдо представителей стран СНГ стал отрицательным. Аналогичная ситуация складывается и с трудовыми мигрантами из стран Дальнего зарубежья [3].

Небезынтересно, что по поводу трудовых мигрантов из Средней Азии среди титульного населения существуют полярные мнения. Так, согласно исследованиям ВЦИОМ в 2023 г., каждый второй россиянин считает, что трудовая миграция положительное явление (47 %). В 2013 г. так считали 14 % опрошенных. В 2023 г. обратного утверждения придерживались 40 %, что почти в два раза меньше, чем в 2013 г. (74 %) *(Иммигранты в России: за и против. URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv?ysclid=lmhoie23c886677937 (дата обращения 01.10.24)).* Представители молодых поколений чаще видят позитивные стороны использования иностранной рабочей силы (61 % среди 18–24-летних и 56 % в группе 25-34 года), а респонденты в возрасте 45–59 лет склонны отмечать негатив (51 %). По опросам, проводимых нами летом 2024 г. среди студентов хабаровских вузов, нейтрально относятся к привлечению иностранных трудовых мигрантов 60 % опрошенных, отрицательно – 25 % и только 5 % видят в этом позитив.

Более лояльны к трудовым мигрантам россияне с высокими доходами, тогда как имеющие плохое материальное положение делают акцент на привлечение иностранцев в негативном ключе.

Почти 56 % россиян уверены в том, что иностранные трудовые мигранты компенсируют дефицит рабочей силы в сегментах малоквалифицированного и низкооплачиваемого труда. Суждение о том, что иммигранты «отнимают» работу у местных жителей, разделяют 44 % россиян, 37 % с ним не согласны, а 49 % считают, что оплата труда местного населения увеличится, если на рынке труда не будет иностранцев *(Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie (дата обращения 01.10.24)).*

Проведенный нами летом 2024 г. опрос студентов университетов и колледжей г. Хабаровска показал, что 43,5 % респондентов считают, что иностранцы «не отнимают рабочие места у местных жителей, потому что занимаются той работой, где не хотят работать русские». Свыше 40 % опрошенных полагают, что иностранцы сокращают возможность трудоустройства «по большей части у студентов и у лиц без высшего образования». Оставшиеся относятся к этому вопросу нейтрально.

Среди россиян 52 % поддерживают идею ограничения въезда в нашу страну членов семей трудовых мигрантов, которые приехали по временным контрактам. В возрасте «60+» такого мнения придерживаются 62 % (36% среди молодежи до 24 лет) *(Запрет мигрантам на въезд семей в Россию URL : https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapret-migrantam-na-vezd-semei-v-rossiju (дата обращения 01.10.24)).* Результаты опроса молодых хабаровчан несколько отличны от среднероссийских значений.

© Калашникова И.В., Акимов Д.В., Сигитова М.А., Козырская И.Е.

Около 50 % считают неприемлемым, чтобы мигранты на протяжении времени работы проживали с семьями, а 45 % полагают, что проживание с семьей возможно, если это не увеличивает социальную напряженность.

Безусловно, иностранная рабочая сила, некоторым образом, компенсирует последствия демографических процессов, естественную и миграционную убыль населения Дальнего Востока. Исследования дальневосточных ученых свидетельствуют о том, что только 10 % трудовых мигрантов планируют длительное пребывание на Дальнем Востоке и рассматривают для себя перспективу получения российского гражданства. Другие предпочитают такие варианты трудовой занятости: 36,5 % большую часть года проводят в регионах ДФО, уезжая домой на 1–3 месяца; 24,7 % приезжают на конкретные рабочие места, уезжая по окончании контракта; 18,8 % нанимаются на сезонные работы [9].

Отметим, что иммигранты из стран СНГ (лидируют Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) [9] обладают низкой квалификацией или ее отсутствием. В то же время, покидают регион конкурентоспособные на рынке труда специалисты с высоким уровнем образования и квалификации, что снижает качество человеческого капитала и темпы экономического роста дальневосточных регионов. Регулятор, в связи с этим, вводит ограничения на занятость иностранной рабочей силы в ряде отраслей экономики. Так, в Амурской области мигрантам запрещено работать по патентам в сфере пассажирских перевозок, коммерции, в сельском хозяйстве и на предприятиях золотодобычи. Основная часть иностранных работников задействована в строительстве инвестиционных проектов по газификации *(Еще два региона Дальнего Востока вводят ограничения на работу мигрантов. URL : https://prim.rbc.ru/prim/freenews/661f18db9a79474d0e9cc83d (дата обращения: 01.10.24)).* Камчатский край ввел запрет на занятость мигрантов в образовании, туризме, производстве продуктов питания и напитков, сборе отходов, такси *(На Камчатке будет введен запрет на работу иностранцев в такси URL: https://www.kamgov.ru/news/vladimir-solodov-zaavil-cto-na-kamcatke-budet-vveden-zapret-na-rabotu-inostrancev-v-taksi-71863 (дата обращения 01.10.24)).* В Хабаровском крае готовится запрет на привлечение иностранных граждан с патентами в такие отрасти, как общественный транспорт, услуги электро-, газо- и водоснабжения, а также на работу по найму у физических лиц *(В Хабаровском крае с 2025 года частично ограничат работу мигрантов. URL : https://rg.ru/2024/10/01/reg-dfo/v-habarovskom-krae-s-2025-goda-chas tichno-ogranichat-rabotu-migrantov.html (дата обращения 10.10.24).*

Платформенная занятость в ДФО

Фактором снижения кадрового голода и напряженности на рынке труда является платформенная занятость. Одна из причин ее привлекательности для соискателей рабочего места – возможность играть роль как основной, так и дополнительной занято сти. Высокая стоимость «дальневосточной» потребительской корзины вынуждает искать дополнительные источники дохода. Для компаний платформы содействуют мэтчингу спроса и предложения, упрощая, ускоряя и удешевляя подбор сотрудников. Наиболее популярна платформенная занятость в Приморском и Хабаровском краях (28,6 и 23,7 тыс. чел. соответственно), Амурской области (11,0 тыс.) (рис. 1).

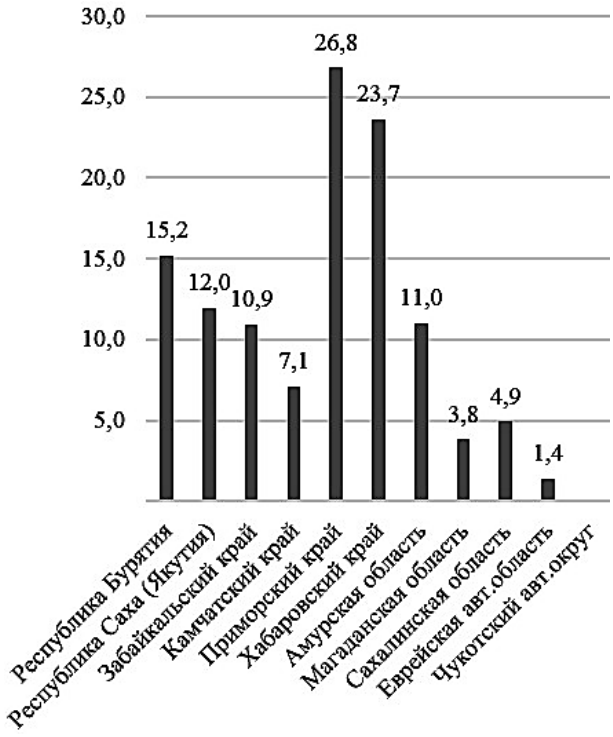

Рисунок 2 – Распределение платформенной занятости по регионам ДФО в 2023 г., тыс. чел.

© Калашникова И.В., Акимов Д.В., Сигитова М.А., Козырская И.Е.

По сравнению с 2022 г. наблюдается значительное снижение платформенной занятости, особенно в Республике Саха (Якутия) – снижение занятых на 47 %, Амурской области (на 45 %), Камчатском и Приморском краях (на 40 % и 38 % соответственно). Очевидная причина – окончание пандемии и возвращение к «офисному» труду.

Платформенная заня тость особенно привлекательна для уязвимых соискателей на рынке труда: молодежь, не имеющая опыта работы; лица предпенсионного и пенсионного возрастов; лица с ограниченными возможностями здоровья; молодые матери [10]. При проведении опросов платформенную занятость в качестве основной и /или эпизодической чаще других указывают представители студенчества. Тем не менее, когда она становится единственным источником дохода, возрастает риск прекаризации данной категории занятых. В результате актуализируется вопрос регулирования платформенной занятости во избежание нормативного вакуума в случае прецедента и угрозы устойчивости платформенной экономики.

Заключение.

Основные вызовы рынка труда российского Дальнего Востока соответствуют общероссийским трендам. Ни региональные программы повышения территориальной мобильности трудовых ресурсов, ни инструменты привлечения мигрантов, ни высокий «зарплатный рейтинг» кардинальным образом не влияют на кадровое обеспечение дальневосточных компаний.

Убыль экономически активного населения продолжается. Уровень зарплат находится на историческом максимуме, особенно в Чукотском автономном округе, Магаданской и Сахалинской областях. Однако «зарплатное лидерство» сосуществует с тотальным дефицитом на рынке труда, кадровым голодом в дальневосточных регионах, миграционным оттоком, сокращением численности привлекаемых мигрантов из-за рубежа. В то же время высокая зарплата (помимо транспортных издержек и высоких энерготарифов в себестоимости продукции) отражается на значительном росте потребительских цен в регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО), снижая её роль трудового стимула и привлекательности региональных рынков труда. С большой долей вероятности можно утверждать, что это одна из причин расширения масштабов трудовой неактивности молодежи. Занятость молодежных возрастных когорт – острая тема для макрорегиона, который уже многие годы является трудодефицитным.

Большая часть субъектов ДФО в течение 2015–2023 гг. понизили свой рейтинг по рынку труда. Судя по hh.индексу, снижается конкуренция на региональных рынках труда. По многим видам деятельности вакансий больше, чем соискателей. В итоге, дальневосточные предприятия, подбирая персонал, не ориентированы на подготовленных специалистов, а через технологии мэтчинга вынуждены привлекать молодёжь, способную быстро овладеть цифровыми компетенциями, организуя подготовку собственными силами.

Платформенная занятость, менее распространённая на Дальнем Востоке по сравнению с другими российскими регионами, – недостаточно изученный феномен нестандартных социально-трудовых отношений. Как и самозанятость, она является стабилизатором, что особенно важно в период геоэкономической и политической турбулентности, но нуждается в разработке особой методологии для изучения.

В ближайшее время оценка включённости населения в платформенную занятость может опираться на подходы, используемые Центром междисциплинарных исследований человеческого потенциала, Институтом социальной политики НИУ ВШЭ, и данные выборочных обследований рабочей силы Росстата.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. 2023. № 8. Р. 5–37. URL : https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37
2. Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 74–95.
3. Мотрич Е.Л. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (2019–2022 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4(105). С. 124–137. URL : https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-124-137

© Калашникова И.В., Акимов Д.В., Сигитова М.А., Козырская И.Е.

4. Изотов Д.А. Иностранная рабочая сила дальнего востока России / Д.А .Изотов, Е.Л. Мотрич // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5(176). С. 130–140.
5. Грицко М.А. Демографическая динамика Дальнего Востока и ее компоненты: итоги 2014–2023 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2(107). С. 36–42. URL : https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-36-42
6. Байков Н.М. Дальневосточный социум: состояние и динамика общественного мнения : монография / Н.М. Байков, Ю.В. Березутский. Хабаровск : Дальневосточный институт управления. Филиал РАНХиГС, 2020. 281 с.
7. Туркулец С.Е. Региональные аспекты социально-трудовой аномии в молодёжном сегменте / С.Е. Туркулец, И.В. Калашникова, К.В. Филиппова // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2021. № 1(60). С. 137–148.
8. Калашникова И.В. Метаморфозы кадрового обеспечения и рынка труда / И.В. Калашникова, Л.В. Хорева // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2024. № 1(72). С. 73–86.
9. Винокурова А.В. Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды / А.В. Винокурова, А.Ю. Ардальянова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 11–22. URL : https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/11-22
10. Платформенная экономика в России: потенциал развития : аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова [и др.]. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 72 с.

References:

1. Kapelyushnikov R.I. The Russian labor market: a statistical portrait against the background of crises. Voprosy ekonomiki. 2023. № 8. P. 5–37. URL : https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37
2. Motrich E.L. Transformation of migration relations of the Russian Far East with the countries of the near and far abroad // Spatial economics. 2010. № 2. P. 74–95.
3. Motrich E.L. Demographic and migration processes in the Far East of Russia (2019-2022) // Power and management in the East of Russia. 2023. № 4(105). P. 124–137.
4. Izotov D.A. Foreign labor force of the Russian Far East / D.A. Izotov, E.L. Motrich // Problems of forecasting. 2019. № 5(176). P. 130–140.
5. Gritsko M.A. Demographic dynamics of the Far East and its components: the results of 2014-2023. // Power and management in the East of Russia. 2024. № 2(107). P. 36–42. URL : https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-36-42
6. Baykov N.M. Far Eastern society: the state and dynamics of public opinion : monograph / N.M. Baykov, Yu.V. Berezutsky. Khabarovsk : Far Eastern Institute of Management. RANEPA branch, 2020. 281 p.
7. Turkulets S.E. Regional aspects of social and labor anomie in the youth segment / S.E. Turkulets, I.V. Kalashnikova, K.V. Filippova // Bulletin of the Pacific State University. 2021. № 1(60). P. 137–148.
8. Kalashnikova I.V. Metamorphoses of staffing and the labor market / I.V. Kalashnikova, L.V. Khoreva // Bulletin of the Pacific State University. 2024. № 1(72). P. 73-86.
9. Vinokurova A.V. Foreign migration in the Russian Far East: the main trends / A.V. Vinokurova, A.Yu. Ardalyanova // Oikumena. Regional studies. 2023. № 4. P. 11–22. URL : https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/11-22
10. The platform economy in Russia: development potential: an analytical report / G. I. Abdrakhmanova [et al.]. M. : ISIEZ HSE, 2023. 72 p.

Информация об авторах

Калашникова Ирина Владимировна
доктор экономических наук,
профессор,
профессор Высшей школы менеджмента
Института экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
ORCID: 0000-0003-4950-5862
006013@togudv.ru

Акимов Денис Владимирович
аспирант Института экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск;
генеральный директор ООО «НИКА»,
г. Хабаровск
ORCID: 0009-0007-8747-0978
akimovdenisvladimirovich@mail.ru

Irina V. Kalashnikova
Doctor of Economics,
Professor,
Professor at the Higher School of Management,
Institute of Economics and Management,
Pacific State University, Khabarovsk
ORCID: 0000-0003-4950-5862
006013@togudv.ru

Denis V. Akimov
Graduate Student
of the Institute of Economics and Management,
Pacific State University, Khabarovsk;
General Director of NIKA LLC, Khabarovsk
ORCID: 0009-0007-8747-0978
akimovdenisvladimirovich@mail.ru

© Калашникова И.В., Акимов Д.В., Сигитова М.А., Козырская И.Е.

Сигитова Марина Анатольевна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент Высшей школы менеджмента
Института экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
ORCID: 0000-0002-5312-6649
003829@togudv.ru

Козырская Ирина Евгеньевна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры мировой экономики
и экономической безопасности,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск
ORCID: 0000-0002-9462-7933
kozyrskaya@mail.ru

Marina A. Sigitova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Higher School of Management
Institute of Economics and Management,
Pacific State University, Khabarovsk
ORCID: 0000-0002-5312-6649
003829@togudv.ru

Irina E. Kozyrskaya
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of World Economy and Economic Security,
Baikal State University, Irkutsk
ORCID: 0000-0002-9462-7933
kozyrskaya@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Калашникова И.В., Акимов Д.В., Сигитова М.А., Козырская И.Е.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-6
УДК 338.42

Attribution
cc by

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Лаврова А.П.
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Аннотация. Устойчивое продовольственное самообеспечение напрямую связано с развитием аграрного сектора экономики, состоянием сельских территорий и степенью государственного регулирования. В статье представлена оценка уровня самообеспечения и степени удовлетворения потребностей населения региона отдельными видами продуктов питания в динамике за 2019–2023 гг. Отмечено, что Чувашская Республика обладает необходимым сельскохозяйственным потенциалом и соответствующими ресурсами для успешного функционирования агропромышленного комплекса. Особое внимание автором уделено роли личных подсобных хозяйств, которые вносят существенный вклад в обеспечение населения натуральной продукцией, снижение зависимости от внешних поставок и экономию семейного бюджета. Обозначено, что государственная поддержка данной категории хозяйств как важных производителей сельскохозяйственной продукции в рамках единой федеральной и региональной политики способствует укреплению продовольственной безопасности как на местном уровне, так и по всей стране.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, регион, агропромышленный комплекс, самообеспечение, продукты питания, потребности, личное подсобное хозяйство, сельские территории, государственная поддержка.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ENSURING FOOD SECURITY AT THE REGIONAL LEVEL

Alevtina P. Lavrova
Saint Petersburg State Agrarian University

Abstract. Sustainable food self-sufficiency is directly related to the development of the agricultural sector of the economy, the state of rural areas and the degree of government regulation. The article presents an assessment of the level of self-sufficiency and the degree of satisfaction of the needs of the region's population for certain types of food products in dynamics for 2019–2023. It is noted that the Chuvash Republic has the necessary agricultural potential and appropriate resources for the successful functioning of the agro-industrial complex. The author pays special attention to the role of private subsidiary farms, which make a significant contribution to providing the population with natural products, reducing dependence on external supplies and saving the family budget. It is noted that state support for this category of farms as important producers of agricultural products within the framework of a single federal and regional policy helps to strengthen food security both at the local level and throughout the country.

Keywords: food security, region, agro-industrial complex, self-sufficiency, food products, needs, private farming, rural areas, state support.

Funding: Independent work.

Введение.

Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в долгосрочном периоде является продовольственная безопасность. В соответствии с основными положениями Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20) продовольственная безопасность определяется как «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции,

© Лаврова А.П.

соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни» [1].

Несмотря на внешние вызовы, сегодня российский агропромышленный комплекс успешно решает поставленные задачи по обеспечению продовольственной безопасности страны благодаря непрерывной государственной поддержке, укрепившейся материально-технической и научной базе отрасли и добросовестном труде тружеников села. Как подчеркнул президент В.В. Путин: «в ближайшие годы предстоит развивать агропромышленный комплекс как высокотехнологичную сферу экономики» [2].

Целью настоящей статьи выступает оценка уровня самообеспечения и степени удовлетворения потребностей населения региона отдельными видами продуктов питания, а также выявление ключевых путей повышения продовольственной безопасности. В ходе исследования использованы как эмпирические, так и теоретические методы научного познания.

Обсуждение. Результаты.

Проблемы самообеспеченности продовольствием следует рассматривать не только на уровне страны, но и в рамках регионов [3–6]. Сельское хозяйство Чувашской Республики занимает значительное место в экономике региона, создавая аграрный рынок, обеспечивая продовольственную безопасность, а также способствуя поддержанию ресурсного потенциала сельских территорий. К основным подотраслям сельскохозяйственного производства региона относятся: мясомолочное животноводство, птицеводство, производство зерна, картофеля и хмеля.

Уровень самообеспечения страны (региона) основными видами сельскохозяйственной продукции отражает в какой мере отечественное аграрное производство способно удовлетворить потребности страны (региона) и определяется как процентное отношение объема производства соответствующих видов продукции к внутреннему потреблению (суммарному объему личного и производственного потребления, включая потери) за год.

В общем виде, расчет уровня самообеспечения (УСО) по основным видам продукции сельского хозяйства может быть представлен следующей формулой:

УСО = (Объем производства / Внутреннее потребление) × 100 %.

Уровень продовольственной независимости (самообеспеченности) региона отражает его способность удовлетворять потребности населения в разных видах продуктов питания благодаря местному производству.

Таблица 1

Уровень самообеспечения основными продуктами питания по Российской Федерации и Чувашской Республике (процентов) [7]

Вид продукции	2019 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.		2023 г.	
	Российская Федерация	Чувашская Республика	Российская Федерация	Чувашская Республика	Российская Федерация	Чувашская Республика	Российская Федерация	Чувашская Республика	Российская Федерация	Чувашская Республика
Мясо	97,4	100,7	100,1	92,6	99,7	92,5	101,8	96,3	101,7	95,9
Молоко	83,9	122,1	84,0	124,0	84,3	125,1	85,7	127,8	86,0	122,9
Яйца	97,1	81,2	97,4	89,1	98,2	99,7	98,0	110,0	98,6	107,1
Картофель	95,1	110,6	89,2	92,3	88,7	95,9	94,5	106,8	101,0	107,1
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	87,7	88,3	86,3	96,9	86,5	90,6	88,5	98,1	89,1	98,7

Из приведённых в таблице 1 данных видно, что Чувашская Республика практически полностью обеспечивает себя основными продуктами питания, производимыми на территории региона (пороговые значения показателей продовольственной независимости, предусмотренные Доктриной продовольственной безопасности, следующие: картофель – 95 %, овощи и бахчевые – 90 %, мясо и мясопродукты – 85 %, молоко и молокопродукты – 90 %). В 2023 году уровень самообеспечения республики мясом составил 95,9 %, овощами и бахчевыми культурами – 98,7 %, картофелем – 107,1 %, яйцами – 107,1 %, молоком – 122,9 %. Эти показатели превышают среднероссийские значения, за исключением мяса.

© Лаврова А.П.

В настоящее время экономическая доступность продовольствия определяется как отношение фактического потребления основной пищевой продукции (кг/год на душу населения) к рациональным нормам ее потребления, отвечающим требованиям здорового питания, и имеет пороговое значение 100 %. Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, были утверждены Приказом Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614 [8], которые используются для оценки степени удовлетворения потребностей населения региона основными видами продуктами питания (табл. 2).

Таблица 2

Степень удовлетворения потребностей населения Чувашской Республики основными продуктами питания (процентов)

Продукты	Рациональная норма потребления, кг/год/чел.*	Фактическое потребление, кг/год/чел.					Степень удовлетворения потребностей, %**				
		2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Картофель	90	147	145	131	134	136	163	161	145	148	151
Овощи и бахчевые культуры	140	105	111	101	103	104	75	79	72	73	74
Мясопродукты	74	69	69	71	71	72	93	93	95	95	97
Молоко и молокопродукты	322	260	267	274	280	295	80	82	85	86	91
Яйца, шт.	260	254	251	248	255	257	97	96	95	98	99

* Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания (с изменениями на 30 декабря 2022 года). Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 года № 614.

** Рассчитано автором по [7].

Данные, представленные в таблице 2, демонстрируют, что фактическое потребление некоторых видов основных продуктов питания на душу населения в республике не полностью соответствует рекомендациям Министерства здравоохранения РФ. Одна из возможных причин, которая могла бы объяснить такое положение, заключается в том, что уровень денежного дохода, получаемого населением рассматриваемого региона, остается довольно низким. В 2023 году Чувашская Республика заняла 76-е место в Российской Федерации по показателю среднедушевых денежных доходов населения в месяц. Доля населения с денежными доходами ниже бедности в этом регионе составила 13 % (табл. 3). Высокие темпы инфляции, характеризующиеся устойчивым ростом цен на товары и услуги, также негативно сказываются на покупательной способности жителей.

Таблица 3

Некоторые индикаторы уровня жизни населения Чувашской Республики [7]

Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Доля численности населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в процентах от общей численности населения	17,4	16,6	15,5	13,9	13,0
Реальные денежные доходы населения в процентах к предыдущему году	104,1	101,4	103,9	103,7	112,1
Индекс потребительских цен в процентах к предыдущему году	104,3	102,9	106,8	114,7	105,4

В связи с вышеизложенным, становится понятно, что Чувашская Республика с точки зрения продовольственной самообеспеченности является относительно благополучным регионом России. Тем не менее, к неблагоприятным аспектам текущего положения следует отнести несоответствие объемов фактического потребления отдельных видов продуктов питания установленным рациональным нормативам. Учитывая, что цены на продовольствие растут быстрее, чем реальные доходы населения, ситуация с каждым годом может ухудшаться.

Для повышения экономической доступности продовольствия и уровня его потребления в соответствии с научно обоснованными нормами региону следует уделить внимание мерам, направленным на стабилизацию ценовой ситуации на аграрном рынке, оказание адресной помощи малообеспеченным слоям населения, формирование условий для повышения доходов населения. Ограничение наценок торговыми сетями на социально значимые товары первой необходимости также способствует сдерживанию цен и повышению их доступности для граждан. Кроме того, необходимы инвестиции в строительство современных хранилищ сельскохо-

© Лаврова А.П.

зяйственного сырья и продовольствия, в создание логистических цепочек, что подразумевает развитие соответствующей инфраструктуры [9].

Существенный вклад в обеспечение внутреннего рынка продовольствием вносят личные подсобные хозяйства (ЛПХ) [10]. По данным сельскохозяйственной микропереписи 2021 года, в регионе зарегистрировано 233900 таких хозяйств. Являясь неотъемлемой частью народного хозяйства и важным структурным элементом АПК, они представляют собой форму непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции.

Согласно официальным сведениям Чувашстата, в 2023 году доля продукции хозяйств населения республики в общем объеме сельскохозяйственного производства составила 42,4 %, что на 3 процентных пункта больше показателя предыдущего года [7].

В 2023 году в структуре посевных площадей сельскохозяйственных культур по категориям хозяйств (551,0 тыс. га) на хозяйства населения приходилось 13,6 % (75 тыс. га). В ЛПХ сосредоточена значительная часть посевных площадей картофеля и овощебахчевых культур – 70,7 % от общей площади в хозяйствах всех категорий. Также в этих хозяйствах находятся: 28,1 % посевных площадей кормовых культур, 1,2 % – зерновых и зернобобовых культур и 0,3 % – технических культур.

В хозяйствах населения Чувашии в 2023 году содержалось 101,3 тыс. голов крупного рогатого скота, в том числе 50,3 тыс. коров, а также 20,8 тыс. голов свиней, 136,6 тыс. овец и коз, 843,6 тыс. голов птицы. Ими произведено 210,8 тыс. т картофеля, 83,3 тыс. т овощей, 14,6 тыс. т мяса (в убойном весе), 235,7 тыс. т молока, 96,9 млн шт. яиц и 376,5 т шерсти.

Удельный вес ЛПХ республики в общем производстве основных сельскохозяйственных продуктов в 2023 году характеризуется следующими данными: по шерсти – 98,6 %, по картофелю – 62,3 %, по овощам – 56,6 %, по молоку – 49,2 %, по яйцам – 27,5% и по мясу (в убойном весе) – 17,9 %.

Можно сказать, что достаточно высокий уровень самообеспечения региона основными видами продовольственной продукции удалось сохранить благодаря функционированию сельских подворий населения.

Отметим, что гражданам, ведущим ЛПХ и применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», оказывается государственная поддержка в форме субсидий по возмещению части затрат, направленных на стимулирование увеличения производства овощей открытого грунта и картофеля, обеспечение прироста производства молока, развитие специализированного мясного скотоводства, овцеводства и козоводства.

В дополнение к федеральному введен республиканский механизм, где предусмотрены субсидии по возмещению части затрат, направленных на приобретение коров, коз и овец, оказание услуг по осеменению коров, включая стоимость семени племенных быков-производителей, на приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования, минеральных удобрений, проведение агрохимического обследования почв, проведение лабораторных испытаний семян, на приобретение материалов для занятия пчеловодством [11].

Программа поддержки самозанятых граждан, занимающихся ЛПХ, с каждым годом привлекает все больший интерес и объемы финансирования. Так, по данным Минсельхоза Чувашии, в 2023 году указанными мерами жители региона воспользовались 1508 раз (в 2022 году – 841 раз), а общая сумма субсидий составила 130,56 млн руб. (в 2022 году – 55,7 млн руб.).

По федеральному механизму господдержки в 2023 году от владельцев ЛПХ поступило 585 заявок. В результате, они получили частичное возмещение затрат на содержание 1773 коров, 249 овец и коз, а также на реализацию картофеля. Более востребованными оказались республиканские меры, к которым обратились 923 раза: хозяйства смогли возместить до 99 % затрат на покупку 1143 коров, 104 коз и овец, а также 40 % от стоимости – на приобретение 311 единиц сельскохозяйственной техники и 2870 единиц материалов для пчеловодства. Кроме того, ЛПХ от государства получили возврат части затрат на осеменение 85 коров, покупку 4430 ед. минеральных удобрений и проведение 14 обследований почв [12].

Необходимо подчеркнуть, что ЛПХ играет значимую роль не только в обеспечении продовольственной безопасности населения региона, но и в сохранении традиционного уклада сельской жизни и крестьянских традиций, в трудовом воспитании подрастающего поколения, в формировании чувства хозяина, в обеспечении психологической стабильности человека и членов его семьи в сложных ситуациях [13], в поддержании соседской взаимопомощи, что несомненно заслуживает уважения, внимания и всемерной государственной поддержки на всех уровнях власти. Таким образом, хозяйства населения, будучи устоявшимися формами механизма адаптации, выполняют широкий спектр функций, включая как экономические, так и социальные.

Заключение.

Несмотря на приоритетное значение собственного аграрного производства для оценки продовольственной безопасности, повышение уровня самообеспечения региона не решает социальных проблем, существующих в сельских территориях, таких как ухудшение демографической ситуации.

© Лаврова А.П.

На рисунке 1 представлена динамика численности городского и сельского населения республики за 2019–2023 гг. Ограниченный круг показателей демонстрирует наличие негативных демографических процессов в сельской местности.

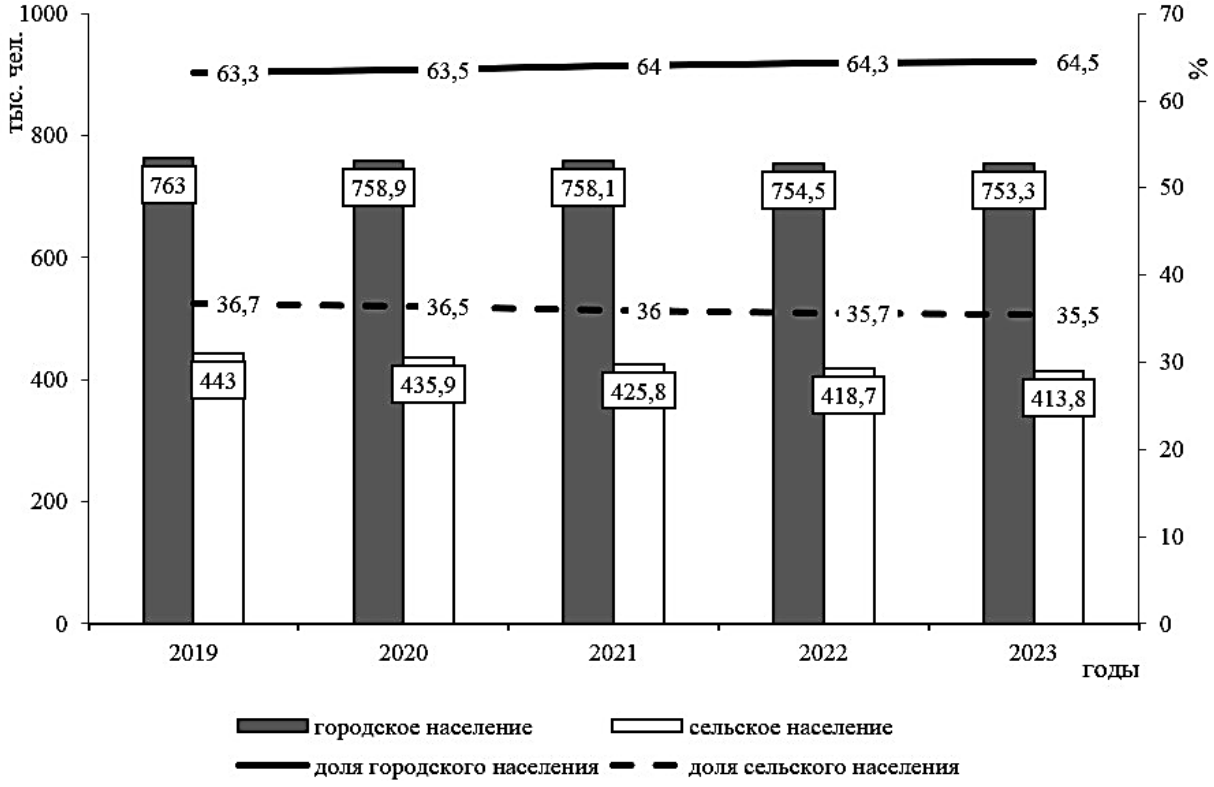

Рисунок 1 – Численность населения Чувашской Республики (составлено автором по [7])

Численность сельского населения республики в 2023 году по сравнению с 2019 годом уменьшилась на 29,2 тыс. человек и составила 413,8 тыс. человек. За последние 5 лет (2019–2023 годы) доля сельского населения сократилась на 1,2 процентного пункта и в 2023 году составила 35,5 %. Основными причинами сложившейся ситуации можно назвать низкую престижность проживания в сельской местности, неблагоприятные условия труда и быта, ограниченные сферы приложения труда, отсутствие возможностей для личностного роста и самореализации и т.п. [13]. В данных обстоятельствах невозможно разработать стратегию развития сельских территорий без учета таких категорий хозяйств, как хозяйства населения. Именно в их неразрывной связи кроется потенциал для возрождения деревень.

Настоящее исследование позволяет заключить, что рациональная государственная политика в отношении личных подсобных хозяйств населения позволит остановить процесс запустения сельских земель и способствовать укреплению системы продовольственной безопасности на региональном и федеральном уровне.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (с изменениями на 10 марта 2025 года)». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386

© Лаврова А.П.

2. Федеральный отраслевой журнал «Вестник агропромышленного комплекса». URL : https://vestnikapk.ru/articles/aktualno/vladimir-putin-za-poslednie-gody-selkhozproizvodstvo-prevratilos-v-rossii-v-vysokotekhnologichnuyu-o
3. Мельников, Б.А. Продовольственная самообеспеченность регионов Российской Федерации // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 7. С. 1923–1946.
4. Савина О.В. Анализ основных критериев обеспечения продовольственной безопасности региона (на материалах Рязанской области // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12. № 2. С. 66–76.
5. Саранцева Е.Г. Сравнительный анализ продовольственного самообеспечения регионов Приволжского федерального округа / Е.Г. Саранцева, Е.В. Гудожникова, И.В. Волгина // Фундаментальные исследования. 2025. № 1. С. 104–108.
6. Трибушинина О.С. Оценка уровня продовольственного самообеспечения региона / О.С. Трибушинина, Н.Р. Куркина // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-5. С. 1023–1027.
7. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике. URL : https://21.rosstat.gov.ru
8. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 года № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания (с изменениями на 30 декабря 2022 года)». URL : https://docs.cntd.ru/document/420374878?ysclid=maf6lkieoz737745331
9. О продовольственной безопасности и потреблении основных продуктов питания в России. URL : https://icss.ru/otrasli-i-ryinki/agropromyishlennyij-sektor/o-prodovolstvennoy-bezopasnosti-i-potreblenii-osnovnykh-produktov-pitaniya-v-rossii
10. Лаврова А.П. Основные направления развития личных подсобных хозяйств сельского населения // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2014. № 35. С. 219–223.
11. Официальный портал органов власти Чувашской Республики. URL : https://agro.cap.ru/action/activity/gospodderzhka/podderzhka-samozanyatih/subsidii-grazhdanam-veduschim-lichnoe-podsobnoe-ho-1?ysclid=maf80tsq3v2662069
12. Официальный портал органов власти Чувашской Республики. URL : https://agro.cap.ru/news/2024/01/11/boljshe-tisyachi-korov-kupili-samozanyatie-lph-v-c
13. Лаврова А.П. Особенности функционирования личных подсобных хозяйств сельского населения // Перспективные технологии и инновации в АПК в условиях цифровизации: Материалы II Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 10 февраля 2023 года. Чебоксары : Чувашский государственный аграрный университет, 2023. С. 875–877.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation № 20 dated 01/21/2020 «On Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation (as amended on March 10, 2025)». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386
2. Federal industry journal «Bulletin of the Agroindustrial complex». URL : https://vestnikapk.ru/articles/aktualno/vladimir-putin-za-poslednie-gody-selkhozproizvodstvo-prevratilos-v-rossii-v-vysokotekhnologichnuyu-o/
3. Melnikov B.A. Food self-sufficiency of the regions of the Russian Federation // Economic security. 2024. Vol. 7. № 7. P. 1923–1946.
4. Savina O.V. Analysis of the main criteria for ensuring food security in the region (based on the materials of the Ryazan region // Russian Journal of Management. 2024. Vol. 12. № 2. P. 66–76.
5. Sarantseva E.G. Comparative analysis of food self-sufficiency in the regions of the Volga Federal District / E.G. Sarantseva, E.V. Gudozhnikova, I.V. Volgina // Fundamental research. 2025. № 1. P. 104–108.
6. Tribushinina O.S. Assessment of the level of food self-sufficiency in the region / O.S. Tribushinina, N.R. Kurkina // Fundamental research. 2014. № 6-5. P. 1023–1027.
7. The official website of the territorial body of the Federal State Statistics Service for the Chuvash Republic. URL : https://21.rosstat.gov.ru
8. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation № 614 dated August 19, 2016 «On Approval of Recommendations on Rational Standards of food Consumption that meet modern requirements of a healthy diet (as amended on December 30, 2022)». URL : https://docs.cntd.ru/document/420374878?ysclid=maf6lkieoz737745331
9. On food security and consumption of basic foodstuffs in Russia. URL : https://icss.ru/otrasli-i-ryinki/agropromyishlennyij-sektor/o-prodovolstvennoy-bezopasnosti-i-potreblenii-osnovnykh-produktov-pitaniya-v-rossii
10. Lavrova A.P. The main directions of the development of personal subsidiary farms of the rural population // Proceedings of the St. Petersburg State Agrarian University. 2014. № 35. P. 219–223.
11. The official portal of the authorities of the Chuvash Republic. URL : https://agro.cap.ru/action/activity/gospodderzhka/podderzhka-samozanyatih/subsidii-grazhdanam-veduschim-lichnoe-podsobnoe-ho-1?ysclid=maf80tsq3v2662069
12. The official portal of the authorities of the Chuvash Republic. URL : https://agro.cap.ru/news/2024/01/11/boljshe-tisyachi-korov-kupili-samozanyatie-lph-v-c
13. Lavrova A.P. Features of the functioning of private subsidiary farms of the rural population // Promising technologies and innovations in agriculture in the context of digitalization: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, February 10, 2023. Cheboksary : Chuvash State Agrarian University, 2023. P. 875–877.

© Лаврова А.П.

Информация об авторе

Лаврова Алевтина Петровна
кандидат экономических наук,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет
alevtina-lavrova@mail.ru

Alevtina P. Lavrova
Candidate of Economic Sciences,
Saint Petersburg State Agrarian University
alevtina-lavrova@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Лаврова А.П.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-15
УДК 005.35

Attribution
cc by

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ РАБОТНИКОВ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сигитова М.А.
Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. В условиях высокого темпа изменений и кадрового дефицита особую значимость приобретает разработка эффективных методов адаптации работников различных возрастных групп. В статье рассматриваются ключевые проблемы адаптации, характерные для представителей Z-поколения, миллениалов, поколения X и беби-бумеров, а также инструменты, способствующие их успешной интеграции в организационную среду. На основе анализа научных исследований и эмпирических данных выявлены различия в восприятии информации, коммуникационных предпочтениях и реакции на цифровизацию процесса адаптации. Особое внимание разработке персонализированных адаптационных программ, включающих различные инструменты с учетом поколенческих особенностей, Персонализированный подход позволяет повысить эффективность адаптации, вовлеченность новых сотрудников и их успешную интеграцию в организационную среду.

Ключевые слова: адаптация работников, управление персоналом, цифровизация, онбординг, поколения, возрастные группы.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMS OF ADAPTATION OF WORKERS: GENERATIONAL ASPECT

Marina A. Sigitova
Pacific National University

Abstract. In conditions of high rate of change and personnel shortage, the development of effective methods of adaptation of employees of various age groups is of particular importance. The article examines the key adaptation issues characteristic of representatives of the Z-generation, millennials, generation X and baby boomers, as well as tools that contribute to their successful integration into the organizational environment. Based on the analysis of scientific research and empirical data, differences in information perception, communication preferences, and reactions to digitalization of the adaptation process have been identified. Special attention is paid to the development of personalized adaptation programs that include various tools tailored to generational characteristics. A personalized approach makes it possible to increase the effectiveness of adaptation, the involvement of new employees and their successful integration into the organizational environment.

Keywords: employee adaptation, personnel management, digitalization, onboarding, generations, age groups.

Funding: Independent work.

Введение.

Современные организации функционируют в условиях цифровой трансформации, экономических и демографических вызовов. Изменения конъюнктуры на рынке труда, обусловленные процессами цифровизации, развитие платформенной занятости, рост числа самозанятых граждан, а также значительный миграционный отток трудоспособного населения оказывают многоаспектное влияние на социально-трудовые отношения.

Данные факторы стали ключевыми причинами «кадрового голода», усложняя поиск и привлечения персонала для российских компаний. Начиная с 2023 года, уровень безработицы неоднократно опускался ниже отметки в 3 %, что значительно ниже оптимальной планки в 4 %. Сложившаяся ситуация на рынке труда сдерживает экономическое развитие и затрудняет процессы комплектования кадров [1].

Еще одним трендом можно назвать увеличение среднего возраста соискателей: за последние 5

© Сигитова М.А.

лет численность кандидатов возрастной группы 40–59 лет увеличилась на 10 %, кандидатов в возрасте 30–39 лет сократилась на 4 %, а возрастной группы до 29 лет – на 7 % [2].

Таким образом, выбор места работы и решение о его смене полностью находится в компетенции соискателя. Как следствие – одной из приоритетных задач работодателя является удержание работников в том числе посредством их быстрой адаптации и успешной интеграции в организационную среду.

При разработке и внедрении системы адаптации необходимо учитывать ее применимость к мульти-поколенческому составу трудового коллектива, в котором одновременно представлены представители Z-поколения, милениалов, поколения X и беби-бумеров. Каждая из возрастных групп характеризуется уникальными ценностными ориентациями, ожиданиями от профессиональной деятельности и взаимодействием с цифровыми технологиями, что требует корректировки традиционных подходов к организации процесса онбординга, разработке инструментов, учитывающих отличия разных поколений в построении карьерно-профессиональных траекторий и коммуникационных предпочтений.

Эффективное удержание персонала предполагает наличие развитой системы адаптации, способной обеспечить закрепление нового работника в компании, снизить уровень текучести кадров, а также минимизировать затраты, связанные с наймом и подбором персонала. Важным результатом реализации такой системы является формирование устойчивого и сплоченного трудового коллектива. Оптимальная программа адаптации может включать как общие стандарты, применимые ко всем категориям работников, так и индивидуализированные подходы, разрабатываемые непосредственным руководителем сотрудника.

Еще одной актуальной проблемой успешности адаптации становится широкое применение гибридной и удаленной форматов работы (организации рабочего процесса). После окончания пандемии многие компании активно используют данные форматы, однако, отсутствие или малое количество личных контактов адаптантов с другими работниками усложняет и профессиональную, и, главным образом, социально-психологическую адаптацию, не позволяя «новичку» интегрироваться в трудовой коллектив.

Максимальную сложность вызывает принятие атрибутов, норм и правил (особенно неформальных) корпоративной культуры, без чего невозможно говорить об интеграции работника в организационную среду.

Целью научной работы является выявление проблем и особенностей адаптации работников разных поколенческих групп с учетом современных тенденций и новых адаптационных инструментов.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в сфере адаптации персонала: П.К. Анохина, Т.Ю. Базарова, Ф.Б. Березина, В.Р. Веснина, А. Гартманн, А.Я. Кибанова, И.С. Кона, Е.Ф Коханова, А. Г. Маклакова, И.П. Павлова, Ж. Пиаже, И.Ю. Плешина и др.

Эмпирической основой является как вторичная информация исследований других авторов, так и проведенные нами полуструктурированные интервью с работниками разных возрастных когорт, находящихся в процессе или недавно завершивших адаптацию в крупных организациях.

Обсуждение. Результаты.

Глобальные тренды цифровизации и персонализации глубоко проникли и в сферу адаптации персонала, трансформируя традиционные подходы и приводя к появлению новых технологий онбординга. В условиях ускоренного развития информационных технологий, таких как искусственный интеллект, интернет вещей (IoT) и аналитика больших данных (Big Data), формируется новая парадигма взаимодействия работника и организации. Как следствие – многие компании встали на путь цифровизации, а иногда и цифровой трансформации процесса адаптации. Наиболее часто упоминаются исследователями и применяются в крупных организациях такие инструменты, как ознакомление и обучение с помощью цифровых платформ и VR/AR-технологий, а также геймификация.

Одним из основных направлений цифровизации процесса адаптации является использование цифровых обучающих платформ, таких как Learning Management Systems (LMS) и мобильных приложений. Зачастую именно в корпоративных системах проводится ознакомление с организацией и нормативными документами, вводное обучение, проводится инструктаж Welcome!-тренинг и др. Альтернативное решение – использование внешних платформ. Наиболее распространенными являются Beehive, iSpring Learn, Edstein, Motivity Onboarding, Mirapolis, МояКоманда, Поток Адаптация, Skillaz, Talent Rocks.

Большинство платформ позволяют брендировать интерфейс под фирменный стиль, создавать индивидуальные треки, интегрироваться с корпоративными цифровыми системами и использовать мобильные приложения для удобства пользователей. Применение VR/AR-технологий максимально оправдано в больших организациях, где виртуальная реальность позволяет быстро ознакомиться со структурой организации, функциями и размещением подразделений, рабочим пространством и рабочим местом до или в самом начале трудовой деятельности. Цифровые платформы и VR/AR-технологии в системе адаптации обеспечивают сокращение трудозатрат специалистов кадровых подразделений или линейного руководителя.

© Сигитова М.А.

Цифровизация обеспечивает дистанционный доступ к обучающим материалам, возможность персонализированного обучения с учетом квалификации и темпа освоения новой информации каждым сотрудником.

Не менее значимым инструментом повышения вовлеченности адаптантов выступает геймификация – внедрение игровых элементов в неигровую среду. Применение баллов, уровней, рейтинговых таблиц и материальных или нематериальных наград способствует активизации познавательной деятельности, стимулирует вовлеченность в обучающие мероприятия и создает условия для более быстрой интеграции в корпоративную культуру. Исследования подтверждают, что игровые практики могут быть особенно эффективны на начальном этапе адаптации, когда формируется первое впечатление о компании и погружение в работу [3].

Персонализация в HR-практиках представляет собой создание уникальных условий взаимодействия с каждым новым сотрудником, что позволяет обеспечить более высокую степень удовлетворенности и повысить эффективность онбординга. Такой подход реализуется посредством разработки адаптационных программ, учитывающих индивидуальных особенностей каждого адаптанта, включая уровень профессиональной подготовки и компетеннции, ожидания от работы, личностные мотивы и особенности восприятия информации. Для реализации персонализированного подхода в адаптационных процессах все чаще применяются модели обучения и типологии личности, такие как VARK и MBTI. Модель VARK (Visual, Aural, Read/Write, Kinesthetic) используется для классификации стилей восприятия информации и позволяет подбирать обучающие материалы в соответствии с доминирующим каналом усвоения знаний у конкретного человека.

Широкое применение находит модель MBTI (Myers-Briggs Type Indicator), которая классифицирует личность по четырем шкалам – экстраверсия/интроверсия, ощущение/интуиция, мышление/чувствование и суждение/восприятие – образуя 16 типов личности. Использование этой модели в HR-практиках позволяет лучше понять стиль коммуникации, принятия решений и взаимодействия с коллегами у новых сотрудников, что открывает возможности для более точного подбора методов сопровождения и обратной связи.

Развитие методики адаптации и появление новых инструментов не снижает остроту проблем, возникающих у новых работников компаний в процессе адаптации. Множество работ российских исследователей посвящено выявлению сложностей периода адаптации на основе опросов и интервью. На основе анализа научных публикаций и практик российских и зарубежных компаний можно выделить часто встречающиеся проблемы и сложности адаптантов, которые также были подтверждены проводимыми в рамках исследования интервью:

1. Информационная перегрузка – новые работники часто сталкиваются с избытком информации. Это приводит к снижению концентрации внимания, ухудшению усвоения знаний и увеличению времени выхода на плановую производительность.

2. Разрыв между ожиданиями и реальными условиями трудовой деятельности – новые сотрудники сталкиваются несоответствием описанию вакансии, неполным представлением о содержании и пониманием своих должностных обязанностей и др.

3. Низкая вовлеченность – согласно исследованиям, 51 % новых сотрудников теряет интерес к работе уже в первые месяцы трудоустройства из-за плохо организованного онбординга [4].

4. Трудности в обучении недостающим навыкам – так, у выпускников вузов и молодых специалистов наблюдается несоответствие уровня готовности к выполнению задач и реальных требований должности. Также, возникают проблемы сложности с освоением корпоративных информационных систем, внутренних регламентов и процессов, особенно, если документированные процедуры

5. Психологический дискомфорт, связанный с страхом ошибок, неуверенностью в себе и сложностями в установлении контакта с коллегами. Эмоциональное напряжение может привести к снижению мотивации и ухудшению трудовых показателей.

6. Проблемы удаленной адаптации – развитие гибридных и удаленных форм занятости создает новые вызовы для процесса интеграции работников в корпоративную культуру. Новые сотрудники сталкиваются с трудностями в установлении личных связей, понимании норм и ценностей компании, что снижает степень их вовлеченности и удовлетворенности работой. Так, 30 % новых сотрудников сообщают о сложностях в интеграции в корпоративную культуру «через экран» [5].

7. Отсутствие обратной связи – недостаток регулярной коммуникации с руководством, отсутствие систематических оценок и конструктивной поддержки на начальных этапах работы ограничивает возможность корректировки трудового поведения и ухудшает качества процесса адаптации.

Проведенные в рамках исследования интервью и последующий опрос (в опросе участвовало 70 % трудоустроенных в течение 2024 г. в организацию-объект исследования) позволили сгруппировать и уточнить проблемы адаптантов разных возрастных групп.

Для молодых специалистов поколения Z (в исследовании от 20 до 26 лет), особенно впервые

© Сигитова М.А.

трудоустроенных, чаще всего возникают проблемы, связанные с недостатком практического опыта, сложностью установления коммуникаций с работниками других подразделений (которые, как правило, значительно старше), несоответствием ожиданий от работы и трудовых реалий, информации о работе других подразделений и понятных регламентов. Респонденты отмечали как дефицит информации, так и информационную перезарузку, что говорит об отсутствии системного ознакомления с организацией. Негативные эмоции вызывали не сколько боязнь совершения ошибок, сколько ожидаемые «санкции» со стороны руководства. Как правило, представители молодежи не испытывали проблем с цифровыми сервисами, с уверенностью в себе, высокой загрузкой и балансом между работой и личным пространством. Практически без сложностей прошел онбординг у работников, до трудоустройства прошедших практику в организации, ставшей своеобразной «предадаптацией».

Адаптанты средней возрастной группы (миллениалы и частично поколение X, в исследовании от 27 до 48 лет) в перечне проблем называли недостаток и сложность поиска необходимой информации о процессах и регламентах, доступных инструкций по работе в том числе с цифровыми сервисами. Им больше всех остальных возрастных когорт не хватало времени для эффективного прохождения адаптации, поскольку эта категория была максимально загружена в рамках должностных обязанностей. Именно миллениалам было сложно выстраивать «work-life balance».

Представителям данной возрастной группы сложно интегрироваться в среду, если в организации нет четко выстроенных процессов, у них вызывает негатив размытость ответственности и полномочий. «Иксы» и некоторые «игреки» боятся совершения ошибок из-за повышенного чувства ответственности за качество выполняемой работы, что приводит к эмоциональному напряжению. «Среднее» поколение легко обучается и приобретает недостающие навыки, готово к изменению модели трудового поведения в новой компании. Коммуникации выстраиваются достаточно легко, а вот их дефицит является серьезной проблемой. Именно эта когорта отмечала дефицит обратной связи.

Для поколения «беби-бумеров» ключевыми трудностями в адаптации являются необходимость выстраивания коммуникаций в новом коллективе, принятие новых норм и правил, быстрого освоения значительного объема информации, в том числе о функционировании и взаимодействии разных подразделений. Психологический дискомфорт вызывает смена привычных моделей поведения, даже территориального расположения места работы, привычных маршрутов, в также традиций и других атрибутов корпоративной культуры. Максимальная сложность, ожидаемо, возникает с освоением цифровых сервисов и информационных технологий. Зачастую именно сложность обучения применению цифровых инструментов становится барьером к смене работы или эффективной адаптации.

Таким образом, тренд на внедрение и широкое применение цифровых технологий упрощает прохождение онбординга и повышает его скорость для молодежи, в то же время становясь барьером адаптации представителей поколения «беби-бумеров».

Решения проблем адаптации также необходимо искать в логике поколенческих различий, что соответствует глобальному тренду персонализации. Именно разработка персонафицированных адаптационных программ позволит для каждой возрастной группы подбирать наиболее подходящие инструменты и способы подачи информации. Для поколения Z эффективно использование цифровых платформ с размещением на них учебных модулей и четко структурированной информации о функциональных процессах и организации в целом, мобильных приложений, чат-ботов и мессенджеров. Именно молодежь хорошо реагирует на игровые техники в адаптации, которые упрощают восприятие информации и повышают вовлеченность молодых работников.

Миллениалы также позитивно относятся к высокой степени цифровизации процесса адаптации. Но именно от них идет запрос на применение системы наставничества, наличие «куратора», к которому можно обратиться по возникающим вопросам. Поколение Y больше, чем Z, нуждается в коммуникации, пусть даже предпочитает осуществлять ее в письменном виде.

Представители поколения X предпочитают комбинацию четко структурированных программ адаптации и подробных инструкций в цифровом формате и хорошо выстроенную коммуникацию с руководителем и коллегами. Положительную оценку представители данной возрастной когорты дали обучающим видеоматериалам, путеводителям по бизнес-процессам, назначению наставника, применению VR/AR-технологии. Как и «беби-бумеры», «Иксы» нуждаются в устных разъяснениях и поддержке, пусть и в меньшей степени.

Для представителей старшей возрастной группы адаптация происходит более длительный период и требует большей поддержки руководителя и коллег. Как правило, у них нет необходимости обучения в профессиональной сфере, но им нужно осваивать цифровые инструменты и конкретные инструкции, а также приспосабливаться к нормам, правилам и традициям нового коллектива. Лучше всего с этими задачами помогает справиться метод баддинга как формы неформального наставничества. Работа с таким наставником позволяет снизить уровень стресса, повысить уверенность в выполнении трудовых функций, освоить новые инструменты, особенно цифровые.

© Сигитова М.А.

Можно отметить, что запрос адаптантов всех возрастных групп к предоставлению четкой и структурированной информации необходимо решать, используя подход омниканальности, предоставляя одинаковую по сути информацию работникам определенных возрастных когорт в разных формах по различным коммуникационным каналам.

Заключение.

Среди основных преимуществ персонализированной адаптации на основе поколенческих различий отмечаются увеличение вовлеченности новых сотрудников, снижение текучести кадров и повышение производительности труда. Особую роль персонализация играет в преодолении типичных проблем адаптации, характерных для всех возрастных групп, таких как информационная перегрузка, стресс из-за неопределенности и сложность в обучении навыкам.

Индивидуальный подход помогает структурировать поток информации, оптимизировать нагрузку на новичков и обеспечить им доступ к обучающим ресурсам, соответствующим их уровню подготовки, стилю обучения, предпочитаемому способу восприятия информации.

Вместе с тем, реализация персонализированных программ адаптации требует значительных изменений в системе управления персоналом, начиная с рекрутинга и заканчивая оценкой эффективности HR-процессов. При этом важно сохранять баланс между автоматизацией процессов и гуманистическим подходом, гарантирующим уважение к индивидуальности работника и соблюдение принципов человекоцентричности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Хорева Л.В. Кадровая уязвимость российского рынка труда в промышленности и в сфере услуг / Л.В. Хорева, И.В. Калашникова, М.А. Сигитова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 4(148). С. 60–70.
2. Галина А.Э. Перспективы и возможности оптимизации процесса адаптации персонала в организации / А.Э. Галина, Р.В. Абдуллин, Д.А. Абдуллина // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 1. С. 36–43.
3. Архипова Н.И. Трансформация технологий управления персоналом в условиях цифровой экономики: перспективы и проблемы / Н.И. Архипова; Российский государственный гуманитарный университет // VI Сперанские чтения. Актуальные проблемы управления персоналом: Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции, Москва, 01 апреля 2019 года. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 13–22.
4. Кургаева Ж.Ю. Исследование проблем в процессе адаптации новых сотрудников в коммерческой организации (на примере ЗАО «СМАРТС-Казань») // Образование в России и актуальные вопросы современной науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 28 декабря 2019 года. Чебоксары : Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования «Экспертно-методический центр», 2020. С. 265–274.
5. Михайлова А.В. Адаптация персонала в организациях малого бизнеса в условиях цифровой экономики (региональный опыт) / А.В. Михайлова, Л.Н. Попова, Д.И. Старостина // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 4. С. 53.
6. Каштанова Е.В. Современные тренды в системе адаптации персонала / Е.В. Каштанова, А.С. Лобачева // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. Т. 11. № 1. С. 29–35.

References:

1. Khoreva L.V. Personnel vulnerability of the Russian labor market in industry and in the service sector / L.V. Khoreva, I.V. Kalashnikova, M.A. Sigitova // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2024. № 4(148). P. 60–70.
2. Galina A.E. Prospects and possibilities of optimizing the process of personnel adaptation in the organization / A.E. Galina, R.V. Abdullin, D.A. Abdullina // Economics and Management: a scientific and practical journal. 2025. № 1. P. 36–43.
3. Arkhipova N.I. Transformation of personnel management technologies in the digital economy: prospects and problems // VI Speransky readings. Actual problems of personnel management: a Collection of articles based on the results of the All-Russian Scientific Conference, Moscow, April 01, 2019. Russian State University for the Humanities. M. : Russian State University for the Humanities, 2019. P. 13–22.

© Сигитова М.А.

4. Kurgaeva J.Yu. Research of problems in the process of adaptation of new employees in a commercial organization (on the example of SMARTS-Kazan CJSC) // Education in Russia and current issues of modern science: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, December 28, 2019. Cheboksary : Non-governmental educational private institution of additional professional education «Expert Methodological Center», 2020. p. 265-274.
5. Mikhailova A.V. Personnel adaptation in small business organizations in the digital economy (regional experience) / A.V. Mikhailova, L.N. Popova, D.I. Starostina // Bulletin of Eurasian Science. 2020. Vol. 12. № 4. P. 53.
6. Kashtanova E.V. Modern trends in the personnel adaptation system / E.V. Kashtanova, A.S. Lobacheva // Personnel and intellectual resources management in Russia. 2022. Vol. 11. № 1. P. 29–35.

Информация об авторе

Сигитова Марина Анатольевна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент Высшей школы менеджмента
Института экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
ORCID: 0000-0002-5312-6649
003829@togudv.ru

Marina A. Sigitova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Higher School of Management,
Institute of Economics and Management,
Pacific State University, Khabarovsk
ORCID: 0000-0002-5312-6649
003829@togudv.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing10.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Сигитова М.А.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-18
УДК 338.432

Attribution
cc by

ИССЛЕДОВАНИЕ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ В РАМКАХ СТРАТЕГИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ: ОПЫТ ПЕРВЫХ ЛЕТ

Федосеев И.В., Тан Шаофан
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация. После XIX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая возрождение сельских районов стало основной стратегией развития сельского хозяйства. Стратегия возрождения сельских районов – это результат глубоких и полномасшабных теоретических исследований и практических разработок научно-исследовательских коллективов в Китае по вопросам решения проблем сельского хозяйства страны, отдельных сельских районов. Реализация Стратегии возрождения сельской местности поможет повысить уровень модернизации сельского хозяйства и сельских территорий, смягчить проблему несбалансированного развития городов и сельских районов в Китае, диспропорций развития разных сельских районов. Целью исследования является анализ потенциала реализации идей Стратегии, базовых стартовых условий; выявление проблем, которые могут снизить темп реализации намеченных стратегических целей. В результате исследования, в контексте Национальной стратегии развития и возрождения села, предпринята попытка в рамках выявленных конкретных путей развития сельского хозяйства Китая, предложить комплекс мер по развитию идей, заложенных в Стратегии, наполнению ее прикладными методами и методиками.

Ключевые слова: стратегия возрождения сельских районов, сельская экономика Китая, конкурентоспособность сельского хозяйства, устойчивое развитие, модернизация, эффективность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

EXPLORING CHINA'S AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN A RURAL REVITALIZATION STRATEGY: EARLY YEARS EXPERIENCE

Igor V. Fedoseev, Tan Shaofan
Saint Petersburg State University of Economics

Abstract. After the XIX All-China Congress of the Chinese Communist Party, the revival of rural areas became the main strategy for the development of agriculture. The strategy for the revival of rural areas is the result of deep and full-scale theoretical research and practical development of research teams in China on solving the problems of agriculture in the country, individual rural areas. The implementation of the Rural Revitalization Strategy will help increase the level of modernization of agriculture and rural areas mitigate the problem of unbalanced urban and rural development in China, and imbalances in the development of different rural areas. The purpose of the study is to analyze the potential for implementing the ideas of the Strategy, basic starting conditions; identification of problems that may slow down the implementation of the strategic goals. As a result of the study, in the context of the National Strategy for the Development and Revival of the Village, an attempt was made, within the framework of the identified specific ways of developing China's agriculture, to propose a set of measures to develop the ideas laid down in the Strategy, to fill it with applied methods and methods.

Keywords: Rural revitalization strategy, China's rural economy, agricultural competitiveness, sustainable development, modernization, efficiency.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность темы выбранного исследования.

В докладе Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) указывается, что в 2022 году число людей, столкнувшихся с острой нехваткой продовольствия в мире, достигло 258 миллионов. В сочетании с предупреждением ФАО (2023) о глобальном продовольственном кризисе и трансформацией цепочек поставок, вызванной геополитическими конфлик-

© Федосеев И.В., Тан Шаофан

тами, это придаёт исследованию путей модернизации сельского хозяйства безотлагательный характер. Данная исследовательская тема не только непосредственно отвечает национальным стратегическим задачам и требованиям эпохи, но и напрямую затрагивает актуальные проблемы развития сельских территорий. Она имеет непреходящее практическое значение для продвижения модернизации сельского хозяйства, обеспечения продовольственной безопасности, содействия сбалансированному развитию городских и сельских районов и даже поддержания долгосрочной стабильности государства.

Материалы и методы.

Данные в этой статье в основном взяты из Статистического ежегодника Китая [1] и обзоре сельскохозяйственной отрасли (2023) [2]. Основными руководящими документами правительства, используемыми для справки и анализа, являются Стратегический план возрождения сельских районов (2018–2022 гг.) [3] и Закон Китайской Народной Республики о содействии возрождению села [4], и иные данные из открытых источников и сети Интернет.

К методам исследования, помимо общенаучных, таких, как анализ, синтез, дедукция и индукция, относится сравнительный анализ основных показателей сельского хозяйства Китая, России, США и других стран.

Обсуждение. Результаты.

Стратегия возрождения сельских районов является основной стратегией национального сельскохозяйственного развития в новую эпоху и систематическим проектом. Китай обладает огромной территорией, богатыми ресурсами и значительными региональными различиями в экономическом развитии. Путь возрождения сельских районов должен отражать комплексность, сложность и региональность сельского развития. Под руководством президента Си Цзиньпина Китай скорректировал направление своего развития с учетом текущей ситуации и будущих потребностей, сделав «Стратегия возрождения сельских районов» главным приоритетом в своей долгосрочной работе. Предложение стратегии развития «трех сельских проблемы» (сельские районы, сельское хозяйство и фермеры) открывает новые возможности для развития сельских районов страны. Исходя из этого, ускорение развития сельского хозяйства и постепенное содействие модернизации сельского хозяйства стали в настоящее время важнейшими задачами Китая. Развитие сельского хозяйства является не только важным вопросом для решения проблем «сельского хозяйства, сельских районов и фермеров», но и ключевым вопросом для поддержания национальной стабильности и повышения общей мощи страны [3; 4; 5].

Китай является аграрной страной, и сельское хозяйство играло жизненно важную роль на протяжении всей истории экономического развития. В современных условиях перехода страны от быстрого роста к качественному росту, развитие сельского хозяйства приобретает особую важность. Это влияет не только на общий уровень развития страны, но и напрямую влияет на уровень жизни людей [6]. За более чем 40 лет, прошедших с момента реформ и открытости до 19-го Национального съезда Коммунистической партии Китая, Китай прошел через различные этапы экономического и социального развития. С 1990 года производство зерна в Китае увеличивалось в среднем примерно на 1 % в год, что значительно превышает темпы прироста населения. Текущая урожайность зерна в Китае с единицы площади примерно в 10–15 раз превышает показатель 1950-х годов (анализ сельского хозяйства и основных культур за прошедшие годы в табл. 1). В 2023 году годовой объем производства риса и пшеницы на душу населения в Китае приблизится к 250 килограммам, а продовольственная безопасность будет полностью гарантирована. Однако не хватает кормов, масла и сахара. В обычных обстоятельствах Китаю, все равно, приходится импортировать около 150 миллионов тонн зерна каждый год, в основном в качестве дополнения к маслу и кормам. Стратегия возрождения села была впервые предложена председателем КНР Си Цзиньпином в его докладе на 19-ой Национальной съезде Коммунистической партии Китая 18 октября 2017 года. После съезда правительство начало активно продвигать и реализовывать стратегию возрождения села, рассматривая ее как ключевой шаг в экономических и социальных преобразованиях и развитии страны [3, 7].

Таблица1

Среднегодовые темпы роста сельского хозяйства Китая и основных видов сельскохозяйственной продукции за годы (%)*

Категория	1984–2000	2000–2005	2005–2010	2010–2015	2015–2020
ВВП сельского хозяйства	3,8	3,9	4,5	4,0	5,1
Производство продуктов питания	0,9	1,0	2,5	2,0	1,5
Хлопок	–0,6	6,4	2,0	–1,7	1,1
Масличные культуры	6,4	0,9	1,5	2,0	9,1
Сахарные культуры	3,7	4,8	5,3	0,5	–1,0
Фрукты	12,5	26,2	5,8	4,8	0,94
Овощи	8,3	3,1	1,5	2,2	2,45
Свинина, говядина и баранина	7,5	2,9	2,4	1,0	–4,5
Домашняя птица	14,9	2,9	4,2	2,3	5,3
Молочные продукты	8,2	25,6	5,7	-0,1	–1,8
Водные продукты	12,1	3,6	4,0	4,3	–0,45

*Составлено автором на основе данных из Статистического ежегодника Китая и Сельскохозяйственного ежегодника Китая Национального бюро статистики за годы.

© Федосеев И.В., Тан Шаофан

1. Развитие сельского хозяйства Китая в рамках стратегии возрождения села.

Предложение о возрождении сельской местности фактически направлено на адаптацию к потребностям новой эпохи, и это также общее требование страны к развитию сельского хозяйства и сельских районов в новую эпоху. По состоянию на конец 2012 года численность сельской бедноты составляла 98,99 млн человек, а уровень сельской бедности составлял 10,2 %. Под руководством стратегического плана возрождения сельских районов и благодаря упорной работе государства и правительств на всех уровнях к концу 2020 года все бедные люди были выведены из нищеты, а 832 округа и 128000 бедных деревень успешно выбрались из нищеты. Валовой сбор зерна в 2017 году составил 617,91 млн тонн, а валовой сбор зерна в 2023 году достиг 695,41 млн тонн, увеличившись за 6 лет на 12,5 %. Согласно новейшему правительственному рабочему докладу, к 2025 году планируется достичь показателя в 700 млн тонн. И в 2017 году средний доход фермеров составил 13432,4 юаня, а к концу 2023 года он достиг 21691 юаня. После вычета индекса цен доход фермеров фактически увеличился в 1,61 раза [1, 2, 8, 9].

К концу 2023 года уровень урбанизации Китая достигнет 66,16 %, а новая урбанизация развивается с высоким качеством. В то же время, сельское хозяйство и развитие сельских районов Китая по-прежнему сталкиваются со многими проблемами, такими как низкая конкурентоспособность сельского хозяйства, быстрая неаграризация факторов производства, перенаселение, маргинализация сельскохозяйственных земель и загрязнение окружающей среды. Из-за низкого уровня модернизации сельского хозяйства и сельской местности существуют большие трудности в устойчивом развитии сельского хозяйства и сельских районов Китая и устойчивом увеличении доходов фермеров. По данным Всемирного банка, уровень занятости в сельском хозяйстве Китая составляет 26,5 %, тогда как в США – всего 1,3 %. Доля занятости в сельском хозяйстве в развитых странах и экономиках, таких как Европейский Союз, Япония и Южная Корея, составляет всего около 3–4 % [10]. Сравнивая эти два показателя, доля занятости в сельском хозяйстве в развитых странах обычно на 0,4–3 % выше, чем доля сельскохозяйственного производства, тогда как в Китае она на 17 % выше. Большое сельскохозяйственное население сосредоточено на ограниченных земельных ресурсах. Площадь обрабатываемых земель фермеров на душу населения невелика, а доходы от сельскохозяйственного труда низки. Крупномасштабные сельскохозяйственные операции, механизированное производство и научно-технические применения затруднены, что в конечном итоге приводит к общему низкому уровню модернизации сельского хозяйства Китая [11].

Таблица 2

Сравнение уровней модернизации сельского хозяйства и международной конкурентоспособности сельского хозяйства(единица измерения: процент)*

Страна	Доля занятости в сельском хозяйстве	Доля стоимости сельскохозяйственной продукции	Посевной площади на душу населения/га	Мировая доля производства зерновых	Мировая доля экспорта зерновых	Мировая доля импорта зерновых
Россия	6	5.39	0.85	4.44	10.94	0.07
США	1.3	0.9	0.47	14.2	16.08	1.35
Япония	3.4	1.2	0.03	0.4	0.06	5.08
Южная Корея	4.8	1.7	0.03	0.2	0.02	3.33
Китай	24.7	7.1	0.09	20.6	0.70	3.83

*Составлено автором на основе данных базы данных Всемирного банка и базы данных ФАО.

Стратегия возрождения сельских районов является неизбежной необходимостью и выбором после того, как экономическое и социальное развитие Китая вступило в новую эру. Целью реализации стратегии возрождения села является усиление внимания государства и органов власти на всех уровнях к сельскому хозяйству, внедрение передовой науки, идей и технологий в модернизацию сельского хозяйства, содействие модернизации и механизации сельского хозяйства, ускорение развития сельского хозяйства. Однако нельзя отрицать, что в плановом развитии сельского хозяйства Китая все еще существуют структурные проблемы и не хватает современных методов сельскохозяйственного производства. В мелких сельскохозяйственных работах по-прежнему занято большое количество рабочих, а доходы от сельскохозяйственного труда низки. Недостаточное развитие сельского хозяйства не способствует стабильному увеличению доходов фермеров и не способствует повышению международной конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, функциональное расположение обширных сельскохозяйственных территорий Китая, оптимальное распределение земельных ресурсов, защита экологической среды и промышленное развитие – все это станет серией проблем, которые необходимо решить в ходе реализации Китаем основной стратегии развития сельского хозяйства по возрождению сельских районов.

2. Модель развития в стратегии возрождения села.

В рамках стратегии возрождения села, необходимо сочетать развитие сельского хозяйства с текущим статусом, опираться на отечественный

© Федосеев И.В., Тан Шаофан

и зарубежный опыт модернизация сельского хозяйства и изучать совершенствованую разумную модель. Уточнить статус становление сельского хозяйства, проанализировать проблемы совершенствования сельского хозяйства. В полной мере использовать сельскохозяйственные ресурсы, оптимизировать конфигурацию сельскохозяйственных элементов и добиться скоординированного развития. В рамках планирования и руководства стратегией возрождения сельских районов, существуют четыре основные модели: развитие урбанизации за счет несельскохозяйственных отраслей, содействие развитию сельской экономики за счет сельскохозяйственных отраслей, сосредоточение внимания на развитии характерного сельского хозяйства, и реализация скоординированного развития сельского хозяйства.

2.1. Модель содействия развитию сельской экономики, начиная с сельскохозяйственной промышленности

Основная стратегия возрождения села четко выдвигает основное требование приоритетного развития сельскохозяйственных отраслей. Помимо внимания к сельскохозяйственному производству, необходимо также уделять пристальное внимание всестороннему развитию села, чтобы добиться преобразования и модернизации сельскохозяйственной отрасли в новую эпоху. Правительство помогает фермерам глубже интегрировать передовую науку и технологии в сельскохозяйственное производство, в полной мере использовать преимущества современного сельского хозяйства и содействовать устойчивому росту доходов фермеров. Руководствуясь стратегией возрождения села, мы улучшим условия жизни в сельской местности и среду обитания человека, осуществим индустриализацию сельского хозяйства и обеспечим постоянное повышение уровня строительства новой социалистической деревни [12].

Однако нельзя игнорировать тот факт, что основными проблемами в развитии сельской экономики являются отсутствие деловой философии у субъектов хозяйствования в сфере агропромышленного производства, слабый стимулирующий эффект и недостаточность финансирования сельскохозяйственного производства и реформ.

Таким образом, в рамках стратегии возрождения села, государству и органам власти на всех уровнях необходимо научно распределить факторы производства, исходя из текущего уровня развития сельских территорий, сформировать надежную модель развития сельского хозяйства и содействовать эффективному потоку сельскохозяйственных трудовых и земельных ресурсов. Поэтому соответствующим ведомствам необходимо выстроить целостную сельскохозяйственную систему, основанную на уровне развития сельских территорий региона, определить ключевые факторы сельскохозяйственного производства и расширить масштабы развития агропромышленного комплекса за счет привлечения социального капитала и профессиональных талантов. Правительство поощряет фермеров активно участвовать в развитии сельского хозяйства, повышать эффективность сельскохозяйственного производства, обеспечивать общество более богатыми поставками сельскохозяйственной продукции и закладывать основу для экономического развития в сельскохозяйственных районах.

2.2. Модель развития урбанизации с точки зрения несельскохозяйственных отраслей.

Основу экономики сельских районов составляет сельское хозяйство, и жизнь большинства жителей в той или иной степени связана с сельским хозяйством. Поэтому в стратегии возрождения сельских районов, чтобы добиться развития сельских особенностей, необходимо развивать несельскохозяйственные отрасли, такие как сельский туризм, сельская электронная коммерция или научно-технические инновации в сельских районах.

Развитие несельскохозяйственных отраслей на базе сельского хозяйства может не только укрепить основу основного сельскохозяйственного направления, но и обеспечить развитие несельскохозяйственных отраслей, привнести местные сельскохозяйственные особенности и углубить впечатление и восприятие местных сельских районов. Несельскохозяйственные отрасли помогают основным и второстепенным направлениям сельской экономики работать параллельно и совместно улучшать качество жизни сельских жителей.

Правительство использует стратегию возрождения села как руководство для координации взаимосвязи между развитием сельского хозяйства и урбанизацией. Оно может начать с несельскохозяйственных отраслей, сопоставить несельскохозяйственные отрасли с урбанизацией и экспортировать определенное количество сельской рабочей силы, что может значительно ускорить темпы сельской урбанизации.

Варианты развития несельскохозяйственной отрасли, такие как развитие и организация сельского туризма, изучение исторического и культурного наследия и особенностей сельской местности, а также популяризация особенностей сельской местности, помогут привлечь больше туристов. Гармоничная координация между новой урбанизацией и возрождением сельской местности может быть извлечена из модели строительства правительства на старом месте города кутиан. Местное правительство в полной мере использовало свои собственные особенности для организации красного революционного туристического маршрута, и в то же время планировало и организовывало фермеров для посадки масличных культур с целью создания уникального ландшафта. Правительство города кутиан использует двусторонний подход для повышения статуса сельского хозяйства и содействия его развитию [13].

© Федосеев И.В., Тан Шаофан

2.3. Модель развития, которая уделяет больше внимания характерному сельскому хозяйству.

Традиционное сельское хозяйство является основой сельских районов, и на него по-прежнему существует большой спрос на рынке. Поэтому под руководством стратегии развития возрождения села, сельское сельскохозяйственное производство должно, в первую очередь, сосредоточиться на повышении эффективности сельского хозяйства, используя технологии новой эры для содействия производству сельскохозяйственных культур. Однако местные органы власти должны также сосредоточиться на развитии характерного сельского хозяйства. При развитии современного сельского хозяйства они должны эффективно использовать характерные для сельской местности сельскохозяйственные ресурсы, такие как сельскохозяйственная продукция, сельскохозяйственные модели разведения и характерный опыт сельскохозяйственного производства, и выбирать сельскохозяйственные ресурсы, которые могут способствовать улучшению сельскохозяйственных экономических выгод в качестве фокуса развития и использования [14].

Характерное сельское хозяйство основано на традиционном сельском хозяйстве. Это специализированное традиционное сельское хозяйство, основанное на сельской среде и рыночной ориентации. Если взять в качестве примера сушеную специализированную сельскохозяйственную продукцию, то можно увидеть, что различные сушеные продукты играют важную роль в культуре питания Китая. Происхождение сушеных продуктов связано с древней китайской технологией консервирования продуктов питания. Например, такие методы, как естественная сушка, соление и копчение, были особенно важны в древние времена, когда отсутствовали современные технологии консервирования. От методов сохранения продуктов питания, которые использовали древние люди для борьбы с природой, до экстренной продовольственной помощи во время голода в период реформ в современном Китае и тоски людей по дому в эпоху экономической глобализации – сухие продукты не только несут в себе коллективную память об адаптации людей к природе и преобразовании среды их обитания, но и возрождаются в современную эпоху.

Например, западная провинция Фуцзянь – гористая местность с влажным климатом, подходящим для выращивания различных культур. Однако в прошлом транспортировка была неудобна, поэтому местные жители разработали технологию обработки сушеных продуктов для сохранения продуктов питания. в западном регионе Фуцзянь есть восемь самых известных сушеных сельскохозяйственных продуктов, таких как сушеный белый редис и сушеный батат. Местный процесс производства сушеной редьки берет свое начало в XV веке. Навыки производства сушеной редьки в уезде Чантин были признаны нематериальным культурным наследием провинции, а годовой объем производства отрасли по производству сушеного батата в Ляньчэне превысил 3 млрд юаней Даже на местном рынке в провинции Фуцзянь иногда наблюдается определенный разрыв в спросе на восемь сушеных продуктов.

Таким образом, характерное сельское хозяйство в западной провинции Фуцзянь начинается с восьми основных сухих товаров. Сельские районы города Шанхан сосредоточены на развитии производства сушеной редьки, интегрируют и специализируют сельские районы и специализируются на экспорте сушеной редьки, что увеличивает впечатление покупателей о Шанхане, превращает сушеную редьку в характерное сельское хозяйство сельских районов Шанхана. Сельские районы могут исследовать свои особенности, исходя из правильного управления развитием традиционного сельского хозяйства, и превратить их в первый бренд и первое впечатление о сельской местности, что может значительно способствовать будущему развитию сельских районов.

2.4. Внедрение модели скоординированного развития сельского хозяйства.

Помимо содействия росту аграрной экономики, прогресс сельского хозяйства также благоприятно сказывается на модернизации сельских районов и урбанизации. С тех пор как Китай реализовал стратегию возрождения сельских районов, правительство разработало целевую политику, основанную на фактическом уровне состояния экономики сельского хозяйства, чтобы гарантировать выполнение требований развития сельского хозяйства, помочь фермерам постоянно увеличивать источники дохода и достичь цели избавления от бедности и обогащения. Правительство также активно внедряет различные методы макроконтроля для обеспечения полной связи между экономическим прогрессом сельских и городских районов и ускорения темпов сельской урбанизации. В процессе развития правительство также направляет фермеров на защиту существующей сельскохозяйственной экологии, максимальное использование преимуществ существующих ресурсов, обеспечение эффективной связи между развитием сельской экономики и спросом на внешнем рынке, а также обеспечение повышения конкурентоспособности сельского хозяйства и экономического развития. В процессе развития сельского хозяйства нового типа фермеры также смогут получить больше возможностей для трудоустройства, а их доходы, естественно, значительно возрастут. Благодаря долгосрочному планированию правительство закладывает основу для скоординированного развития сельского хозяйства, повышает инвестиционную привлекательность сельских отраслей и содействует развитию сельской экономики [12; 15].

3. Основные проблемы, стоящие при реализации стратегии возрождения села

3.1. Сельская инфраструктура несовершенна.

Строительство сельской инфраструктуры в Китае всегда было слабым звеном. Хотя масштабы возрождения сельской местности в последние

© Федосеев И.В., Тан Шаофан

годы расширяются, общий темп строительства медленный, и инфраструктура, в частности, нуждается в укреплении. Более того, улучшение сельскохозяйственной инфраструктуры – это масштабный проект, который является дорогостоящим, имеет длительный период строительства и зависит от различных факторов. В частности, развитие сельского хозяйства в отдаленных районах ограничено географическими, экономическими и другими условиями [16]. Обновление инфраструктуры происходит несвоевременно, уровень развития сельскохозяйственного производства медленно улучшается, а существующая инфраструктура не проверяется и не ремонтируется на месте, что ограничивает темпы развития сельского хозяйства.

Отсталое состояние сельскохозяйственной инфраструктуры также серьёзно сдерживает темпы модернизации. Недостаточная поддержка сельского хозяйства со стороны государства, мало инструментов финансирование и низкая эффективность инвестиций затрудняют движение аграрной отрасли к модернизации. Строительство инфраструктуры в некоторых районах является незавершенным, а такие объекты, как водоснабжение, газ, электроснабжение, сети и дороги, несовершенны, что серьезно повлияло на качество жизни местных фермеров и развитие сельского хозяйства и животноводства. В то же время, отсутствие средств борьбы с наводнениями и ирригационных сооружений также ограничивает развитие сельского хозяйства и прогресс всего общества.

3.2. Отсутствие полноценной системы промышленной интеграции.

В контексте стратегии возрождения сельских районов, нынешнее развитие сельского хозяйства Китая по-прежнему сталкивается с проблемой единой промышленной интеграции. Хотя некоторые сельскохозяйственные районы добились трансформации и развития, большинство источников дохода по-прежнему поступают от сельскохозяйственного выращивания. Из-за отсутствия внедрения новейших технологий объем сельскохозяйственного производства значительно сократился, что сделало экономические доходы и доходы от инвестиций непропорциональными. Уровень развития вторичной и третичной промышленности в сельской местности в целом низкий. В настоящее время, хотя многие сельские районы изначально осознали важность корректировки сельской промышленной структуры в процессе развития социалистической рыночной экономики, началось развитие вторичной и третичной промышленности. Однако из-за низкого уровня развития и незрелости некоторые сельские районы долгое время находились в состоянии дефицита в процессе развития вторичной и третичной промышленности.

Данные третьей сельскохозяйственной переписи показывают, что на долю растениеводства Китая приходится более 90 %, а на другие сельскохозяйственные операции – менее 8 %. Более того, в системе сельскохозяйственного производства по-прежнему доминируют мелкие фермеры, и только 1,9 % фермеров занимаются крупномасштабными операциями. Поэтому для достижения модернизации сельского хозяйства и сельской местности в будущем Китай необходимо сосредоточиться на построении системы сельского производства и управления, которая интегрирует отрасли [17].

3.3. Уровень модернизации сельского хозяйства Китая низкий.

Низкий уровень развития сельскохозяйственной науки и техники является важной проблемой в процессе развития сельского хозяйства. Прежде всего, многие фермеры не уделяют внимания внедрению новейших технологий в сельскохозяйственное производство. В процессе посадки сельскохозяйственных культур фермеры по-прежнему используют оригинальные методы ведения сельского хозяйства, особенно при обновлении почвы и посеве семян, а уровень внедрения новых технологий относительно невелик. Применение новых агротехнологий позволяет не только повысить эффективность посева, но и снизить затраты труда фермеров.

Во-вторых, низкий уровень модернизации сельского хозяйства приведет к низкой производительности сельского хозяйства, а сельскохозяйственная продукция не будет конкурентоспособной на международном уровне, что поставит под угрозу продовольственную безопасность страны. Например, производство зерновых слишком сильно зависит от орошения, а обновление семян слишком отстает. Производство зерна в Европе и Соединенных Штатах, как правило, представляет собой неорошаемое земледелие с меньшим количеством орошения, что значительно экономит затраты на рабочую силу и затраты на содержание основных средств, а также способствует использованию крупномасштабной техники для содействия модернизации сельского хозяйства. На ирригационные факторы приходится около 30 % общих затрат на рабочую силу при производстве зерна в основных производственных районах Китая. В последние годы все больше и больше фермеров в Северном Китае отказываются от выращивания пшеницы из-за высокой совокупной стоимости ирригации [17; 18].

4. Несколько предложений по стратегиям развития сельского хозяйства в стратегии возрождения села.

4.1. Улучшить сельскую инфраструктуру.

В контексте «оживления сельских районов», сельскохозяйственное производство находится на критическом этапе перехода к модернизации, а применение науки и техники, информационных и сетевых технологий имеет решающее значение для реализации развития модернизации сельского хозяйства. Однако качественное устойчивое развитие сельского хозяйства невоз-

© Федосеев И.В., Тан Шаофан

можно без отличной инфраструктуры. В настоящее время одним из самых больших препятствий, ограничивающих развитие сельского хозяйства Китая и способствующих экономическому и социальному развитию сельских районов, являются относительно плохие базовые условия в сельскохозяйственных районах.

Основными причинами отсталости сельского экономического развития являются неадекватная инфраструктура и несовершенство систем обслуживания. Принимая во внимание особенности развития сельского хозяйства, правительство должно обеспечить большую политическую поддержку и предложить строительство проектов по обеспечению средств к существованию, адаптированных к местным условиям. В рамках плана «Дорога в каждое село», будут активно совершенствовать систему строительства сельских дорог. С ростом уровня строительства и управления национальными автомагистралями естественные причины, такие как реки и горы, больше не являются основными причинами, ограничивающими жизнь и производство. Автомагистрали помогают беспрепятственно экспортировать сельскохозяйственную продукцию, эффективно сокращают расстояние между сельскохозяйственной продукцией и рынками, решают проблемы транспортировки сельскохозяйственной продукции и облегчают все аспекты доступа к сельской местности. Кроме того, чтобы повысить урожайность сельскохозяйственных культур и укрепить основу для развития сельского хозяйства, необходимо уделять больше внимания планированию проектов по сохранению водных ресурсов сельскохозяйственных угодий, совершенствованию системы водного хозяйства и повышению ее способности противостоять стихийным бедствиям.

4.2. Улучшить аграрную экономическую систему и повысить интенсивность сельскохозяйственных экономических преобразований.

В контексте стратегии возрождения сельских районов, дальнейшее совершенствование построения системы сельскохозяйственной рыночной экономики является важной гарантией дальнейшего содействия развитию сельского хозяйства. Руководящие кадры на низовом уровне должны разумно формулировать планы строительства сельской рыночной экономики, придавать большое значение корректировке механизма работы сельскохозяйственной экономики и проводить углубленную различную рыночную деятельность для содействия стабильному развитию сельской экономики.

Чтобы обеспечить его эффективную реализацию, местные органы власти должны уделять больше внимания развитию сельского хозяйства, увеличивать экономические преобразования сельского хозяйства на основе текущего состояния экономического развития сельского хозяйства, углублять развитие сельского хозяйства и экономические реформы, а также находить более благоприятные пути развития сельского хозяйства. На этой основе, активно создают модуль развития характерной отрасли, основанный на характерных ресурсах, чтобы создать модель работы системы от посадки, переработки до продаж и т.д., и оказать большую помощь новой модели развития сельского хозяйства и заложить прочную основу для реализации трансформации сельскохозяйственной структуры.

4.3. Скоординированная разработка различных моделей стратегии развития сельского хозяйства.

В процессе реализации стратегии возрождения сельских районов, государство и правительство необходимо правильно регулировать взаимосвязь между новой урбанизацией и возрождением сельских районов, взаимосвязь между несельскохозяйственными отраслями и развитием сельского хозяйства и сельских территорий, а также взаимосвязь между типичным сельским хозяйством и традиционным сельским хозяйством. На данном этапе, темпы урбанизации в Китае ускоряются. Первичная промышленность составляет относительно небольшую долю в национальной экономике, и эта доля будет постепенно сокращаться, но она обеспечивает относительно много рабочих мест для общества. Для этого необходимо в полной мере использовать преимущества урбанизации, усилить поддержку государства и правительства развитию аграрной экономики, избегать таких проблем, как безлюдные сельские районы [19].

При рассмотрении взаимоотношений между сельским хозяйством и несельскохозяйственными отраслями соответствующий персонал должен обращать внимание на такие факторы, как экологическая среда и культурный уровень сельской местности, а также в полной мере развивать многофункциональное сельское хозяйство. После длительного периода планирования и разработки правительство расширяет пути развития сельского хозяйства и несельскохозяйственных отраслей, добивается их органичного сочетания, всесторонне повышает привлекательность различных отраслей сельского хозяйства и будет способствовать развитию сельской экономики. Что касается взаимосвязи развития традиционного сельского хозяйства и характерного сельского хозяйства, соответствующий персонал должен расширить применение парадигмы комплексного развития сельских районов. Используя преимущества местных ресурсов, активно взаимодействуя с внешними рынками и постоянно адаптируясь к различным изменениям внешней среды, Китай может всесторонне повысить конкурентоспособность и влияние сельского хозяйства. Использовать характерные особенности сельского хозяйства для стимулирования занятости и предпринимательства фермеров, тем самым, достигая взаимодополняемости различных преимуществ и обеспечивая большую защиту фермеров.

© Федосеев И.В., Тан Шаофан

Заключение.

Подводя итог, можно сказать, что развитие сельского хозяйства играет важную роль в росте национальной экономики, а также в модернизации и оптимизации структуры сельского хозяйства. В рамках стратегии возрождения села, необходимо искать разумные решения для развития сельского хозяйства, основанные на текущих ситуациях и проблемах. Развитие сельского хозяйства связано с подъемом национальной экономики, улучшением жизни крестьян и уровня сельского строительства.

Что касается выбора пути развития сельского хозяйства, то правительство следует научно разобраться в идеях развития аграрной экономики и обобщить причины медленного развития, ускорить темпы развития сельского хозяйства и повысить уровень экономического развития сельского хозяйства с помощью различных аспектов, таких как улучшение строительства инфраструктуры, экономической системы сельского хозяйства и регулирование различных отношений в сфере развития сельского хозяйства. Реализация стратегического плана «оживления сельской местности» заставила правительства всех уровней уделять больше внимания строительству новых сельских районов, открывая новые возможности для сельскохозяйственного развития Китая.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. National Bureau of Statistics. Национальное бюро статистики. URL : https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202312/t20231211_1945417.html (дата обращения 11.05.2024).
2. Аналитический отчет о структуре сельскохозяйственного производства Китая и тенденциях развития // BEEDATA: База сельскохозяйственных данных. 2023. URL : https://www.weihengag.com/home/data/productdetail/id/249/doc_id/20244
3. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. Стратегический план возрождения села (2018–2022). URL : https://www.gov.cn/gongbao/content/2018/content_5331958.htm
4. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. Закон Китайской Народной Республики о содействии возрождению села. URL : https://www.gov.cn/xinwen/2021-04/30/content_5604050.htm
5. Ян Сюэцзин. Статус сельского хозяйства и стратегии развития сельского хозяйства в стратегии возрождения села // Сельское хозяйство провинции Хэнань. 2023. № 35. С. 10–12.
6. Ло Синь. Статус сельского хозяйства и сельскохозяйственного развития в стратегии возрождения села // Сельское хозяйство Экономика и технологии. 2021 № 32(24). С. 256–258.
7. Производительность, эффективность и технологические изменения: измерение эффективности сельскохозяйственной трансформации Китая / Цзинь Сунцин [и др.] // Анализа производительности. 2010. № 33. С. 191–207.
8. Чэнь Сивэнь. Несколько ключевых вопросов, на которые следует обратить внимание при содействии возрождению сельской местности // Агроэкономические проблемы. 2024. № 1. С. 4–8.
9. Луо С, Ли С, Сикуляр Т. Долгосрочная эволюция национального неравенства доходов и сельской бедности в Китае// Обзор экономики Китая. 2020. № 62. С. 1–15.
10. Ли Ши. Возрождение села на пути к всеобщему процветанию: проблемы, вызовы и предложения / Ли Ши, Чэнь Цзипин, Тэн Янчуань // Журнал Университета Ланьчжоу (Издание по общественным наукам). 2021. № 49(3). С. 37–46.
11. Розенблатт Д. Заметка о простой алгебре индикатора общего процветания. Рабочий документ Всемирного банка / Д. Розенблатт, Т.Д. Макгавок. 2013.
12. Ермолина М.А. «План возрождения сельских районов» в стратегии КНР. Выпускная квалификационная работа / М.А. Ермолина: Чэнь Сыжу. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2024.
13. Ян Гохуа. Обзор состояния сельского хозяйства и развития сельского хозяйства в стратегии возрождения села // Современные сельскохозяйственные исследования. 2020. № 26. С. 33–34.
14. Чэнь Фэй. Исследование состояния сельского хозяйства и путей развития сельского хозяйства в рамках стратегии возрождения села // Китайская промышленность и экономика (Chinese Industry & Economy). 2021. № 9. С. 136–137.
15. Ли Айминь. Анализ состояния сельского хозяйства и развития сельского хозяйства в стратегии возрождения села // Экономист. 2020. № 2. С. 125–126.

© Федосеев И.В., Тан Шаофан

16. Гуань Чжэнь. Несколько взаимосвязей, на которые следует обратить внимание при реализации стратегии возрождения села / Гуань Чжэнь, Янь Сиюань // Теоретические круги. 2017. № 11. С. 15–21.
17. Хуан Цзикунь. Возрождение села: сельская трансформация, структурная трансформация и функции правительства // Вопросы экономики сельского хозяйства. 2020. № 1. С. 4–16.
18. Ма Сяохэ. Сельская инфраструктура и общественные службы должны прояснить направление атаки / Ма Сяохэ, Лю Чжэньчжун // Форум партийных и правительственных кадров Китая.2020. № 1. С. 68–70.
19. Сюй Ян. Краткий анализ состояния сельского хозяйства и мер по развитию сельского хозяйства в стратегии возрождения села // Южное сельское хозяйство. 2020. № 14(20). С. 115–116.

References:

1. National Bureau of Statistics. URL : https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202312/t20231211_1945417.html (date of application 11.05.2024).
2. Analytical report on the structure of China's agricultural production and development trends // BEEDATA: Agricultural Data Base. 2023. URL : https://www.weihengag.com/home/data/productdetail/id/249/doc_id/20244
3. The Central People's Government of the People's Republic of China. Strategic Plan for Rural Revitalization (2018–2022). URL : https://www.gov.cn/gongbao/content/2018/content_5331958.htm
4. The Central People's Government of the People's Republic of China. Law of the People's Republic of China on Promoting Rural Revitalization.URL : https://www.gov.cn/xinwen/2021-04/30/content_5604050.htm
5. Yang Xuejin. The status of agriculture and agricultural development strategies in the rural revitalization strategy // Agriculture of Henan Province. 2023. № 35. P. 10–12.
6. Luo Xin. The status of agriculture and agricultural development in the rural revitalization strategy // Agriculture, Economy and Technology. 2021. № 32(24). P. 256–258.
7. Productivity, efficiency and technological changes: measuring the efficiency of China's agricultural transformation / Jin Suqin [et al.] // Productivity Analysis. 2010. № 33. P. 191–207.
8. Chen Siwen. Several key issues that should be paid attention to in promoting rural revitalization // Issues in Agro-economics. 2024. № 1. P. 4–8.
9. Luo S. Long-term evolution of national income inequality and rural poverty in China / S. Luo, S. Li, T. Sicular // China Economic Review. 2020. № 62. P. 1–15.
10. Li Shi. Rural revitalization on the path to common prosperity: problems, challenges and suggestions / Li Shi, Chen Zhipin, Teng Yanchuan // Journal of Lanzhou University (Social Sciences Edition). 2021. № 49(3). P. 37–46.
11. Rosenblatt D. A Note on a Simple Algebra for the Shared Prosperity Indicator. World Bank Working Paper / D. Rosenblatt, T.D. McGavock. 2013.
12. Yermolina M.A. «The Rural Revitalization Plan» in the Strategy of the People's Republic of China. Graduation Thesis / M.A. Yermolina, Chen Sizhu. SPb. : Saint Petersburg State University, 2024.
13. Yang Guohua. Review of the State of Agriculture and Agricultural Development in the Rural Revitalization Strategy // Modern Agricultural Research. 2020. № 26. P. 33–34.
14. Chen Fei. Study on the State of Agriculture and Development Paths of Agriculture within the Rural Revitalization Strategy // Chinese Industry & Economy. 2021. № 9. P. 136–137.
15. Li Aimin. Analysis of the State of Agriculture and Agricultural Development under the Rural Revitalization Strategy // Economist. 2020. № 2. P. 125–126.
16. Guan Zhen. Several Interrelations to Be Noted in the Implementation of the Rural Revitalization Strategy / Guan Zhen, Yan Siyuan // Theoretical Circles. 2017. № 11. P. 15–21.
17. Huang Jikun. Rural Revitalization: Rural Transformation, Structural Transformation, and the Role of Government // Issues in Agricultural Economics. 2020. № 1. P. 4–16.
18. Ma Xiaohe, Liu Zhenzhong. Rural Infrastructure and Public Services Must Clarify the Direction of Attack // Forum of Party and Government Cadres of China. 2020. № 1. P. 68–70.
19. Xu Yang. A Brief Analysis of the State of Agriculture and Measures for Agricultural Development in the Rural Revitalization Strategy // Southern Agriculture. 2020. № 14(20). P. 115–116.

Информация об авторах

Федосеев Игорь Васильевич
доктор экономических наук,
профессор,
заведующий кафедрой государственного
и территориального управления,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
ORCID: 0000-0001-7099-9495
SPIN-код: 5215-9127
fedoseev_igor@mail.ru

Igor V. Fedoseev
Doctor of Economics,
Professor,
Head of the Department
of State and Territorial Administration,
Saint Petersburg
State University of Economics
ORCID: 0000-0001-7099-9495
SPIN code: 5215-9127
fedoseev_igor@mail.ru

© Федосеев И.В., Тан Шаофан

Тан Шаофан
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
ORCID: 0009-0005-6045-9897
SPIN-код: 1505-4947

Tan Shaofan
Postgraduate Student,
Saint Petersburg
State University of Economics
ORCID: 0009-0005-6045-9897
SPIN-код: 1505-4947

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Федосеев И.В., Тан Шаофан

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-19
УДК 332

Attribution
cc by

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН БРИКС+: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БРИКС+ И АНДСКОГО СООБЩЕСТВА НАЦИЙ

Фейгин Г.Ф., Бобровникова Е.А., Афанасьева К.В.
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ БРИКС+ как крупного современного объединения стран с региональным интеграционным блоком на примере Андского Сообщества наций. В качестве критериев для сравнения используются: организация работы и координация действия стран-участниц, экономическая интеграция, сотрудничество в сфере социальной политики, сочетание курса на развитие внутренней интеграции с участием в глобальных процессах, исторически сложившиеся традиции межгосударственного сотрудничества. В ходе осуществления сравнения приводятся и обобщаются эмпирические данные. Проведенный анализ позволил сделать вывод о возможности учета опыта крупного регионального блока для определения дальнейших направлений развития сотрудничества государств в рамках БРИКС+. Также в статье отмечаются возможности развития интеграции между БРИКС+ и Андским сообществом.

Ключевые слова: БРИКС+, Андское сообщество, многополярный мир, глобализация, региональная интеграция.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

PROSPECTS FOR REGIONAL INTEGRATION OF BRICS COUNTRIES: COMPARATIVE ANALYSIS OF BRICS+ AND THE ANDES COMMUNITY

Grigory F. Feygin, Elizaveta A. Bobrovnikova, Kseniya V. Afanasyeva
Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Abstract. The article provides a comparative analysis of BRICS+ as a large modern association of countries with a regional integration bloc using the example of the Andean Community. The following criteria are used for comparison: organization of work and coordination of actions of the participating countries, economic integration, cooperation in the field of social policy, a combination of a course towards the development of internal integration with participation in global processes, historically established traditions of interstate cooperation. During the comparison process, empirical data is presented and summarized. The analysis made it possible to conclude that it is possible to take into account the experience of a large regional bloc in order to determine further directions for the development of cooperation between states within the framework of BRICS+. The article also highlights the possibilities of developing integration between BRICS+ and the Andean Community.

Keywords: BRICS+, Andean Community, multipolar world, globalization, regional integration.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

БРИКС+ представляет собой одно из крупнейших в мире межгосударственных объединений. Регулярные контакты на уровне министерств иностранных дел Бразилии, Российской Федерации, Индии и Китая начались еще в 2006 году, когда впервые появилась аббревиатура БРИК. С 2009 года страны БРИК начали проводить регулярные саммиты. С 2011 года к межстрановому объединению присоединилась ЮАР, после чего появилась аббревиатура БРИКС. С 01 января 2024 года в состав объединения вошли еще 4 страны: Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты и Эфиопия, тем самым, объединение БРИКС преобразовалось в БРИКС+. А состав объединения БРИКС+ входят страны, представляющие собой крупные рынки (экономики Китая и Индии являются первой и третьей экономиками мира).

Сотрудничество между странами БРИКС+ может дать существенный синергетический эффект. Что касается экономики России, то в условиях

© Фейгин Г.Ф., Бобровникова Е.А., Афанасьева К.В.

беспрецедентных санкций, введенных странами Запада, остро встал вопрос о смене приоритетов внешнеэкономической политики, и страны, входящие в состав БРИКС+, становятся для России важнейшими торговыми партнерами. Кроме того, Россия последовательно отстаивает идею формирования нового миропорядка, основанного на принципах многополярности, что означает, прежде всего, отсутствие гегемонии какой-либо одной силы (в частности, стран Запада).

В данном контексте, объединение БРИКС+ должно играть существенную роль. Однако перспективы развития БРИКС+ в значительной мере зависят от эффективности институциональной архитектуры данного межстранового объединения. Недостатки институциональной системы могут привести к тому, что, принимаемый в рамках БРИКС+ декларации в дальнейшем не приведут к реализации каких-либо глобально значимых проектов. Одним из инструментов оценки существующей в рамках БРИКС+ институциональной системы является ее сравнение с аналогичными системами других межстрановых объединений. В связи с тем, что одной из задач БРИКС+ является развитие трансграничного сотрудничества и интеграции, представляется целесообразным сравнить институциональную организацию БРИКС+ и иных региональных интеграционных блоков. В настоящей статье подобный анализ проводится на примере Андского Сообщества наций.

Таким образом, **целью** настоящей статьи является проведение сравнительного анализа БРИКС+ и Андского Сообщества наций на основании выделенных критериев (организация работы и координация действия стран-участников, экономическая интеграция, сотрудничество в сфере социальной политики, сочетание курса на развитие внутренней интеграции с участием в глобальных процессах, исторически сложившиеся традиции межгосударственного сотрудничества).

Обсуждение.

Андское сообщество наций представляет собой региональное социально-экономическое содружество стран, которое было создано 26 мая 1969 года в результате подписания Картахенского соглашения. В состав содружества входят Боливия, Колумбия, Эквадор и Перу. Основная цель Андского сообщества заключается в содействии развитию стран-участниц путем их интеграции. Проведем сравнительный анализ функционирования БРИКС+ и Андского сообщества на основании следующих аспектов:

Организация работы и координаций действия стран-участников.

Особенности институциональных систем межстрановых объединений проявляются, прежде всего, в характере организации работы и обеспечении согласованности действий соответствующих государств. Базовым институциональным элементов, на основании которого строится работа БРИКС+, является проведение регулярных саммитов, в которых принимают участие первые лица государств. Первый саммит БРИКС состоялся в 2009 году.

Андское сообщество имеет более разветвленную, по сравнению с БРИКС+, институциональную систему. При этом основные решения принимаются при встречах глав государств или руководителей профильных министерств, а также в ходе заседаний специализированных комитетов.

Институциональная структура Андского сообщества прошла определенную эволюцию, в результате чего, постепенно стабилизировалась. В настоящее время в состав институциональной системы Андского Сообщества наций входят: Президентский совет, Совет министров иностранных дел, Комиссия АС, Андский Парламент, Андская корпорация развития, Суд и Генеральный секретариат. В настоящее время для институциональной системы андского сообщества характерно четкое разграничение функций отдельных ее элементов.

Экономическая интеграция.

Одной из основных задач, которая, так или иначе, признается всеми участниками объединения БРИКС+, является развитие экономической интеграции. Следует признать, что, в данном аспекте, сотрудничество стран БРИКС находится еще на начальном этапе. Сотрудничество в сфере таможенного регулирования берет начало в 2013 году. 16 октября 2016 года в индийском городе Гоа было подписано Положение о Комитете таможенного сотрудничества БРИКС. Тем самым, была создана постоянно действующая площадка для обсуждения возникающих вопросов в сфере таможенного сотрудничества в целом.

В сентябре 2024 года было проведено заседание глав таможенных служб стран БРИКС под председательством России. В ходе встречи было принято решение работать в направлении подписания Соглашения о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах. По информации Министра финансов РФ А. Силуанова, была также достигнута договоренность о признании института уполномоченного экономического оператора в БРИКС. Также был подписан Совместный план действий по взаимодействию таможенных служб стран БРИКС для организации электронного обмена таможенными сведениями и пресечения сомнительных финансовых операций.

Приоритетной задачей Андского Сообщества наций является развитие региональной экономической интеграции при соблюдении национальных экономических интересов стран-участниц. Региональная экономическая интеграция затрагивает взаимную торговлю, трансграничную инвестиционную деятельность, а также различные социальные аспекты. Основными

© Фейгин Г.Ф., Бобровникова Е.А., Афанасьева К.В.

инструментами укрепления интеграции в рамках Андского Сообщества наций являются совместное отраслевое планирование, стабилизация экономической политики, введение единого таможенного тарифа и либерализация норм ведения хозяйственной деятельности.

С 1993 г. в рамках объединения действует зона свободной торговли (ЗСТ), а с 1 февраля 1995 г. был введён общий таможенный тариф Андского сообщества. Он варьирует от 5 до 20 %, и, в среднем, составляет 14 %. В частности, ставки таможенного тарифа составляют 5 % на сырьё и промышленное оборудование, 10–15 % – на полуфабрикаты и капиталоёмкие товары, 20 % – на готовую продукцию.

Общий таможенный тариф Андского сообщества рассчитывается на основе Пакта общего внешнего тарифа Анд. Однако для каждой страны действует свой специальный тарифный режим при наличии ограничений на конкретные категории товаров. Общий таможенный тариф действует во всех странах, входящих в состав Андского Сообщества наций, за исключением Перу.

Наряду со снятием таможенных ограничений, осуществляются сокращение нетарифных барьеров, а также их гармонизация. В частности, была создана Андская система стандартизации, тестирования, сертификации, технических правил и метрологии. Также была разработана номенклатура общего таможенного тарифа (НАНДИНА), которая включает методологию определения таможенной стоимости, правила транзита, а также принципы координации деятельности таможенных служб стран-участниц.

Сначала, Зона свободной торговли, а затем и Таможенный союз оказали огромное воздействие на динамику взаимной торговли, объем которой на определенном этапе рос значительно более быстрыми темпами (в 5 раз) по сравнению с товарооборотом с третьими странами. Так, за 1990–2001 гг. среднегодовые темпы прироста взаимного экспорта стран Андского Сообщества наций оценивались в 15 %, в среднем, ежегодно, тогда как среднегодовые темпы прироста совокупного экспорта – в 5 % и экспорта в третьи страны – в 4 %. Доля взаимного экспорта, в совокупном экспорте, возросла с 4,3 % до 11,2 % в 1990–2001 гг., в стоимостном выражении объем взаимного экспорта увеличился с 1325 млн долларов в 1990 г. до 5826 млн долларов в 2001 г. В последующие годы объемы экспорта всех стран – членов Андского Сообщества наций демонстрировали тенденцию к росту, но доля взаимного экспорта в его обще объеме оставалась довольно низкой. Так, в 2024 году общий экспорт стран, входящих в Сообщество, составил 165,29 млрд долларов, из которых внутренний экспорт составил 5,5 %. Основными направлениями экспорта в 2024 годы являлись Китай (19,3 %), США (18,9 %), страны ЕС (12,1 %).

Несмотря на рост объемов взаимного экспорта, в целом следует признать, что для стран-участниц Андского Сообщества наций по-прежнему преобладает экспорт в третьи страны. Андское сообщество стимулирует развитие взаимной торговли, но все же не делает страны-участницы главными торговыми партнерами друг для друга.

Сотрудничество в сфере социальной политики.

Каждая страна, входящая в состав БРИКС+, рассматривает решение социальных вопросов, прежде всего, как задачу национальной политики. В то же время, страны-участницы БРИКС+ учитывают взаимный опыт, так как существуют примеры достижения позитивных результатов в социальной сфере в отдельных государствах, которые могут быть приняты к сведению и другими странами. К таким примерам можно отнести достижение эффективного баланса социальных пособий и инвестиционных вложений в социальную сферу в Бразилии, резкое увеличение спектра предоставляемых в онлайн-формате услуг в Китае, развитие социального партнерства в Индии, меры по регулированию миграции в России или функционирование мобильных отделений системы социальной защиты в ЮАР.

Страны-участницы БРИКС+ могут учитывать опыт друг друга и в таких аспектах, как:

– внедрение цифровых технологий (электронных карт социального обеспечения в Китае или смарт-карт в Индии и ЮАР);

– разработка программ повышения квалификации для лиц, осуществляющих администрирование системы социального обеспечения.

Также, во многих странах БРИКС+ существует проблема фрагментации служб социальной защиты. Для отдельных социальных учреждений периодически характерны нескоординированные действия. Данная проблема решается посредством совершенствования организационных моделей и внедрения цифровых технологий. В результате, сокращается число дублирующих друг друга социальных пособий, оптимизируются процедуры их предоставления, а также повышается эффективность работы административных органов с учетом роста интенсивности миграционных процессов.

В ряде стран БРИКС+ наблюдается переход к более проактивным профилактическим мерам. Так, страхование по безработице теснее интегрируется с политикой занятости, в том числе с программами переподготовки кадров. Значительное внимание уделяется реабилитации лиц, пострадавших от несчастных случаев (например, жертв дорожно-транспортных происшествий в ЮАР) с целью минимизации будущих медицинских расходов и создания условий для возвращения к трудовой деятельности. В целом для стран БРИКС+ характерен постепенный рост информированности населения о возможностях системы социальной защиты, что позволило расширить охват населения мерами социальной поддержки.

© Фейгин Г.Ф., Бобровникова Е.А., Афанасьева К.В.

Что касается Андского сообщества, то основными социальными проблемами, с которыми сталкивается население стран-участниц является бедность и значительная дифференциация уровней доходов. Решение социальных вопросов занимает важное место в рамках разработанной новой стратегии, которая была утверждена на встречах глав государств в Кираме (2003 г.), Кито (2004 г.) и Лиме (2005 г.).

В новой стратегии приоритетными направлениями сотрудничества признаются:

– программы поддержки научно-технического прогресса;

– мероприятия по интеграции приграничных территорий;

– программы в сфере туризма; политику рационального использования и охраны природных ресурсов и окружающей среды.

Острой социальной проблемой на территории Андского сообщества остается значительная распространенность наркотрафика. С целью борьбы с этим явлением, страны сообщества активно сотрудничают с различными международными организациями и региональными объединениями. Они участвуют в программах, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков. В частности, принимают активное участие в работе сессий Межпарламентской комиссии по борьбе со злоупотреблением наркотическими средствами (CICAD).

Сочетание курса на развитие внутренней интеграции с участием в глобальных процессах.

Как межгосударственное объединение, БРИКС+ стремится к развитию внутренней интеграции по различным направлениям. В частности, в рамках БРИКС+ уделяется особое внимание развитию торгово-экономических отношений, стимулированию инвестиций и созданию благоприятного инвестиционного климата для бизнеса и предпринимательства.

Однако БРИКС+ играет важную роль и в международном сотрудничестве, способствуя координации усилий многих стран, направленных на реакцию на глобальные вызовы в таких аспектах, как изменение климата, преодоление бедности и социального неравенства, а также укрепление мира и безопасности.

БРИКС активно участвует в формировании многополярной системы международных отношений. Государства-члены блока выступают за обеспечение справедливого и равноправного участия всех стран в глобальных процессах принятия решений. Они играют заметную роль в деятельности ООН и других международных организаций, защищая свои интересы, способствуя поддержанию мировой стабильности и безопасности

Кроме того, БРИКС+ поддерживает реформы мировой финансовой системы, включая реформу МВФ и Всемирного банка, с целью обеспечения более широкого представительства развивающихся стран в принятии глобальных финансовых решений.

Андское сообщество, как региональный блок, ориентировано на развитие экономической интеграции стран-участниц. Деятельность сообщества направлена на ускорение экономического роста, создание рабочих мест и формирование единого латиноамериканского рынка. В то же время, Андское сообщество (помимо проведения последовательного курса на региональную интеграцию) активно занимается решением актуальных международных проблем, к числу которых относятся противодействие незаконному обороту наркотиков и регулирование миграционных процессов. На глобальном уровне Сообщество активно развивает партнерские отношения со странами всего мира, в том числе с государствами ЕС, США и Китаем. С 1997 года Андское сообщество имеет статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН.

Исторически сложившиеся традиции межгосударственного сотрудничества.

Входящие в состав БРИКС+ государства, имеют значительный опыт сотрудничества, который накапливался в течение ни одного десятилетия. Еще до формирования БРИК отмечалось наличие «треугольника» Россия – Индия – Китай. В конце XX – начале XXI века стало очевидно, что Бразилия, Россия, Индия и Китай представляют собой крупные рынки, и их интеграция имеет значительный потенциал.

Одной из важнейших задач БРИКС+, как межгосударственного объединения, является формирование единого смыслового и ценностного поля и организация межкультурного взаимодействия на этой основе. С момента создания БРИКС началась реализация отдельных культурных инициатив. В 2014 году была принята Форталезская декларация, где в отдельном пункте была закреплена значимость культурной дипломатии как «инструмента укрепления взаимопонимания между народами». 17 июня 2015 года состоялась первая встреча министров культуры пяти стран: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. С тех пор подобные встречи стали проводиться ежегодно. В итоговом документе, принятом по результатам вышеупомянутой встречи, было подчеркнуто значение сотрудничества в культурной сфере между государствами, представляющими различные цивилизации и несущими в себе многообразные культурные традиции. В документе особое внимание уделялось необходимости «соблюдать принципы открытости, инклюзивности, равенства и многообразия, взаимного уважения и познания, а также взаимовыгодного культурного сотрудничества для достижения общего процветания» [2].

© Фейгин Г.Ф., Бобровникова Е.А., Афанасьева К.В.

В дальнейшем было ратифицировано межгосударственное соглашение о сотрудничестве в сфере культуры. Данный документ призван способствовать реализации широкого спектра форм культурной дипломатии в рамках БРИКС. В документе отмечалось, что «стороны содействуют развитию сотрудничества и обмену в области культуры, в том числе музыкального и танцевального искусства, хореографии, театра, циркового искусства, архивного, издательского, библиотечного и музейного дела, культурного наследия, изящных, декоративных и прикладных искусств, аудиовизуальных работ, а также в других областях творческой деятельности. Институты БРИКС+ способствуют обмену работниками научно-исследовательской сферы, университетскими исследователями, экспертами и студентами по программам, представляющим интерес [7].

В свою очередь, Андское сообщество характеризуется богатой историей населяющих его территорию цивилизаций. Древние андские культуры, прославившиеся монументальной архитектурой, развитой системой дорог и искусством текстильного ткачества, оставили неизгладимый след в истории региона. Самая древняя из известных цивилизаций Америки, Караль (Норте-Чико) на побережье Перу, зародилась еще в 3500 году до нашей эры. Перед прибытием испанских завоевателей, в XV веке, инкская империя объединила под своей властью большинство андских культур.

В XVI веке европейские колонизаторы из Испании прибыли в Анды и, в конечном итоге, подчинили местные цивилизации и превратили их в часть Испанской метрополии. Интеграция стран-участниц Андского сообщества предполагает реализацию курса на создание единого научного, образовательного и культурного пространства благодаря чему, исторически сложившиеся культурные связи продолжают активно развиваться.

Результаты.

Сравнительный анализ БРИКС+ и Андского сообщества по обозначенным аспектам позволяет выявить как некоторые сходства, так и существенные различия. Результаты сравнительного анализа обобщены в таблице 1.

Таблица 1

БРИКС+ и Андское сообщество результаты сравнительного анализа

Критерии сравнения	БРИКС+	Андское сообщество
Организация работы и координация действия стран-участников	Институциональную основу функционирования межстранового объединения составляют регулярно проводимые саммиты с участием первых лиц, по итогам которых принимаются соответствующие декларации.	Институциональная система включает: Президентский Совет, Совет министров иностранных дел, Комиссию Андского сообщества, Андский парламент, Андскую корпорацию развития, Суд Андского сообщества, Генеральный секретариат Андского сообщества. Основные решения принимаются на встречах глав государств и министров, а также через регулярные заседания специализированных комитетов
Экономическая интеграция	Интеграционные процессы на современном этапе сводятся к организации Пула валютных резервов. Вопс о создании единой системы платежей или единой валюты является частью текущей повестки. Также осуществляется сотрудничество в сфере таможенного регулирования	Экономическая интеграция является основной целью функционирования блока. Создана Зона свободной торговли и введен общий таможенный тариф
Сотрудничество в сфере социальной политики	Выработка общих подходов в вопросах борьбы с терроризмом, распространением наркотиков и коррупцией.	Сотрудничество в таких сферах, как борьба с бедностью, развитие образования и здравоохранения
Сочетание курса на развитие внутренней интеграции с участием в глобальных процессах	Активное участие в решении глобальных проблем, таких как, изменение климата и обеспечение международной безопасности. Притязания на противовес ведущим институтам коллективного Запада, в частности G7	Активное участие в решении глобальных проблем, таких как, борьба с наркотрафиком и регулирование миграции
Исторически сложившиеся традиции межгосударственного сотрудничества	Страны имеют опыт сотрудничества. В тоже время, население стран, входящих в состав объединения, характеризуется культурным многообразием, что, с одной стороны, создает потенциал для сотрудничества, а с другой, обуславливает и некоторые проблемные аспекты	Страны блока имеют исторически сложившиеся тесные культурные связи, развитие которых является одной из важнейших задач блока

© Фейгин Г.Ф., Бобровникова Е.А., Афанасьева К.В.

Сравнительный анализ показывает, что БРИКС+ и Андское сообщество имеют как некоторые сходства, но и довольно серьезные различия.

Отличия закономерны, т.к. БРИКС+ включает страны, расположенные в разных регионах и существенно отличающиеся друг от друга по уровню развития, роли в мировой экономике, пониманию национальных интересов, культурным традициям и т.д. Напротив, страны-члены Андского сообщества в силу исторических причин составляют некую социально-культурную общность и последовательно проводят курс на развитие региональной интеграции.

Для стран БРИКС+ опыт Андского сообщества представляет интерес, прежде всего, в институциональном контексте. Как отмечалось выше, институциональную основу БРИКС в настоящее время составляют регулярно проводимые саммиты, в рамках которых периодически принимаются инициативные документы. Также, важным шагом на пути развития БРИКС явилось учреждение в 2017 году, в рамках БРИКС, Народного банка развития. По своему потенциалу (размеры национальных экономик, входящих в состав БРИКС+; доля стран БРИКС+ в мировом ВВП и в мировой торговле; человеческий капитал) БРИКС можно рассматривать как межгосударственное объединение со значительными глобальными перспективами.

Однако для организации подлинно совместных действий и развития интеграции, странам БРИКС, несомненно, следует укрепить институциональную систему. Тесная экономическая кооперация практически невозможна при отсутствии сильного и целенаправленного институционального регулирования. В данном контексте, для БРИКС+ может быть важен опыт Андского сообщества наций. Некоторые институты аналогичного формата, функционирующие в рамках Андского сообщества наций (Президентский Совет, Совет министров иностранных дел, Комиссия, Парламент, судебные инстанции), могли бы быть созданы и в рамках БРИКС+. Однако следует учитывать то обстоятельство, что БРИКС+ продолжает находиться в фазе возможного расширения. Поэтому окончательное решение о создании соответствующих институтов должно приниматься, видимо, при окончательном утверждении сроков вступления в БРИКС+ и статуса потенциально новых членов этого межгосударственного объединения.

Определенный потенциал имеет и развитие сотрудничества между БРИКС+ и Андским сообществом. Сотрудничество между БРИКС и Андским сообществом может включать, к примеру, финансовую поддержку проектов, направленных на охрану Амазонии. В 2023 году представители Нового банка развития БРИКС выразили готовность помочь в финансировании инициатив по защите экваториальных лесов данного региона. Параллельно свое содействие предложили Межамериканский банк развития и Андская корпорация развития.

Заключение.

В настоящее время БРИКС+ представляет собой межстрановое объединение, с развитием которого во многом увязываются надежды на изменение принципов функционирования миропорядка в направлении полицентричности в связи с тем, что страны БРИКС+ не относятся к «коллективному Западу», поэтому их видение геополитического будущего мира, так или иначе, не связано с тотальной гегемонией стран Запада в будущем мироустройстве. В то же время, эффективность функционирования БРИКС в будущем зависит от многих факторов и, в частности, от того, насколько рационально будет учтен опыт функционирования других межстрановых объединений, в том числе и Андского сообщества. Прежде всего, опыт Андского сообщества интересен в контексте совершенствования институциональной базы с учетом практики давно функционирующего регионального интеграционного блока (каким и является Андское сообщество).

Одним из инструментов развития БРИКС является кооперация с другими межстрановыми объединениями. В данном контексте, обозначенные шаги сотрудничества между БРИКС+ и Андским сообществом уже в ближайшие годы могут принести существенные результаты.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. БРИКС: динамичное социальное обеспечение в действии. Международная социальная служба. URL : https://www.issa.int/sites/default/files/documents/publications/5-SPH-30-25258.pdf
2. Декларация Первой Встречи министров культуры государств-членов БРИКС // Министерство культуры Российской Федерации. URL : https://culture.gov.ru/documents/deklaratsiya-pervoy-vstrechi-ministrov-kulturygosudarstv-chlenov-briks (дата обращения 24.06.2023).

© Фейгин Г.Ф., Бобровникова Е.А., Афанасьева К.В.

3. Евдокимов Л.В. Интеграционные процессы в андском регионе Латинской Америки: политический аспект : дис. … канд. политич. наук: 23.00.04. СПб., 2012. 22 с.
4. Кобец П.Н. Опыт, проблемы и особенности борьбы с наркопреступностью регионального социально-экономического содружества стран Латинской Америки – Андского сообщества наций // НПЖ «Диалог». 2020. № 1(15). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-problemy-i-osobennosti-borby-s-narkoprestupnostyu-regionalnogo-sotsialno-ekonomicheskogo-sodruzhestva-stran-latinskoy-ameriki
5. Кобец П.Н. Основные направления борьбы с наркопреступностью в Испании // Научный портал МВД России. 2018. № 1(41). С. 126–131.
6. Приоритеты председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2024 году. URL : https://brics-russia2024.ru/russia-and-brics/priorities
7. Распоряжение Правительства РФ № 1268-р «Соглашение между правительствами государств – членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры» // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации. URL : https://docs.cntd.ru/document/420286688 (дата обращения 24.06.2023).
8. Шохин С.О. БРИКС – таможенное измерение сотрудничества // Таможенное дело. 2018. № 1. С. 24–26.

References:

1. BRICS: Dynamic Social Security in Action. International Social Service. URL : https://www.issa.int/sites/default/files/documents/publications/5-SPH-30-25258.pdf
2. Declaration of the First Meeting of Ministers of Culture of the BRICS Member States // Ministry of Culture of the Russian Federation. URL : https://culture.gov.ru/documents/deklaratsiya-pervoy-vstrechi-ministrov-kultury-gosudarstv-chlenov-briks (date of application 06/24/2023).
3. Evdokimov L.V. Integration processes in the Andean region of Latin America: a political aspect : PhD in Political Sciences: 23.00.04. SPb., 2012. 22 p.
4. Kobets P.N. Experience, Problems, and Peculiarities of Combating Drug Crime in the Regional Socioeconomic Commonwealth of Latin American Countries - the Andean Community of Nations // Dialogue. 2020. № 1 (15). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-problemy-i-osobennosti-borby-s-narkoprestupnostyu-regionalnogo-sotsialno-ekonomicheskogo-sodruzhestva-stran-latinskoy-ameriki
5. Kobets P.N. The Main Directions of Combating Drug Crime in Spain // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(41). P. 126–131.
6. Priorities of the Russian Federation's Presidency in the BRICS Association in 2024. URL : https://brics-russia2024.ru/russia-and-brics/priorities/
7. Order of the Government of the Russian Federation № 1268-r «Agreement between the Governments of the BRICS Member States on Cooperation in the Field of Culture» // Electronic Fund of Regulatory, Technical, and Legal Information. URL : https://docs.cntd.ru/document/420286688 (date of application 24.06.2023).
8. Shokhin S.O. BRICS: The Customs Dimension of Cooperation // Customs Affairs. 2018. № 1. P. 24–26.

Информация об авторах

Фейгин Григорий Феликсович
доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры экономики и управления,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов
fgrig@list.ru

Grigory F. Feygin
Doctor of Economics,
Professor,
Professor of the Department
of Economics and Management,
Saint Petersburg Humanitarian University
of Trade Unions
fgrig@list.ru

Бобровникова Елизавета Александровна
студентка 4 курса,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов
fgri@list.ru

Elizaveta A. Bobrovnikova
4th year Student,
Saint Petersburg Humanitarian University
of Trade Unions
fgri@list.ru

Афанасьева Ксения Вячеславовна
студентка 4 курса,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов
grig@list.ru

Kseniya V. Afanasyeva
4th year Student,
Saint Petersburg Humanitarian University
of Trade Unions
grig@list.ru

© Фейгин Г.Ф., Бобровникова Е.А., Афанасьева К.В.

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Фейгин Г.Ф., Бобровникова Е.А., Афанасьева К.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-21
УДК 332

Attribution
cc by

МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Цыкин Г.С.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. В данной статье проводится сравнительный анализ методов осуществления экспертно-аналитических мероприятий внешнего и внутреннего государственного финансового контроля в Российской Федерации, а также рассматриваются перспективы их развития, различные виды и формы ГФК, такие как предварительный, текущий и последующий контроль, внешний и внутренний контроль, документальный и фактический контроль. Особое внимание уделено роли экспертно-аналитических методов, таких как проверка, ревизия, обследование, анализ и мониторинг, используемых в практике государственного финансового контроля.

В документе также рассматриваются законодательные инициативы, направленные на совершенствование системы ГФК, в частности, проект Федерального закона № 532893-8, предусматривающий введение новых методов контроля, таких как наблюдение и контрольный мониторинг. Закрепление понятия «анализ и расширение методов контроля» позволит повысить прозрачность и эффективность использования бюджетных средств, укрепить финансовую дисциплину и ответственность государственных и муниципальных учреждений.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, экспертно-аналитические мероприятия, внешний контроль, внутренний контроль, методология контроля, нормативно-правовая база, аудит, ревизия, обследование, анализ, мониторинг.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

METHODS OF IMPLEMENTATION OF EXPERT AND ANALYTICAL MEASURES OF EXTERNAL AND INTERNAL STATE FINANCIAL CONTROL, PROSPECTS FOR THEIR DEVELOPMENT

Gleb S. Tsykin
Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. This article provides a comparative analysis of the methods of expert analysis of external and internal state financial control measures in the Russian Federation, as well as the prospects for their development. Various types and forms of GFC are considered, such as preliminary, current and subsequent control, external and internal control, documentary and actual control. Special attention is paid to the role of expert analytical methods, such as verification, revision, survey, analysis and monitoring, used in the practice of state financial control.

The document also discusses legislative initiatives aimed at improving the GFC system, in particular draft Federal Law № 532893-8, which provides for the introduction of new control methods such as surveillance and control monitoring. The consolidation of the concept of analysis and the expansion of control methods will increase transparency and efficiency in the use of budgetary funds, strengthen financial discipline and responsibility of state and municipal institutions.

Keywords: State financial control, expert and analytical measures, external control, internal control, control methodology, regulatory framework, audit, audit, survey, analysis, monitoring.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

В современных условиях управления государственными финансами и реализации стратегических приоритетов социально-экономического развития особое значение приобретают механизмы экспертно-аналитических мероприятий.

© Цыкин Г.С.

Они направлены на повышение эффективности государственного финансового контроля как внешнего, так и внутреннего. Эти мероприятия включают всесторонний анализ данных, оценку рисков и выработку рекомендаций для улучшения финансово-бюджетного процесса.

Внешний и внутренний государственный финансовый контроль играют ключевую роль в обеспечении прозрачности, подотчетности и рациональности использования бюджетных средств. Несмотря на схожесть целей, методы их реализации существенно отличаются, что обусловлено разными организационными подходами, нормативной базой и сферой применения.

Данная работа посвящена сравнению методов осуществления экспертно-аналитических мероприятий внешнего и внутреннего ГФК, а также рассмотрению перспектив их развития.

Понятие и сущность государственного финансового контроля.

Государственный финансовый контроль представляет собой одну из важнейших составляющих государственной финансовой политики. Этот вид контроля осуществляется государственными органами с целью проверки соблюдения законодательства и эффективного использования бюджетных средств, а также обеспечения прозрачности и законности финансово-хозяйственной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления [9].

Целями государственного финансового контроля являются:

– обеспечение соответствия финансовых операций установленным законодательным и нормативным требованиям;

– оценка правильности, своевременности и полноты исполнения бюджетов всех уровней;

– принятие мер по предупреждению и пресечению финансовых нарушений.

Основной задачей государственного финансового контроля является контроль за правильным и целевым использованием бюджетных средств, что в свою очередь способствует укреплению финансовой дисциплины и повышению ответственности органов власти перед обществом.

Государственный финансовый контроль в Российской Федерации делится на несколько видов в зависимости от его времени, субъекта, и методов проведения.

С учетом различных аспектов реализации контрольных мероприятий, выделяются следующие виды государственного финансового контроля (рис. 1).

Рисунок 1 – Виды государственного финансового контроля.
Источник: Контроль и ревизия : учебное пособие / Е.М. Романов [и др.]. СПб. : Питер, 2014. 320 с.

Характеристика видов государственного финансового контроля:

1. По времени проведения:

– предварительный контроль. Проводится на этапе формирования бюджета и планирования расходов. Его целью является предотвращение возможных нарушений, связанных с нецелевым или неэффективным использованием ресурсов;

– текущий контроль. Осуществляется в процессе выполнения финансовых операций. Он направлен на обеспечение законности действий и оперативное устранение возникающих отклонений;

– последующий контроль. Реализуется после завершения финансовых операций. Основная задача этого вида контроля – анализ достигнутых результатов, выявление нарушений и подготовка предложений для дальнейшего улучшения бюджетного процесса.

2. По субъектам контроля:

– внешний контроль – осуществляется органами, не являющимися частью исполнительной власти, что позволяет обеспечить независимость и объективность проверки. На федеральном уровне этим видом контроля занимается Счётная палата Российской Федерации, а на уровне субъектов Федерации – органы контрольно-счётных палат субъектов;

– внутренний контроль – осуществляется внутри государственных и муниципальных учреждений, а также органами исполнительной власти. В

© Цыкин Г.С.

Российской Федерации внутренний финансовый контроль регулируется органами, ответственными за выполнение бюджетных обязательств и контроль за расходами. Это включает в себя деятельность органов, таких как Федеральное казначейство, а также органы финансового контроля на уровне отдельных учреждений и предприятий, подконтрольных государству.

3. По методам проведения:

документальный контроль. Включает проверку отчетных и бухгалтерских документов, контрактов, соглашений и других материалов, отражающих финансовую деятельность;

фактический контроль. Предполагает проведение проверок на местах, инвентаризаций, экспертиз и обследований для оценки реального состояния дел.

Анализ методов осуществления экспертно-аналитических мероприятий внешнего и внутреннего государственного финансового контроля.

Внешний финансовый контроль представляет собой контроль, осуществляемый независимыми от исполнительной власти органами. Этот вид контроля нацелен на проверку законности и целесообразности расходования государственных средств, а также на оценку эффективности функционирования государственного финансового механизма [6].

Ключевыми задачами внешнего финансового контроля являются:

1. Проверка законности расходования бюджетных средств. Счётная палата Российской Федерации осуществляет контроль за правильностью исполнения федерального бюджета, проверяет целевое использование средств и соблюдение нормативных актов, регулирующих финансовые операции.

2. Оценка эффективности и целесообразности расходов. Помимо формальной, в ходе проверки исполнения бюджета внешние органы анализируют эффективность и результативность использования государственных средств, включая социальные и инфраструктурные программы.

3. Предоставление рекомендаций. Внешний контроль включает в себя не только фиксацию нарушений, но и выработку рекомендаций, направленных на улучшение финансового менеджмента и повышения эффективности бюджетной политики.

В России внешний финансовый контроль реализуется, прежде всего, Счётной палатой Российской Федерации, а также контрольно-счётными палатами субъектов Федерации.

Счётная палата Российской Федерации – это независимый орган государственной власти, осуществляющий внешний контроль за исполнением федерального бюджета, использованием государственных средств и программ, а также оценку эффективности государственного управления [2]. Она является высшим органом финансового контроля в стране и играет ключевую роль в обеспечении прозрачности бюджетной политики и законности финансовых операций органов власти.

Основные функции Счётной палаты включают:

1. Контроль за исполнением федерального бюджета. Счётная палата проверяет, как эффективно и законно расходуются средства федерального бюджета, а также оценивает, насколько хорошо выполняются бюджетные обязательства.

2. Аудит государственных и муниципальных программ. Счётная палата проводит аудит выполнения различных программ, финансируемых из государственного бюджета, анализируя их эффективность и целесообразность.

3. Формирование заключений по проектам законов. Счётная палата предоставляет заключения по проектам законов, затрагивающих бюджетные и финансовые вопросы, а также по изменениям в законодательстве, касающимся финансовых потоков.

4. Предоставление рекомендаций. По итогам проверок Счётная палата предлагает рекомендации для повышения эффективности использования бюджетных средств, предотвращения финансовых нарушений и улучшения управления государственными финансами.

Организация работы Счётной палаты основывается на принципах независимости, объективности и транспарентности. В своей деятельности Счётная палата руководствуется Конституцией РФ, законами и указами Президента РФ, а также международными стандартами финансового контроля.

Внутренний финансовый контроль осуществляется непосредственно внутри органов исполнительной власти и других государственных и муниципальных учреждений. Важнейшие органы внутреннего финансового контроля — это Федеральное казначейство, Министерство финансов Российской Федерации, а также финансовые службы на местах, такие как финансовые департаменты муниципальных образований [3].

Внутренний контроль в государственном финансовом секторе включает в себя проверку использования бюджетных средств на уровне конкретных органов, учреждений и предприятий, а также на стадии подготовки и исполнения бюджетных расходов. Этот вид контроля направлен на предотвращение нарушений, выявление недостатков в процессе расходования бюджетных средств и их оперативное устранение.

© Цыкин Г.С.

Ключевые задачи внутреннего финансового контроля:

1. Предотвращение нарушений. Основной задачей внутреннего контроля является не только выявление, но и предотвращение возможных нарушений в процессе реализации бюджетных и финансовых операций.

2. Контроль за исполнением бюджета. Внутренний контроль включает в себя оперативное отслеживание выполнения бюджетных обязательств, обеспечение соблюдения норм и стандартов при расходовании средств.

3. Оценка эффективности внутренних процедур. Финансовые органы проверяют, насколько эффективно и рационально используются ресурсы внутри государственных и муниципальных структур. Это включает в себя аудит отдельных программ, проектных и инвестиционных расходных операций.

Внутренний финансовый контроль осуществляют следующие органы:

– на федеральном уровне – Федеральное Казначейство;

– на региональном и местном уровне – органы государственного (муниципального) финансового контроля субъектов РФ и муниципальных образований.

Федеральное Казначейство России – это орган исполнительной власти, подведомственный Министерству финансов Российской Федерации, который осуществляет управление государственными финансами, в том числе контролирует исполнение федерального бюджета, казначейские операции и финансовую дисциплину на федеральном уровне. Федеральное казначейство играет ключевую роль в обеспечении эффективного, прозрачного и законного использования государственных средств.

Федеральное казначейство было создано для реализации задач, связанных с централизованным управлением средствами федерального бюджета, контроля за движением бюджетных средств и обеспечения финансовой дисциплины. Оно также несет ответственность за исполнение бюджетов всех уровней, управление государственными долговыми обязательствами, а также за создание и поддержку единой системы казначейского обслуживания.

Основные функции Федерального казначейства включают:

1. Исполнение федерального бюджета. Федеральное казначейство отвечает за управление доходами и расходами федерального бюджета, включая перечисление бюджетных средств, контроль за их использованием, а также за ведение учетных операций по этим средствам.

2. Казначейское обслуживание бюджетов всех уровней. Казначейство обеспечивает централизованное ведение казначейских операций для федерального и региональных бюджетов, а также для бюджетов муниципальных образований.

3. Контроль за финансовыми операциями. Оно контролирует правильность и законность расходования бюджетных средств на всех этапах – от их поступления до использования, включая проведение расчетов, проверку правильности исполнения обязательств и соблюдения финансовой дисциплины.

4. Ведение учета и отчетности. Казначейство осуществляет учет операций с бюджетными средствами, составляет отчеты по выполнению федерального бюджета, а также контролирует корректность отчетности других государственных и муниципальных органов.

Федеральное казначейство обеспечивает высокую степень централизованного контроля за финансовыми потоками и помогает предотвратить финансовые нарушения, содействуя таким образом поддержанию финансовой дисциплины и прозрачности в государственных расходах.

Кроме того, Федеральное казначейство занимается подготовкой нормативно-правовых документов, касающихся исполнения бюджета, ведет работу по совершенствованию информационно-технических систем управления финансами и организует обучение сотрудников казначейских подразделений.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Внешний контроль осуществляют независимые органы (например, Счетная палата), а внутренний контроль – это функции, выполняемые внутри самого государственного аппарата.

Внешний контроль охватывает всю деятельность государства и его органов в области бюджета и финансов, а внутренний контроль направлен на конкретные процессы внутри организаций и органов исполнительной власти.

Обе системы контроля – внешняя и внутренняя – взаимодополняют друг друга и являются важными инструментами обеспечения финансовой дисциплины и прозрачности в публичных финансах.

Рассмотрим экспертно-аналитические методы, которые применяются при проведении государственного финансового контроля (рис. 2).

Проверка, ревизия, обследование, анализ и мониторинг – это различные экспертно-аналитические методы контроля, которые применяются в сфере государственного финансового контроля. Каждый из этих методов используется для разных целей, и каждый имеет свои особенности и полномочия. Рассмотрим их подробнее.

© Цыкин Г.С.

Проверка – это процесс систематического анализа и оценки финансовых операций и документации с целью выявления соответствия законодательным и нормативным требованиям, а также правильности использования государственных средств. Этот метод используется для обеспечения прозрачности и эффективности расходования бюджета, предотвращения финансовых нарушений и повышения уровня доверия к системе государственного управления [1].

Рисунок 2 – Методы государственного финансового контроля
Источник: Ткаченко А.И. О методах государственного финансового контроля в Российской Федерации // Наука и инновации в современных условиях: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 08 марта 2016 года. Магнитогорск : ООО «ОМЕГА САЙНС», 2016. Ч. 1.

Проверки подразделяются на камеральные и выездные, в том числе встречные проверки:

– камеральная проверка – это проверка, проводимая без выезда на место. Она основывается на анализе документов, отчетности и других данных, предоставленных проверяемой организацией или индивидуальным предпринимателем. Камеральная проверка не предполагает проведения инспекции на месте, а проверка проводится в офисе контролирующего органа;

– выездная проверка – это более глубокая проверка, при которой проверяющие органы выезжают на место (в организацию или предприятие) для анализа финансовой деятельности, учета и других аспектов работы. В процессе выездной проверки проверяется не только документация, но и фактическое состояние дел на месте;

– встречная проверка – это проверка, проводимая в отношении третьих лиц, с целью проверки данных, представленных проверяемым субъектом. В ходе встречной проверки анализируются документы или информация от контрагентов проверяемой организации (поставщиков, покупателей и других участников деловых операций), чтобы подтвердить или опровергнуть достоверность представленных данных.

Ревизия – это процесс детальной проверки финансово-хозяйственной деятельности организации, направленный на подтверждение достоверности отчетности, соблюдения законодательства, а также на оценку целесообразности и эффективности использования ресурсов. Ревизия, как правило, проводится для выявления нарушений, ошибок или отклонений в учете и отчетности, а также для предупреждения финансовых злоупотреблений [1].

Обследование – это анализ и оценка состояния определённой сферы деятельности объекта контроля, результаты которого оформляются заключением [1].

Анализ и мониторинг – это процессы сбора, обработки и анализа информации о состоянии государственных финансов и эффективности использования бюджетных средств [1].

Проверка является одним из наиболее распространенных методов, который может использоваться как внутренними, так и внешними контролирующими органами. Внешние органы (например, Счетная палата) могут проводить выборочные проверки, а внутренние органы (например, финансовые департаменты или службы внутреннего аудита) осуществляют проверки в рамках регулярного контроля.

Ревизия применяется в основном внешними органами, такими как Счетная палата, контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации, а также при наличии крупных внутренних проверок в государственных учреждениях.

© Цыкин Г.С.

Обследование часто используется в рамках отдельных проектов или для более детального анализа ситуации в конкретных организациях. Это могут быть как внутренние, так и внешние органы государственного финансового контроля.

Анализ, проводимый внешними органами государственного контроля, применяется для выявления нарушений и отклонений в ходе реализации экономических решений и на этапе их принятия и исполнения, повышения обоснованности стратегических решений, обеспечения достижения целей экономического развития страны.

Мониторинг применяется внешними органами государственного контроля для систематического наблюдения и анализа деятельности граждан и организаций, а также объектов контроля с использованием дистанционных методов и специального оборудования. Он позволяет предотвратить причинение ущерба охраняемым законом ценностям и основывается на добровольном участии контролируемых лиц [8].

Экспертно-аналитические методы, используемые в государственном финансовом контроле, играют ключевую роль в обеспечении законности и эффективности финансовых операций. Каждый из методов имеет свои уникальные цели и подходы, что позволяет комплексно оценивать состояние финансовой деятельности как на уровне отдельных организаций, так и в масштабах всей страны.

Проверка, как наиболее распространённый метод, обеспечивает выявление нарушений и контроль за соблюдением законодательства, в то время как ревизия предоставляет более глубокий анализ всех аспектов финансовой деятельности. Обследование помогает оценить конкретные сферы и проекты, а анализ и мониторинг служат для систематического контроля и оценки эффективности использования бюджетных средств.

Также, стоит отметить, что органами внешнего государственного финансового контроля используют все пять методов (проверка, ревизия, обследование, анализ, мониторинг), в то время как органами внутреннего государственного контроля используется только обследование, проверка, ревизия.

Таким образом, применение этих методов способствует не только выявлению и устранению нарушений, но и формированию более обоснованных стратегий для достижения целей экономического развития, что подчеркивает важность их интеграции в практику государственного финансового контроля.

Перспективы развития экспертно-аналитических методов в государственном финансовом контроле.

26 марта 2024 года в Государственной Думе в первом чтении был принят законопроект № 532893-8 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации (в части расширения методов осуществления государственного (муниципального) финансового контроля)».

Законопроект № 532893-8, внесённый Правительством Российской Федерации, направлен на расширение методов государственного (муниципального) финансового контроля с акцентом на развитие экспертно-аналитических подходов. Он предусматривает внесение изменений в Бюджетный кодекс РФ, включая статьи 166.1, 242.13-1, 265, 267.1, 269.2, 269.3, 270.2 и 306.2 [4].

Основной целью законопроекта является повышение эффективности финансового контроля за счёт расширения его методов и инструментов. В частности, документ предусматривает внедрение следующих нововведений:

1. Введение новых методов контроля:

– анализ – предусматривает исследование отдельных аспектов деятельности объектов контроля, систематизацию результатов и выявление причин и последствий нарушений. результаты оформляются в виде заключений, а также могут сопровождаться рекомендациями, предостережениями и мотивированными мнениями;

– наблюдение – осуществляется без непосредственного взаимодействия с объектами контроля, основываясь на анализе данных из открытых источников и информационных систем. цель – оперативное выявление рисков и признаков нарушений для предупреждения возможных проблем;

– контрольный мониторинг – представляет собой непрерывный процесс наблюдения за финансово-бюджетными операциями, проводимый федеральным казначейством. он позволяет выявлять и предотвращать нарушения на ранних стадиях.

Введение данных методов направлено на усиление превентивного характера финансового контроля, что соответствует современным тенденциям в управлении государственными финансами.

2. Расширение полномочий органов контроля:

Законопроект наделяет органы внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля дополнительными функциями, такими как анализ финансово-хозяйственной деятельности объектов контроля; оценку обоснованности бюджетных показателей; анализ нормативных правовых актов, обусловливающих расходные обязательства.

Данные изменения способствуют более глубокому и всестороннему изучению финансовой деятельности объектов контроля, что повышает эффективность выявления и предотвращения нарушений.

© Цыкин Г.С.

3. В рамках новых методов контроля предусматривается оформление следующих документов:

– предостережение: направляется при выявлении рисков или признаков нарушений без подтверждённых данных о совершённых нарушениях.

– рекомендации: содержат предложения по повышению эффективности финансово-хозяйственной деятельности объектов контроля.

– мотивированное мнение: представляет собой обоснованную позицию органа контроля по вопросам, связанным с деятельностью объекта контроля.

Данные документы служат инструментами взаимодействия между контролирующими органами и объектами контроля, направленными на предупреждение и устранение возможных нарушений.

В законопроекте также предусмотрены меры воздействия в случае неисполнения указанных документов, а именно:

– неисполнение предостережения может повлечь назначение проверки;

– неисполнение мотивированного мнения – досрочное прекращение контрольного мониторинга;

– по рекомендациям объект контроля обязан отчитаться о ходе их исполнения.

Таким образом, законопроект № 532893-8 направлен на усиление превентивного и аналитического характера государственного финансового контроля, что должно способствовать повышению законности и эффективности использования бюджетных средств, а также – представляет собой важный шаг в совершенствовании системы государственного и муниципального финансового контроля в Российской Федерации. Так, в Бюджетном кодексе предлагается закрепить понятие «анализ», а также расширить методы контроля, добавив наблюдение и контрольный мониторинг, которые способствует повышению прозрачности и эффективности использования бюджетных средств.

Введение новых определений и уточнение процедур позволит органам контроля более эффективно выявлять риски, предотвращать нарушения и обеспечивать соблюдение законодательства. Эти изменения направлены на укрепление финансовой дисциплины и повышение ответственности государственных и муниципальных учреждений, что в конечном итоге будет способствовать более рациональному расходованию бюджетных ресурсов и улучшению качества управления финансами в стране.

Заключение.

В заключении можно сделать следующие выводы. Методы осуществления экспертно-аналитических мероприятий внешнего и внутреннего государственного финансового контроля имеют свои особенности и преимущества. Внешний контроль использует проверку, ревизию, обследование, анализ, мониторинг, а внутренний контроль применяет обследование, проверку, ревизию.

Внешний контроль обеспечивает независимость и объективность оценки, но может быть менее оперативным и затратным. Внутренний контроль более гибкий и оперативный, но может быть подвержен влиянию заинтересованных сторон.

Для повышения эффективности государственного финансового контроля необходимо использовать оба вида контроля, сочетая их преимущества и учитывая специфику каждого метода.

Основные рекомендации заключаются в следующем:

1. Необходимость модернизации нормативно-правовой базы. Для эффективного функционирования системы ГФК необходима регулярная модернизация нормативных актов, регламентирующих порядок осуществления контрольных мероприятий. Законодательные нововведения, такие как законопроект № 532893-8, вносят важные дополнения в Бюджетный кодекс Российской Федерации, расширяя методы контроля и вводя новое понятие анализа.

2. Развитие цифровых технологий. Применение цифровых технологий, таких как информационные системы и электронное взаимодействие, способно значительно повысить качество и оперативность проведения экспертно-аналитических мероприятий. Необходимо внедрять современные инструменты анализа больших данных, автоматизированные системы мониторинга и дистанционного контроля.

3. Интеграция внешних и внутренних механизмов контроля. Необходима интеграция подходов и методик, применяемых внешним и внутренним контролем, для создания целостной системы управления рисками и предотвращения финансовых нарушений.

4. Регулярная оценка эффективности мероприятий. Следует регулярно анализировать опыт проведения экспертно-аналитических мероприятий, определять их влияние на улучшение финансово-бюджетного процесса и вносить соответствующие коррективы в методологию контроля.

Таким образом, дальнейшее развитие системы ГФК предполагает интеграцию инновационных технологий, обновление правовой базы и подготовку квалифицированных специалистов, что обеспечит эффективное функционирование механизма финансового контроля и повысит уровень экономической безопасности государства.

© Цыкин Г.С.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 13.07.2024, с изм. от 30.09.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) Статья 265 // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/607d26cf1e4f74eaae0fe7ca4cf130bcff91151b/?ysclid=m41m7948um834051472
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Счетной палате Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621/35076dff768a2717d18c21ccf48b4f4eeb4fc32e
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) Статья 96 // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/80fd48435dac78339fb02b13f3ff87fed91a9f71
4. Проект Федерального закона № 532893-8 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 26.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=245779#haBqXVUUdlmOUHcB1
5. Контроль и ревизия : учебное пособие / Е.М. Романов [и др.]. СПб. : Питер, 2014. 320 с.
6. Чванов Р.А. Влияние внешнего государственного аудита на достижение целей экономического развития Российской Федерации / Р.А. Чванов, Н.Н. Машкова // Вестник ГУУ. 2014. № 21. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vneshnego-gosudarstvennogo-audita-na-dostizhenie-tseley-ekonomicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii
7. Ткаченко А.И. О методах государственного финансового контроля в Российской Федерации / А. И. Ткаченко // Наука и инновации в современных условиях: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 08 марта 2016 года. Магнитогорск : ООО «ОМЕГА САЙНС», 2016. Ч. 1.
8. Горбулина А.Л. Государственный финансовый контроль как вид финансового контроля / А.Л. Горбулина, А.А. Алехина // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2021. № 2(26). С. 1–4.
9. Хребтова Т.П. Государственный финансовый контроль: сущность, содержание, виды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 1(838). С. 279–286.

References:

1. Budget Code of the Russian Federation № 145-FZ dated 07/31/1998 (as amended on 07/13/2024, as amended. from 30.09.2024) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2024) Article 265 // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/607d26cf1e4f74eaae0fe7ca4cf130bcff91151b/?ysclid=m41m7948um834051472
2. Federal Law № 41-FZ of 05.04.2013 (as amended on 10.07.2023) «On the Accounts Chamber of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621/35076dff768a2717d18c21ccf48b4f4eeb4fc32e
3. Federal Law № 248-FZ of 07/31/2020 (as amended on 08/08/2024) «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» (as amended and supplemented, intro. effective from 09/01/2024) Article 96 // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/80fd48435dac78339fb02b13f3ff87fed91a9f71
4. Draft Federal Law № 532893-8 «On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation» (as amended, adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the first reading on 03/26/2024) // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=245779#haBqXVUUdlmOUHcB1
5. Control and revision : training manual / E.M. Romanov [и др.]. SPb. : Peter, 2014. 320 p.
6. Chvanov R.A. The influence of external state audit on the achievement of the goals of economic development of the Russian Federation / R.A. Chvanov, N.N. Mashkova // Bulletin of GUU. 2014. № 21. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vneshnego-gosudarstvennogo-audita-na-dostizhenie-tseley-ekonomicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii

© Цыкин Г.С.

7. Tkachenko A.I. On methods of state financial control in the Russian Federation // Science and innovation in modern conditions: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Magnitogorsk, March 08, 2016. Magnitogorsk : Omega sciences Limited Liability Company, 2016 Part 1.
8. Gorbulina A.L. State financial control as a type of financial control / A.L. Gorbulina, A.A. Alyokhina // Actual problems of socio-humanitarian and scientific-technical knowledge. 2021. № 2(26). P. 1–4.
9. Hrebtova T.P. State financial control: essence, content, types // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. 2021. № 1(838). P. 279–286.

Информация об авторе

Цыкин Глеб Сергеевич
стажер-исследователь,
Институт исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
GSTsykin.fa.ru

Gleb S. Tsykin
Intern Researcher,
Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy at the Financial University under the Government of the Russian Federation
GSTsykin.fa.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.05.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.06.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Цыкин Г.С.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-22
УДК 316

Attribution
cc by

ФОРМИРОВАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОГО ИМИДЖА ПРИГРАНИЧНОГО ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ Г. ХАБАРОВСКА

Червова Н.В.
Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. Целью проведенного в статье исследования является изучение проблемы формирования благоприятного имиджа приграничного города на примере города Хабаровска. В ходе исследования были применены методы описательного и сравнительного анализа, синтеза. В статье рассмотрены элементы, образующие имидж города, изучено понятие «благоприятность имиджа территории», описан алгоритм оценки благоприятности имиджа приграничного города, выделены группы потребностей, которые желают удовлетворить туристы, посещающие приграничный город, а также характеристики им соответствующие. Имидж города здесь рассматривается как комплекс объектов потребления. На примере города Хабаровска была изучена его привлекательность и перспективность для въездного туризма, выявлены ограничения и проблемы, затрудняющие развитие туризма, а также предложены рекомендации по их преодолению. В заключении статьи сформулированы выводы о и путях формирования благоприятного имиджа приграничного города Хабаровска.

Ключевые слова: имидж, благоприятный имидж, приграничный город, имидж приграничного города, въездной туризм, потребности туристов, оценка имиджа, имиджеобразующие элементы.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

FORMATION OF A FAVORABLE IMAGE OF A BORDER CITY USING THE EXAMPLE OF KHABAROVSK

Natalya V. Chervova
Pacific State University

Abstract. The purpose of the study conducted in the article is to study the problem of forming a favorable image of a border town using the city of Khabarovsk as an example. The methods of descriptive and comparative analysis and synthesis were used in the study. The article examines the elements that form the image of the city, studies the concept of «favorability of the image of the territory», describes the algorithm for assessing the favorability of the image of a border town, identifies groups of needs that tourists visiting the border town want to satisfy, as well as the characteristics corresponding to them. The image of the city is considered here as a complex of consumer objects. Using the example of the city of Khabarovsk, its attractiveness and prospects for inbound tourism were studied, limitations and problems that hinder the development of tourism were identified, and recommendations for overcoming them were proposed. In conclusion of the article, conclusions are formulated about the ways of forming a favorable image of the border city of Khabarovsk.

Keywords: image, favorable image, border city, image of a border city, inbound tourism, needs of tourists, image assessment, image-forming elements.

***Funding**:* Independent work.

Введение. В последнее время, в связи с изменениями глобальной геополитической ситуации, все актуальнее становятся вопросы взаимодействия приграничных городов стран, дружественных Российской Федерации.

С целью поддержания взаимного сотрудничества, культурного обмена, укрепления деловых партнерских отношений между странами целесообразно активно развивать различные формы туризма.

Во взаимодействии приграничных городов имеется возможность установления более простых социально-демографических, культурных и логистических связей, например, упрощенный визовый

© Червова Н.В.

режим, совместные проекты, инвестиции. Наблюдается стабильный рост туристического поток через приграничные города. Наличие альтернативных вариантов пересечения границы через другие приграничные города задает актуальность темы формирования имиджа приграничного города как точки притяжения туристов и полноценного начального пункта путешествия с туристической инфраструктурой и экскурсионной программой.

Обсуждение.

Проблемой приграничных городов зачастую является то, что через них проходит большое количество туристов, но это происходит по большей части в форме транзита при пересечении границы. Туристы, проезжающие через приграничные территории транзитом, практически там не задерживаются, не знакомятся с ее особенностями, культурой, не вносят существенного вклада в развитие экономики приграничного города, так как тратят деньги на проживание, питание, экскурсии, развлечения, сувениры, шоппинг в конечном пункте своего назначения.

Цель развития приграничного туризма, по нашему мнению, заключается в создании таких условий, чтобы въездные и выездные туристы задерживались в данном приграничном городе на несколько дней и рассматривали его как один из пунктов своего путешествия, а для этого необходимо сформировать его благоприятный и притягательный имидж.

Основные имиджобразующие элементы территории: личность главы, официальная символика, узнаваемые визуальные символы (архитектурные сооружения, памятники), историческое и культурное наследие, масштабные культурно-массовые, спортивные, деловые мероприятия, территориальные бренды, уровень социально-экономического развития и т.д. Грамотное объединение их в рамках имиджа и продвижение будут способствовать укреплению благоприятного имиджа приграничного города Хабаровска.

По мнению Г.А. Петровой, «благоприятность имиджа территории» – это способность территории, как комплекса объектов потребления, вызывать у потребителей (в т.ч. туристов) определяемый уровень положительных эмоций в сравнении с другими территориями. [2, с. 3] Данное определение основывается на интерпретации имиджа территории как интегрированного объекта потребления, который объединяет в себе социальные, экономические, культурные, инфраструктурные объекты и управление ими.

Зачастую, приграничные города конкурируют между собой за туристический поток, так как пограничные пропускные пункты есть в нескольких городах. Для того, чтобы имидж приграничного города стал привлекателен для туристов, и чтобы они выбирали свой маршрут через конкретный город в качестве первого полноценного пункта своего путешествия, необходимо предложить туристам комплексное удовлетворение их потребностей. Для туристов важно, чтобы были хорошо организованы: работа пропускного пункта, логистика, комфортное проживание, питание, адаптированное под их запросы (с элементами знакомства с местной кухней), а также интересные тематические экскурсии, событийный туризм, чтобы знакомство с нашей необъятной, многокультурной, многонациональной и разнообразной страной начиналось с первых минут пребывания туриста в приграничном городе.

Существующий алгоритм оценки благоприятности имиджа территории адаптируем и применим для определения перспектив развития приграничного города органами власти при принятии стратегических решений по вопросам въездного и выездного туризм. Упрощенная версия данного алгоритма происходит в головах туристов при принятии ими решения в условиях наличия альтернативных вариантов.

Адаптированный алгоритм оценки благоприятности имиджа территории применительно к приграничному городу предполагает реализацию ряда последовательных этапов:

1. Выявление основных потребностей туристов и связанных с ними характеристик приграничного города (проводится на основе опроса экспертов и целевой группы туристов).

2. Определение важности каждой из характеристик приграничного города для туристов (осуществляется ранжирование характеристик на основе изучения мнения экспертов).

3. Расчёт коэффициента весомости каждой характеристики.

4. Оценка показателя качества данной характеристики приграничного города.

5. Расчет интегрального показателя качества данного приграничного города как комплекса объектов потребления.

6. Оценка показателей качества всех характеристик других приграничных городов-конкурентов.

7. Расчет показателей качества приграничных городов-конкурентов.

8. Расчет показателя относительной благоприятности имиджа приграничного города в сравнении с городами-конкурентами.

9. Выявление лучших и проблемных характеристик данного приграничного города в сравнении с городами-конкурентами.

10. Формулирование вывода (заключения) о благоприятности имиджа данного приграничного города.

Понимание того, насколько благоприятен (или нет) имидж данного приграничного города для

© Червова Н.В.

туристов, позволяет более объективно и предметно формировать стратегию въездного и выездного туризма на данной территории.

В статье исследуются основные потребности и связанные с ними характеристики приграничного города на основе обобщения мнения экспертов, высказанного в рамках различных тематических секций на ежегодном туристическом форуме в г. Хабаровске в августе 2024 года; актуальность темы была подтверждена экспертами-спикерами форума.

Город Хабаровск граничит с Китаем по реке Амур, острову Большой Уссурийский и по реке Уссури. Расстояние до ближайшего китайского города Фуюань по реке Амур составляет 65 км. Столь близкое и удобное расположение способствуют развитию въездного и выездного туризма, но практически не приносит дохода самому приграничному городу. Это подтверждается данными официальной статистики.

Также, потенциал социально-экономического развития г. Хабаровска создает построенный стратегический автомобильный мост через Амурскую протоку на остров Большой Уссурийский. Мост находится в 44 км от Хабаровска. Островом Россия владеет совместно с Китаем. Китайская часть острова активно развивается и принимает поток внутренних туристов. Российская часть острова только начала осваиваться. В апреле 2025 года губернатор Хабаровского края на Д. Демешин в рамках ежегодного отчета перед законодательной думой Хабаровского края доложил, что утверждена «дорожная карта» по развитию острова, среди первоочередных задач – открытие пункта пропуска, развитие инфраструктуры и выйти на план до 1,3 млн тонн грузов и 1,5 млн человек в год к 2028 году [2].

В настоящее время для продвижения бренда города используется слоган: «Хабаровск – город для жизни», что обусловлено хорошим состоянием исторического центра города, сохраненной архитектурой конца XIX – начала XX в., протяженной набережной, являющейся одним из основных, наиболее красивых и притягательных мест отдыха для жителей города и туристов. На набережной находятся визуальные символы Хабаровска: Амурский утёс, возле которого стоит узнаваемый памятник Муравьёву-Амурскому, изображенный на купюре номиналом 5000 руб. старого образца.

Для Хабаровска требуется разработка отдельной стратегии позиционирования как центра культуры, образования, науки и спорта с уменьшением имиджевых издержек [4, с. 96–98];

Рассмотрим основные целевые аудитории, перспективные для приграничного туризма города Хабаровска:

1) китайские туристы, въезжающие в РФ и следующие транзитом далее;

2) китайские туристы, посещающие Хабаровск в виде тура выходного дня;

3) российские туристы, выезжающие в Китай через Хабаровск транзитом;

4) российские туристы, выезжающие из Хабаровска в Фуюань в рамках тура выходного дня.

Наибольший интерес и потенциал на начальном этапе представляет именно въездной туризм, так как именно эта группа туристов преобладает в Хабаровском крае. По данным министерства туризма, турпоток из Китая вырос в 2024 году в 3,5 раза и составил 30,4 тыс. чел. [2].

Если рассматривать въездной туризм на примере города Хабаровска, то основной массой въезжающих иностранных туристов, являются китайские туристы, пересекающие границу с Россией для дальнейшего перемещения на озеро Байкал – особо популярное и притягательное место для китайцев.

Среди основных мотивов к посещению приграничного Хабаровска, которые могут заинтересовать китайских туристов, выделим:

– посещение дома-музея последнего китайского императора Пу И под Хабаровском в районе «Заимки Плюснина», в котором он проживал более полугода после взятия в плен советскими войсками в августе 1945 года;

– интерес к российской культура и кухне;

– возможность ознакомиться с условиями обучения иностранных студентов в крупнейшем ВУЗе Хабаровского края Тихоокеанском государственном университете.

Определим основные группы потребностей, которые необходимо учитывать при формировании благоприятного для иностранных (в данном случае китайских) туристов имиджа приграничного города, не обладающего ярко выраженной специализацией экономики и особыми рекреационными ресурсами, которые могли бы быть интересны китайским туристам. Это важно сделать, так как существуют альтернативы въезда туристов из Китая через пункты пропуска в других приграничных городах.

За базу возьмем исследование Г.А. Петровой «Формирование благоприятного имиджа территории», адаптируем его под тему исследования статьи с учетом результатов обсуждения актуальных вопросов туризма экспертами на различных тематических секциях форума [4]:

1) окунуться в атмосферу иностранного приграничного города и увидеть новые места:

– уникальность приграничного города и объектов показа (Хабаровск – исторический, культурный, образовательный центр);

© Червова Н.В.

– узнаваемость объектов показа (Хабаровский утес, мост через Амур, памятники Муравьеву-Амурскому и Ерофею Павловичу Хабарову, Успенский собор, дом-музей последнего императора Китая, Центральная старинная улица Хабаровска, музыкальные фонтаны, протяжённая благоустроенная набережная с потрясающими видами закатов и др.);

– визуальная привлекательность и благоустроенность города (Хабаровск несколько раз признавался самым благоустроенным из российских городов);

2) пообщаться с новыми людьми, имеющими совершенно иное мировоззрение и стиль жизни:

– насколько приветливо, гостеприимно и дружелюбно ведет себя население приграничного города по отношению к гостям (хабаровчане привыкли к китайским туристам и ведут себя вполне приветливо);

– толерантность местного населения к носителям другой культуры и нормам их поведения (хабаровчане толерантны к другим национальностям);

– знание иностранного языка (китайского, в крайнем случае, английского) местным населением (в ВУЗах края преподают китайский язык);

– уникальность национальной культуры (массовые народные праздники вызывают интерес у китайских туристов);

3) попробовать новую необычную пищу:

– уникальность состава блюд (русская кухня, блюда местной кухни из папоротника, аухи и так далее);

– возможность выбора адаптированного привычного туристу меню (в Хабаровске много китайских ресторанов с шеф-поварами из КНР);

– уникальность ресторана, отражающего местные особенности и колорит (такими уникальными ресторанами являются: ресторан «Дом», расположенный в старинном деревянном особняке, «сердцем» которого является дровяная печь; а также ресторан «Ruma» с уникальной концепцией – легендой о реке Амур);

– качество сервиса (качество сервиса можно назвать средним);

4) стать частью зрелищ и массовых мероприятий:

– уникальность, масштаб и частота проведения мероприятий (ежегодно проводятся: Всероссийский туристический форум «Открой Дальний Восток», фестиваль военных оркестров «Амурские волны», театральный фестиваль «Золотая осень», в мае 2025 года впервые был проведен российско-китайский фестиваль «Два берега одной реки», который планируют сделать ежегодным событием, День города Хабаровска, в хоккейном сезоне игры китайской команды «Кунь Лунь» и др.);

– отражение в мероприятиях местного колорита (народные массовые гуляния интересны китайским туристам);

– известность и престиж мероприятий (после переноса столицы Дальнего Востока во Владивосток для популяризации мероприятий и привлечения туристов приходится прикладывать дополнительные усилия, используя разные каналы, в том числе и рекламу в китайской социальной сети WeChat);

– равномерность распределения мероприятий по сезонам (в зимний период мероприятий проводится меньше, но зато в этот период времени могут проходить хоккейные матчи китайской команды в Хабаровске;

– удобство локации места проведения мероприятий и транспортная доступность (транспортная инфраструктура в Хабаровске развита хорошо);

5) ощутить комфорт и безопасность:

– природные катаклизмы (масштабный разлив Амура может помешать навигации и подтопление Большого Уссурийского острова, однако это происходит относительно редко, не чаще одного раза в 10–20 лет);

– выраженность сезонов (в Хабаровске ярко выраженная сезонность, летом жарко, зимой холодно);

– обеспеченность защиты правопорядка (Хабаровск относительно спокойный и безопасный для туристов город);

– доступность оказания первой помощи (оказание первой помощи вполне доступно).

6) повышенный уровень качества:

– комфортность гостиниц (в Хабаровске только одна пятизвездочная гостиница, однако, есть несколько хороших четырехзвездочных гостиниц);

– престиж гостиниц (всемирно известных сетей отелей в Хабаровске нет);

– уникальность экскурсий (уникальность экскурсии «Дом-музей последнего императора»);

– профессионализм экскурсоводов и возможность проведения экскурсии на китайском языке (уровень профессионализма экскурсоводов со знанием китайского языка достаточно высокий).

Из сказанного выше можно заключить, что потенциал туристического интереса китайских туристов к городу значителен, однако, есть ряд ограничений, затрудняющих его реализацию на практике:

© Червова Н.В.

– перенос столицы Дальнего Востока из Хабаровска во Владивосток и как следствие – снижение деловой активности;

– активные рекламные кампании по продвижению Владивостока, Забайкальского края привлекают туристов из Китая перераспределяя турпоток не в пользу посещения Хабаровска;

– отсутствие опыта работы с большим туристическим потоком, многие туристы отмечают недостаточно хорошее обслуживание в международном терминале аэропорта (медленная выдача багажа, долгие очереди на паспортном контроле при пересечении границы);

– недостаточная инфраструктура средств размещения высокого уровня;

– китайские турфирмы быстро копируют маршруты и предлагают аналогичную услугу, зачастую, нелегально через свои китайских предпринимателей, работающих, а Хабаровске и предлагающих услуги гостиниц, предприятий общественного питания, экскурсий и так далее;

– ограничение по времени (туристический поток по Амуру осуществляется только в период навигации с мая по октябрь, так как пограничный переход на острове Большой Уссурийский появится и полноценно заработает только к 2028 году.

Заключение.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на объективно существующие ограничения, у города есть свое «уникальное лицо» и потенциал туристической привлекательности для въездного туризма у Хабаровска значителен и конкурентоспособен.

Формирование благоприятного имиджа Хабаровска, как приграничного города, целесообразно строить на основе значимости города как исторического, культурного и образовательного центра.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Данилова Е.А. Брендинг приграничных территорий Дальнего Востока Российиской Федерации как фактор повышения качества жизни населения региона / Е.А. Данилова, А. В. Шайхитдинов // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 96–102.
2. Итоги социально-экономического развития Хабаровского края за 2024 год. Официальный сайт информационного агенства AmurMedia. URL : https://amurmedia.ru/news/2058539 (дата обращения 14.06.2025).
3. Кейт Динни Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
4. Петрова Г.А. Формирование благоприятного имиджа территории : автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.05. Владивосток, 2022. 21 с.

References:

1. Danilova E.A. Branding of border territories of the Russian Far East as a factor in improving the quality of life of the region's population / E.A. Danilova, A.V. Shaikhitdinov // Bulletin of Tomsk State University. 2021. № 462. P. 96–102.
2. Results of socio-economic development of Khabarovsk Krai for 2024. Official website of the AmurMedia information agency. URL : https://amurmedia.ru/news/2058539 (date of application 06/14/2025).
3. Kate Dinny Branding of territories. Best world practices. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2013. – 336 p.
4. Petrova G.A. Formation of a favorable image of the territory : abstract of dis. ... candidate of economic sciences: 08.00.05. Vladivostok, 2022. 21 p.

Информация об авторе

Червова Наталья Владимировна
кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы
«Медиа, коммуникаций и сервиса»

Natalia V. Chervova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Higher School
of Media, Communications and Service

© Червова Н.В.

Института социально-политических коммуникаций,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
003819@pnu.edu.ru

Institute of Socio-Political Communications,
Pacific State University, Khabarovsk
003819@pnu.edu.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Червова Н.В.

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-23
УДК 332

Attribution
cc by

ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА КИТАЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ АДАПТАЦИИ В РОССИИ?

Чжан Вэнь, Ярцева К.М.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. На фоне глубоких корректировок глобального геополитического ландшафта поиск новых драйверов экономического роста становится ключевым вопросом развития всех стран. Данная статья посвящена анализу инновационной системы Китая и ее потенциала для адаптации в России, с целью дать теоретические рекомендации и практические рекомендации для развития России в области инноваций. Анализируя китайскую инновационную систему во всех аспектах, авторы исследования не только выявляют успешные гены китайской инновационной системы, но и обсуждают пути ее адаптивной трансформации в России, что поможет ей открыть новую гоночную трассу в глобальной конкуренции и перестроить собственные преимущества развития.

Ключевые слова: китайская инновационная система, цифровой юань, инновационное развитие, экономический рост, Российская Федерация.

***Финансирование**:* инициативная работа.

Original article

CHINA'S INNOVATION SYSTEM: OPPORTUNITIES FOR ADAPTATION IN RUSSIA

Zhang Wen, Kristina M. Yartseva
Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. Against the background of profound adjustments in the global geopolitical landscape, the search for new drivers of economic growth is becoming a key issue for the development of all countries. This article analyses China's innovation system and its potential for adaptation in Russia in order to provide theoretical recommendations and practical guidelines for Russia's development in the field of innovation. By analy sing the Chinese innovation system in all aspects, the authors of the study not only identify the successful genes of the Chinese innovation system, but also discuss ways of its adaptive transformation in Russia, which will help it open a new race track in global competition and rebuild its own development advantages.

Keywords: Chinese innovation system, digital yuan, innovative development, economic growth, Russian Federation.

***Funding**:* Independent work.

Введение.

Китайская инновационная система характеризуется стремительным развитием и интеграцией в глобальную технологическую цепочку. Китайская инновационная система, по сути, является «второй технологической сверхдержавой». Рассмотрим ключевые особенности китайской инновационной системы. Первое, с чего хотелось бы начать – государственное участие. Китайское правительство играет ключевую роль в регулировании технологического сектора, используя технологии в качестве инструмента для политического контроля, цензуры, надзора и пропаганды. На самом деле, данный способ применяется множеством стран. Одна из особенностей Китая – высокие темпы технологического развития и инноваций. Это взаимосвязано и с государственной поддержкой, так как активное вкачивание средств в инновации происходит из государственного сектора. Значительные инвестиции в НИОКР, создание исследовательских центров и университетов мирового уровня – все это помогает развитию. В 2023 году расходы на НИОКР достигли 3,34 трлн юаней (около $0,5 трлн), что составило 2,65 % от ВВП страны [1].

Нельзя не отметить роль глобальной интеграции. Китай активно участвует в международной торговле и технологических сотрудничествах. Также на развитие технологий влияет переход всего мира к Индустрии 4.0, которая характеризуется развитием технологий и процессом цифровизации. Чтобы не выпасть из глобальной цепочки и быть конкурентноспособным Китай вынужден разрабатывать новые технологии, ИИ, цифровую валюту.

© Чжан Вэнь, Ярцева К.М.

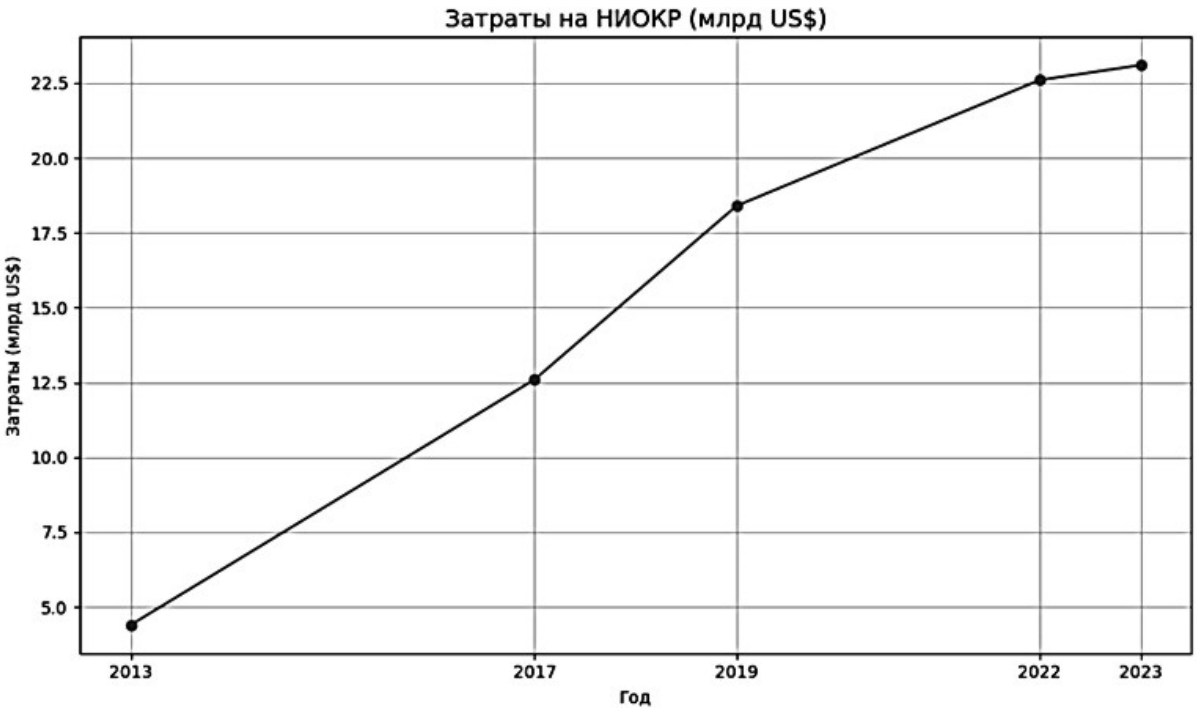

Рисунок 1 – Затраты на НИОКР с 2013–2023 гг.
Источник: составлено автором на основе данных годовых отчетов Компании Huawei

Китай становится мировым лидером в самых разных отраслях – от коммерческой ядерной энергетики до производства аккумуляторов. Некогда известный как «мировая фабрика», Китай сегодня является одной из самых конкурентоспособных стран на международном рынке. Хотя китайские компании и фирмы пока не имеют серьезного технологического преимущества перед мировыми лидерами, они наращивают и совершенствуют производство, что способствует быстрому экономическому и технологическому развитию Китая. Стремясь к лидерству, Китай делает успехи в ключевых областях Индустрии 4.0, таких как робототехника, анализ больших данных и искусственный интеллект. Сочетание низкой стоимости и растущего инновационного потенциала позволяет китайским компаниям стать сильными глобальными конкурентами.

Таблица1

Развитие Китая с разных подходов

Категория	Основанные на эффективности	Ориентированные на потребителя	Основанные на инжиниринге	Основанные на научных достижениях
Преимущества Китая	Обширная промышленная экосистема (поставщики, трудовые ресурсы, инфраструктура)	Обширный внутренний рынок для быстрой коммерциализации	Правительство создаёт локальный спрос, включая повышение квалификации	Быстрорастущий и низкозатратный сектор НИОКР
Текущий уровень развития	Значительный: солнечные батареи, оборудование для строительства	Высокий потенциал быстрого роста: бытовая техника, ПО	Смешанный: высокоскоростные ж/д дороги, коммерческая авиация	Наличие возможностей: фармацевтика, полупроводниковая промышленность
Будущие возможности	Развитие промышленности нового поколения	Инновации, основанные на использовании интернета, в секторе услуг	Возможности в целевых отраслях, в том числе в ядерной энергетике, медицинском оборудовании	Разработка новых форм лекарств, генная инженерия

Источник: составлено автором на основе данных McKinsey.

Обсуждение. Результаты.

Обзор инновационной системы Китая.

Китайское правительство поддерживает инновации посредством финансовых инвестиций, налоговых льгот и других стимулов.

Особого внимания заслуживает активная реализация Китаем своей экологической программы в энергетическом секторе, где он государство поощряет использование возобновляемых источников энергии.

Сельское хозяйство также находится в центре внимания правительства. Государственная про-

© Чжан Вэнь, Ярцева К.М.

грамма поддержки сельского хозяйства направлена на повышение производительности и конкурентоспособности отечественных производителей, что положительно сказывается на реальном секторе экономики страны. Кроме того, Китай разрабатывает комплексную систему поддержки малых и средних предприятий, включающую упрощенную регистрацию бизнеса, льготные кредиты и помощь в развитии экспорта. Например, на Восточном экономическом форуме обсуждаются возможности для МСП России на рынке Китая, что свидетельствует о стремлении к развитию двусторонних торгово-экономических связей. Компания Qifa, основателем и председателем совета директоров которой является Сунь Тяньшу, может служить примером китайской компании, ориентированной на инновации и выход на международные рынки.

Китай является мировым лидером в области цифровых технологий, включая электронную коммерцию, искусственный интеллект и мобильные платежи. Компания AliExpress СНГ, вице-президентом по взаимодействию с органами государственной власти которой является Сергей Лебедев, является примером успешной китайской компании, работающей на российском рынке.

Что касается цифровой сферы, у Китая развит цифровой юань, что повышает его конкурентоспособность среди остальных стран. Цифровой юань построен на гибридной архитектуре, сочетающей элементы распределенного реестра с централизованным управлением. Народный банк Китая осуществляет эмиссию и контроль над денежной массой, тогда как коммерческие банки и платежные системы, такие как Alipay и WeChat Pay, отвечают за распределение цифровой валюты среди пользователей. Важной особенностью e-CNY является поддержка оффлайн-транзакций, что расширяет возможности его использования в регионах с ограниченным доступом к Интернету.

Разработка цифрового юаня началась в 2014 году, а первые пилотные проекты были запущены в 2020 году в Шэньчжэне, Сучжоу и Чэнду. К 2022 году e-CNY был протестирован во время зимних Олимпийских игр в Пекине, что позволило продемонстрировать его функциональность. В 2023-2024 годах использование цифрового юаня расширилось на 26 городов, а также начало применяться в международной торговле, включая расчеты за энергоносители. К 2025 году ожидается дальнейшее внедрение e-CNY в розничные платежи и государственные сервисы.

Внутри Китая цифровой юань способствует усилению контроля над финансовыми операциями, снижая зависимость от частных платежных систем. На международной арене e-CNY рассматривается как инструмент, способный ослабить влияние доллара и обеспечить Китаю альтернативные механизмы расчетов, особенно в странах, участвующих в инициативе «Один пояс, один путь».

Развитие инфраструктуры цифрового юаня.

Индустриальный парк в Шэньчжэне стал важным элементом стратегии по внедрению e-CNY. На момент открытия в нем уже работали девять компаний-резидентов, включая производителей платежных карт (Hengbao, Wuhan Tianyu Information) и платежного оператора Lakala Payment [2]. Местные власти разработали комплекс из 10 стимулирующих мер, охватывающих различные аспекты развития цифровой валюты - от специализированных платежных решений до технологий смарт-контрактов. Особое внимание уделяется «программируемым функциям» e-CNY, которые, по заявлениям регуляторов, могут повысить эффективность денежно-кредитной политики. Эти функции позволяют устанавливать срок действия цифровой валюты и ограничивать сферы ее использования, что открывает новые возможности для государственного регулирования [3].

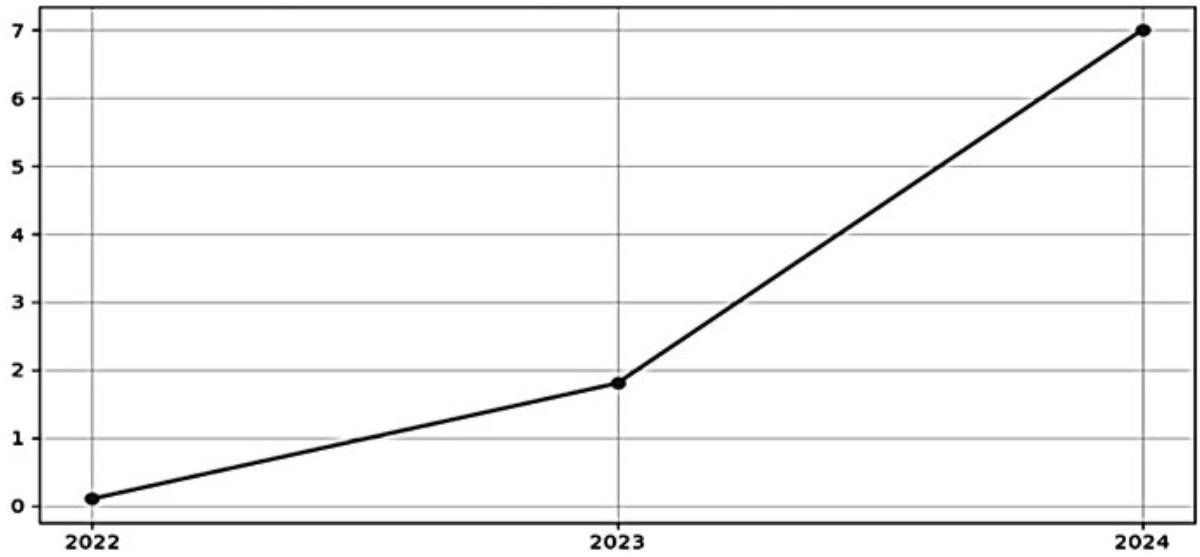

Рисунок 2 – «Объём транзакций с использованием цифрового юаня (e-CNY) в 2022–2024 годах».
Источник: составлено автором на основе данных Minfin.com.ua

© Чжан Вэнь, Ярцева К.М.

Механизмы переноса инновационных практик

В первую очередь, нужно оценить положение России на данный момент. Китай и Россия различаются по многим показателям: экономические показатели, политическая обстановка на международной арене, образовательные программы и т.д. Однако есть ряд предложений, которые смогут привести к положительным результатам несмотря на различия.

По разным оценкам в настоящее время Россия находится на этапе развития инновационной системы Китая начала 2000 г., когда развитие компаний базируется в основном на адаптации зарубежных технологий. Толчок к развертыванию инновационных систем произошел благодаря внедрению санкций и частичной международной изоляции России.

Для России представляется релевантным опыт Китая первых 20 лет этого столетия, когда был заложен институциональный контур системы инноваций. С учетом этого, на основе анализа инновационной системы Китая можно выделить ряд ключевых направлений, которые Россия в текущих условиях может использовать для повышения уровня инноваций в экономике и создания собственных технологий.

Китай выстраивает стратегическое партнерство с ведущими мировыми исследовательскими центрами и транснациональными корпорациями через:

– Совместные исследовательские проекты;

– Программы академического обмена;

– Организацию международных научных форумов на своей территории.

Особое внимание уделяется сотрудничеству со странами-участницами инициативы «Один пояс, один путь», что способствует укреплению экономических и политических связей Китая на глобальном уровне.

Что касается финансовой поддержки инноваций, государство создало эффективную систему финансирования через специализированные фонды:

– Национальный фонд развития микроэлектронной промышленности («Большой фонд»);

– Фонд Шелкового пути для инфраструктурных проектов;

– Инновационный фонд поддержки малых технологических предприятий.

Также Китай успешно адаптирует международный опыт, перенимая лучшие практики технологического развития. Создана сеть инновационных центров:

– Технологический хаб в Шэньчжэне;

– Промышленные зоны в дельте Жемчужной реки.

Эти кластеры объединяют предприятия, научные учреждения и производственные мощности, создавая синергетический эффект. Китай активно занимается подготовкой кадрового потенциала. Он использует такие рычаги, как масштабные образовательные программы в сфере цифровых технологий, специализированную подготовку кадров для высокотехнологичных отраслей, трехлетний план развития кадров цифровой экономики (2024–2026).

Основные направления подготовки: большие данные и ИИ; интеллектуальное производство; микроэлектроника; кибербезопасность

Анализ регуляторных подходов и их влияние.

Исследование подходов к регулированию ЦФА в Китае включает рассмотрение особенностей нормативно-правовых режимов и их влияния на развитие ЦФА. Особое внимание в рамках такого анализа уделяется страновым аспектам, включая классификацию криптоактивов, регулирование стейблкоинов и подходы к регулированию децентрализованных финансов.

Уже в декабре 2013 года, регулирующие органы Китая запретили банкам совершать операции с криптовалютой, в частности с биткойном. В 2014 году Народный банк Китая (НБК) выпустил циркуляр о закрытии счетов и запрете деятельности криптобирж. При этом криптовалюта, в частности Bitcoin, была определена не как валюта, а как виртуальный товар, а согласно закону «Общие принципы гражданского права Китайской Народной Республики», вступившему в силу в октябре 2017 года, криптотермины рассматриваются как «виртуальная собственность». Действия властей были связаны с тем, что большинство ICO-проектов считались рискованными, потенциально связанными с нелегальной деятельностью и выводом больших денежных потоков из страны.

В сентябре 2017 года НБК запретил проведение первичных размещений токенов (ICO) и пригрозил отзывом лицензий площадкам, осуществляющим такую деятельность. В мае 2021 года три китайских финансовых регулятора запретили местным финансовым организациям предоставлять услуги, связанные с криптовалютами, заявив, что виртуальные валюты не имеют реальной стоимости, их ценами легко манипулировать, а торговые контракты не защищены китайским законодательством. Вслед за этим, вице-премьер Государственного совета КНР Лю Хэ призвал к ужесточению регулирования майнинга и криптотрейдинга.

Наличие внутренней дискуссии по вопросу запрета криптовалют подтверждается призывами отдельных экономистов к пересмотру политики. В январе 2023 года известный китайский эконо-

© Чжан Вэнь, Ярцева К.М.

мист, бывший член комитета по денежно-кредитной политике Народного банка Китая Хуан Ипин (Huang Yiping, ныне профессор экономики в Национальной школе развития Пекинского университета) призвал власти пересмотреть запрет на криптовалюты. Он заявил, что отказ от использования цифровых активов может сузить возможности развития финансовой системы, а технология блокчейн очень ценна [4]. По его мнению, правительству следует оценить долгосрочные последствия запрета и подумать, будет ли такая политика устойчивой в перспективе. Он также упомянул, что разрешение частным учреждениям выпускать стейблкоины, обеспеченные цифровым юанем, является «очень деликатным» вопросом, но его стоит рассмотреть [5].

Стратегическое значение связанных технологий и роль цифрового юаня.

В документе «Руководящие мнения Госсовета КНР по активному внедрению инициативы Интернет+» от 2016 года искусственный интеллект, большие данные и блокчейн были определены как приоритетные области для ускоренного использования информационных и коммуникационных технологий в целях развития умной промышленности. Это свидетельствует о включении технологии блокчейн в более широкую государственную стратегию технологического развития, которая также нашла отражение в программах «Сделано в Китае – 2025» (2015) и «Программа развития искусственного интеллекта нового поколения» (2017).

Предложения для России – формирование уникальной инновационной модели.

Современные геополитические реалии и санкционное давление существенно ограничивают возможности России в использовании традиционной стратегии «рынок в обмен на технологии». Опыт Китая в этом плане показывает, что такой подход в современных условиях не только теряет свою эффективность, но и может представлять угрозу технологической безопасности страны. Анализ современных мировых тенденций свидетельствует о том, что стратегии, направленные на достижение комплексного технологического превосходства, сопряжены со значительными экономическими рисками и требуют непропорционально высоких инвестиционных затрат.

Современная архитектура мирового рынка технологий демонстрирует ярко выраженную диспропорцию: ведущие экономические системы (Китай, США, ЕС) сформировали устойчивые конкурентные преимущества в ключевых высокотехнологичных секторах благодаря многолетним целевым инвестициям.

В то же время, стратегическая пассивность в сфере технологического развития представляется неприемлемой для государства, претендующего на значимую роль в системе мирохозяйственных связей. Выходом из этой дилеммы может стать реализация селективного подхода, предполагающего концентрацию ресурсов на ограниченном числе стратегически значимых направлений, имеющих максимальный мультипликативный эффект для национальной экономики.

Исторический опыт показывает, что государства, не сумевшие выработать собственную модель инновационного развития, неизбежно оказываются на периферии глобальных экономических процессов. В этом контексте, представляется целесообразным сосредоточить усилия на выборочных направлениях технологического прорыва, где Россия уже обладает определенными конкурентными преимуществами и где существуют реальные перспективы коммерциализации и выхода на международные рынки.

Особое значение в данной стратегии приобретает поддержка российских технологических компаний-лидеров, как уже доказавших свою состоятельность, так и находящихся на стадии активного роста. Адаптация ключевых элементов успешной китайской инновационной модели, доказавшей свою эффективность в условиях глобальной экспансии, может стать важным фактором ускорения технологического развития России. Речь идет о создании комплексной системы, сочетающей целевое государственное финансирование, благоприятные условия для технологического предпринимательства и эффективные механизмы коммерциализации инноваций.

Такой сбалансированный подход позволит России сохранить технологический суверенитет и конкурентные позиции на мировом рынке, избежав при этом непосильной финансовой нагрузки, связанной с попытками тотального технологического доминирования. Ключевым условием успеха данной стратегии является точная идентификация приоритетных направлений развития, где концентрация ресурсов может принести максимальный экономический и стратегический эффект.

Заключение.

Китайская инновационная система представляет собой уникальный синтез государственного стратегического управления, масштабных инвестиций в научно-технологическое развитие и эффективных механизмов коммерциализации инноваций. Её эволюция демонстрирует успешный переход от модели догоняющего развития к положению глобального технологического лидера. Ключевыми факторами этого успеха стали долгосрочное планирование, концентрация ресурсов на приоритетных направлениях и создание целостной экосистемы, объединяющей науку, образование и производство.

Для России китайский опыт представляет значительный интерес, однако его адаптация требует тщательного учета национальных особенностей и современных геополитических реалий. В условиях ограниченности ресурсов и санкционного

© Чжан Вэнь, Ярцева К.М.

давления наиболее перспективным представляется выборочное заимствование отдельных элементов китайской модели при сохранении стратегической автономии.

Особого внимания заслуживают механизмы государственно-частного партнерства в инновационной сфере, практика создания специализированных инвестиционных фондов, и система подготовки высококвалифицированных кадров для наукоемких отраслей.

При этом принципиально важным остается сохранение баланса между заимствованием лучших международных практик и развитием собственных технологических компетенций.

Российская инновационная система должна формироваться с учетом национальных приоритетов и конкурентных преимуществ, таких как традиционно сильные позиции в фундаментальной науке, уникальный опыт в отдельных высокотехнологичных отраслях и наличие собственной научной школы. Перспективным направлением могло бы стать развитие сетевых форм кооперации между научными центрами и промышленными предприятиями по аналогии с китайскими кластерами инновационного развития.

В конечном итоге, эффективная адаптация китайского опыта предполагает не простое копирование отдельных элементов, а их творческое переосмысление и интеграцию в национальную систему научно-технологического развития. Это позволит России сформировать собственную, устойчивую модель инновационного роста, способную обеспечить технологический суверенитет и конкурентоспособность в условиях глобальных вызовов XXI века.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Исследования и разработки в Китае // TAdviser. URL : https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Исследования_и_разработки_в_Китае (дата обращения 01.05.2025).
2. China opens e-CNY industrial park in Shenzhen // Reuters. 2023. URL : https://www.reuters.com (date of application 01.05.2025).
3. Цифровые валюты центральных банков: сложности внедрения // Econs.online. 2024. URL : https://econs.online/articles/finansy/tsifrovye-valyuty-tsentralnykh-bankov-slozhnosti-vnedreniya/ (дата обращения 01.05.2025).
4. Китайский экономист призвал власти пересмотреть запрет на криптовалюты // РБК Крипто. 2023. URL : https://www.rbc.ru/crypto/news/63d7bb2d9a794714307873e6 (дата обращения 01.05.2025).
5. Цифровой юань против биткоина. В чем причина запрета криптовалют в Китае // РБК Крипто. 2021. URL : https://www.rbc.ru/crypto/news/60e427969a79470ffaa89726 (дата обращения 01.05.2025).
6. Официальный сайт Народного банка Китая. URL : http://www.pbc.gov.cn (дата обращения 01.05.2025).
7. Zhang L. Programmable CBDC: The Case of China's Digital Yuan // Journal of Financial Innovation. 2023. Vol. 15. № 2. P. 45–67.
8. IMF Working Paper: China's Digital Currency. 2023. URL : https://www.imf.org (date of application 01.05.2025).
9. Отчет по развитию цифрового юаня // Industrial and Commercial Bank of China. 2021. URL : https://www.icbc.com.cn (дата обращения 01.05.2025).
10. The State of CBDC Adoption // Chainalysis. 2023. URL : https://www.chainalysis.com (date of application 01.05.2025).
11. McKinsey & Company. CBDC Development: Lessons from China. 2023. URL : https://www.mckinsey.com (date of application 01.05.2025).
12. OECD. China's Innovation Ecosystem: Challenges and Opportunities // OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. 2022. № 128.
13. World Bank. China's Path to Technological Leadership // World Bank Group. Washington, 2023. 210 p.
14. 中国人工智能产业发展现状及趋势分析/ Dallin0408 // CSDN. 2018. URL : https://blog.csdn.net/Dallin0408/article/details/83092180 (date of application 01.05.2025).
15. Чжан Вэнь. Влияние качества человеческого капитала страны на темпы роста национальной экономики: подходы к количественной оценке // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022. № 3. С. 124–130.
16. 国家统计局. 2023年工业企业科技创新相关统计公报// 中华人民共和国国家统计局. 2024. 28 февраля. URL : https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202402/t20240228_1947915.html (date of application 01.05.2025).
17. Sputnik. 中国科技创新成果引发国际关注 // Sputnik中国. 2024. 23 окт. URL : https://sputniknews.cn/20241023/1062249008.html (date of application 01.05.2025).

© Чжан Вэнь, Ярцева К.М.

18. Цифровые валюты центральных банков: глобальные тренды и перспективы // Minfin.com.ua. 2023. URL : https://minfin.com.ua/2023/07/20/109305042 (дата обращения: 01.05.2025).
19. Взгляд Китая на глобальное регулирование криптовалют // CoinEdition. 2024. URL : https://coinedition.com/ru/взгляд-китая-на-глобальное-регулиров (дата обращения 01.05.2025).
20. China Is Rapidly Becoming a Leading Innovator in Advanced Industries // ITIF. 2024. URL : https://itif.org/publications/2024/09/16/china-is-rapidly-becoming-a-leading-innovator-in-advanced-industries (date of application 01.05.2025).
21. Платежи в Китай: вопросы, проблемы, возможности, перспективы // Jur&Finans. 2023. URL : https://jurdefinans.com/stati/view/platezhi-v-kitaj-voprosy-problemy-vozmozhnosti-perspektivy (дата обращения 01.05.2025).
22. Книга по блокчейну Китая: инфраструктура, влияние и новый цифровой порядок // Neuron Expert. 2023. URL : https://neuron.expert/news/chinas-blockchain-playbook-infrastructure-influence-and-the-new-digital-order/13180/ru (дата обращения 01.05.2025).
23. Правовое регулирование криптовалюты в Китае // SB-SB. 2023. URL : https://sb-sb.com/ru/article-ru/pravovoe_regulirovanie_kriptovaljuty_v_kitae (дата обращения 01.05.2025).

References:

1. Research and development in China // TAdviser. URL : https://www.tadviser.ru/index.php/Article: Research _and_ Development _in_China (date of application 01.05.2025).
2. China opens e-CNY industrial park in Shenzhen // Reuters. 2023. URL : https://www.reuters.com (date of application 01.05.2025).
3. Digital currencies of central banks: global trends and prospects // Minfin.com.ua. 2023. 20 July. URL : https://minfin.com.ua/2023/07/20/109305042 (date of application 01.05.2025).
4. Chinese economist urged the authorities to reconsider the ban on cryptocurrencies. RBC Crypto. 2023.
5. Digital Yuan vs Bitcoin. What is the reason for the ban of cryptocurrencies in China. RBC Crypto. 2021. URL : https://www.rbc.ru/crypto/news/60e427969a79470ffaa89726 (date of application 01.05.2025).
6. Official website of the People's Bank of China. URL : http://www.pbc.gov.cn (date of application 01.05.2025).
7. Zhang L. Programmable CBDC: The Case of China's Digital Yuan // Journal of Financial Innovation. 2023. Vol. 15. № 2. P. 45–67.
8. IMF Working Paper: China's Digital Currency. 2023. URL : https://www.imf.org (date of application 01.05.2025).
9. Report on the development of digital yuan // Industrial and Commercial Bank of China. 2021. URL : https://www.icbc.com.cn (date of application 01.05.2025).
10. The State of CBDC Adoption // Chainalysis. 2023. URL : https://www.chainalysis.com (date of application 01.05.2025).
11. McKinsey & Company. CBDC Development: Lessons from China. 2023. URL : https://www.mckinsey.com (date of application 01.05.2025).
12. OECD. China's Innovation Ecosystem: Challenges and Opportunities // OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. 2022. № 128.
13. World Bank. China's Path to Technological Leadership // World Bank Group. Washington, 2023. 210 p.
14. 中国人工智能产业发展现状及趋势分析/ Dallin0408 // CSDN. 2018. URL : https://blog.csdn.net/Dallin0408/article/details/83092180 (date of application 01.05.2025).
15. Zhang Wen. The impact of the quality of human capital of the country on the growth rate of the national economy: approaches to quantitative assessment // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2022. № 3. P. 124–130.
16. 国家统计局. 2023年工业企业科技创新相关统计公报// 中华人民共和国国家统计局. 2024. 28 февраля. URL : https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202402/t20240228_1947915.html (date of application 01.05.2025).
17. Sputnik. 中国科技创新成果引发国际关注 // Sputnik中国. 2024. URL : https://sputniknews.cn/20241023/1062249008.html (date of application 01.05.2025).
18. Digital currencies of central banks: implementation difficulties // Econs.online. 2024. URL : https://econs.online/articles/finansy/tsifrovye-valyuty-tsentralnykh-bankov-slozhnosti-vnedreniya (date of application 01.05.2025).
19. China's view on global regulation of cryptocurrencies. CoinEdition. 2024. URL : https://coinedition.com/ru/взгляд-китая-на-глобальное-регулиров (date of application 01.05.2025).
20. China Is Rapidly Becoming a Leading Innovator in Advanced Industries // ITIF. 2024. URL : https://itif.org/publications/2024/09/16/china-is-rapidly-becoming-a-leading-innovator-in-advanced-industries (date of application 01.05.2025).
21. Payments to China: issues, problems, opportunities, prospects. Jur&Finans. 2023. URL : https://jurdefinans.com/stati/view/platezhi-v-kitaj-voprosy-problemy-vozmozhnosti-perspektivy (date of application 01.05.2025).
22. China's blockchain book: infrastructure, impact, and the new digital order. Neuron Expert. 2023. URL : https://neuron.expert/news/chinas-blockchain-playbook-infrastructure-influence-and-the-new-digital-order/13180/ru (date of application 01.05.2025).
23. Legal regulation of cryptocurrency in China. SB-SB. 2023. URL : https://sb-sb.com/ru/article-ru/pravovoe_regulirovanie_kriptovaljuty_v_kitae (date of application 01.05.2025).

© Чжан Вэнь, Ярцева К.М.

Информация об авторах

Чжан Вэнь
преподаватель кафедры иностранных языков
и межкультурной коммуникации,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва
ORCID: 0009-0001-7631-7712
vchzhan@fa.ru

Ярцева Кристина Михайловна
студентка факультета
международных экономических отношений,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва
236038@edu.fa.ru

Zhang Wen
Lecturer at the Department of Foreign Languages
and Intercultural Communication,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow
ORCID: 0009-0001-7631-7712
vchzhan@fa.ru

Kristina M. Yartseva
Student of the Faculty
of International Economic Relations,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow
236038@edu.fa.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.06.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.07.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

© Чжан Вэнь, Ярцева К.М.

16+

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 7 от 25.07.2025

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.07.2025
Подписано к публикации 25.07.2025

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e–mail: id-yug@id-yug.com

© Чжан Вэнь, Ярцева К.М.